

Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский краевой объединённый музей»

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Выпуск семнадцатый

Петропавловск-Камчатский
«Новая книга»
2025

УДК 908+94(47)
ББК 63.3(Камч)
К78

Редакционная коллегия:

Е. Н. Буторова, И. В. Витер, С. В. Графская, Н. С. Гаврилова,
С. В. Гаврилов

Краеведческие записки. Выпуск 17. — Петропавловск-
К78 Камчатский: изд-во «Новая книга», 2025. — 624 с., ил.

ISBN 978–5–907448–65–0

Семнадцатый выпуск «Краеведческих записок» посвящён памяти главного хранителя нашего музея Светланы Владимировны Графской (1978—2025). Выпуск включает традиционные рубрики — «Из фондов музея», «История», «Персоналии», рассказывающие о разнообразных событиях, имевших место на Камчатском полуострове в XIX—XX вв., о людях, живших и трудившихся на нём, внёсших вклад в его изучение, освоение и защиту. Большая часть публикуемых текстовых и иллюстративных материалов впервые вводится в научный оборот.

Издание предпринято с целью сохранения и популяризации исторического наследия Камчатского края и г. Петропавловска-Камчатского, предназначено для музейных работников, аспирантов, научных сотрудников, преподавателей и студентов, а также всех любителей истории Северо-Востока России и Камчатки.

2УДК 908+94(47)
ББК 63.3(Камч)

Ответственный за выпуск Е. Н. Буторова
Редактор-составитель С. В. Гаврилов

*Издано на средства Министерства культуры Камчатского края,
КГБУ «Камчатский краевой объединённый музей» и С. П. Кожана*

© Министерство культуры
Камчатского края, 2025
© КГБУ ККОМ, 2025
© С. В. Гаврилов, составле-
ние, 2025

ISBN 978–5–907448–65–0

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателям	4
ИЗ МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ	
Материалы сборника «Амурская экспедиция» (1850—1856 гг.)	5
<i>Мечтанова К. В.</i> Большерецкий район	84
<i>Андерсон М. Я.</i> По следам землепроходцев на Камчатке (на месте бывшего острога в Нижнекамчатске)	127
ИСТОРИЯ	
<i>Богомолов В. М.</i> Витус Беринг и XX век	159
<i>Борисов В. И.</i> Из истории населённых пунктов полуострова Камчатка	178
<i>Гаврик М. С.</i> Книгу — в массы!	274
<i>Гаврик М. С.</i> О первой сейсмостанции на Камчатке	285
<i>Гаврилов С. В.</i> Петропавловск-Камчатский в 1946 году	296
<i>Гаврилова Н. С.</i> Портняжные ремёсла Камчатки, 1960—1980-е гг.	385
<i>Лебедев В. В.</i> Озеленение Петропавловска-Камчатского (1920-е — 1959 г.)	417
<i>Пасечник А. Ф.</i> Административно-территориальная реорга- низация Камчатки в 1925—1926 гг.: от губернии к округу	455
<i>Сесицкая А. С.</i> «Сердце» Ленинской улицы	464
<i>Сесицкая А. С.</i> Первая, имени Горького	477
<i>Сесицкая А. С.</i> Здание литературно-драматического общества: архитектурный миф Петропавловска-Камчатского	490
ПЕРСОНАЛИИ	
<i>Калмыков П. Л.</i> Рядовой Александр фон Бреверн — «засек- реченный» герой	502
<i>Каргопольцев А. А.</i> История жизни одного из последних свя- щенников Ключевской Троицкой церкви Н. С. Каргопольцева (1882—1967 гг.)	520
<i>Кузнецова Е. А.</i> П. Т. Новограбленов: неизвестные страницы семейной истории	538
<i>Пономарёв Д. Г.</i> Моя краткая биография	552
<i>Селиванова И. Н.</i> «Вятку поменяла на Камчатку»	577
<i>Селиванова И. Н.</i> Полёт над Сюмусю	602
СОБЫТИЕ	
<i>Гаврилов С. В.</i> Установлено имя ещё одного павшего героя Петропавловской обороны	613
<i>Гаврилов С. В.</i> Герой Курильского десанта Николай Скопинцев	615
Сведения об авторах	623

Слово к читателям

Уважаемые друзья! Представляем вам очередной, семнадцатый, выпуск музейных «Краеведческих записок». В нём несколько уже привычных рубрик. Первая — «Из фондов музея» — вводит в широкий оборот документы, хранящиеся у нас и в других собраниях страны. Рубрика открывается подборкой сведений о событиях 1850—1856 гг., происходивших на Камчатке и Дальнем Востоке. Они включены в сборник архивных материалов «Амурская экспедиция», недавний подарок камчатцам от музейщиков и архивистов Николаевска-на-Амуре. Большинство этих старых бумаг касается деятельности камчатского военного губернатора В. С. Завойко. Кроме этого, в рубрику включены интересные и содержательные отчёты о поездках в разные места Камчатки — Большерецкий и Усть-Камчатский районы. Они составлены в 1959 и 1969 гг. тогдашним директором музея К. В. Мечтановой и краеведом-энтузиастом М. Я. Андерсоном.

Вторая рубрика, как обычно, самая объёмная, — «История» — включает одиннадцать материалов, подготовленных восемью авторами. Большинство публикаций посвящено разным сторонам истории Петропавловска XX в., но не только. Здесь можно узнать и о том, как совершенствовалось административно-территориальное устройство полуострова в середине 1920-х гг., как на протяжении веков и десятилетий жили некогда многочисленные камчатские селения, чем занимались их обитатели.

Рубрика «Персоналии» рассказывает об отдельных личностях, живших и трудившихся на Камчатке, служивших здесь и защищавших наш полуостров от врагов. Среди них славные воины: герой Петропавловской обороны 1854 г. А. И. фон Бреверн и участник Второй мировой войны командир Петропавловской военно-морской базы Герой Советского Союза капитан 1-го ранга Д. Г. Пономарёв; священнослужитель с трагической судьбой Н. С. Каргопольцев, один из основателей нашего музея П. Т. Новограбленов и члены его семьи; редкий в рыбной промышленности полуострова в 1930—1940-х гг. инженер Ф. И. Дьякова и её супруг, представитель старинного камчатского рода, потомок казаков, участник Курильского десанта, педагог Н. Н. Селиванов.

Заключительная коротенькая рубрика «Событие» восстанавливает историческую справедливость в отношении павшего в 1854 г. квартирмейстера 46-го флотского экипажа коренного камчадала И. Новограбленного. Теперь его имя включено в список 43 защитников Отечества, сложивших свои головы в ходе славной Петропавловской обороны. Здесь же рассказано об обнаружении ранее считавшейся утраченной могилы участника Курильского десанта августа 1945 г. Н. В. Скопинцева и обстоятельствах его кончины.

Отрадно то, что большинство печатаемого является итогом серьёзных исследований, скрупулёзной работы с документальными материалами, значительная часть коих теперь впервые представлена для широкого обозрения и использования.

Редколлегия

ИЗ МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ

Материалы сборника «Амурская экспедиция» (1850—1856 гг.)

На исторических чтениях «Память поколений», прошедших в Петропавловске 5—6 сентября 2024 г., прозвучал доклад ведущего архивиста Муниципального архива Николаевского района города Николаевска-на-Амуре Василия Николаевича Григорьевского «История освоения и обороны Нижнего Амура 1848—1856 гг. в сборнике архивных копий документов Российского государственного архива Военно-Морского Флота». Он сообщил, что в фондах Межпоселенческого краеведческого музея имени В. Е. Розова (Николаевск-на-Амуре) хранятся ценные материалы, касающиеся истории Петропавловского порта и деятельности военного губернатора Камчатской области В. С. Завойко — сборник «Амурская экспедиция».

Это — машинописные копии документов из собрания бывшего Центрального архива Военно-Морского Флота (ЦГА ВМФ), ныне Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Они оцифрованы, в ходе чтений В. Н. Григорьевский передал их копии Камчатской краевой научной библиотеке им. С. П. Крашенинникова как подарок «от двух ключевых в деле сохранения исторического наследия Николаевского муниципального района Хабаровского края учреждений — архива и музея». Из этого подарка камчатским краеведам мы использовали 61 документ. Они представлены ниже в хронологическом порядке в виде 59 позиций. Первые датируются 1850 г., завершающие 58-я и 59-я относятся к 1856 г. и касаются переустройства управления упразднённой Камчатской областью, вошедшей в состав Приморской области Восточной Сибири.

1. Копия Указа императора Николая I генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьёву от 20 февраля 1850 г.
«О назначении на должность Камчатского военного губернатора капитана 1-го ранга Завойко В. С.»

Указ его императорского величества, самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената господину генерал-губернатору Восточной Сибири.

По именному его императорского величества высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату сего февраля в 15 день, за собственноручным его величества подписанием, в котором изображено: «Состоящему по флоту капитану 1-го ранга Завойко всемилостивейше повелеваем быть исправляющим должность камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта», — Правительствующий Сенат приказали: изъяснённое всемилостивейшее его императорского величества повеление капитану 1-го ранга Завойке объявить, с приведением к присяге в Сенате, а в Иркутское губернское правление послать указ, каковыми уведомить гг. начальника Главного морского штаба его императорского величества и генерал-губернатора Восточной Сибири и пропечатать в «Сенатских ведомостях».

ЦГА ВМФ. Ф-906. Д. 41. Л. 14

2. Приказы камчатского военного губернатора В. С. Завойко
восточному и западному берегу Камчатки от 3 августа 1850 г.
№ 689 и № 690

Приказ по восточному берегу Камчатки. Приняв от бывшего начальника Камчатки капитана 1-го ранга Машина управление Камчатской областью, я вступил в должность камчатского военного губернатора и командира порта, о чём даю знать жителям восточного берега Камчатки...

Подлинный подписал исправляющий
должность камчатского военного губернатора
капитан 1-го ранга *Завойко*.

Приказ по западному берегу Камчатки [в том же содержании, что и по восточному].

Объявление жителям порта [о том же].

ЦГА ВМФ. Ф-906. Д. 41. Л. 15

3. Рапорт генерал-губернатора Восточной Сибири
Н. Н. Муравьёва начальнику Главного морского штаба
его императорского величества
от 17 апреля 1852 г. № 521, г. Иркутск

Исправляющий должность камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта от 19-го декабря 1851 г. за № 2185 донёс мне, что 14-го июля того года прибыл в Петропав-

ловский порт люгер под флагом Северо-Американских Штатов. Шкипер Геджес, который, являсь к нему, объяснил, что он идёт в порт Кларенс для доставления провизии полярной английской экспедиции, и просил часть груза продать в Петропавловском порте. На спрос, имеются ли у него на судне ром и чай, он отвечал, что не имеет. Разрешив продажу, капитан 1-го ранга Завойко заметил, что люгер вооружён сильной артиллерией и абордажным оружием и вообще так устроен, что он более похож на пирата, чем на торговое судно и, сверх того, бумаги капитан представил незаконные.

Несмотря на эти обстоятельства, во избежание могущих быть недоразумений по неимению никакой инструкции, как поступать в подобных случаях, и видя, что Геджес располагает оставить в Петропавловском порте на продажу значительную часть груза и зайти вторично в порт, — г. Завойко счёл за нужное взять подписку с Геджеса, что он прибрежной торговли в Беринговом море производить не будет, и выпустил люгер из порта. Во время отбытия люгера из порта с приходящих иностранных судов разнеслись слухи, что чукчи были на одном американском судне, где произошла драка, и 12 чукч убито.

24-го августа люгер вторично прибыл в порт под флагом тех же Американских Соединённых Штатов; шкипером явился тот же Геджес, и на спрос, как фамилия капитана, которому он сдал груз, Геджес отвечал, что фамилии капитана не знает; на спрос же об убитых чукчах отвечал, что он слышал на китобойных судах о драке и убитых 12 чукчах, но верного ничего не знает. При этом разговоре Геджес видимо (в подлиннике это слово зачёркнуто) был в смятении.

Чтобы убедиться, имел ли Геджес сношение с берегом, г. капитан 1-го ранга Завойко приказал сделать поверхностный таможенный досмотр, по коему оказалось, что на судне имеется значительное число груза: моржового зуба, костяных полозьев с ремнями, чукотского оружия, платья, чаю, рому и табаку. По такому ясному доказательству, что Геджес производил прибрежную торговлю, г. Завойко распорядился поставить на люгер часовых и назначил комиссию для исследования этого дела и приведения всего груза в ясность. Но лишь это исполнено было, на люгере подняли английский флаг и явился с люгера некто Стратен с законными бумагами от английского правительства, и объявил, что он, Стратен, есть капитан, а Геджес — пассажир.

По Полному собранию законов 1821 г., ст. 28.747, по поступкам вышеозначенный люгер должен быть приз, а с открытием

китового промысла иностранцами в Беринговом море, изменением трактата и смыслу заключения трактата, статья XI, где сказано: «В случае нарушения статей, гражданские и военные начальства обеих высоких договаривающихся сторон, не позволяя себе предварительно ни самоуправства, ни насильственных мер, обязаны будут донести подробно о сем деле и обстоятельствах оного обоим их правительствам, которые обязуются кончить оное миролюбиво и по всей справедливости». Основываясь на этом законоположении, люгер из порта отпущен.

Представляя ко мне подлинное следственное дело, г. капитан 1-го ранга Завойко просит подробной инструкции, как поступать в случаях:

1-е) ежели на судне иностранном, пришедшем в порт, окажутся: моржовый зуб, меха или другие какие признаки, что оно имело сообщение с берегом,

2-е) ежели иностранное судно, вошедшее в порт, покажет неуважение к военному русскому порту и будет менять национальный флаг,

3-е) ежели иностранное судно не предъявит законных бумаг и

4-е) ежели иностранное судно уличено будет, что с него свезены ром и чай без дозволения.

Почтительнейше донося о всём вышеизложенном на благоусмотрение вашей светлости и прилагая при сем подлинное следственное по настоящему предмету дело, я имею честь испрашивать разрешения вашего по вопросам, сделанным здесь капитаном 1-го ранга Завойко и которые требуют, по моему мнению, поспешнейшей и подробной инструкции.

Генерал-лейтенант *Муравьев*

Помета: «Пис[ано] его пре[восходительств]ву Л. Г. Сенявину, 27 мая № 9597»

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 568. Л. 6—8

4. Копия письма А. С. Меншикова Л. Г. Сенявину от 27 мая 1852 г. № 9597 о предоставлении документов по факту пребывания английской шхуны «Марфа» в Петропавловском порту в июле — августе 1851 г., Санкт-Петербург

Милостивый государь, Лев Григорьевич!

Полученное мной от г. генерал-губернатора Восточной Сибири отношение от 17 минувшего апреля № 521 о приходившем в Петропавловский порт под флагом Северо-Американских Штатов люгере,

оказавшемся впоследствии английской шхуной «Марфа», и доставленное при сей бумаге следственное дело о разных поступках капитана сей шхуны Стратена имею честь препроводить при сем на усмотрение вашего превосходительства, покорнейше прося о заключении вашем, милостивый государь, по сему предмету почтить меня уведомлением с возвращением, по миновании надобности, и прилагаемых бумаг.

Примите уверение в совершенном почтении моём и преданности.

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 568. Л. 1

5. Письмо Л. Г. Сеньявина А. С. Меншикову от 25 июня 1852 г. № 5358 о последствиях пребывания английской шхуны «Марфа» в Петропавловском порту в июле — августе 1851 г.

Милостивый государь князь Александр Сергеевич!

Ваша светлость изволили отнестись ко мне 27 мая за № 9597 о сообщении моего заключения по препровождённому ко мне вами, милостивый государь, рапорту г. генерал-губернатора Восточной Сибири и следственному делу о недозволенных действиях капитана приходившего в Петропавловский порт судна «Марфа».

Из означенной переписки видно, с одной стороны, что национальность судна, поднимавшего во время нахождения в порте то американский, то великобританский флаг, остаётся сомнительной; что необычное оного вооружение и другие признаки ведут к заключению, что оно имело противозаконное назначение; что оно изобличено в употреблении не принадлежащего ему флага и в ложном объявлении о своём капитане и грузе, из коего большая часть оказалась запрещённым. Сверх того, на экипаж его падает сильное подозрение в сношениях с жителями наших берегов, и есть повод полагать, что он виновен в убийстве нескольких чукчей. С другой стороны, начальство Петропавловского порта, приняв меры к раскрытию истины и убедаясь в незаконности действий капитана судна, почло, однако же, себя обязанным оное отпустить на основании XI статьи конвенции, заключённой 16/28 февраля 1825 г. между Россией и Великобританией, сделав об этом происшествии представление генерал-лейтенанту Муравьёву и испрашивая инструкции, как поступать в подобных случаях.

По соображении всех обстоятельств сего дела с нашими трактатами с Великобританией и Северо-Американскими Соединёнными Штатами, Министерство иностранных дел находит, что начальство Петропавловского порта сделало слишком обширное применение

положений приведённой конвенции, которая, как и подобная конвенция 5/17 апреля 1824 г. с Соединёнными Штатами, относится до наших поселений на с[еверо]-з[ападном] берегу Америки, а отнюдь не до Камчатки и восточных берегов Азиатской России. И так судно «Марфа», как изобличённое в упомянутых выше нарушениях морских постановлений всех стран и наших таможенных уставов и навлёкшее, сверх того, на себя подозрение в совершении преступления, могло без отступления от изъяснённых договоров быть задержано до обсуждения настоящего дела начальством Восточной Сибири, и экипаж оногo подлежал действию наших законов. Во всяком случае, нельзя не сожалеть, что сказанный экипаж и бывший при нём медик не были подвергнуты подробному допросу.

Со своей стороны я счёл необходимым, испросив на то высочайшее соизволение, поручить посланникам нашим в Лондоне и Вашингтоне довести о случившемся до сведения великобританского и американского министерств для произведения исследования о настоящей национальности судна «Марфа» и о действиях его в Петропавловском порте, а также, по открытии виновных, о их наказании по законам того государства, к которому они окажутся принадлежащими. Об отзывах, какие будут получены от посланников, я не оставляю в своё время довести до вашего, милостивый государь, сведения.

Присовокупляя к сему, что бумаги, приложенные к отношению № 9597, будут возвращены министерству по миновании надобности...

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 568. Л. 2—3

6. Копия письма А. С. Меншикова Н. Н. Муравьёву от 12 июля 1852 г. № 9645 о предоставлении документов по факту пребывания английской шхуны «Марфа» в Петропавловском порту в июле — августе 1851 г., Санкт-Петербург

Милостивый государь Николай Николаевич!

По содержанию отношения вашего превосходительства от 17 апреля сего года № 521 о приходившем в Петропавловский порт под флагом Северо-Американских Штатов люгере, оказавшемся впоследствии английской шхуной «Марфа», я сносился с г. управляющим Министерством иностранных дел, и с полученного ныне от г. тайного советника Сенявина по сему предмету отзыва имею честь препроводить при сем к вам, милостивый государь, копию.

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 568. Л. 4

7. Копия донесения камчатского комиссионера Российско-Американской компании Егора Больмана на имя исправляющего должность камчатского военного губернатора о готовности к выгрузке, июль 1853 г.

Вчерашнего числа прибыл в Петропавловский порт фрахтованный от Российско-Американской компании корабль «Мари-Рей», на коем доставлено для казны: ржаной муки 1 457 кулей и ячной крупы 830 бочек. Каковой груз приготовлен к выгрузке к 5-ти часам завтрашнего утра. О чём вашему превосходительству честь имею донести.

Камчатский комиссионер компании *Е. Больман*

Карандашная помета: «Распорядиться г. капитану над портом выгрузкой, дабы выгрузка была окончена в 10 дней, передать это отношение в подлиннике немедленно, дабы завтра приступить к исполнению. *Завойко*»

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 17. Л. 22

8. Копия рапорта содержателя Петропавловских провиантских магазинов Чудьбина на имя капитана Петропавловского порта от 13 июля 1853 г. № 68

Господину капитану над Петропавловским портом содержателя Петропавловских провиантских магазинов рапорт.

Во исполнение приказа вашего высокоблагородия в 19 день июня сего года, по порту отданного, о принятии с английского корабля «Мари-Рей» доставленного для здешнего порта провианта муки ржаной 1 457 кулей весом 13 113 пуд и крупы ячной 830 бочек весом 5 061 пуд, 36 фунтов принято мною в Петропавловские провиантские магазины при свидетельстве назначенной комиссии и при бытности камчатского комиссионера компании Больмана от командира корабля Лейстера муки в 989 целых кулях весом 8 901 пуд и в 97 кулях, оказавшихся при приёме слабо набитыми и изорванными, а частью от подмочки погнившие, которые были пересыпаны в мешки, в коих оказалось весом годной муки 757 пуд 24 фунта. А всего принято муки в 1 086 кулях весом чистой 9 658 пуд 24 фунта, а из остального количества муки 259 кулей оказалось совершенно сгнившими от подмочки на корабле «Мари-Рей», которые остались не принятыми в магазины, а 112 кулей по объявлению г. комиссионера Больмана сданы им на компанейский бриг «Охотск» для отвоза в колонии Российско-Американской компании;

и крупы ячной принято 819 бочек — весом чистой 4 999 пуда 32 фунта, а остальные 11 бочек с крупой оказались подмоченными, и в оных крупа сгорелась и заталая, и потому остались не принятыми в магазины.

О чём вашему высокоблагородию имею честь донести за общим подписанием командира корабля Лейстера, комиссионера Больмана и со свидетельством комиссии, назначенной для приёма в магазины провианта.

Подлинный подписали:

содержатель: коллежский регистратор *Чудьбин*;

члены: титулярный советник *Зарудный*,

подпоручик *Губарев*,

поручик *Сахаров*,

коллежский секретарь *Салтыков*,

комиссионер компании *Больман*,

капитан 2-го ранга *Фрейганг*

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 17. Л. 25

9. Письмо управляющего Министерством иностранных дел Л. Г. Сенявина управляющему Морским министерством великому князю Константину Николаевичу от 12 февраля 1854 г. № 1313 об ответственности за пребывание английской шхуны «Марфа» в Петропавловском порту в июле — августе 1851 г.

От 23-го мая 1853 г. под № 4669 я имел честь довести до сведения вашего императорского высочества о данном нашему посланнику в Вашингтоне поручении домогаться у тамошнего правительства строгого взыскания с виновных в противозаконных действиях судна «Марфа», считавшегося тогда американским.

Как между тем впоследствии из доставленных тайным советником Бодиско бумаг положительно обнаружилось, что означенное судно во время появления его в Петропавловском порте в июле и августе 1851 г. принадлежало английскому подданному Джону Армстронгу и состояло под управлением английского же шкипера Джона Страттона, то соответственное тому поручение дано было посланнику нашему в Лондоне. Тайный советник барон Брунов, возобновив по настоящему делу сношение с великобританским министерством, уведомил меня перед отъездом из Англии, что тамошнее правительство обещало исследовать надлежащим образом действия экипажа судна «Марфа».

О вышеизложенном считаю долгом довести до сведения вашего императорского высочества в дополнение к помянутому сообщению моему за № 4669.

Управляющий министерством, товарищ
министра иностранных дел *Сенявин*.
Директор *Гильфердт*

Пометы: «Получено от его высочества 12-го февраля 1854 г.».
«К сведению. 18 февраля 1854 г.»

ЦГА ВМВ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 568. Л. 51

10. Рапорт генерал-губернатора Восточной Сибири
Н. Н. Муравьёва управляющему Морским министерством великому
князю Константину Николаевичу от 15 ноября 1854 г. № 78,
Иркутск

Соображая прилагаемый при сем в копии рапорт ко мне камчатского военного губернатора от 16-го сентября за № 2586 и донесение его о сражениях с неприятельскою эскадрою и десантом в августе месяце со всеми известными мне местными обстоятельствами, я сделал немедленно различные распоряжения, сущность коих заключается в предписании генерал-майору Завойко от сего числа за № 715, коего копию считаю долгом повергнуть при сем на благоусмотрение вашего высочества вместе с планом Петропавловского порта, а для пояснения и копию с предписания моего от 21-го июня за № 71 из бухты Де-Кастри. Хотя по всем самым основательным соображениям я убеждён, что ранее июля месяца (1855 г. — *Ред.*) неприятельская эскадра в окрестностях Авачинской губы не покажется, но я не вывожу оттуда фрегата «Аврора» и корвета «Оливуца» впредь до того времени, когда доставлю в Камчатку на транспортных судах и фрегате «Диана» надлежащее подкрепление из 15-го линейного батальона, которое и должно уже будет оставаться в Петропавловском порте впредь до окончания войны, чтобы не быть нам в необходимости во время оной оставлять эти суда в бездействии по надлежащему их морскому назначению.

Предназначенные к усилению защиты Петропавловского порта блокгаузы я приказал в числе четырёх приготовить в Шилкинском заводе к сплаву по Амуру, вместе с тем приготовить к этому же сплаву весь 15-й линейный батальон в комплектном числе нижних чинов и два горные единорога без лошадей и прислуги, о чём я счёл обязанностью на основании высочайше утверждённого

в 11-й день января сего года журнала особого комитета войти ныне же в сношение с господином военным министром.

О высылке пороха, снарядов и артиллерии я уже принимал смелость войти с представлением к вашему императорскому высочеству от 3 октября за № 505, но теперь считаю долгом всепокорнейше просить о приказании немедленно отправить в Иркутск пороху и других предметов по прилагаемой при сем ведомости из ближайшего порохового завода, то есть из Казанского, откуда таковые могут быть доставлены в Иркутск в два месяца времени, и если будут отправлены в начале января, то поспеют в Иркутск в начале марта и успеют быть отсюда доставлены к сплаву в Шилкинский завод. Ибо всего того количества пороха, которое я по Восточной Сибири взять могу, недостаточно будет для полного действия против значительных неприятельских сил, в наших водах показывающихся.

Необходимо также усилить ныне же в 47-м флотском экипаже наличное число офицеров, как вместо раненых, и в том числе одного умершего от раны, так и могущей быть в течение лета убыли в них от военных действий; время же отправления их туда только один раз в году, то есть зимою, чтобы они могли поспеть к сплаву по Амуру, а потому приемлю смелость всепокорнейше просить ваше императорское высочество приказать назначить туда ныне: одного штаб-офицера, двух лейтенантов и одного вполне благонадежного артиллерийского офицера, которым необходимо в марте месяце прибыть в Иркутск, чтоб заблаговременно поспеть к сплаву по Амуру.

Из предписания моего генерал-майору Завойко ваше императорское высочество усмотреть изволите, что с открытием навигации должны прибыть из Камчатки в бухту Де-Кастри три транспорта и, вероятно, к тому же времени придёт туда «Диана», согласно отношению моему от 18-го августа за № 204 г-ну генерал-адъютанту Путятину. На судах этих я располагаю тотчас же доставить в Камчатку в один раз подкрепление, продовольствие и всё, что туда назначается, так как я надеюсь с принимаемыми мною теперь мерами доставить всё это по Амуру ещё гораздо ранее, чем в прошлом году, и, сделав все нужные распоряжения на устьях Амура, располагаю на «Диане» отправиться в Камчатку сам и возвратиться оттуда в Охотское море со всею эскадрой, то есть двумя фрегатами и корветом, для дальнейших распоряжений, смотря по обстоятельствам, как к прочнейшему утверждению нашему на устьях Амура и берегах Татарского пролива, так и для наблюдения за неприятелем по мере тех средств, которые по распоряжению вашего высочества могут быть к нам доставлены.

В заключение долгом поставляю донести вашему высочеству, что часть 15-го батальона, которая останется при устьях Амура, предполагается мною как для защиты, так и для работ в тех местах, где люди эти особенно будут для нас нужны, если б экипаж фрегата «Паллады» поступил на ожидаемые корветы. Во всяком случае, присутствие значительных неприятельских сил в северной части Восточного океана требует уже решительных с нашей стороны мер к защите тамошних берегов и заливов. Что же касается всех, довольно многосложных, распоряжений моих относительно сплава по р. Амуру в будущем году, то об этом я буду иметь честь донести вашему высочеству особым рапортом.

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1222. Л. 3—6

11. Копия письма управляющего Морским министерством великого князя Константина Николаевича Н. Н. Муравьёву от 3 декабря 1854 г. о стратегии на дальневосточном театре Крымской войны

Сегодня я получил бумаги, отправленные вашим превосходительством с поручиком Рейном, и по каждому предмету не замедлю своевременным ответом, а теперь спешу сообщить вам только несколько главных соображений и отправляю письмо с полковником Корсаковым, который едет завтра.

Ваше превосходительство полагает укрепить для будущего лета Камчатку, для чего потребуются большие усилия и невероятные труды, результат коих ещё весьма сомнителен. Если неприятель решится действовать в превосходных силах и высадит порядочный десант, то едва ли все меры, которые мы в состоянии предпринять, будут достаточны для отражения его.

Если же он подобного нападения не предпримет, то все усилия наши будут не нужны и составят только лишний расход. Здесь мы приняли за правило защищать упорно в будущем году только те пункты, которые мы действительно в состоянии защитить, а прочие оставить без защиты, дабы не дать неприятелю возможности хвастаться победой. В Сибири сильным пунктом, в котором может найти убежище весь тамошний флот и который мы в состоянии защитить, если соединим в нём все усилия наши, есть не Камчатка, а Амур, и потому не сочтёте ли более благоразумным с открытием навигации не посылать в Камчатку военные силы, а напротив, оттуда вывести оные, снабдив только жителей продовольствием, которое спрятать внутри края, и затем безоружный город или местечко

оставить в гражданском управлении. Собственно порт и морские учреждения упразднить, суда и экипажи вывести и все военные способы сосредоточить в Амуре.

Мысль эту я докладывал государю, и она удостоена предварительного одобрения его величества. Прошу вас сообщить мне сколь возможно поспешнее ваши соображения по этому предмету для представления на высочайшее разрешение, с тем, чтоб немедленно объявить вам решение государя для исполнения.

ЦГА ВМФ. Ф.410. Оп. 2. Д. 1222. Л. 1—2

12. Копия письма управляющего Морским министерством великого князя Константина Николаевича Н. Н. Муравьеву от 7 декабря 1854 г. № 867 о стратегии на дальневосточном театре Крымской войны (под грифом «Секретно»), Гатчина

Все изложенные в рапорте вашего превосходительства от 15 ноября № 723 распоряжения ваши, принятые уже меры и предположения ваши касательно обороны Камчатки в будущем году я вообще одобряю, но полагал бы, согласно письму моему от 3-го декабря, что было бы более разумнее оставить в Камчатке в будущем году одно гражданское управление, а все военные способы перевести на Амур, где и соединить все средства защиты, как на важнейшем пункте. По сему предмету буду ожидать дальнейших соображений ваших для доклада государю императору.

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1222. Л. 7—7об.

13. Рапорт генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева великому князю Константину Николаевичу от 13 января 1855 г. № 2 (под грифом «Весьма секретно»), Иркутск

Во исполнение секретного повеления вашего императорского высочества от 7-го декабря минувшего года за № 867, считаю долгом почтительнейше донести, что как только я получил с полковником Корсаковым милостивый рескрипт ваш от 3-го декабря и в то же время различные сведения о намерениях неприятеля на восточные наши владения и об усилении в Восточном океане англо-французского флота, а также о невозможности усиления нашей эскадры паровыми военными судами из Америки и о всех затруднениях к своевременному доставлению сюда артиллерии большого калибра, то удостоверился вполне о необходимости упразднить обо-

рону Петропавловского порта и перевести все военные оттуда средства на Амур; а так как новых повелений из Санкт-Петербурга для своевременных распоряжений в Камчатке ожидать уже было нельзя, ибо последний срок возможности отправления курьера в Петропавловский порт зимним путём был в конце декабря, то 30-го числа прошлого месяца я отправил туда адъютанта моего, есаула Мартынова, с предписанием контр-адмиралу Завойко, оставив в Камчатке только гражданское управление, идти самому со всеми судами, войсками и артиллерией сколь можно раньше в бухту Де-Кастри и оттоль в Амурский лиман.

Есаул Мартынов может достигнуть Петропавловского порта только в конце марта, затем при всей деятельности г. Завойко он едва успеет выйти со всеми судами из Авачинской губы в половине апреля и таким образом достигать бухты Де-Кастри в первой половине мая. Располагая к тому же времени прибыть на устье Амура, я приimu лично все возможные и необходимые по обстоятельствам меры для защиты тамошних берегов, а в особенности военных судов, против которых, кажется, наиболее устремлены намерения неприятеля, но без сильных пароходов ввести фрегаты в самую реку Амур оказывается невозможным, а потому, если не придут своевременно пароходы с капитаном 1-го ранга Казакевичем, то я должен буду принять самые решительные меры, чтоб охранить «Диану» и «Аврору» от зимних льдов вне реки и, может быть, затопить их в бухте Де-Кастри или лимане, но посылать суда эти зимовать в Императорскую гавань за 200 миль от наших внутренних сообщений в Татарском проливе полагаю слишком опасным, если неприятель покажется в будущую навигацию в помянутом проливе и, конечно, уже ознакомится с тамошним плаванием и найдёт эту гавань.

Невозможность ввести фрегаты во всё лето в Амур и необходимость защищать их в лимане разъединит наши силы, а потому я полагаю с открытием навигации сплавить по Амуру вместо одного два батальона, из коих полтора линейных и полбатальона пешего казачьего войска. Сей последний собственно для того, чтоб ознакомить казаков с военным делом, для чего составляется сводный пеший казачий полубатальон из всех 12-ти пеших батальонов Забайкальского войска. Повергая при сем на благоусмотрение вашего высочества общий свод распоряжений моих, сделанных относительно Камчатки, а также на устье Амура, и здесь для предстоящего плаванья, я считаю долгом присовокупить, что по расчёту времени к нынешнему сплаву по Амуру не успеют ни артиллерия, сухопутно сюда высылаемая, ни большая часть пороха, ни самые

штуцера, а потому нам должно обходиться средствами, собственно в Восточной Сибири находящимися. Но лишь бы хоть в августе пришли пароходы из Америки в лиман, и я получил ныне же высочайше утверждение по особому рапорту моему, вместе с сим представляемому об учреждении Камчатского областного и портового управлений на Амуре, то лето не будет нами потеряно. Для скорейшего доставления вашему императорскому высочеству настоящих моих представлений я отправляю в Санкт-Петербург курьером состоящего при мне камер-юнкера двора его императорского величества Бибикова, который имеет отправиться вновь со мною на Амур и должен для сего возвратиться в Иркутск не позже 1-го апреля.

Помета: «Получено в Петербурге 31-го января 1855 г.»

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1223. Л. 24—27

14. Письмо государственного канцлера великому князю Константину Николаевичу от 10 февраля 1855 г. № 97 о передислокации войск с Камчатки в устье реки Амур

Вследствие сообщения вашего императорского высочества от 27 января за № 890, предписано нашему поверенному в делах в Вашингтоне объявить нашим офицерам, в Америке находящимся, о распоряжении генерал-губернатора Восточной Сибири для перевода из Камчатки в устья Амура военных наших сил и принять нужные меры для направления к сим устьям провианта и других припасов, назначаемых в Камчатку.

О таковом распоряжении имею честь довести до сведения вашего императорского высочества.

Государственный канцлер /подпись/.

Директор /подпись/

ЦГА ВМФ. Ф. 410, Оп. 2. Д. 1223. Л. 45

15. Общий свод распоряжений генерал-губернатора Восточной Сибири о сосредоточении всех морских сил и правления Камчатской области на юго-восточном берегу Сибири, защите устья реки Амур, снабжении всем необходимым местных команд и снаряжении экспедиции для сплава по р. Амур, 1855 г.

Предписано контр-адмиралу Завойко:

Немедленно по получении предписания, посланного с адъютантом есаулом Мартыновым, приступить к нагрузке на все находящиеся в Петропавловском порте суда артиллерии, годной к упот-

реблению, снарядов, пороха и вообще всей военной и морской принадлежности, а также всех воинских чинов и лиц гражданского управления Камчатской области, за исключением чинов земской и градской полиции и почтовой конторы.

Продовольствия взять с собой только на шесть недель, то есть только на время плавания, а остальное затем оставить для жителей, казаков и чиновников, там остающихся, скрыв его в безопасных от неприятельского нападения местах.

Для наблюдения за точным исполнением инструкции, которой следует снабдить пред отплытием исправника, разрешается оставить особого чиновника или офицера.

Казаков, которые будут сосредоточены (по прежним распоряжениям) со всей области в окрестностях Петропавловского порта, подчинить одному благонадёжному офицеру по своему выбору или адъютанту Мартынову.

Казаков расположить недалеко от Авачинской губы, на пути к Большерецку, откуда они должны содержать посты, как в самом порте, так и по направлению к Большерецку. Пост их с прибытием неприятеля в порт должен отступить оттуда вместе со всеми остающимися жителями.

Когда неприятель займёт порт, то иметь за ним постоянное наблюдение и, действуя партиями, наносить ему возможный вред и поражать его всеми средствами, в особенности, если он решится идти во внутрь страны.

Казаков снабдить оружием и надлежащим числом зарядов и оставить при главной их партии, вне порта, одно маленькое подвижное орудие.

Для усиления казаков разрешается раздать оружие и заряды благонадёжным жителям в порте и окрестностях.

Из числа имеющихся мореходных ботов оставить один с благонадёжным офицером и командой в Большерецке, как для сохранения в крайности сообщения по Охотскому морю, так и для сношений сигналами с теми судами, которые от устья Амура туда посылаемы будут.

Все купеческие товары, не исключая и Американской компании, вывезти из порта внутрь края, а частью взять с собой.

Распорядившись обеспечением продовольствия жителей Камчатской области на продолжительное время и скрытием всего того, чем бы неприятель мог воспользоваться, выйти со всей эскадрой и следовать в бухту Де-Кастри, а оттуда, по сношении с местным начальством, следовать в Амурский лиман и стать на рейде за

мысом Лазарева, который предполагается укрепить всеми 16 орудиями большего калибра, в Камчатке находившимися. Фрегат и корвет останутся у мыса Лазарева, а транспортные суда должны быть немедленно отправлены в реку к Николаевскому посту.

В Николаевском poste, где сосредоточатся все части 47-го флотского экипажа, приступить немедленно к распространению помещений.

Проходя Татарским проливом, осведомиться в Императорской гавани, не находится ли там разоружённый корпус фрегата «Паллада», который в таком случае увести с собой к Лазареву мысу.

Впредь до особого распоряжения иметь начальствование над всеми нашими судами, в восточных морях находящихся...

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1223. Л. 27—30

16. Копия инструкции контр-адмирала В. С. Завойко командиру корвета «Оливуца» от 31 марта 1855 г. № 1152

Цель плавания вверенного вам корвета есть та, чтобы онный следовал вместе с фрегатом «Аврора» нераздельно в Императорскую гавань, где оказать пособие фрегату «Паллада» и погрузить на него все имеющиеся там казённые вещи и перевезти их в залив Де-Кастри.

Зная ваше усердие к пользам службы его величества, я надеюсь, что вы исполните вышеозначенное, то есть следовать нераздельно с фрегатом и в случае встречи с неприятелем выполнить мой приказ от ____ марта за № ____.

Подписал контр-адмирал *Завойко*

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 33. Л. 25

17. Копия инструкции контр-адмирала В. С. Завойко командиру транспорта «Двина» от 31 марта 1855 г., № 1153

Цель плавания вверенного вам транспорта есть та, чтобы, отправясь отсюда, прибыть в залив Де-Кастри. Если вы прибудете к сему заливу, а меня там не будет, то немедленно обратитесь к г. контр-адмиралу Невельскому о вводе вверенного вам транспорта в устье реки Амура; и, проходя мыс Лазарева, сдать там по распоряжению г. контр-адмирала Невельского, если он признает за нужное, 36-фунтовые и бомбические пушки, а с Лазареваго мыса возьмите пушки фрегата «Паллада» и разные вещи. Зная ваше усердие к пользам службы его императорского величества, я надеюсь, что вы предстоя-

щее вам плавание при военном времени постараетесь совершить так, как требует того долг русского офицера, а потому не нахожу за нужное вас ограничивать разными определёнными подробностями о всех тех случаях, которыми вы можете быть постигнуты при встрече с неприятелем, да и определить их невозможно. Скажу только то, что от вас требуется, чтобы вы сохранили семейства и при том не дали неприятелю воспользоваться судном, на котором вы везёте артиллерию. При встрече с китобойными судами вы имеете их осматривать, и если из них окажутся принадлежащие враждующим с нами нациям, то вы имеете таковые брать.

Подписал контр-адмирал *Завойко*

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 33. Л. 26

18. Копия инструкции контр-адмирала В. С. Завойко командиру транспорта «Иртыш» от 31 марта 1855 г. № 1154

Цель предстоящего вашего плавания есть та, чтобы вы с вверенным вам судном, отправясь отсюда, прибыли в залив Де-Кастри. Если вы прибудете в сей залив, а меня в оном не будет, то немедленно обратитесь к г. контр-адмиралу Невельскому о поспешнейшей проводке транспорта в устье реки Амура к Николаевскому посту.

Я надеюсь, что таковое плавание при обстоятельствах военного времени вы совершите с свойственным вам благоразумным успехом. Во время плавания старайтесь избегать встречи с неприятелем, но ежели, чего боже сохрани, избегнуть сего будет невозможно, то вы в сем последнем случае должны принять самые благоразумные меры, чтобы ни вверенное вам судно, ни находящееся на оном казённое имущество не могло попасть в руки неприятеля, стараясь при этом спасти семейства.

Подписал контр-адмирал *Завойко*

ЦГА ВМФ, Ф. 906. Оп. 1. Д. 33. Л. 27

19. Копия инструкции контр-адмирала В. С. Завойко командиру транспорта «Байкал» от 31 марта 1855 г. № 1155

Цель предстоящего вам плавания есть та, чтобы вы с вверенным вам транспортом немедленно отправились отсюда и прибыли в залив Де-Кастри. Если вы прибудете в сей залив, а меня там не будет, то немедленно обратитесь к г. контр-адмиралу Невельскому о вводе вверенного вам транспорта в р. Амур, в пост Николаевский.

Я надеюсь, что такое плавание при обстоятельствах военного времени вы совершите так, как требует того долг и честь русского офицера. Во время плавания старайтесь избегать встречи с неприятелем, но ежели, чего боже сохрани, избегнуть сего будет невозможно и вблизи берегов или на рейде, то вы должны стараться принять самые благоразумные меры к спасению находящихся на судне команды и семейств и уничтожить карты; потом уничтожить судно со всем грузом; а ежели под парусами неприятель вас окружит, то так как у вас семейства на судне, то делать нечего, а потому бросьте пушёнки транспорта за борт, дабы хвастовством неприятель не пропубликовал, что бомбические пушки находились на вашем транспорте, и потом повредить транспорт, а ежели найдёте возможность и потопить, но так, чтобы не погибли семейства.

Подписал контр-адмирал *Завойко*

ЦГА ВМФ. Ф.906. Оп. 1. Д. 33. Л. 28

20. Рапорт камчатского военного губернатора В. С. Завойко
управляющему Морским министерством великому князю
Константину Николаевичу от 3 апреля 1855 г. № 453
(под грифом «Весьма секретно»)

3-го марта сего года получено мною с курьером секретное предписание генерал-губернатора Восточной Сибири перенести из Петропавловского порта все находящиеся здесь военные способы, всю морскую команду и управления, военные и гражданские, в Николаевский порт на устье реки Амура, оставив в Камчатке только земское управление.

До получения предписания сего я занимался постройкою укреплений, и все предположения, к ним относящиеся, о коих донесено мною вашему императорскому высочеству в рапорте от 5 ноября 1854 г. за № 3137, были уже приведены в исполнение.

С 3-го же марта я немедленно приступил к снятию укреплений, к исправлению и вооружению судов и погрузке на них казённого и частного имущества и присутственных мест, а также к устройству гражданского управления области.

К 3-му числу апреля укрепления сняты, суда исправлены, причём мачта фрегата «Аврора» перетимберована с вставкою двух новых деревьев; казённое и частное имущество и присутственные места погружены; из малой губы до Сигнального мыса пропилен и выведен лёд, а суда готовы к выходу в море; по гражданскому ведом-

ству сделаны все необходимые распоряжения, продовольствие жителей Камчатки обеспечено на два года.

Адъютант генерал-лейтенанта Муравьёва есаул Мартынов оставлен мною в Петропавловском порте для принятия начальства над казаками и волонтьёрами и для надзора по гражданскому управлению; офицер этот снабжён инструкцией для действия против неприятеля, если он двинется далее Петропавловского порта, и для нанесения неприятелю вреда, какой по обстоятельствам будет возможно сделать. Из Петропавловского порта приказано вывести во внутрь области весь провиант, порох, свинец и всё казённое имущество.

Священной обязанностью считаю донести вашему императорскому высочеству, что подведомственные мне штаб, обер-офицеры и нижние чины, трудившиеся неутомимо всю зиму над постройкой укреплений и взвозом на оные орудий, оказали и в настоящем случае примерное усердие и самоотвержение. Чрез каковую похвальную их ревность к службе его императорского величества Петропавловский порт снят в месяц; а сие даёт мне повод надеяться, что и в предстоящем плавании все воодушевлены будут тем же усердием, и суда во время и беспрепятственно достигнут места своего назначения и будут иметь время приготовиться со славою отразить врага. Если же, сверх ожидания, мы встретим в море сильного неприятеля, то храбрость офицеров и команд ручаются, что ни военное судно, ни знаменитый русский флаг не достанутся врагу.

Несмотря на трудность работ, произведённых в зимнее время, часто при ненастной погоде, здоровье команды находится в хорошем состоянии.

Строевой рапорт по вверенной мне эскадре и ведомость о числе пассажиров при сем вашему императорскому высочеству представляю.

Контр-адмирал *Завойко*

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 33. Л. 36—37

21. Рапорт камчатского военного губернатора В. С. Завойко
управляющему Морским министерством великому князю
Константину Николаевичу, апрель 1855 г. № 456
(под грифом «Весьма секретно»)

Вашему императорскому высочеству имею счастье донести, что сего 5 апреля с первым благоприятным ветром вверенная мне эскадра: фрегат «Аврора», корвет «Оливуца», транспорты: «Двина», «Иргыш», «Байкал» и бот № 1 снялись с якоря на Авачинском рейде и благополучно вышли я море, следуя к месту назначения,

о коем донесено вашему высочеству рапортом от 3 сего же апреля за № 453.

Подписал: контр-адмирал *Завойко*

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 33. Л. 38

22. Рапорт камчатского военного губернатора В. С. Завойко
генерал-адъютанту вице-адмиралу Е. В. Путятину,
апрель 1855 г. (под грифами «Весьма секретное»
и «Весьма нужное»)

Долгом считаю почтительнейше донести вашему превосходительству, что 3 марта сего года я получил с курьером секретное предписание от 27 декабря минувшего года за № 95 немедленно перенести из Петропавловского порта все находящиеся здесь военные способы, всю морскую команду и управления, военные и гражданские, в Николаевский пост.

Распоряжение его высокопревосходительства основано на мнении его императорского высочества генерал-адмирала, выраженном в конфиденциальном рескрипте генерал-губернатору в следующих словах: «Ваше превосходительство полагает укрепить для будущего лета Камчатку, для чего потребуются большие усилия и немалые труды, результат коих ещё весьма сомнителен. Если неприятель решится действовать в превосходных силах и высажить порядочный десант, то едва ли все меры, которые мы в состоянии принять, будут достаточны для отражения. Если же он подобного нападения не предпримет, то все усилия наши будут напрасны и составят только лишний расход. Здесь мы приняли за правило защищать упорно в будущем году только те пункты, которые мы действительно в состоянии защищать, а прочие оставить без защиты, дабы не дать неприятелю возможности хвастаться победой. В Сибири сильным пунктом, в котором может найти убежище весь тамошний флот наш и который мы в состоянии защищать, если соединим в нём все усилия наши, есть не Камчатка, а Амур, и потому не сочтёте ли более благоразумным с открытием навигации не посылать в Камчатку военные силы, а напротив, оттуда вывести оные, снабдив только жителей продовольствием, которое спрятать внутри края, и затем безоружный город или местечко оставить в гражданском управлении. Собственно порт и морские учреждения упразднить, суда и экипаж вывести и все военные способы сосредоточить в Амуре. Мысль эту я докладывал государю, и она удостоена предварительно одобрения его величества».

Во исполнение означенного предписания, к 3-му сего апреля укрепления Петропавловского порта сняты; все военные суда: фрегат «Аврора», корвет «Оливуца», транспорты: «Двина», «Иртыш», «Байкал» и бот № 1 исправлены; причём пробитая ядром мачта фрегата перетимберована со вставкою двух новых деревьев; казённые и частные грузы и присутственные места погружены; из малой губы до Сигнального мыса пропилен и выведен лёд, и суда готовы к выходу в море. По гражданскому управлению мною сделаны все необходимые распоряжения; продовольствие жителей Камчатки обеспечено на два года.

Получив от капитана 1-го ранга, ныне контр-адмирала, Невельского известие, что ваше превосходительство намеревались в апреле или в начале мая зайти в Петропавловский порт, я оставляю рапорт сей адъютанту г. генерал-губернатора, есаулу Мартынову, для представления оного вашему превосходительству, а равно и пакет от генерал-лейтенанта Муравьёва за № 981.

Подписал контр-адмирал *Завойко*

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 33. Л. 39—40

23. Копия рапорта состоящего по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири Г. И. Невельского камчатскому военному губернатору В. С. Завойко от 25 мая 1855 г. № 190, Николаевский пост

Я уже уведомлял ваше превосходительство отсюда 21-го и 22-го чисел настоящего месяца, что по полученным мною в это время известиям из залива Де-Кастри о прибытии в этот залив неприятельских судов и действиях их в оном, ныне же г. поручик Бакшеев, командующий частью казаков и артиллеристов, в этом заливе находящихся, от 19-го числа сего месяца донёс мне, что неприятельские суда: фрегат и паровой корвет 18-го числа вечером оставили залив Де-Кастри; десант их, высаживаемый 16-го и 17-го чисел, хотя и оставил все здания в Александровском poste невредимыми, но г. Бакшеев нашёл в них следующее: двери в пакгаузах разломаны, бочки и ящики разбиты, на самом берегу у воды выкинуты две разбитые бочки с мукой, половина бочки картофеля рассыпано по берегу, окна выставлены, рамы переломаны; и что он, Бакшеев, с вверенным ему отрядом, состоящим из 45 казаков и пяти артиллеристов при горном оружии, собрав отряд свой, рассыпанный им на берегу в лесу во время пребывания неприятеля для нанесения ему вреда и для наблюдения над ним, расположился в Александровском

посту и приступил к исправлению повреждений, которые неприятелем угодно было совершить. Командующий в Мариинском poste штабс-капитан Кузьменко и лейтенант Рудановский, следуя в Кастри вследствие моих приказаний с отрядом охотников из воинских чинов, состоящих в числе 60 человек и другого горного орудия, на подкрепление г. Бакшеева, по неполучении от него известий, что неприятеля уже нет в Де-Кастри, забирая оставшиеся по дороге вещи, отступил к озеру и, оставив из своего отряда на озере у дороги для подкрепления г. Бакшеева 20 человек и другое орудие при надлежащем числе артиллеристов, возвратился с г. Рудановским и остальною частью отряда в Мариинский пост, где опять и приступил к исполнению того, что было приказано, то есть главное — огороды, состоя всегда в готовности идти на подкрепление в Кастри.

21 мая г. генерал-губернатора в Кызи ещё не было и ничего о нём не слышно; нарочные наши гг. Разградский и Литке в это время были уже в 300 верстах выше Кызи, а ныне, вероятно, около 500 вёрст, как то рассказывают туземцы; вторые же и третьи нарочные все проследовали выше Кызи. Так как по этим сведениям прибытия г. генерал-губернатора нельзя ожидать ранее первых чисел июня, то я полагал бы на основании данных мне от его высокопревосходительства предписаний, предъявляемых мною вам лично и в копии представленных к вашему превосходительству настоящих обстоятельств, и необходимости здесь именно в орудиях и снарядах, все транспорты немедленно отправлять в реку Амур, нагрузив их, сколько нужно, то есть до 13 фут углубления, тем более транспорт «Двину», как имеющую у себя в трюме артиллерию, которая именно нам здесь для крепостей и необходима, и часть палладской артиллерии, которую ваше превосходительство не возьмёте для укрепления на мысе Лазарева; всё же остальное не составляет уже важности при настоящих обстоятельствах и может быть сложено на остров Чакмут, ежели транспорты и присланная мною флотилия не может поместить этого зараз; транспорт «Двина», по моему мнению, в таком только случае может быть оставлен, ежели фрегат и корвет не заняли ещё избранной вашим превосходительством позиции, но транспорт этот, и находясь в позиции, должен быть облегчаем до 13 ¹/₂ фут, дабы не потерять ни одного мгновения для проводки его из позиции в реку Амур, когда фрегат и корвет займут её.

На мысе Лазарева устроить батарею, по моему мнению, немедленно следует. По полученным ныне же мною сведениям из Пет-

ровского, лёд начал двигаться от лимана, и надобно полагать, что около 5 июня в лиман и реку Амур с севера войти возможно. Ежели ваше превосходительство изволите замедлить присылкой палладской артиллерии с мыса Лазарева и артиллерию, в трюмах транспортов камчатских находящуюся, чтобы немедленно поставить её на изготовленные уже батареи, защищаемые вход в реку Амур с севера, откуда могут войти легко на паровых судах, до 20 фут сидящих, то Амур и все наши сообщения могут быть отрезаны неприятелем, посты и запасы на Амур уничтожены, а эскадра у мыса Лазарева совершенно отрезана.

Доводя всё это до сведения вашего превосходительства и представляя своё мнение, как местный здесь начальник, я тем исполнил долг свой, ибо все средства уже с моей стороны приняты и истощены, чтобы все находящиеся здесь перевозные и паровые суда были как можно поспешнее у вас и чтобы движение судов по лиману было сколь возможно успешнее, положительно вернее и безопаснее.

Контр-адмирал
Невельской

ЦГА ВМФ. Ф 906. Оп. 1. Д. 31. Л. 7—9

24. Копия приказа генерал-губернатора Восточной Сибири
Н. Н. Муравьёва по войскам на устье Амура
от 27 мая 1855 г. № 4

Принимая главное начальство над морскими и сухопутными силами, для защиты устьев Амура сосредоточенными, я поручаю начальство над всеми морскими силами, в этих местах находящимися, камчатскому военному губернатору господину контр-адмиралу Завойко, а состоящему при мне контр-адмиралу Невельскому предлагаю исправлять при мне должность начальника штаба по всем вышеозначенным войскам.

Главная квартира моя назначается в Мариинском poste, дежурству камчатского военного губернатора и начальника морских сил при устье Амура находиться в Николаевском poste.

Подлинный подписал генерал-губернатор
Восточной Сибири и командующий
в оной войсками
генерал-лейтенант *Муравьёв*

ЦВА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1223. Л. 85

25. Копия письма генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва камчатскому губернатору В. С. Завойко от 31 мая 1855 г. № 53 о дополнительных полномочиях, Мариинский пост

Прибыв сего числа к Мариинскому посту у селения Кызи, я поспеваю немедленно отправить в Николаевский пост все чины, принадлежащие к 47-му флотскому экипажу, Петропавловскому портовому управлению и к экипажам фрегатов «Паллада», «Диана» и «Аврора», и вместе с ними плашкоут № 18, нагруженный мукой и сухарями, и № 19 с 70 бочками спирта, соответствующего требованию вашего превосходительства 2 100 вёдр спирта.

Возложив на ваше превосходительство начальствование всеми морскими силами, на устьях Амура находящимися и прибыть имеющими, я вместе с тем предлагаю вам по званию камчатского военного губернатора вступить и в управление краем, который подчиняется вашему превосходительству на тех же основаниях, как Камчатский и Гижигинский округи.

Вследствие сего поступают в непосредственное ваше распоряжение все посты, учреждённые на Амуре, исключая Мариинского и Александровского (Кызи и Де-Кастри), где на время военных действий будут находиться сухопутные войска под личным моим начальством, все посты, которые имеют быть учреждены по Амуру между Мариинским и Николаевским постами, Императорская гавань и Аянский порт.

Что же касается Мариинского и Александровского постов, то имейте в виду, что по отбытии моём сею осенью от устьев Амура места сии поступят также в непосредственное распоряжение вашего превосходительства со всеми сухопутными войсками, которые здесь на зиму оставлены будут.

Генерал-лейтенант *Муравьёв*

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 2—3

26. Предписание камчатского военного губернатора В. С. Завойко командующему эскадрой капитану 2-го ранга Изыльметьеву от 9 июня 1855 г. № 1297

По полученным сведениям известно, что неприятельская эскадра, состоящая из шести военных судов, крейсирует около Петровского селения. О чём извещая ваше высокоблагородие для принятия нужных мер осторожности, я рекомендовал бы вам сделать распоряжения, чтобы одна вахта всегда находилась в готовности

встретить неприятеля из орудий в случае приближения его к мысу Лазарева и лиману Амура, причём прошу шлюпки в командировки не посылать невооружёнными.

Подписал контр-адмирал *Завойко*,
скрепил правитель канцелярии *А. Лохвицкий*

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 31. Л. 15—15об.

27. Предписание камчатского военного губернатора
В. С. Завойко командующему эскадрой капитану 2-го ранга
Изыльметьеву от 9 июня 1855 г. № 1308

Его высокопревосходительство г. генерал-губернатор Восточной Сибири от 1-го сего июня предписывает мне воспользоваться настоящим полноводьем реки Амура, чтобы ввести все суда в реку к Николаевскому посту, о чём я и даю знать вашему высокоблагородию для точного и безотлагательного исполнения. Для принятия грузов с фрегата «Аврора», корвета «Оливуца», транспорта «Двина» и тяжестей на мыс Лазарева прибудут все мелкосидящие суда, в распоряжении моём находящиеся.

Так как суда эти всех тяжестей принять не могут даже и с мыса Лазарева, то всё, что на оном останется за погрузкою, рекомендую вам принять на фрегат «Аврора» и корвет «Оливуца», а также на оные и команду бывшего фрегата «Диана», за исключением тех, которые г. капитан-лейтенантом Лесовским назначены будут в распоряжение г. капитан-лейтенанта Бутакова, и затем отправиться по фарватеру по направлению к устью Амура так далеко, как будет возможно, имея впереди корвет. Для проводки судов назначается штабс-капитан Попов, которому приказано явиться в ваше распоряжение. С того места, где вы остановитесь, мелкосидящие суда будут по возможности выгружать фрегат и корвет. Ко времени же выгрузки вы получите от меня дальнейшую инструкцию.

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 51. Л. 16—16об.

28. Предписание камчатского военного губернатора
В. С. Завойко капитан-лейтенанту Лесовскому
от 9 июня 1855 г. № 1309

Предписав вместе с сим командующему эскадрой приступить к проводке оной в Амур и к снятию всех тяжестей, находящихся на мысе Лазарева, я предлагаю вашему высокоблагородию устроенную там батарею снять для погрузки на мелкосидящие суда под начальством

г. капитан-лейтенанта Бутакова, и что на оной не поместится — на фрегат «Аврора» и корвет «Оливуца». Из вверенной же вам команды отделить часть в распоряжение г. капитан-лейтенанта Бутакова, сколько будет ему нужно, а остальных передать в распоряжение командующего эскадрой для помещения на фрегат и корвет, сами же со всеми офицерами, состоящими под вашим начальством, имеете прибыть на Николаевский пост на пароходе «Аргунь». Всех первых и вторых комендоров пришлите сюда при первой возможности.

Подписал контр-адмирал *Завойко*

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 31. Л. 17—17об.

29. Рапорт камчатского военного губернатора В. С. Завойко
управляющему Морским министерством великому князю
Константину Николаевичу от 28 июня 1855 г. № 1630

Вашему императорскому высочеству в дополнение к рапортам моим от 3 и 5 апреля сего года за № 453 и 456, имею счастье донести:

Вверенная мне эскадра по выходе из Петропавловского порта встретила свежие ветра, туманы, снега и пургу, но за ненастными днями часто следовали дни ясные, так что плавание по времени года было благоприятное.

В продолжение плавания было опрошено несколько китобоев, которые все найдены американскими; один из них показал, что в феврале месяце сего года стояла в Гонолюлю соединённая англо-французская эскадра, состоящая из семи парусных судов и одного парохода, под командой капитана Фридрикса, командира фрегата «Амфитрида», и что эскадра эта 10-го февраля вышла из порта Гонолюлю в Сан-Франциско, откуда намерена была немедленно отправиться в Камчатку, в порт Петропавловск, и потом в Охотское море или Татарский залив.

26-го числа апреля фрегат «Аврора» и корвет «Оливуца» заходили, согласно предписанию генерал-губернатора Восточной Сибири, в новооткрытую гавань, называемую Императорскою, где найден корпус фрегата «Паллада», стоящий во льду в заливе великого князя Константина. 29-го числа фрегат и корвет вышли из гавани.

1-го мая эскадра благополучно прибыла в Де-Кастри, а 5-го присоединились к ней транспорт «Байкал» и бот № 1.

По мере прибытия судов свозились на берег больные, кантонисты, штурманские ученики и пассажиры, в числе коих было жен-

щин и детей 236, а также почта и казначейства, морское и гражданское, для отправления в Кизи. В то же время посланы туда люди для обработки огородов для 47-го флотского экипажа. Послан нарочный в Николаевский пост к контр-адмиралу Невельскому с просьбою прибыть в Де-Кастри для личных объяснений и для сообщения мне планов и предположений генерал-губернатора относительно устройства батареи на мысе Лазарева, а бот № 1 к этому мысу для наблюдения за очищением его от льда.

Полагая, что неприятель не упустит случая послать крейсеров в Татарский пролив, чтобы воспрепятствовать подвозу подкреплений и провизии в Камчатку, я держал эскадру постоянно в готовности к бою, а 7-го числа отдал приказ, чтобы в случае нападения корвет «Оливуца», фрегат «Аврора» и 10-пушечный транспорт «Двина» выпускали цепи и становились на назначенные места, которые выбраны около отмелей, дабы неприятель не имел возможности обойти их. Транспортам «Иртыш» и «Байкал» велено стать сколь возможно ближе к берегу, принять бой, если неприятель нападёт на гребных судах; в случае же нападения на оных парохода и других судов, во избежание бесполезной траты людей, суда зажечь, команды с оружием свезти на берег и поставить под ружьё вне пушечных выстрелов.

На другой день неприятель показался.

8-го числа в семь часов утра, по прочищении тумана, увидели идущие в Де-Кастри три неприятельских судна: большой 52-пушечный фрегат, винтовой 12-пушечный корвет и бриг. Все три судна под английским флагом. Согласно приказу, фрегат «Аврора», флагманский корвет «Оливуца» и транспорт «Двина» по сигналу «Изготовиться к бою» выпустили цепи и, вступив под паруса, стали на якорь по диспозиции, как ваше императорское высочество изволите усмотреть из прилагаемого при сем плана. На всех брам-стенгах подняты флаги. С фрегата и корвета спущены на воду ростры для удобнейшего действия артиллерией.

Неприятельский фрегат и бриг держались под парусами у мыса Клостер-Камп, а винтовой корвет делал промеры за островом Обсерватории и далее и в три четверти седьмого часа пополудни, выйдя из-за северной его оконечности и будучи закрыт островом от выстрелов нашего фрегата и транспорта, открыл огонь по корвету «Оливуца», который отвечал немедленно. Английский корвет дал задний ход и скрылся за островом, потом вскоре опять показался, пустил в «Оливуцу» ядро, и лишь только наш корвет ответил, как неприятельский корвет вновь дал задний ход, поднялся

мористее и в виду нашей эскадры, но вне её выстрелов, присоединился к своей эскадре; в девять часов она скрылась за мысом. Корвет «Оливуца» не получил никаких повреждений, убитых и раненых не было.

Во время действия корветов на транспорте «Двина» раздавались песни, которые неприятель, вероятно, слышал.

Между тем в этот же день с фрегата «Аврора» дано знать, что с салингов, кроме трёх виденных нами военных судов, замечено за мысом Клостер-Камп ещё три судна, но какие — неизвестно.

Положение эскадры становилось опасным. В последовавшие дни я призывал несколько раз капитанов, желая знать их мнение о настоящих обстоятельствах, и с радостью видел, что грозящая опасность ни малейше не поколебала их решимости, принятой однажды: «драться до последней капли крови». Время и местность не позволяли приступить к постройке батарей, а чтобы сколько-нибудь увеличить средства обороны, я вооружил корму фрегата «Аврора» тремя 36-фунтовыми орудиями и два бомбических двухпудовых поставил на корвет «Оливуца», по одному с борта, для чего расширены порта и под бимсы подложены подставки.

9-го мая за мысом Клостер-Камп видны были только три неприятельских судна, и неприятель ничего не предпринимал.

10-го эскадра скрылась из виду по направлению к зюйду.

11-го мая неприятельская эскадра не показывалась.

12-го послан мною с корвета «Оливуца» мичман Овсянкин на вельботе к мысу Лазарева для узнания, не разошёлся ли лёд.

13-го числа прибыл в Де-Кастри контр-адмирал Невельский и объяснил, что вход в лиман Амура по трёхлетним наблюдениям открывается между 20-м числом мая и 1 июня. По сообщении мне главнейших местных обстоятельств, контр-адмирал Невельской 14-го числа отбыл из Де-Кастри в Кизи. Сего же числа вечером офицер, посланный на вельботе, воротился и донёс, что мыс Лазарева 13-го числа от льда очистился и что суда наши могут безопасно пройти и стоять у мыса. Офицер этот на обратном пути заметил в тумане неприятельский пароход за мысом Клостер-Камп и потому принужден был оставить на берегу вельбот и идти берегом. На мысе Асса он прошёл мимо неприятельского пикета, как доказывали это следы по направлению к вершине мыса и оклики часовых. Не теряя ни минуты, я дал сигнал эскадре быть в готовности сняться с якоря, но густой туман и противный ветер позволили выйти не ранее полночи. В три четверти шестого прошли первый бар при глубине четырёх сажень; в девять часов прошли второй

бар при той же глубине; пройдя мыс Невельского, все суда стали на якорь, ибо фарватер суживался и необходимо было сделать промер.

16-го мая утром замечено к югу двухмачтовое судно под американским флагом, имеющее русский военный флаг на фор-брам-стеннге; судно это держало правее эскадры и стало на мель.

Вскоре затем с этого судна прибыл на шлюпке лейтенант Энkvист и донёс, что на американском бриге «Уильям Пенн» находятся капитан-лейтенант Лесовский с восемью офицерами и 150-ю нижними чинами с потерпевшего крушение у японских берегов от землетрясения и наводнения фрегата «Диана», что капитан-лейтенант Лесовский со вверенной ему командой отправлен был вице-адмиралом Путятиным на американской шхуне из Японии в Петропавловский порт, но, осведомившись здесь о месте назначения нашей эскадры, перешёл с офицерами и командой со шхуны на американский бриг «Уильям Пенн», прибывший в Петропавловск с грузом, посланным туда по распоряжению нашего посольства в Вашингтоне, и отправился в Де-Кастри, а оттуда к мысу Лазарева.

Бриг, ставши на мель при сильном свежем ветре, потерпел большие повреждения и снялся только на третий день. С эскадры три раза посылаемы были гребные суда, но волнением и ветром их относило от брига так, что, несмотря на крайнее усилие, некоторые из них могли возвратиться к эскадре не ранее недели времени. С 19 по 24 мая суда наши постепенно подходили к мысу Лазарева.

24-го числа военные суда стали по диспозиции, показанной на карте, при сем представляемой. Транспорты «Иртыш» и «Байкал», бот № 1-й отправлены в Амур, а американский бриг, получивший сильную течь, для исправления в удобное для сего место. Вместе с тем приступлено к постройке на мысе восьмипушечной батареи.

28-го мая получено известие от контр-адмирала Невельского, что неприятельские фрегат и винтовой корвет 16-го числа пришли в Де-Кастри и высаживали на берег десант; 18-го числа ушли обратно.

3-го июня восемь пушек 24-фунтового калибра поставлены на батарею на мысе Лазарева, и батарея готова встретить неприятеля, но брустверы ещё не были возведены в должную высоту. Скорою постройкой батарей я обязан деятельности капитан-лейтенанта Лесовского, который окончил оную в 10 дней, несмотря на постоянные дожди и туманы, на каменистый грунт, недостаток на мысе земли и на значительную возвышенность горы, на которую втаскивались орудия с большими усилиями. 5-го июня прибыла к мысу Лазарева шхуна «Хеда» с генерал-адъютантом вице-адмиралом

Путятиным, который сообщил мне, что он отправился из Японии в Камчатку и, получив там известие о снятии Петропавловского порта, вышел оттуда в виду нескольких судов, но каких — не известно; в проливе Лаперуза встретил три неприятельские судна, вероятно, те самые, которые были в Де-Кастри и отправились, как полагать можно, в погоню за командуемой мною эскадрой. Из этих трёх судов одно гналось за шхуной, но безуспешно.

5-го же числа получено предписание генерал-губернатора о назначении меня начальником морских сил, при устьях Амура расположенных, с назначением квартиры моей в Николаевском poste, вследствие сего я передал начальство над эскадрой капитану 2-го ранга Изыльметьеву, а сам отправился по назначению. Согласно предписанию генерал-губернатора от 1-го сего июня за № 59 сделано распоряжение о проводе фрегата «Аврора», корвета «Оливуца» и транспорта «Двина» в Амур, которые разгружаются для сего на мелкосидящие транспорты и гребные суда.

Из транспортов «Иртыш» делает между мысом Лазарева и Николаевским постом второй рейс, «Байкал» — третий рейс, а бот № 1 — пятый рейс.

22-го числа получено известие, что батарея с мыса Лазарева снята, все тяжести, на оном находившиеся, погружены на суда и эскадра благополучно дошла до островов Хази-Миф.

Получено известие, что неприятельский винтовой корвет 16 июня вновь заходил в Де-Кастри и, промерив залив в разных направлениях, отправился из одного к северу.

Строчные рапорты об эскадре и о состоянии команды в Николаевском poste вашему императорскому высочеству представляю.

Контр-адмирал *Завойко*

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 33. Л. 120—123

30. Приказ генерал-губернатора Восточной Сибири

Н. Н. Муравьёва по войскам в устье Амура

от 1 июля 1855 г. № 17, Мариинский пост

Советнику Главного управления Восточной Сибири и начальнику казачьего отделения поручается на время пребывания моего в здешнем краю командование всеми сухопутными вспомогательными войсками, здесь находящимися; на него же возлагается распределение и сдача грузов, следующих морским войскам и по требованиям камчатского военного губернатора, по всем сим последним предметам руководствуется он данными ему от меня личными при-

казаниями и во всех, могущих встретиться со стороны морских чинов недоразумений, лично докладывает мне на разрешение.

Подлинный подписал генерал-губернатор Восточной
Сибири и командующий в оной войсками
генерал-лейтенант *Муравьев*

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1223. Л. 86

31. Приказ генерал-губернатора Восточной Сибири
Н. Н. Муравьева по войскам в устье Амура
от 5 июля 1855 г. № 19, Мариинский пост

Назначая исправляющим должность командира 47-го флотского экипажа капитан-лейтенанта Назимова и исправляющим должность капитана над портом в Николаевском poste капитан-лейтенанта князя Максutowa, я даю знать о том по войскам, на устьях Амура сосредоточенным.

Подлинный подписал генерал-губернатор Восточной
Сибири и командующий в оной войсками
генерал-лейтенант *Муравьев*

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1223. Л. 87

32. Копия рапорта капитан-лейтенанта Кашеварова
генерал-майору Венцелю от 5 июля 1855 г. № 204

Имею честь донести вашему превосходительству, что 27-го числа июня пришла в Аянский залив английская эскадра под начальством командора Фредерика, состоящая из двух парусных фрегатов и одного парохода-фрегата. Из этой эскадры пароход и один фрегат 3-го июля ушли море, а другой фрегат сего числа снялся с якоря и стал лавировать в виду берегов. Об убытках, причинённых неприятелем порту, я почтительнейше донесу вашему превосходительству по приведении комиссией этого в известность. При чём имею честь присовокупить, что как воинские чины, так и жители порта, согласно с инструкцией его высокопревосходительства г. генерал-губернатора, вышли из Аяна. И вместе с тем имею честь приложить копию с прокламации командора английской эскадры к жителям порта и подробности о действиях неприятельской эскадры.

Подлинное подписали: капитан-лейтенант *Кашеваров*
и помощник начальника порта лейтенант *Сгибнев*

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1230. Л. 2

Указ его императорского величества, самодержца Всероссийского, из Правительствующего сената господину генерал-губернатору Восточной Сибири.

По именному его императорского величества высочайшему указу, данному Правительствующему сенату сего февраля в 15 день, за собственноручным его величества подписанием, в котором изображено: "Состоящему по флоту капитану I ранга Завойко всемилостивейше повелеваем быть исполняющим должность Камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта", - Правительствующий сенат приказали: Из"ясненное всемилостивейшее его императорского величества повеление капитану I ранга Завойке об"явить, с приведением к присяге в Сенате, а в Иркутское губернское правление послать указ, каковыми уведомить г.г. начальника Главного морского штаба его императорского величества и генерал-губернатора Восточной Сибири и припечатать в Сенатских ведомостях. Февраля 20 дня 1850 года.

На копии написано: Верно управляющий отделением В.Сукачев поверял начальник стола Пав.Ильин

ЦГАВМФ, ф.906, д. 41, л.14. Копия.

В е р н о:

Страница сборника «Амурская экспедиция» (20 февраля 1850 г.)
[РГА ВМФ. Ф-906. Оп. 1. Д. 41. Л. 14]

шил мне, что он отправился из Японии в Камчатку и получив там известие о снятии Петропавловского порта, вышел оттуда в виду нескольких судов, но каких не известно; в проливе Лаперуза встретил три неприятельские судна, вероятно те самые, которые были в Де-Кастри и отправились, как полагать можно, в погоню за командуемой мною эскадрой. Из этих трех судов одно гналось за шхуной, но безуспешно.

5-го же числа получено предписание генерал-губернатора о назначении меня начальником морских сил при устьях Амура расположенных, с назначением квартиры моей в Николаевском poste, вследствие сего я передал начальство над эскадрой капитану 2 ранга Изыметьеву, а сам отправился по назначению.

Согласно предписанию генерал-губернатора от 1-го сего июня за № 59, сделано распоряжение о проводе фрегата "Аврора", корвета "Оливуца" и транспорта "Двина" в Амур, которые разгружаются для сего на мелко сидящие транспорты и гребные суда.

Из транспортов "Иртыш" делает между мысом Лазарева и Николаевским постом второй рейс, "Байкал" третий рейс, а бот № 1 пятый рейс.

22 числа получено известие, что батарея с мыса Лазарева снята, все тяжести на оном находившиеся, погружены на суда, и эскадра благополучно дошла до островов Хази-Миѳ.

Получено известие, что неприятельский винтовой корвет 16 июня вновь заходил в Де-Кастри и промерив залив в разных направлениях, отправился из одного к северу.

Строенные рапорты об эскадре и о состоянии команды в Николаевском poste вашему императорскому высочеству при сем представляю.

ЦГАВМФ, ф.906, д.33, л.120-123. Копия.

ВЕРНО:

Контр-адмирал Завойко

Л. Завойко

33. Копия рапорта № 204 начальника Аянского порта
капитан-лейтенанта Кашеварова и его помощника
лейтенанта Сгибнева

Ещё до открытия навигации на всех выдававшихся в море и вышпенных местах были поставлены пикеты для наблюдения за всеми идущими с моря в порт судами. С 2-го июня, то есть со дня прихода в порт первого китоловного судна, и до 27-го июня ежедневно приходили и уходили из порта американские китоловные суда. Командиры этих судов сообщили, что английская и французская эскадры уже в Охотском море.

27-го июня на рейде стояли четыре американские китобойные судна. Около трёх часов пополудни у Внешнего мыса показался трёхмачтовый пароход-фрегат, идущий прямо в Аянский порт. И, пройдя к первому китобойному судну, поднял английский флаг и спустил вооружённую шлюпку. Удостоверясь, что это пароход неприятельский, я приказал всем жителям порта перейти гору и расположиться на речке Аянке. В это же самое время г. лейтенант Сгибнев, расположившись с воинскими частями на горе, через которую проведена дорога из Аяна, следил за действиями неприятеля.

Пароход, пройдя под кормою у трёх первых с моря китобойных судов, вероятно, для допросов, встал у Ларги на якорь. Шлюпка же, сделав промер вдоль всего залива, отправилась на четвёртое китобойное судно. В шесть часов вечера, по возвращении шлюпки на пароход, он снялся с якоря и ушёл в море по направлению к открывшимся на горизонте двум фрегатам. Фрегаты при попутном ветре быстро приближались к пароходу. Темнота ночи заставила прекратить наблюдения за неприятелем.

Пользуясь темнотою, я с 26-ю человеками компанейских служителей, с 30-ю лошадьми отправился в порт, желая ещё что-либо оттуда вывезти, в чём несколько и успел. В двенадцать часов ночи, находясь с компанейскою командою в порту у пакгауза, услышал вблизи ружейный выстрел. Полагая, что неприятель, пользуясь темнотою ночи, высадил где-либо скрытно десант, я приказал аянскому полицеймейстеру со всею компанейскою командою отправиться ко второму сборному пункту, а сам пошёл на гору, где расположены были воинские чины в числе 45-ти человек. С горы я увидел стоящий на рейде пароход, который вышел на рейд ночью. В час ночи отряд воинских чинов отправился к сборному пункту, а я ещё час оставался на горе для наблюдения за действием неприятеля, но, не заметя ничего особенного, отправился к сборному пункту.

28-го июня. Пришли два неприятельские фрегата и встали на якорь у Внешего мыса. Пикеты наши, согласно с данными им инструкциями, присоединились к отряду. В разных пунктах свезён неприятельский десант. Неприятель наливается на Алеутском озере водою и рубит дрова. К вечеру жители и воинские чины отступили к месту хранения казённого и компанейского имущества, где хранится и всё продовольствие.

29 и 30 июня. Неприятель запасается на Алеутском озере дровами и водою. В самом порту и окрестностях высажены десант партиями не менее 100 человек в каждой, делают рекогносцировку, съёмку, астрономические наблюдения и промеры залива. Из порта свозят на фрегаты доски и строевой лес, гини и прочие материалы, принадлежащие Российско-Американской компании, которые не успели спрятать. В разных пунктах слышали выстрелы из ружей, а с парохода был сделан один пушечный выстрел. На кошке, где устроена бойня, собирался из частей новый железный пароход. Чтобы скрыть его от неприятеля, он был спущен в нарочно вырытую для этого яму и нагружен разным железом и кровельною бумагою; но прибытие неприятеля не позволило окончить зарыть пароход. К вечеру 30-го числа на этом пароходе неприятель жёг палубу и бумагу. В продолжение двух суток на рейде стояло шесть судов. Из коих три помянутые фрегата, одно китобойное американское судно, а на остальных двух нельзя рассмотреть флагов.

1-е июля. Те же суда на рейде. На берегу никого не видать. Слышен один пушечный и несколько ружейных выстрелов. Пароход и бумага тлеют. Вновь строящаяся шхуна и здания порта в целости. Поставлен ещё пикет на речке Уе, состоящий из урядника и четверых казаков, чтобы не мог неприятель высадкою здесь десанта явиться неожиданно и тем отрезать отступление нашему отряду.

2-е июля. В порт свезён десант. Два ружейных часовых стоят на пристани. Два судна ушли в море. Здания порта в целости.

3-е июля. Около двух часов пополудни пароход и один фрегат ушли в море на зюйд. Вслед затем ушли и остальные суда, исключая одного фрегата. Десанта в порту нет. Урядник с казаками из ближайшего к порту пикета ходили в порт, где встреченные ими два американца передали прокламацию начальника английской эскадры к жителям порта. Прокламация была тотчас же мне представлена.

Два компанейские барказа и одна однолючная байдарка уведены неприятелем на фрегат.

4-е июля. На рейде стоял только неприятельский фрегат. Служащий в конторе компании рижский гражданин Гальшерт, знающий английский язык, был с казачьим урядником в Аяне, как для личного объяснения с американцами, так и для осмотра порта. К вечеру он донёс, что во всех зданиях, даже и в церкви, замки сломаны. Американцы передали ему, что для взрыва парохода было употреблено 100 фунтов пороха. Носовая часть у парохода повреждена; впрочем, как вновь строящаяся шхуна, так и здания порта целы.

5-е июля. Неприятель десант не высаживал. В полдень и последний фрегат снялся с якоря и стал лавировать около берегов. Здания порта в целости. По отходе неприятеля тотчас же назначена мной комиссия для приведения в известность потери компанейского имущества, нанесённой неприятелем.

Подлинное подписали: капитан-лейтенант *Кашеваров*
и помощник начальника порта лейтенант *Сгибнев*

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1230. Л. 3—6

34. Продолжение журнала пребывания англо-французской эскадры в Аянском порте в июле и августе 1855 г. (вторичное посещение)

28 июля. На рейде три неприятельские фрегата. Ожидаемый французский фрегат ещё не пришёл. Неприателем увезено два баркаса дров. Особенного ничего нет.

29-го. С устья реки Уи получено известие, что неприятельский баркас с 10-ю человеками пришёл к речке делать промер, взял из бывших тут компанейских неводов один и ушёл обратно на судно. Получено господином Фрейбергом письмо на французском языке от командира английской эскадры командиру французской эскадры следующего содержания: «Агент Российско-Американской компании господин Фрейберг, податель сего письма, дал мне расписку, что строящаяся в сем порте шхуна не будет достроена до окончания войны, и потому надеюсь, что вы, милостивый государь, как судно, так и всё прочее в сем порте оставите в том виде, в каком нашли».

Взяли из порта на пароход один якорь и несколько досок. Английский командир объявил господину Фрейбергу, что предатель, указавший место зарытия пушек, посуды и прочего Карл Люнд, матрос брига «Охотск», который объявил им, что он шведский подданный, и сам вызвался указать место зарытия пушек, но, вероятно, не знал его хорошо, потому что неприятель не нашёл. Получено

известие, что три фельдшера 47-го флотского экипажа, отправленные на Амур на бриге «Охотск», в плену, что французская эскадра из шести судов отправлена в Ситху и что французы не уважают нейтральности наших колоний.

30. Утром показался французский фрегат «Константина». В четыре часа стал на якорь. С пришедшего фрегата никого на берегу не было.

31. Неприятель занимался заготовлением дров и ловил рыбу. В полдень архиепископ выехал из Аяна к месту хранения компанейского и казённого имущества. Свезён на берег ещё один трудно больной русский матрос. С французского судна все офицеры были на берегу. Пришло американское китоловное судно.

Август 1. В семь часов утра английский пароход, взяв на буксир фрегат, ушёл в море. На рейде остались один неприятельский фрегат и американское китоловное судно.

2. На берегу французские офицеры. Команда с фрегата ловила рыбу. Пушек не искали. Командир французской эскадры дал господину Фрейбергу на французском языке письмо командирам французских судов следующего содержания:

«Фрегат “Константина”. На Аянском рейде, 13 августа 1855 г. Господин командир, предполагая, что в продолжение настоящей кампании вы можете зайти в Аян, считаю себя обязанным известить вас, что место сие найдено было беззащитным и оставлено своими жителями при входе английской эскадры под командой командира Фредерика, который, как лицо командующее, оставил прокламацию к жителям Аяна, приглашал их возвратиться в свои жилища, обещая им, что лица их и собственность будут уважаемы. Эта прокламация не удовлетворила жителей против нашего появления, ибо с приходом англо-французской эскадры они вновь оставили свои жилища. Правила человеколюбия, изложенные в прокламации командира Фредерика, служили указанием командиру Эллиоту и мне. Я не сомневаюсь, что этими правилами будете и вы руководствоваться при тех же обстоятельствах. Примите, господин командир, уверение в моём почтительном уважении. Подписал капитан корабля, командующий Индо-Китайской эскадрой *Жарди-Де-Мотровель*».

3 августа. Командиры и офицеры были на берегу, снимали виды окрестностей. Мичман князь Урусов был с ними. Французский фрегат расцвел флагами и салютовал два раза по 21-му выстрелу. По словам французов, англичане искали, кроме пушек, миллион рублей казённых денег. Французы говорили, что им, хотя не

трудно знать, где хранятся в земле пушки, но искать их считают унижительным действием. Взять их с батареи вооружённой рукой было бы другое дело. К вечеру фрегат ушёл в море. На рейде не оставалось ни одного неприятельского судна.

Подписал лейтенант *Сгибнев*

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1230. Л. 17—19

35. Рапорт «за отсутствием генерал-губернатора Восточной Сибири и командующего войсками, в оной расположенными» генерал-майора К. К. Венцеля управляющему Морским министерством великому князю Константину Николаевичу от 12 августа 1855 г. № 1701, Иркутск

Вашему императорскому высочеству имею счастье представить при сем копию с полученного мною от капитан-лейтенанта Каше-варова рапорта за № 204, с следующими к нему приложениями о посещении Аянского порта англо-французскою эскадрою, при чём я считаю не излишним почтительнейше представить также вашему высочеству и карту окрестностей Аянского порта, на коей показаны все упоминаемые в донесении капитан-лейтенанта Каше-вара места.

Вместе с тем имею честь почтительнейше представить при сем вашему императорскому высочеству выписку из частного письма, полученного в Иркутске из Аяна, в коем заключаются некоторые сведения, относящиеся до посещения англо-французами Камчатки.

Генерал-майор *Венцель*

Помета: «Доведено до сведения его императорского высочества 15 сентября 1855 г.»

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1230. Л. 1

36. Выписка из частного письма, полученного в Иркутске из Аяна о событиях в Аянском порту с 2 июня по 5 июля 1855 г.

До 2-го июня мы жили спокойно, потому что залив был покрыт сплошным льдом, который только 2-го числа разломало, и, несмотря на то, что лёд ещё не унесло в море, четыре судна пробирались в залив и к ночи того же числа стали на якорь. Суда эти были американские китобои, и они сообщили нам, что в Охотском море крейсирует англо-французская эскадра, состоящая из 14 судов, которая будто бы уже была в Камчатке, но, к удивлению, не нашла

там ни одной души, и все здания были пусты. Куда все ушли, неизвестно. Тогда эскадра, как рассказывают, сожгла здания и стоявшее на рейде русское китобойное судно «Аян» и потом направились к Сахалину.

С 2 по 27-е июня ежедневно приходили и уходили китобойные американские суда, а из Аяна все семейства выехали, а равно и вывезено всё имущество, остались в порте только мы одни, военные.

27-го июня в два часа пополудни на дальнейшем пикете раздался ружейный выстрел, означавший, что показалось судно. Вслед затем раздалось ещё два выстрела — значит, подходили к порту военные суда. Тогда в порту всё зашевелилось, все взялись за трубы и рассыпались по возвышениям. В три часа увидели, что подходившее к порту судно был трёхмачтовый пароход, вдали же на горизонте виднелись ещё два фрегата. Пароход, поравнявшись с первым американским китобойным судном, поднял английский флаг, вошёл на рейд, где встал на якорь, спустивши шлюпку, которая, осмотрев суда и промерив залив, по данному с парохода сигналу возвратилась к нему. Пароход, подняв шлюпку, снялся с якоря и ушёл по направлению к фрегатам. Ночь заставила нас прекратить наблюдение, а рассвет открыл нам пришедших с Аяна гостей: два 60-пушечные фрегата и пароход-фрегат стояли уже на якоре. Мы остались в порту, но лишь только пароход стал спускать свои десантные боты на воду, мы на основании распоряжения высшего начальства вышли из Аяна и расположились на заранее выбранных местах, откуда весьма хорошо наблюдали за всем, что делал неприятель, который, пробыв до 5-го июля, ушёл в море.

О пребывании неприятеля в Аянском порте скажу вам только то, что он то высаживал десант, то наливался водою, то возил дрова, а мы следили каждый его шаг, и некоторые из казаков подползали даже весьма близко к неприятельским караулам и слышали очень хорошо весь разговор, которого, к сожалению, не понимали, и однажды в глазах англичан унесли казачью шинель, забывшую при выходе из порта.

3-го числа, когда большая часть судов ушла в море, наши были в Аяне, где встретили двух американских купцов, которые привозили продовольствие для Камчатки, но, узнав, что там нет никого, пришли в Аян, где и сложили свой товар, а суда отправили в море на промыслы китов. Эти американцы передали нам прокламацию.

Примечание: по переписке, имеющейся в Генеральном штабе, известно, что в минувшем году действительно контр-адмирал Завойко заусловил американских купцов привезти некоторые

предметы продовольствия для Камчатки в апреле или мае месяцах текущего года.

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1230. Л. 9—10

37. Диспозиция генерал-губернатора Восточной Сибири
Н. Н. Муравьёва морским и сухопутным силам в устье Амура
от 8 июля 1855 г. № 23, Мариинский пост

Морские и сухопутные силы, на устьях Амура сосредоточенные, располагаются в трёх главных пунктах при постах Николаевском, Александровском и Мариинском. При Николаевском — 47-й флотский экипаж, экипажи фрегатов «Паллады», «Дианы», «Авроры» и две роты 14-го линейного батальона в числе 570 чел., фрегат «Аврора», корвет «Оливуца» и вся вооружённая гребная флотилия; при Александровском — часть конной казачьей сотни, пеший казачий полубатальон и дивизион горной артиллерии; при Мариинском — 15-й линейный батальон и конная казачья Буреинская сотня, составляют резерв для подкрепления войск у Александровского и Николаевского постов в случае приближения весьма сильного неприятеля к тому или другому пункту. Для этого предлагается иметь у Мариинского поста всегда в готовности и исправности пять плашкоутов для сплава к Николаевскому посту и 10 баркасов для сплава по озеру Кизи.

Размещение войск на зимние квартиры предназначается следующее: все парусные военные и транспортные суда должны быть втянуты в протоку у с. Маго, если г. военный губернатор камчатский не изберёт для зимовки их другого, более удобного места вблизи Николаевского поста; при судах сих на берегу должен быть выстроено помещение для 200 человек нижних чинов, одного штаба и двух обер-офицеров.

Затем для всех морских экипажей и для 14-го линейного батальона должны быть возведены помещения у Николаевского поста и также для одного госпиталя 1-го класса; у Мариинского поста располагаются на зиму 15-й линейный батальон, пеший казачий полубатальон, горный дивизион артиллерии и другой первоклассный госпиталь; казачья конная сотня зимуют на острове Суче, где учреждено поселение конной казачьей Буреинской сотни; из войск сих по усмотрению отделяется зимой до 150 человек в Александровской пост. Все помещения в вышеозначенных местах, как для морских, так и для сухопутных войск, должны быть окончательно отстроены к 15-му числу будущего сентября месяца, что возлагает-

ся на особенную заботливость и ответственность командующего сими войсками.

Камчатскому военному губернатору предоставляется по его усмотрению избрать себе для зимовки Николаевский или Мариинский посты, так как с отъездом генерал-губернатора все, не только морские, но и сухопутные, войска, на устьях Амура сосредоточенные, поступают под непосредственное его начальство. Пароходы, а в том числе и винтовая шхуна «Восток», остаются на зимовку по особому выбору места и при них механическое заведение под начальством горного инженер-подпоручика Маюрова. Поселенцы гражданского ведомства, доставленные по Амуру и расположенные по реке от Мариинского до Николаевского постов, остаются под особенным покровительством и попечением камчатского военного губернатора и уstraиваются там под непосредственным его ведением.

От войск, расположенных, как выше сказано, в трёх главных пунктах, имеются в разных местах малые посты по особым предписаниям командующих сими войсками, как для наблюдения за неприятелем, так и для сообщения между войсками, предоставляется им учредить и другие временные посты для этой же цели с тем, чтобы быстрота сообщения и верность сведений о приближении и силе приближающегося неприятеля остаются на непосредственной их ответственности.

Войска, на устьях Амура сосредоточенные и по вышеизложенному генерал-губернатором распределённые, нигде от неприятеля не отступают, в плен не сдаются, а побеждают на своих постах или умирают, памятуя слова блаженной памяти государя и великого князя нашего Святослава Великого: «Тут ляжем костьми, мёртвии бо срама не имут». Герои Петропавловского порта покажут нам пример самоотвержения русской силы и безусловного повиновения.

Подлинную подписал генерал-губернатор Восточной Сибири
и командующий войсками генерал-лейтенант *Муравьев*

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1223. Л. 89—91

38. Перевод прокламации начальника британской эскадры
Карла Фредерика жителям порта Аян от 28 июня 1855 г.

Жители Аяна!

Без опасения возвратитесь к вашим жилищам, никакого вреда не будет причинено как вам, так и имуществу вашему, ежели только ничего не будет предпринято против партий, отправляющихся

с кораблей за водою и лесом. Вся частная собственность, за исключением судов, будет строго уважаема.

Подлинную подписал *Карл Фредерик*,
начальник британской эскадры

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1230. Л. 13

39. Приказ камчатского военного губернатора В. С. Завойко
от 13 июля 1855 г. о порядке мелочной меновой торговли
амурских аборигенов с русским населением

Для избежания известных затруднений, встречающихся в мелочной меновой торговле гиляков с русскими предметами продовольствия, для ограничения непомерно высоких цен, установленных гиляками на эти предметы, для прекращения значительного перехода от николаевского населения к гилякам муки и крупы, употребляемых в мене как товар; для отвращения того, чтобы нижние чины за неимением товара для мены не лишали себя разных необходимых вещей, что замечено мною уже неоднократно, я в видах общей пользы признаю нужным, в виде опыта, учредить следующее:

1. Торговля гиляков в Николаевске будет производиться на рынке, для которого отведено место на берегу залива близ магазина Российско-Американской компании. Гилякам не позволено торговать ни в каком другом месте, как в самом Николаевске, так в окрестности оного на три версты.

2. На доставляемые гиляками предметы продовольствия устанавливается следующая такса:

- рыба — 3 коп. серебром;
- гусь — 50 коп. серебром;
- гусь-цыплёнок — 20 коп. серебром;
- утка — 15 коп. серебром;
- утка-цыплёнок — 3 коп. серебром;
- осетрина, фунт — 3 коп. серебром;
- ягод, стакан — 1 коп. серебром;
- ягод, ведро — 1 руб. серебром.

3. Для облегчения сделок с гиляками назначается ежедневно казак, знающий гиляцкий язык; другой казак назначается для наблюдения, чтобы гиляки не торговали нигде, кроме как на рынке.

Сделав вместе с сим распоряжение о приведении таковой меры к точному исполнению, я объявляю о сем к общему сведению, буду-

чи уверен, что каждый из жителей Николаевска будет содействовать этой мере, в чем от кого зависит.

Приказ этот прочесть по команде, а также объявить всем вообще жителям.

Камчатский военный губернатор
контр-адмирал *Завойко*

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 29. Л. 8—9

40. Рапорт камчатского военного губернатора В. С. Завойко
генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьёву
от 10 июля 1855 № 2090

Имею часть почтительнейше представить вашему высокопревосходительству подлинный рапорт капитана 2-го ранга Фуругельма от 20-го июля за № 50 относительно уничтожения брига «Охотск» и доложить, что, поспешая отправить сей рапорт, я не оставляю при делах копии и потому покорнейше прошу приказать оный мне возвратить.

Подписал контр-адмирал *Завойко*
и скрепил управляющий делами штаба *А. Лохвицкий*

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 35. Л. 24

41. Рапорт капитана 2-го ранга Фуругельма камчатскому
военному губернатору В. С. Завойко от 20 июля 1855 г.
№ 50, пост Николаевский

Вследствие приказа вашего превосходительства об уничтожении брига «Охотск» имею честь представить следующее:

Выйдя 22 июня с грузом разных товаров Российско-Американской компании, шкипер Юзелиус подошёл 1-го июля к Петровскому зимовью, сдал там депеши, принял казака Большакова вместо переводчика для проводников-гиляков и в тот же день продолжал плавание к северному входу в Лиман. Крепкие противные ветры и туманы воспрепятствовали ему отыскать вход в канал до 11-го июля, пока не прибыл поручик Воронин, посланный вашим превосходительством. Затем, делая промер на шлюпках, когда погода позволяла, мало-помалу бриг к 14 июля подвинулся вперёд по каналу около шести миль. В этот день вечером усмотрено три больших неприятельских судна милях в 12-ти к северо-востоку. 15-го числа около полудня заметили, что трёхмачтовый винтовой пароход

(по случаю пасмурности нельзя было различить флага, но командир полагает, что у него был поднят английский; впрочем, он не ручается и за это), приближаясь, имел впереди несколько шлюпок, а потому командир брига сделал все нужные распоряжения к свозу команды и к сожжению судна, но так как пароход вскоре поворотил назад, остались на бригае.

16-го июля с рассветом пароход снова стал приближаться и выслал пять шлюпок вперёд, чтобы атаковать брига, тогда командир приказал прорубить отверстие в подводной части и, разложив огонь возле двух пороховых ящиков, оставил судно вместе со всеми, на нём находившимися. Наши шлюпки пошли по фарватеру, следуя его извилинам, тогда как неприятельские гребли в прямом направлении и потому часто становились на мель. Вскоре, однако ж, шестивёсельный баркас брига, тяжёлый на ходу, был настигнут и взят, при чём замечено, что по нём однажды выстрелили из пушки с ближайшего неприятельского гребного судна. Прочие неприятельские шлюпки продолжали гнаться за нашими, но так как они продолжали идти отмелью, то скоро стали на мель; команда с них выскочила в воду и, бегая по отмели, стреляла по нашим из ружей. Шкипер Юзелиус на четырёхвёсельном яле находился в то время от них не далее 75-ти сажен. И хотя пули свистали около его беспрестанно, однако никого не задели. Другой же четырёхвёсельный ял со штурманом Мансфельдом был ближе к неприятелю и стал на мель. Одним из выстрелов, кажется, свалило штурмана, и тогда ял был взят. Затем, хотя и неприятель продолжал погоню, но шкиперу Юзелиусу с двумя байдарками удалось уйти и достигнуть Николаевского поста, где и явился он ко мне 17-го июля в четвере с половиной часа пополудни.

В заключение имею честь представить вашему превосходительству список всех находившихся на бригае «Охотск» с показанием, кто из них остался в руках неприятеля. В числе последних находятся два фельдшера, отправленные из Аяна по распоряжению его высокопревосходительства г. генерал-губернатора Восточной Сибири. Считаю долгом присовокупить ещё, что шкипер Юзелиус успел спасти только журнал, несколько карт и хронометры, карта же лимана была уничтожена заблаговременно.

Последнее, что может сказать шкипер Юзелиус об участии брига, есть то, что он взрывом и пожаром уничтожен совершенно, и конечно, ничто не досталось в руки неприятеля.

Список команды на бригае «Охотск»:

Командир: 1. Юзелиус Акель Г. — явился.

Штурмана: 2. Саламатов Василий — явился. 3. Мансфельд Иван — взят в плен.

Боцмана: 4. Сурняк Андрей — взят в плен. 5. Серебренников Иван — взят в плен.

Матросы: 6. Броман Карл — взят в плен. 7. Иогансон Иоганн — взят в плен. 8. Бобер Карл — взят в плен. 9. Мартусон Карл Ервас — явился. 10. Карлсон Вильгельм — явился. 11. Лундин Карл — взят в плен. 12. Никитин Дмитрий — взят в плен. 13. Лигасон Адольф — взят в плен. 14. Стрем Андерс — явился. 15. Руслин Фридриг — явился. 16. Ахола Иосиф — взят в плен. 17. Линд Вильгельм — взят в плен. 18. Куляуори Никита — явился. 19. Ишку Игнатий — явился.

Судовой приказчик: 20. Нельман Карл — взят в плен.

Пассажиры-фельдшера: 1. Николай Иванов — явился. 2. Артамон Назаров — взят в плен. 3. Николай Ефремов — взят в плен.

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 35. Л. 21—23

42. Донесение капитана 2-го ранга Фуругельма от 25 июля 1855 г. о пленении части экипажа брига Российско-Американской компании «Охотск», Николаевский пост

Шкипер Аксель Юзелиус, сын Фридриха (38 лет от роду), начал морскую службу с 1833 г. и служил четыре года на разных купеческих судах. В 1837 г. он выдержал экзамен на штурмана, а в 1842 г. на шкипера. В этом качестве он командовал купеческим трёхмачтовым судном «Хоппет» из г. Або в продолжение семи лет. В 1850 г. поступил в службу Российско-Американской компании первым штурманом на корабль «Император Николай I». Возвратясь на этом же корабле из кругосветного плавания, он в 1852 г. принял Российско-Американской компании бриг «Шелихов», который и привёл благополучно в Ситку в 1853 г. Командуя этим судном, он сделал несколько рейсов по колониям и в Калифорнию, а в 1854 г., по приказанию главного правителя Российско-Американской компании сдал это судно и принял бриг «Охотск», на котором он плавал по Алеутской и Курильской грядам и между Петровским зимовьем и Аянским портом, где он, наконец, прозимовал.

22 июня 1855 г. он вышел на том же судне из Аяна с грузом Российско-Американской компании для Приамурского края. Прибыв 14-го июля к входу Северного канала в лиман, он до 16-го июля подвинулся вперёд около шести миль. В этот день подошедший

неприятельский трёхмачтовый пароход выслал шлюпки, чтобы взять бриг, вследствие чего шкипер Юзелиус, прорубив заблаговременно дно судна и разложив огонь около крьюйт-камеры, оставил бриг со всеми на нём находившимися. Неприятельские шлюпки, преследуя брига, взяли в плен шестивёсельный барказ и четырёхвёсельный ял с командами, на них бывшими, состоявшими из одного штурмана, одного приказчика, двух фельдшеров и десяти человек матросов; командиру же брига с четырьмя матросами, одним штурманом и двумя алеутами удалось уйти и достигнуть Николаевского поста 17-го июля сего года.

Самый бриг взрывами и пожаром уничтожен совершенно. При сем имею честь присовокупить, что шкипер Юзелиус в продолжение всей своей службы был отлично аттестован и при уничтожении брига потерял всё своё имущество, свозя только мореходные инструменты и шканечный журнал.

Подписал капитан 2-го ранга *Фуругельм*

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1223. Л. 102—103

43. Рапорт корпуса штурманов поручика А. И. Воронина
камчатскому военному губернатору В. С. Завойко, 1855 г.

По словесному приказанию вашего превосходительства, 10 июля сего года я отправился на пятивёсельном вельботе из Николаевского порта на бриг Российско-Американской компании «Охотск» для провода его по северному каналу в реку Амур. 11-го числа вечером прибыл на бриг, который находился 7 ¹/₂ милях к осту от острова Лангра. 12 и 13 июля по сделанному мною промеру бриг перешёл ко входу в Северный канал, имея впереди две шлюпки. 14-го числа утром увидели в тумане к норд-осту милях в 12-ти стоящих на якорях три трёхмачтовых большого ранга судов. В этот день мы пошли по направлению канала к мысу Пуир. Пройдя до параллели острова Кевос, должны были стать на якорь по причине пасмурности, штиля и сильного противного течения. В 15 часов увидели и вполне удостоверились, что одно из виденных нами судов паровое, которое снялось с якоря и стало следовать прямо по направлению к бригу, имея впереди гребные суда. Тогда командир брига вольный шкипер Юзелиус по совещании со мной немедленно сделал распоряжение для спасения людей, для чего тотчас же спущены были гребные суда на воду, рассчитаны люди по шлюпкам, которых было: барказ пятивёсельный, два яла четырёхвёсельных, мой вельбот и две байдарки, бриг же приготовили к сожжению.

Пароход с гребными судами, подойдя к бригу на расстояние не более шести миль, возвратился обратно со шлюпками к двум стоящим на якоре трёхмачтовым судам, почему мы остались на бриге, имея постоянное наблюдение за неприятельскими судами.

16-го числа с рассветом пароход начал разводить пары и в семь часов утра подошёл на расстояние четырёх миль от брига, стал на якорь и тотчас же послал пять гребных судов к бригу. Тогда командир брига приказал прорубить в подводной части отверстие и зажечь приготовленный костёр около двух пороховых ящиков. Когда это было исполнено, все люди по приказанию командира оставили бриг и отправились на шлюпках к мысу Пуир. Чрез час после нашего отправления увидели, что дым на бриге усилился и вскоре воспоследовал взрыв. Тогда бриг повалился на левую сторону, и вскоре упали мачты.

Шлюпки наши шли близ фарватера, следуя по его извилинам, неприятельские же гребные суда держали нам на пересечку курса, чрез что неоднократно становились на мель и тащили шлюпки на руках; барказ наш, тяжёлый на ходу, постоянно отставал от прочих шлюпок, чрез что весь отряд наш должен был останавливаться и поджидать его, а потому неприятельские гребные суда заметно к нам приблизились. И вскоре, настигнув наш барказ, сделан был по нам пушечный выстрел, и барказ был взят неприятельскими шлюпками. После этого погоня за остальными нашими шлюпками более усилилась, но неприятельские гребные суда, придерживаясь близко отмели, стали на мель. В то время задний наш четырёхвесельный ял, на котором находился младший штурман брига, был весьма близко к неприятелю. Следующий за ними четырёхвесельный ял, на котором находился командир брига, был от неприятеля не более 80-ти сажень, потом мой вельбот и впереди две байдарки в 150 или 200 саженьях от неприятельских гребных судов, с которых люди бросились в воду и бежали по отмели, стреляя из ружей по нашим шлюпкам. В это время мы увидели, что бывший на руле младший штурман на задней шлюпке после нескольких выстрелов неприятеля упал и шлюпка его была взята неприятелем. Остальные же наши шлюпки старались, сколько позволяли силы, грести вперёд, неприятельские же шлюпки при всём старании стащить с мели не могли и тем дали нам время удалиться от них. В семь с половиной часов вечера мы достигли мыса Пуир, где пристали к берегу, дали на короткое время отдых команде, постоянно наблюдая за неприятельскими гребными судами, которые стояли на мели, люди же с них ходили по мели от одной шлюпки к другой.

В половине девятого вечера при темноте мы отправились от мыса Пуир дальше, не видя неприятельских гребных судов. Идучи всю ночь, мы на другой день в восемь часов утра прибыли к деревне Чадбах, где и остановились отдыхать. Вскоре из Николаевского поста прибыл к нам на байдарке г. капитан-лейтенант Бачманов, с которым мы тотчас же отправились в Николаевский пост, куда и прибыли в три с половиной часа пополудни.

На баркасе и четырёхвесельном яле, взятых неприятелем, находилось 14 человек команды брига «Охотск», в числе их были два военных фельдшера, отправленных из Аяна на бриг для доставления в Николаевский пост, все означенные люди взяты неприятелем в плен.

О чём вашему превосходительству почтительнейше донести честь имею.

Подлинный подписал корпуса
штурманов поручик *Воронин*

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 25—27

44. Приказ генерал-губернатора Восточной Сибири

Н. Н. Муравьёва по войскам в устье Амура
от 23 июля 1855 г. № 28, пароход «Аргунь»

Прибыв сего числа к Николаевскому посту, нашёл там с особенным удовольствием в сборе всю эскадру судов, в Охотском море находящихся.

Быстрый провод фрегата «Аврора» и корвета «Оливуца» от Лазарева мыса к Николаевскому посту по отмелям лимана есть одно из важнейших и счастливейших событий здешней кампании нынешнего года, и вся честь его принадлежит командовавшему эскадрой капитану 2-го ранга Изыльметьеву, за что приношу ему искреннейшую мою признательность и объявляю искреннюю мою благодарность: старшему офицеру на фрегате «Аврора», капитану 2-го ранга Тиролю; господам командовавшим судами: корветом «Оливуца» — капитан-лейтенантам Назимову и Чихачёву; командовавшими транспортом «Двина» — лейтенанту Маневскому; «Иртыш» — лейтенанту Энквисту; «Байкал» — поручику Шарыпову; ботом № 1-го — прапорщику Новограбленному; шхуной «Лиман» — мичману Иванову, а в особенности командовавшим гребной флотилией капитан-лейтенанту Бутакову и пароходом «Аргунь» лейтенанту Куприянову.

Благодарю и всех гг. штаб- и обер-офицеров на эскадре и гребной флотилии за усердное в этом деле содействие своим начальникам, благодарю и всех нижних чинов за неутомимые труды их.

При обозрении сего же числа батарей Чныррахской и Куингдской я считаю особенным своим удовольствием изъяснить за успех в работах душевную мою признательность капитан-лейтенанту Лесовскому и инженеру штабс-капитану Рейну.

К сожалению, я должен объявить по войскам, под начальством моим находящимся, о гибели в водах лимана брига Российско-Американской компании «Охотск». Бриг этот, благополучно от неприятельских крейсеров совершивший плавание от Аяна до Амурского лимана, был ими настигнут у самого входа в лиман, и храбрый капитан Юзелиус, не желая, чтобы бриг достался в руки неприятелю, взорвал его на воздух, спасшись с частью своей безоружной команды на гребных судах, несмотря на ружейный и пушечный огонь неприятеля, стрелявшего по безоружным. К сожалению, часть этой команды перебита и досталась в руки неприятелю.

Объявляю искреннюю мою признательность шкиперу брига «Охотск» службы Российско-Американской компании Юзелиусу и буду свидетельствовать о его похвальном самоотвержении перед высшим правительством. Объявляю также мою благодарность корпуса флотских штурманов подпоручику Воронину, бывшему проводником на этом судне, и, объявляя обо всём этом по вверенным мне войскам, надеюсь, что если только неприятель дерзнёт ещё раз показаться в здешних местах, то каждый, от адмирала до матроса, от генерала до рядового, сочтёт священным для себя долгом отомстить ему за смерть безоружных соотечественников по мере каждого из них предоставленных средств и прав.

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1223. Л. 96—98

45. Копии с копий писем лейтенанта Мусина-Пушкина агенту Российско-Американской компании № 1 от 23 июля и № 2 от 24 июля 1855 г. Список офицеров и нижних чинов, взятых в плен английским пароходом «Барракута»

Милостивый государь!

Не имею чести вас знать, но вынужденный обстоятельствами обратиться к вам с покорнейшей просьбой:

Оставленный в Японии командующим частью команды погибшего фрегата «Диана», я зафрахтовал бременский бриг «Грето» для перевозки в здешний порт Аян меня с командой и офицерами,

но по несчастью захваченный 20-го июля в Охотском море в широте 52° военным английским пароходом «Барракута» и приведённый им вчерашнего 22-го числа июля на здешний рейд, где по распоряжению командующего эскадрой в здешнем море бриг признан призом, а я с командой и офицерами — военнопленными.

Вся команда размещена на английские суда и отправлена будет в Гонг-Конг. Не получив разрешения самому лично доносить начальству о моём плене, а только позволение известить вас, я прошу с вашей стороны донести о постигшем нас бедствии как генерал-губернатору Восточной Сибири, так равно генерал-адъютанту Путятину и командиру бывшего фрегата «Диана» капитан-лейтенанту Лесовскому.

Офицеры, попавшие в плен, следующие: лейтенант Мусин-Пушкин; мичманы Шиллинг, Зеленой, Ковельский, Урусов, Михайлов; доктор Кролевецкой; священник Махов; штурман подпоручик Ёлкин; надворный советник Гашкевич; японский переводчик Прибылов.

Команда 265 человек. Команда по сих пор здоровая.

Если есть письма на имя офицеров, которых я список приложил, то вы будьте так добры и потрудитесь прислать их чрез вручителя сего письма.

Ваш покорнейший слуга
бывший старший офицер
погибшего фрегата «Диана»
А. Мусин-Пушкин

Если есть какие газеты, то пришлите.

Милостивый государь, Юлий Иванович!

Зафрахтовав 1-го числа июля месяца купеческий бременский бриг «Грето», с вверенной частью команды бывшего фрегата «Диана» 3-го июля я отправился из Японии в г. Аян. Но, придя в широту 52° N, был захвачен английским пароходом «Барракута» и приведён в порт Аян, где английским командиром признаны военнопленными. По просьбе моей уволены на берег: священник, доктор и больные матросы числом 21. А я сам немедленно отправлюсь на пароходе «Барракута» с лейтенантом Шиллингом, надворным советником Гашкевичем и 95-ю человеками людей.

Остаюсь ваш покорный слуга
лейтенант *Мусин-Пушкин*

Список офицеров и нижних чинов, взятых в плен:

Лейтенант Мусин-Пушкин — 36-го экипажа;

Гвардейского экипажа лейтенант Шиллинг;
20-го экипажа мичман Зеленой;
1-го экипажа мичман Ковалевской;
18-го экипажа мичман князь Урусов;
24-го экипажа мичман Михайлов;
корпуса флотских штурманов Балтийского флота подпоручик
Ёлкин;
надворный советник Азиатского департамента Гашкевич;
команды 246 человек.
На фрегате «Сабилл» — 89 человек.
На фрегате «Спартан» — 62 человек.
На пароходе «Барракута» — 95 человек.
Верно: генерал-майор *Венцель*

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1230. Л. 30—31

46. Приказ генерал-губернатора Восточной Сибири
Н. Н. Муравьева по войскам в устье Амура
от 25 июля 1855 г. № 29, пароход «Аргунь»

Вследствие приказа моего, отданного 15-го числа сего июля месяца, командующим сводным экипажем, соединяемым из команд фрегатов «Паллада», «Диана», «Аврора» и винтовой шхуны «Восток», на устье Амура находящихся, назначается капитан-лейтенант Лесовский.

Подписал генерал-губернатор Восточной Сибири
и командующий в оной войсками
генерал-лейтенант *Муравьев*

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1223. Л. 99

47. Приказ генерал-губернатора Восточной Сибири
Н. Н. Муравьева по войскам в устье Амура
от 1 сентября 1855 г. № 37, пост Мариинский

По случаю наступления осеннего времени и всякого правдоподобия, что неприятельская эскадра более в здешних местах не покажется или, во всяком случае, никаких действий не предпримет, предписываю к исполнению:

1. Сняв с Александровского поста все находившиеся там войска, исключая одной роты казачьего полубатальона, оставляемой там на зимовку с двумя горными единорогами, отвести остальные на зимние квартиры к Мариинскому посту.

2. Линейный № 14-го полубатальон отправить из Николаевского поста на зимовку к Мариинскому посту.

3. Корвет «Оливуцу» отправить при первом попутном ветре от форта Александра Невского в протоку Маго со всей его артиллерией, где и расположиться оному на зимовку со всеми другими судами эскадры в назначенном для него месте.

4. 15-го числа сего месяца снять всю прислугу с фортов Александровского, Николаевского и Михайловского и деятельно приступить к возведению форта Константиновского, согласно данным мной указаниям инженеру штабс-капитану Рейну, во всю осень и зиму с тем, чтобы форт этот был окончательно построен и вооружён к 15-му числу июня будущего 1856 г. На вышеозначенных трёх фортах оставить только при орудиях и пороховых складах необходимый караул на зиму.

5. Командующий войсками в Де-Кастри адъютант мой подполковник Сеславин назначается вместе с тем командующим сводным батальоном из пеших казаков и 14-го линейного батальона, ему же подчиняется и вся горная артиллерия, здесь находящаяся.

6. Все сухопутные войска по случаю отплытия моего вверх по Амуру подчиняются командующему здесь морскими силами камчатскому военному губернатору г. контр-адмиралу Завойко и составляют под ведением его три отдельные части, а именно: а) сводный батальон пеших казаков и 14-го линейного батальона со всей артиллерией, б) 15-й линейный батальон, в) поселенная сотня конного казачьего Забайкальского войска. Начальникам частей сих: адъютанту моему подполковнику Сеславиному, подполковнику Назимову и есаулу Скобельцыну относиться во всём прямо к г. контр-адмиралу Завойко и получать от него все приказания.

Механическому заведению, состоящему в ведении горного инженер-подпоручика Маюрова, состоять по наружности в ведении адъютанта моего подполковника Сеславина, так как оно расположено при Мариинском poste, но по всем предметам, искусственным и хозяйственным, г. Маюрову доносить и испрашивать разрешения прямо у контр-адмирала Завойко.

8. Всем продовольственным и другим запасам при Мариинском poste, а равно и коменданту оного находиться в ведении адъютанта моего подполковника Сеславина, под главным начальством г. контр-адмирала Завойко.

Подлинный подписал генерал-лейтенант *Муравьёв*

48. Приказ генерал-губернатора Восточной Сибири
Н. Н. Муравьёва от 15 июля 1855 г. № 26
о сводном экипаже, пост Мариинский

Команды фрегатов «Паллада», «Диана», «Аврора» и винтовой шхуны «Восток», находящиеся на устье Амура, соединяются в один сводный экипаж в составе трёх рот. Когда же придёт сюда из Японии вторая половина экипажа фрегата «Двина», то часть эта составит четвертую роту сводного экипажа.

В каждой роте сводного экипажа должно быть по одному штаб-офицеру или обер-офицеру для командования ротами и по три обер-офицера, сверх того в экипаже один штаб- или обер-офицер для исполнения обязанностей адъютанта и казначея.

Фрегат «Аврора» по вводу в устье р. Амур сдаётся в ведение порта.

Излишние гг. штаб- и обер-офицеры всех вышеозначенных команд получают особое назначение по распоряжению моему.

Командующему на устьях Амура морскими силами г. контр-адмиралу Завойко поручается привести в исполнение настоящее моё распоряжение и войти ко мне с представлением, как о назначении командующего сводным экипажем, так и о ротных командирах.

Подписал генерал-губернатор Восточной Сибири
и командующий в оной войсками *Муравьёв*

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1223. Л. 92—93

49. Приказ камчатского военного губернатора В. С. Завойко
от 26 июля 1855 г. № 445 о сводном экипаже

Вследствие приказа его высокопревосходительства г. генерал-губернатора Восточной Сибири и командующего войсками, в оной расположенными, от 15 сего июля за № 26, находящиеся здесь команды фрегатов «Паллада», «Диана», «Аврора» и винтовой шхуны «Восток» соединяются в один сводный экипаж в составе трёх рот. Когда же прибудет сюда из Японии вторая половина экипажа фрегата «Диана», то часть эта составит четвертую роту сводного экипажа.

Г-на капитан-лейтенанта Лесовского прошу сделать следующее распоряжение:

1. Расписать вышеозначенные команды на три роты сводного экипажа.

2. Назначить в каждую роту по одному штаб-офицеру или старшему обер-офицеру для командования ротами и сверх того ещё по

три обер-офицера в роту. Назначение же офицеров в роту, которая составит из команды фрегата «Аврора», будет зависеть от командира сего фрегата г. капитана 2-го ранга Изыльметьева и

3. Избрать одного штаб- или обер-офицера для исполнения обязанностей по сводному экипажу — адъютанта и казначея.

По исполнении сего г. капитан-лейтенант Лесовский обязывается доставить ко мне для представления на благоусмотрение и утверждение его высокопревосходительству г. генерал-губернатору Восточной Сибири:

а) перечневые ведомости по ротному расписанию офицеров и нижних чинов, б) именные списки о ротных командирах и офицерах, назначенных в роты, равно и об избрании в должность адъютанта и в) именные списки о всех вообще гг. офицерах вышеозначенных команд, которые останутся не расписанными по ротам сводного экипажа.

Подписал контр-адмирал *Завойко*

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 34. Л. 1—2

50. Рапорт генерал-губернатора Восточной Сибири
Н. Н. Муравьёва управляющему Морским министерством
великому князю Константину Николаевичу
от 21 сентября 1855 г. № 255, пост Мариинский

В последствие рапорта моего вашему императорскому высочеству от 3 августа имею честь донести:

Находящиеся на устьях Амура морские и сухопутные войска продолжают устраивать для себя зимние помещения казармами различной величины. В некоторые из сих зданий в Николаевском, Мариинском и Александровском постах войска уже введены, остальные же будут введены в первой половине октября.

Неприятельские военные суда показывались ещё в виду Петровского зимовья в конце июля и начале августа, но вскоре скрылись.

Августа 23-го пришёл на рейд Петровского зимовья американский купеческий барк «Пальметто», зафрахтованный в Сан-Франциско лейтенантом Кроуном для доставления различного груза г. вице-адмиралу Путятину и на устья Амура. Командир оного сообщил, что, встретив неприятельскую эскадру из шести или семи судов, имевшую направление к Лаперузову проливу, он считал удобнее идти к северной стороне лимана.

У нас немедленно были приняты все меры к усилению отряда при Александровском poste (Де-Кастри), но как по расчёту време-

ни и пространства с достоверностью заключить, что если неприятельские суда не показались в этой бухте до 1-го сентября, то эскадра эта, конечно, взяла направление от Лаперузова пролива к югу, то я и сделал окончательные распоряжения к размещению войск на зимние квартиры, как изволите усмотреть из прилагаемого при сем приказа моего по войскам, на устье Амура сосредоточенным, 1-го сентября.

Вслед за тем, ожидая прибытия вновь выстроенного в Шилкинском заводе парохода «Шилка» и возвращения отправленного с г. генерал-адъютантом Путятиным парохода «Надежда», я намерен был отправиться на оных вверх по Амуру, но, к несчастью, пароходы сии и до сего времени сюда не прибыли, а если б сего числа и прибыли, то по расчёту времени рекостава у Усть-Стрелочного караула подыматься на них вверх по реке уже поздно.

Между тем получены были мной с разных сторон следующие известия:

2-го сентября от китайских посланных, что чиновники их, уполномоченные для разграничения, следуя в Мариинский пост, находятся невдалеке, но, полагая, что я скоро пойду вверх, желали бы со мной переговорить на пути обратного моего следования, чтоб не опоздать возвратиться до рекостава.

5-го сентября прибывший из Николаевского поста контр-адмирал Завойко представил мне донесения, полученные им из Камчатки на боте «Кадьяк», прибывшем из Большерецка к Петровскому зимовью, и из Аяна на байдарке. Из всех этих донесений, коих копии при сем приемлю смелость на благоусмотрение вашего императорского высочества представить, видно, что неприятель был в здешних морях в весьма значительных силах, в числе коих был и линейный корабль, против которого, конечно бы, камчатские батареи не устояли. Можно также заключить, что неприятель, ограничившись в нынешнем году посещением Камчатки, Аяна, а может быть и Ситхи, обратит в будущем году все свои силы к устьям Амура, начиная с бухты Де-Кастри, поэтому я отменил постройку там для будущего года батарей, которые бы, конечно, не могли устоять против семи [кораблей], или 800 неприятельских орудий, но считаю необходимым усилить войска, дабы отразить неприятельский десант, который бы вознамерился там утвердиться или проникнуть на Амур.

С присланным ко мне по Амуру курьером имел я честь получить ещё в конце августа весьма секретное повеление вашего императорского высочества по высочайшей воле трактовать с китайцами об

уступке нам всего левого берега р. Амура и о праве свободной торговли в северных областях Китайской империи, а также и об Амурском конном казачьем полку. Повеления эти предупредили китайских уполномоченных только несколькими днями, ибо они и сами прибыли сюда вскоре после своих посланных, а именно 8-го числа сего месяца. Убеждённый в необходимости для России иметь весь левый берег Амура, без которого и плавание по оному не может быть прочно, я на основании вышеозначенной высочайшей воли передал уполномоченным мою ноту об этом предмете, но не говорил о торговле, ибо это не относилось к их поручению, а между тем могло бы только подать повод думать, что мы действуем из корысти, что китайцы более всего презирают в англичанах. Впрочем, я не упущу из вида и этот важный для нас предмет, когда наступит время окончательных переговоров для заключения трактата, и так как сии уполномоченные никакого другого уполномочия не имели, как ставить столбы от Горбицы по горам и переговаривать о нейтральных землях, то конференции наши и ограничились приёмом и двумя заседаниями, тем более что они чрезвычайно спешили отплыть обратно, чтобы не замёрзнуть в реке прежде чем достигнут своих городов на Амуре или на Сунгари. Все бумаги по этим конференциям приложены здесь при особой записке.

Изложив обо всём, здесь происходящем, и полученных известиях, я должен, к сожалению, упомянуть о горестной участи, постигшей остальную часть команды фрегата «Диана», находившейся в Японии и отправившейся оттуда на бременском судне в Аян. Я думаю, лучше бы было, если б они шли в Де-Кастри, куда им предназначено было идти г. генерал-адъютантом Путятиным.

На другой день после отплытия отсюда китайских уполномоченных отправил я вверх по Амуру курьером состоящего при мне для особых поручений есаула Сухотина на нескольких лёгких лодках с конными казаками Забайкальского войска, возвращающимися со службы в свои дома. Молодцы эти, несмотря на позднее время года, надеются дойти водой до Камарского караула (в 550 верстах от нашей Усть-Стрелки), а оттуда, если захватит их рекостав, доберутся на лошадях, у манжуров взятых, и пешком до Усть-Стрелки. С есаулом Сухотиным послал я лист в китайский трибунал, который он должен отдать в городе Сахалин-Ула, и различные распоряжения в Сибирь для будущего сплава по Амуру, но так как путь его может совершаться весьма долго, то я не дал ему донесений к вашему императорскому высочеству и отправляю настоящее на оленях через Удский край в Якутск.

Пароход «Аргунь» при возвращении сюда вторично из Николаевского поста сел на мель, и так несчастливо, что никакие усилия не помогли его снять, особенно при настоящей убыли воды в реке; впрочем, когда не пришёл пароход «Шилка», то на одной «Аргуни» подыматься вверх по реке нельзя было бы решиться, особенно в столь позднее время, ибо в известных местах по быстроте течения для парохода сего понадобилась бы помощь другого парохода.

В таком положении дел, лишённый возможности возвратиться в Иркутск вверх по Амуру, я решаюсь идти через Аян на винтовой шхуне «Восток», которую мы кое-как здесь исправили, и может быть, она это плавание и обратно ещё выдержит. Из Аяна я могу отправиться далее только по зимнему пути, то есть в конце октября или начале ноября, и прибыть в Иркутск в декабре. Настоящее донесение моё отправляю на случай какого-либо несчастья или замедления, могущего случиться в плавании моём от Николаевского поста до Аяна.

Присутствие моё в Иркутске необходимо для распоряжений к будущему сплаву, а в противном случае я бы остался зимовать на устьях Амура.

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1223. Л. 104—107

51. Всеподданнейшее донесение Главного правления Российско-Американской компании императору Николаю I
от 11 октября 1855 г.

Состоящий в должности начальника Аянского порта капитан-лейтенант Кашеваров доносит, что 21-го июля вновь прибыли на Аянский рейд и легли на якорь английские фрегаты: «Сибилла», комодор Элиот, начальствующие отрядом, и «Спартан», капитан Гауст, а на другой день вторично пришёл английский паровой фрегат «Барикута», капитан Стирлинг, имея на буксире бременский бриг «Грете», следовавший из Японии в Аянский порт с частью взятого сим пароходом в Охотском море в широте 52° экипажа фрегата «Диана», состоящего из семи офицеров: лейтенантов Мусина-Пушкина и Шилинга, мичманов Зеленого, Ковальского, Урусова и Михайлова и корпуса штурманов подпоручика Ёлкина, доктора Крочева, священника Махова, чиновника надворного советника Гашкевича, переводчика японского языка Прибылова и 265 человек нижних чинов.

По распоряжению комодора Элиота бриг «Грете» признан был призом, а экипаж и пассажиры — военнопленными. Из них 21 человек

больных нижних чинов, а также доктор и священник свезены были на берег, и о передаче их комодор Элиот письменно сообщил якутскому гражданскому губернатору. Команду эту сопровождал на берег лейтенант Мусин-Пушкин, вновь возвратившийся потом на фрегат «Барикута», который в ночь на 24 июля, приняв на буксир бриг «Грете», ушёл в Гонг-Конг, взяв с собою лейтенантов Мусина-Пушкина и Шилинга, надворного советника Гашкевича и 95 человек нижних чинов, остальные же офицеры и нижние чины были по другим судам.

По словам английских офицеров, генерал-адъютант Путятин с частью команды и офицеров при нём бывших достиг Николаевского поста и отправился вверх по Амуру, а вышедший из Аяна 22-го июня бриг «Охотск» (принадлежащий компании и следовавший на Амур с продовольствием и прочим снабжением для казённых команд), подходя к Николаевскому посту, был настигнут неприятельским пароходом, вследствие чего команда «Охотска» успела с брига пересечь на шлюпки, но одна из сих шлюпок с бывшими на ней 14 человеками взята в плен, а остальные благополучно достигли берега. Бриг же, по оставлению оного командою, был взорван.

Во время пребывания на Аянском рейде вышеупомянутых неприятельских фрегатов оставались в порту только преосвященный Иннокентий архиепископ Камчатский с причтом, помощник правителя Аянской конторы, как агент компании, и пять человек жителей компании. Командующий отрядом, съехав на берег, подтвердил встретившему его агенту компании, что прокламация капитана Фредерика будет уважаема, пока в Аяне не находится военной команды. При сем случае и впоследствии обращение его и офицеров было весьма вежливо, как с сим агентом, так и в особенности с архиереем. По дозволению преосвященного они входили в церковь, где вели себя прилично.

С означенных судов был неоднократно высаживаем десант в числе до 400 человек с целью достать из земли зарытые пушки. Команда эта в разных местах порта и окрестностях рыла землю и опускала в залив водолазов, но пушек отыскать не могли (примечание в документе: о зарытии пушек и числе оных сведений здесь не имеется). Старший лейтенант фрегата «Сибилла» по приказанию комодора подробно осматривал всё, что оставалось ещё в магазинах компании, и объявил, что ему приказано сжечь строившуюся шкуну, но агент компании предложил обязаться именем Российско-Американской компании, что шкуна не будет достроена до оконча-

ния нынешней войны, и предложение это было принято. Шкуна осталась нетронутой.

Фрегаты наливались водой, запасались дровами и ловили рыбу в заливе, предупреждая о том агента компании, и, кроме того, взяли якорь с цепью, несколько железа, досок, разных мелочных вещей и посуды. Команда же, сколько замечено, не производила грабежей, а небольшое расхищение посуды, дозволенное команде офицерами, сии последние объясняли необходимостью вознаграждения оной за труды при рытии земли.

25-го июля утром слышны были пушечные выстрелы с моря, но судов по причине тумана не было видно, а вечером пришёл на рейд английский винтовой фрегат «Гоннет», капитан Форсейт, и в море был виден французский фрегат. В этот же день от китоловов, бывших на устье реки Уды, неприятель узнал, что туда прибыл на байдарке (кожаной лодке) русский офицер, но кто и зачем — неизвестно.

По слухам, означенная эскадра ожидала в Аяне прибытия французской, чтобы вместе идти в море.

О чём Главное правление Российско-Американской компании долгом считает вашему императорскому величеству всеподданнейше донести.

Подлинное подписали:
председатель генерал-майор *Политковский*,
отставной контр-адмирал *Этолин*,
действительный статский советник *Н. Кузов*,
действительный статский советник барон *Врангель*

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1230. Л. 45—47

52. Инструкция генерал-губернатора Восточной Сибири
Н. Н. Муравьёва камчатскому военному губернатору
В. С. Завойко

Отплывая в Аян, я считаю нужным сообщить вашему превосходительству главнейшие занятия, на которые должны быть обращены вверенные вам войска в течение зимы и весны, а также главнейшие распоряжения к отражению всяких неприятельских покушений в будущую навигацию:

1. Как сухопутные, так и морские войска, здесь находящиеся, должны непременно заняться строевой службой и преимущественно стрелковым ученьем и стрельбой в цель; сверх того, морские

экипажи должны заниматься и артиллерийским ученьем для действия на батареях.

2. Войска, находящиеся в Николаевском poste, должны приготовить все материалы и в удобное время приступить к возведению батареи св. Константина по указанию инженера штабс-капитана Рейна. Своевременное возведение этой батареи, совершенно необходимой для защиты входа в Амур, возлагается на особое попечение и заботливость вашего превосходительства и остаётся вполне на вашей ответственности.

3. Во всех местах войска должны улучшать свои помещения и по возможности возводить новые, так как в течение лета возводились только здания самые необходимые. В Мариинском же poste и Кизи должны быть возведены непременно к приходу судов по Амуру четыре больших магазина, как для склада провианта, так и других предметов.

4. Войска во всех местах должны приготовить обширные огороды, так чтобы овощей было в изобилии не только для них, но и для могущих вновь прибывать сюда подкреплений.

5. В отношении кораблестроительном следует построить две шхуны для винта, одну в 30, а другую в 50 сил и бот № 2 по примеру № 1-го, а в механическом заведении — сколько можно более маленьких паровых машин, колёсных, для барказов от 4-х до 6-ти сил каждая, и для машин сих выстроить барказы. Вообще привести в полную исправность гребную вооружённую флотилию и усилить её сколь можно большим числом гребных судов.

6. В отношении военных действий сообщаю при сем вашему превосходительству копию с данного мной предписания командующему войсками в Де-Касте подполковнику Сеслаину. В отношении же защиты Николаевского поста и входа в реку Амур полагаю занять сводным экипажем все три, а потом четыре батареи, а 47-й флотский экипаж в составе комплектного батальона для действия против неприятельских десантов или гребных флотилий, но так как ранее июня месяца неприятеля в лимане ожидать нельзя, то до того времени войска сии могут быть заняты тем, что выше изложено.

7. В отношении гидрографическом прошу ваше превосходительство приказать сделать самую верную карту лимана и его каналов, определив астрономически сколь можно более пунктов, как по берегам лимана, так и острова Сахалина, ибо, к сожалению, мы до сих пор ничего верного в этом отношении не имеем.

8. С вскрытием реки тотчас прошу ваше превосходительство послать все пароходы, которые будут у вас тогда в готовности

находиться, навстречу судам, имеющим плыть по Амуру. Это необходимо для скорейшего пробуксирования сюда нескольких судов с продовольствием.

9. Зимнюю почту отправлять с надлежащей точностью, как установлено, 1-го декабря и 1-го февраля через Удский край на оленях.

10. Войска, которые придут сюда сплавом будущей весной по Амуру, будут состоять из трёх рот 14-го батальона и двух рот 13-го батальона. Отсюда ещё должны отправиться по прибытии оных обратно в Сибирь: сводный пеший казачий полубатальон и две роты 13-го батальона, если не будет в виду многочисленного неприятеля, вверх по течению на манжурских лодках, для закупки каковых до 36 штук вверх по Амуру предлагаю командировать мичмана Разградского, снабдив его для этого деньгами и товарами. Если с прибытием всех рейсов Амурской экспедиции и до 15-го июля не будет в виду многочисленного неприятеля, то в это число прошу отправить отсюда на манжурских же лодках, имеющих прибыть из Сибири, весь сводный казачий полубатальон.

11. Если приедут в Николаевск пароходы из Америки, заказанные там г. Казакевичем, то прошу немедленно их составить и пустить в плавание, и на пароходах сих, а также тех, которые будут у вас прежде находиться, отправить 15-го августа весь 14-й батальон вверх по Амуру в Сибирь, разумеется, если в то время не будет ещё в виду неприятеля, а в противном случае отправление это может совершиться в сентябре, если пароходы будут благонадёжны.

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1223. Л. 142—145

53. Выписка из записки контр-адмирала В. С. Завойко
о перенесении Петропавловского порта на Амур
и о действиях на Амуре по ноябрь 1855 г.

Прибытие Амурской экспедиции и первые распоряжения о защите края. В то время, когда вверенная мне эскадра вышла из Петропавловского порта и достигала места своего назначения, Амурская экспедиция под непосредственным начальством г. генерал-губернатора в числе более 100 барж с войском, с грузом до 300 тысяч пудов провианта, тяжёлой артиллерией с принадлежностью, механическим заведением, разными строительными материалами и инструментами, с 50-ю семействами переселенцев с принадлежащими им скотом, запасами и земледельческими орудиями спустилась в последних числах апреля месяца по Амуру. Смело предпринятая в столь огромных размерах экспедиция увенчалась полным успехом.

Его высокопревосходительство во главе первого отряда прибыл в Мариинский пост 31 мая, затем постепенно подходили другие отряды, а 5-го июля соединилась вся экспедиция.

Это поистине блистательно-счастливое событие, коим побеждены многие препятствия и опасности плавания по великой, почти неизвестной реке, на баржах, построенных с необыкновенной скоростью, — обеспечило продовольствие Приамурского края до июня месяца будущего года.

Господин генерал-губернатор, назначив квартиру себе в Мариинском poste, принял главное начальство над морскими и сухопутными силами и в непосредственное своё наблюдение защиту дороги из Де-Кастри (пост Александровский) в Кизи (Мариинский пост), где были все запасы и тяжести, сплавленные по Амуру. Тотчас устроен был в Де-Кастри укрепленный лагерь и приняты самые действительные меры к отражению неприятеля, если бы он решился сделать высадку.

Мне же поручена была защита устья Амура с вверенным мне 47-м флотским экипажем и с командами фрегатов «Паллада», «Диана» и «Аврора».

Вход в Амур эскадры. Прежде всего необходимо было спешить вводом судов в реку для того, чтобы поставить их вне опасности от сильнейшего неприятеля и, сняв команды, употребить их для постройки укреплений, зданий и проч., ибо не только 47-й флотский экипаж, размещенный по судам, но и все прочие команды, остававшиеся в Николаевске, заняты были по этому же делу, производя приём и укладку грузов, привезённых с Де-Кастри транспортом и гребными судами, и приготовляя магазины для складки таковых грузов.

По сообщённым мне местным сведениям значилось, что в Амур можно ввести суда, сидящие не более 13 ¹/₂ фут. Хотя фрегат «Аврора» одной выгрузкой нельзя было поднять до такого углубления, но как единственное средство сохранить его — ввести в Амур, то оставалось искать новых фарватеров и пользоваться прибылью воды.

По прибытии эскадры к островам Хази-Миор транспортные суда, сдав собственный груз в Николаевске, обязаны были принимать тяжести с фрегата, корвета и транспорта «Диана» и перевозить оные в Николаевск, для чего употреблены транспорты «Иртыш» и «Байкал», бот № 1, пароход «Аргунь», баржа «Лиман» (построенная при Амурской экспедиции) и гребные суда: барказ, катер и две баржи.

Капитану 2-го ранга Изыльметьеву, которому я поручил, как старшему, командование эскадрой, предписано было для ускорения проводки судов рангоут, котлы и балласт выгружать прямо на ближайший берег и оставлять там, не отправляя до времени в Амур. Как только фрегат поднимется, вести его далее, пока будет возможно, не теряя ни минуты времени, хотя бы для этого потребовалось несколько раз в день сниматься и становиться на якорь, имея в виду, что каждая пройденная миля будет новым препятствием к достижению неприятелем наших судов. Затем вновь начинать выгрузку на берег и на суда.

Сделав подробные наставления командующему эскадрой относительно всего, что могло ускорить дело, и не желая, однако, стеснять его в действиях, если бы представились какие-либо новые непредвиденные обстоятельства, я предоставил ему в сем случае право действовать по усмотрению с тем, чтобы постоянно имел в виду: 1) чтобы ни под каким предлогом суда не достались неприятелю, 2) спешить как можно скорее ввести их в Амур и 3) пользоваться всяким случаем для нанесения вреда неприятелю. Последнее распоряжение сделано по поводу полученных известий, что английский винтовой корвет вышел 16-го числа мая из Де-Кастри к северу и что неприятельские крейсера показались в Охотском море в виду Петровского зимовья. В крайнем случае я разрешил Изыльметьеву рубить фрегатские мачты.

Хотя я и имел случай неоднократно убедиться в деятельности и усердии подведомственных мне офицеров, но важность настоящего дела, от коего зависело сохранение судов и команд, и чрез то успех дальнейших действий наших на Амуре, заставили меня рекомендовать командующему эскадрой неутомимую деятельность, личной надзор за всеми работами, стараясь служить примером усердия к выполнению сделанных распоряжений и требуя такой же деятельности и усердия к службе от всех подчинённых ему офицеров. Не ограничиваясь этим, я сам был на эскадре в июне месяце, чтобы удостовериться в точном исполнении моих приказаний, а в Николаевском порте сам лично распоряжался выгрузкой транспортов и отправкой их к эскадре.

К счастью, распоряжения эти не остались без последствий и дело сопровождалось полным успехом. До 20 июня эскадра стояла у мыса Лазарева, принимая груз, оставленный фрегатом «Паллада», сего же числа снялась с якоря и отправилась к островам Хази-Миф; 21-го, перейдя параллель сих островов, остановилась на глубине 21 фут. Фрегат «Аврора» сидел ахтерштевнем 19 фут 10 дюйм,

форштевнем 17 фут 6 дюйм. Свежий ветер от норда препятствовал работам по выгрузке тяжестей на берег, так что таковые работы с 21 июня по 9 июля производились только в течение пяти дней, в продолжение коих свезено на ближайший из островов: весь фрегатский рангоут запасный и настоящий вместе с бизань-мачтой, 54 котла и 6 158 пудов балласта; вместе с тем фрегат выгружал разные тяжести на транспорт «Иртыш», бот № 1 и баржу «Лиман». Корвет «Оливуца» и транспорт «Двина» сдавали груз на другие мелкие суда.

К этому времени фрегат находился в грузу на ровный киль 16 фут. 9-го июля эскадра отправилась далее, сначала попутным ветром, а потом завозами, буксиром гребных судов и парохода «Аргунь»; 15-го июля остановились, пройдя мыс Джаури, на глубине 15 ¹/₂ фут. Фрегат продолжал разгружаться и 16-го числа сел на ровный киль 15 фут, а корвет «Оливуца» и транспорт «Двина», как сидящие менее, вскоре потянулись далее завозами. Встретив транспорт «Байкал», разгрузились по мере надобности и 16-го числа прошли во время полнолуния и полной воды благополучно последние бары до мыса Пронге по глубине не менее 15 фут, причём корвет сидел на ровный киль 13 фут 2 дюйма и транспорт «Двина» — 13 фут. 17-го числа суда сии были в Николаевске. Фрегат, сидя 15 фут, прошёл того же числа за буксиром парохода последний бар, на коем тогда было воды только 14 ³/₄ фут. Для облегчения фрегата часть команды садилась на гребные суда, остававшиеся на фрегате перебежали от одного борта к другому, чрез что раскачивался фрегат и медленно подвигался по жидкому илистому грунту фарватера. В Николаевск прибыл февраля 18-го числа...

О постройке батарей. Предписанием г. генерал-губернатора от 10 июня за № 76 поручено мне было окончить начатые весной сего года три батареи на мысах Чныррахском, Меоском и Куегде и заготовить материалы для построения четвёртой батареи на отмели Константиновского полуострова. Для производства работ сих прислан был инженер штабс-капитан Рейн. Положение батарей означено на представляемой при сем карте.

По осмотре батарей оказалось: на мысе Чныррах бруствер батареи был насыпан до высоты 6 фут, платформы все построены и орудия, исключая двух, поставлены на место, но бруствер на этой батарее, по неимению вблизи земли, построен из дёрна, который, будучи лёгок и образуя в бруствере слои, составляет материал весьма ненадёжный. Опыт показал, что ядро, пущенное из 24-фунтовой пушки в бруствер на расстоянии 24-х сажень, пробило его насквозь,

разрушило почти весь мерлон и вылетело через щёку амбразуры, сделав потом по воде ещё пять рикошетов. Расстояние, пройденное по насыпи ядром, составляло две сажени.

Другое ядро, пущенное на расстоянии 100 сажень, найдено в бруствере, пройдя по нём $13\frac{1}{2}$ фут при глубине в $1\frac{3}{4}$ фут от гребня бруствера. Воронка, образовавшаяся, имела в диаметре около двух футов, а верхний пласт бруствера был приподнят на 3 фута по направлению полёта ядра. Кроме того, амбразуры этой батареи оказались узкими, так что орудия имели малый обстрел.

На Меоской батарее бруствер был насыпан около $4\frac{1}{2}$ футов и были начаты платформы.

На мысе Куегда бруствер батареи был доведён только до половины и построен сруб для порохового погреба около крайнего мерлона с левой стороны в одну линию с платформой. Батарея разбита была неверно по фарватеру.

В первое время в Николаевском poste в распоряжении моём находилось 683 человека, из числа коих 320 были в дальних командировках, 105 человек в домашнем расходе, 95 больных, 4 неспособных, 2 ординарцев и затем 157 человек оставалось для всех работ в Николаевском poste, где следовало приступить к постройке разных помещений, к выделке кирпича, немедленно принимать грузы с транспортных и других перевозных судов, чтобы безостановочно производить ими разгрузку судов эскадры, которую надлежало провести в Амур, а равно и для других, не терпящих отлагательства работ.

Такой недостаток в людях, препятствуя усилить рабочих людей на батареях, вынудил меня работы на батарее Чныррахской, как передового укрепления, которое должно было служить первым препятствием неприятелю прорваться в реку, продолжать по необходимости в том виде, в каком они были начаты, а постройку Меоской батареи прекратить.

Но вместе с тем я счёл необходимым немедленно приступить к постройке заново Куегдской батареи, которой главный недостаток состоял в том, что суда, подходя по Чныррахскому фарватеру к этой батарее, могли бить её продольными выстрелами, не подвергаясь вовсе огню её орудий. Почему все прежние работы были скрыты, батарея разбита вновь, и к постройке её приступлено с деятельностью и усердием, которые вполне соответствовали важности назначения батареи — защищать Николаевский пост, в который подвозились запасы продовольствия на все морские команды. Для работы назначались некоторое время все вестовые и даже большая

часть писарей всех управлений. В самое короткое время поставлены были четыре орудия, обстреливающие фарватер так, что уже ни одно судно не могло безнаказанно подойти, а затем продолжались столь же быстро и другие работы.

Около 15-го июля прибыл 14-й линейный батальон в числе более 560 человек, которые назначались согласно распоряжению г. генерал-губернатора преимущественно для устройства и защиты трёх батарей.

Батальон этот сплавил запасы продовольствия и разные тяжести, выгрузка и рассортировка коих по магазинам отнимали много рук. Несмотря на это, батарейные работы с сего времени пошли успешно, а в особенности в августе месяце, когда по входе судов в Амур снята была с них большая часть 47-го флотского экипажа.

Прежде чем приступить к работам на Мео, я приказал произвести подробный промер Меоского фарватера. Оказалось, что и эта батарея разбита не по фарватеру и что её следовало совершенно переделать, к чему и было приступлено.

Батарейные работы продолжались до первых чисел октября месяца, когда надлежало уже непременно обратить всех рабочих людей для постройки помещений.

К этому времени Чныррахская батарея в 19 орудий окончена совершенно, горж сомкнут палисадом, тыл батареи с открытого места защищён двумя 24-фунтовыми орудиями.

На батарее Меоской поставлено 19 орудий, бруствер выведен до половины, горж также сомкнут палисадом, в окончании коего поставлено 24-фунтовое орудие для обстрела отлогости берега, на которой возможно высадить десант.

На батарее Куегдской сделана насыпь в среднюю высоту на 4 $\frac{1}{2}$ фут на низком берегу, поставлено 15 орудий; 7 окончено мерлонов, насыпано до половины, остаётся окончить 12. Выстроен пороховой погреб в центре батареи, обложенный камнями на глине и засыпанный глиной на толщину 4 $\frac{1}{2}$ фут; насыпь эту полагаю в будущем году несколько увеличить.

Платформы на батареях наклонные.

Приказом г. командующего войсками названы батареи: Чныррахская — форт св. Александра Невского, Меоская — св. Михаила Архангела, Куегдская — форт св. Николая Чудотворца.

Бруствер на фортах св. Михаила Архангела и св. Николая Чудотворца имеет в толщину 20 $\frac{1}{2}$ фут, в вышину 8 $\frac{1}{2}$ фут, выстроен на первой по чернозёму с песком, а на второй из глины и обложен песком, весьма крепок. Вообще обе батареи имеют грозный и вместе

с тем красивый вид. Бывшие здесь на купеческих судах американцы не без удовольствия замечали, что эти укрепления, столь поспешно выстроенные, наделают много хлопот союзникам в будущем году.

О постройках и помещениях. Из предшествовавших донесений моих известно, что все пассажиры, штурманские ученики, кантонисты со всем багажом их свезены были с эскадры на берег залива Де-Кастри и отправлены оттуда в Мариинский пост. Некоторым семействам оказано вспомоществование оленями и проводниками-тунгусами, но большая часть должны были дойти пешком до озера Кизи и перевезти имущество своё своими средствами. Штурманских учеников и кантонистов сопровождали нижние чины, к ним назначенные, кроме того, отпущены были семейные нижние чины для сопровождения семейств их до озера с тем, чтобы оттуда немедленно возвратились на эскадру, что ими и было выполнено ещё до прихода неприятельской эскадры. Больным оказана была возможная помощь. Как ни труден был переход этот на расстоянии 25 вёрст по глубокому рыхлому снегу, в особенности для перевозки имущества, но более означенных нельзя было оказать никаких пособий. Впрочем, хотя с трудом, но благополучно достигшие до озера, были доставлены на барказах в Мариинский пост, а оттуда на баржах в Николаевск в первых числах июня.

Здесь, прежде всего, я озаботился поместить больных. Для них назначена была одна из казарм, а в особом флигеле офицерская палата. Заболевшие цингой, кроме трудно больных, помещены были в большой палатке, поставленной на сухом месте. Так как наступили тёплые дни, то помещение это было для них даже полезно.

Все присутственные места морского и гражданского ведомств по необходимости помещены в небольшом здании в одну комнату, длиной 5, шириной 4 сажени; это помещение и ныне остаётся, за исключением, что контора над портом перенесена в другое здание.

В остальные здания, кроме небольшого числа флигелей офицерских, помещены преимущественно штурманские ученики, кантонисты и семейства нижних чинов, сколько возможно было поместить; остальные же, равно как все нижние чины и большая часть офицеров, до поздней осени помещались в палатках.

Следовательно, необходимо было построить помещения для офицеров и команд 47-го флотского экипажа и фрегатов «Аврора», «Паллада» и «Диана» и чиновников всех ведомств, кроме того, помещения для укладки разных грузов, доставленных по Амуру в Николаевский пост, пороховых погребов и т. д. Многие из прежних

зданий требовали основательной починки, дабы можно было про- вести в них зиму.

Проводка судов и постройка помещений дозволяли уделять для построек малое число рабочих, посему до снятия команд с судов производились только самые необходимые работы.

Так, например, устроен кирпичный завод, баня, из баржи временно пороховой погреб, пороховые погреба на батареях и т. д. Собственно же к постройке зданий для офицеров и нижних чинов приступлено было уже в августе месяце по отводе судов в про- току Маго.

В продолжение сего лета произведены следующие постройки:

- выстроено казарм в 27 сажен длиной, $4 \frac{1}{4}$ шириной — 4, строится — одна;

- выстроено столовых и пекарней длиной 15 сажен, шириной 4 сажени — одна, строятся две;

- кладовых для нижних чинов обоих экипажей на 8 саж. длиной и $2 \frac{3}{4}$ шириной — две;

- баня для нижних чинов обоих экипажей длиной 8 саж., шириной 4, с особой пристройкой для колодца — одна;

- вырыт колодец — один;

- двухэтажное здание $11 \frac{1}{2}$ саж. длиной и 7 саж. шириной под предполагаемый основать в Николаевском poste клуб, в верхнем этаже коего помещены 26 обер-офицеров, а в нижнем устроены зал, столовая, чертёжная, библиотека и инструментальная камера — одно;

- флигелей для семейных гг. штаб- и обер-офицеров от 6 до 4 сажен длиной и 4-х шириной;

- флигель для кондукторов;

- литейная 4-х сажен в квадрате;

- пороховой погреб вне города по новым чертежам, обвален землёй и дёрном, для помещения пороха на 11 саженьх длины и в ширине 5;

- при трёх батареях таковые же погреба на 6 саж. При всех погребах караульных домов.

На месте зимовки судов:

- казарма для 100 человек;

- флигель офицерский на 3 саженьх;

- баня.

Вытащено на берег в порту барж, приплавленных из Забайкаль- ской области, оные проконопачены, поставлены на них крыши, сде- ланы окна, и обращены в экипажские и мелочные магазины.

Кроме того, даны средства от порта женатым нижним чинам выстроить каждому по отдельной русской избе, и тем образовалась слобода в 85 домов.

На все вышесказанные дома для печей приготовлено кирпича 183 250 штук.

К сему прилагается план Николаевского поста.

О запасах продовольствия и о местных средствах к жизни.

В лето сего года сплавлено по Амуру разных запасов, которые обеспечивают продовольствие войск и всех здесь служащих до прихода новой Амурской экспедиции в будущем году, то есть по июнь месяц. Кроме муки и крупы, доставлено для команд в разном количестве спирт, масло, горох, сухая капуста, мясо в свежем скоте, каковые запасы и разделены между офицерами, чиновниками и командами, а скот оставлен весь для продовольствия больных.

В продолжение лета отправляемы были одновременно по Амуру из нижних чинов рыболовные партии с неводами. Впрочем, как по недостатку времени, так и по незнанию ещё местности и лучших средств к ловле, заготовленные запасы таковые ограничены. Кроме сего, я отправлял партии под командой офицера для покупки у гиляков рыбы.

Гиляки доставляют во все места поселений наших по Амуру на продажу рыбу — осетров, стерлядь, окуней, щук, кету и другую; дичь — гусей, уток (в то время, когда пища линяет, ибо гиляки не имеют ружей и не стреляют) и ягоды — морошку, малину и бруснику. Торговля с гиляками меновая, на разные бумажные материи, табак, домашнюю железную и медную посуду, на муку и крупу. Гиляки ценят свои товары весьма дорого, а наши, за небольшим исключением, принимают за весьма дешёвую цену. В начале сношений с ними русских гиляки ценили очень дорого самые ничтожные вещи, как то: разные украшения из меди и цветного стекла и даже пуговицы, но нынче они вовсе не принимают этих вещей за товар, хотя охотно берут в подарок. Деньги, кроме талеров и наших рублей серебром, сбываемых гиляками манжурам, в торговле почти вовсе не употребляются, а в особенности медная монета. Сделан был опыт — заставить гиляков продавать за деньги, почему и наложена была на продовольственные припасы, ими привозимые, такса. Мера эта, приведённая в исполнение летом, когда можно было обойтись без торговли с гиляками, хотя и имела некоторый успех, но в короткое время не могла ещё приучить их к новому роду торговли.

Главное препятствие состоит в том, что гиляки не могут понять ценности медных денег и мелкого серебра, ибо за несколько копеек,

вырученных за рыбу или ягоды, привозимые гиляками вообще в малом количестве за один раз, они не могут ничего для себя приобрести, потому что здесь нет ещё рынка, а в магазинах Российско-Американской компании и у приезжающих купцов русских все товары дороги, и вообще торгующие здесь пренебрегают торговать с гиляками на деньги, а требуют от них соболей или жизненных припасов, платя им товаром. Вообще означенных припасов гиляки чрезвычайно мало доставляют, соответственно потребности всего народонаселения. Кроме показанной дичи, добываются охотниками сохатые, дикие козы, зайцы, рябчики, куропатки и тетерева.

В Николаевском посту почва глинистая, покрытая толстым слоем моха, и потому требует удобрения для огородничества. В Мариинском poste, как показал опыт сего года, родятся превосходные картофели, капуста, огурцы, репа, редька, сняты с огородов в Кизи в изобилии, сравнительно с посевом, и хорошего качества. Грунт земли — чернозём и умеренный климат в poste дают надежду на постоянно хороший успех в огородничестве и даже в хлебопашестве, опыты коего непременно произведены будут в следующем году.

За 150 вёрст от Мариинского поста вверх по Амуру найден учёными, делавшими исследование, дикий виноград, которого образчики и были ими представлены к г. генерал-губернатору. Виноград этот был уже созревший. Вблизи самого Мариинского поста также находится дикий виноград, но он не достигает зрелости.

В заливе Де-Кастри ловятся устрицы.

О переселенцах. 51 семейство переселенцев, доставленное из Восточной Сибири, поселены по обоим берегам Амура между Мариинским и Николаевским постами на расстоянии 300 вёрст в четырёх пунктах, в числе 267 душ мужского и 208 женского, всего 475 душ.

Поселения сии размещены:

— первое поселение от Мариинского поста — Богородское, между местами Ауром и Монголем, на правом берегу Амура, из пяти семейств в числе 28 душ мужского пола и 20 женского;

— второе поселение — Иркутское, на устье реки Тондяги из восьми семейств в числе 39 душ мужского пола и 21 женского;

— третье поселение — Михайловское, на правом берегу Амура, близ гиляцкой деревни Хылк, на половине расстояния между постами Мариинским и Николаевским, где оставлено 25 семейств, в числе 136 душ мужского пола и 113 женского;

— четвёртое — Сергиевское, на левом берегу Амура на устье реки Личи в шести верстах от Николаевска, из 12 семейств, в числе 30 душ мужского пола и 31 женского.

Переселенцы сии водворены на основаниях высочайше утверждённого проекта переселения крестьян из Восточной Сибири в Камчатку. Для переселенцев доставлено конного, рогатого и прочего скота 508 штук, разной домашней птицы 200 штук. Переселенцы снабжены в достаточном количестве хлебными и огородными семенами, земледельческими и хозяйственными орудиями. Многие из переселенцев построили дома, а прочие продолжают строиться; все вообще заготовили сено для скота и распахали землю под пашни и огороды...

Контр-адмирал *Завойко*

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1223. Л. 237об.—243, 247—259об.

54. Инструкция генерал-губернатора Восточной Сибири
Н. Н. Муравьёва камчатскому военному губернатору
В. С. Завойко 1855 г., к № 21

Усматривая из всех полученных мной здесь сведений, что война продолжается с большим и большим упорством и что с открытием будущей навигации должно непременно ожидать в здешних морях скопления значительных неприятельских сил, конечно и с мелко-сидящими пароходами, я нахожу необходимым более и более усиливать оборону входа в реку Амур, а потому в дополнение к прежним моим предписаниям предлагаю вашему превосходительству:

1. Непременно приготовить в течение зимы всё необходимое для битвы свай Константиновской батареи, и при первой возможности заложить эту батарею, и со всей деятельностью производить работу оной, но между тем изготовить несколько пловучих батарей, к чему можно употребить плашкоуты, находящиеся как в Николаевском, так и в Мариинском постах.

Батареи эти должны иметь по одной мачте и паруса для движения вверх по течению реки и якоря на длинных канатах, чтоб становиться для действия против неприятеля на мелких местах реки.

2. При батарее Михаила Архангела возвести на приличном месте, на горе, по указанию инженера штабс-капитана Рейна, блокгауз. Все эти работы могут быть произведены зимой, равно как и всевозможное усиление гребной флотилии.

3. У Николаевской батареи продолжить фас, обращённый к востоку, и поставить там всю остальную артиллерию с фрегатов «Паллада» и «Аврора» для стрельбы через бар по неприятелю, который бы стал приближаться по Чныррахскому фарватеру.

4. На всех трёх батареях непременно устроить прокалительные печи в таком количестве, чтобы вся стрельба наша с них производилась не иначе, как каменными ядрами, а для того заготовить достаточное количество горючего материала.

5. Непременно сделать лафеты под всю привезённую вам артиллерию по Амуру и заготовить достаточное количество запасных лафетов, как корабельных, так и крепостных.

6. Приготовить полное по положению количество картузов и снарядов на всю артиллерию по батареям, и для всех ружейных патронов сводного и 47-го флотского экипажей приготовить французские пули, форма для коих находится в Мариинском poste, и приучить людей к стрельбе на большие расстояния, как долетают эти пули.

В заключение не излишним считаю сказать, что вполне уверенный в благоразумной распорядительности вашего превосходительства для всех приготовлений к надлежащей обороне вверенных вам мест на Амуре и в бухте Де-Кастри, я должен обратить особенное ваше внимание на улучшение гребной флотилии, как в Николаевском, так и в Мариинском постах, для быстрейшего передвижения войск, когда в тех окрестностях появится неприятель, а между тем покорнейше вас прошу предварительно не передвигать войска из Мариинского к Николаевскому посту и даже не отделять из 47-го экипажа никаких частей для защиты батарей Александра Невского и Михаила Архангела, доколе неприятель не покажется в самом лимане и у бара, где всегда должны находиться благонадёжные посты для наблюдения. Обстоятельства эти я потому в особенности должен поставить вам на вид, что в нынешнем лете половина 14-го батальона простояла без всякой надобности и работы на Чныррахском мысу. Имея же в готовности многочисленную гребную флотилию, вы всегда успеете вовремя подкрепить как эту батарею, так и Михаила Архангела из Николаевского поста. Но особенно было бы опасно, если б ваше превосходительство преждевременно ослабили Мариинский и Александровский посты, откуда войска на гребных судах всегда поспеют вниз по реке к Николаевскому посту, увидевши в Де-Кастри, что неприятельские главные силы пошли к лиману.

Необходимо также учредить от Кастри до Пронги на мысах цепь постов с гилякскими лодками, чтоб давать знать о неприятеле. Вообще я покорнейше прошу ваше превосходительство обратить всё ваше внимание в будущем году на бдительное наблюдение за неприятелем, как сухопутными средствами, так и водой, и на улучшение оборонительных средств и гребной флотилии, ибо, благодаря бога, вы уже избавлены от забот нынешнего лета по вводу

эскадры и поспешному возведению зданий для помещения людей на зиму. А при том не излишним считаю присовокупить, что все эти работы должны производиться вверенными вам войсками без особых для казны расходов, а горючий материал, как для батарей, так и для пароходов, должен быть везде приготовлен отнюдь не по подряду, а теми же войсками; засим всякий излишний расход, произведённый в противность сего по какому бы то ни было ведомству и департаменту, падет уже на ответственность вашего превосходительства. В помощь инженеру штабс-капитану Рейну для построения батарей и прочего прошу ваше превосходительство вызвать из Мариинского поста инженер-подпоручика Егорова, которому там никакого особого занятия мной не назначено.

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1223. Л. 138—141

55. Письмо генерал-лейтенанта К. К. Венцеля камчатскому военному губернатору В. С. Завойко от 28 января 1856 г. № 259 о сопровождении награды командиру брига Российско-Американской компании «Охотск» шкиперу Юзелиусу, Иркутск

Инспекторский департамент Морского министерства при отношении к г. генерал-губернатору Восточной Сибири от 10 декабря за № 19763 препроводил золотую медаль с надписью «За храбрость», всемилоостевейше пожалованную государём императором командиру брига Российско-Американской компании «Охотск» шкиперу Юзелиусу для ношения им в петлице на Георгиевской ленте, за оказанный подвиг храбрости в деле с настигшими его у устья Амура неприятельскими судами.

Зная, что г. Юзелиус находится во вверенном вашему превосходительству Приамурском крае, то я, препровождая при сем медаль для выдачи её по принадлежности, покорнейше прошу о получении и выдаче меня уведомить.

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 35. Л. 31

56. Уведомление о награждении командира брига Российско-Американской компании «Охотск» шкипера Юзелиуса золотой медалью «За храбрость» от 25 апреля 1856 г. № 1455

Государь император всемилоостевейше соизволил пожаловать вам золотую медаль с надписью «За храбрость» для ношения в петлице на Георгиевской ленте за оказанный подвиг храбрости в деле о настигшими вас у устья Амура неприятельскими судами.

О чём, согласно отношения г. генерал-лейтенанта Венцеля от 28 января за № 259, сообщая об этом вам, препровождаю означенную медаль для ношения в петлице, прошу о получении оной меня уведомить.

Верно: столоначальник *Губарев*

Помета: «Золотую медаль на Георгиевской ленте получил 22 апреля 1856 г. *А. Г. Юзелиус*»

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 35. Л. 32

57. Записка камчатского военного губернатора В. С. Завойко генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву о средствах к защите устьев Амура от 29 января 1856 г. № 393, Николаевский пост (под грифом «Секретно»)

В дополнение к рапортам моим относительно защиты устьев Амура, посланным с курьером капитан-лейтенантом Чихачёвым в ноябре месяце, спешу уведомить ваше высокопревосходительство, что по сделанному в начале текущей зимы тщательному промеру Чныррахского (левого берега) фарватера оказалось, что форт св. Александра Невского разбит несоответственно направлению того фарватера.

Прежде сего я имел честь доносить по сведениям, доставленным мне инженером штабс-капитаном Рейном, и по лично сделанным мною замечаниям, что бруствер батареи по неимению вблизи земли построен из дёрну и потому весьма ненадёжен; амбразуры узки, и обстрел орудия имеют малый. Опыты показали, что одно ядро 24-фунтовой пушки, пущенное в мерлон, почти весь его разрушило; мерлоны давали трещины от выстрелов батарейных орудий при салютах, причём внутренняя обшивка из фашиннику загоралась.

В таком виде батарея начата постройкою и наполовину построена ещё до прибытия моего на Амур. Недостаток рабочих рук и времени, что подробно известно вашему высокопревосходительству, и по вашему же распоряжению работу на форте св. Александра Невского, как передового укрепления, которое должно было служить первым препятствием неприятелю прорваться в реку, продолжались, по необходимости в том виде, в каком они были начаты.

Таким образом, оказывается, что форт св. Александра Невского должен быть срыт и построен заново, но по соображению времени и имеющихся в распоряжении моём рабочих рук оказывается, что при постройке Константиновского форта и всех других работах к усилению обороны устьев Амура нет никакой возможности окон-

чить постройкою заново батарею на мысе Чныррах до прихода неприятеля. Тем более что землю на эту батарею пришлось бы возить из Николаевского поста (на расстоянии 12 вёрст). По исчислению для этой работы потребно 9 492 уроков (так в тексте. — *Ред.*), но возка земли будет зависеть от ветров, от которых работа остановиться может на несколько дней.

По этим уважениям и имея в виду, что ваше высокопревосходительство изволили словесно сообщить мне, что если бы Константиновская батарея была построена, то укрепление Чныррахское на время выгоднее было бы убрать, я полагаю форт св. Александра Невского весною снять. Взамен же его построить батарею ниже форта св. Николая Чудотворца в расстоянии от форта сего в 450 саженьях.

Батарея эта будет продолжена внутрь рядом малых укреплений, соединённых между собою палисадами или засеками, для воспрепятствования неприятелю ворваться в Николаевский пост и взять Куегдскую батарею с тылу.

Новой батареей Николаевск защищён будет с самого слабейшего пункта, а именно с открытой площадки, имеющей все выгоды для высадки десанта и отдалённой от города и форта св. Николая Чудотворца редким лесом.

Выгоды новой батареи те, что она будет вблизи Николаевска и, следовательно, не разъединит наших сравнительно малых сил, она, так же, как и батарея на Чныррахе, будет обстреливать фарватер левого берега и, кроме того, в связи с малыми укреплениями непосредственно защищать Николаевск. При этом принято в соображение, что сообщение с фортом на Чныррахе могло бы быть отрезано с реки пароходами, которые будут обстреливать и дорогу, идущую подле берега, а местами по самому берегу узкому и совершенно открытому. Дорогу эту неприятель может завалить и, поставив на ней орудия, а так же при переправе через две речки, сделать сообщение с фортом совершенно невозможным ни рекою, ни сухим путём.

Вообще для защиты форта на Чныррах (примечание в документе: отстающего от Николаевского поста сухим путём более чем в 15-ти верстах) потребовалось бы более войск, нежели сколько мы можем отделить туда.

Я отнюдь не осмеливаюсь отвергать пользы форта на Чныррахе, но полагаю, что весьма выгодно бы иметь его, если бы только можно было успеть построить его прочно и отделить достаточное количество войска собственно для его защиты. Ибо в сем случае неприятель или должен бы был употребить большие усилия и понести потери, чтобы взять этот форт или оставить его с большим

гарнизонам в тылу, что, без сомнения, весьма бы озабочивало неприятеля.

Константиновская батарея, как я имел честь донести вашему высокопревосходительству рапортом от 11 ноября 1855 г. за № 4189, будет приведена в готовность отражать неприятеля ко времени его прихода. От батареи сей к берегу намереваюсь протянуть бон из толстых мачтовых деревьев, связав оные цепями и утвердив на якорях.

У самого окончания Константиновской отмели выше бона считаю необходимым поставить фрегат и далее к берегу в одну линию бот № 1, на котором поставить одно орудие 24-фунтового калибра.

Постановку фрегата я считаю мерою крайней необходимости, без этого неприятельские пароходы легко могут прорваться в реку, следствием чего будет уничтожение всех поселений наших по Амуре и Мариинского поста со всеми запасами. Неприятель может исполнить это, направив пароходы в две колонны по фарватеру мимо Константиновской батареи, и тогда как правая колонна, окружив батарею, будет драться с ней, левая, подойдя к бону и уничтожив его, прорвётся в реку. Построить же столько пловучих батарей, чтобы они были равносильны 44-пушечному фрегату, мы не имеем в настоящее время никакой возможности, ибо для постройки батареи потребно 17 300 рабочих в один день, кроме заготовки и доставки леса, и потребных материалов не имеется.

Фрегат «Аврора» при содействии батарей может отбить нападение пароходов с большою для неприятеля потерей. Нельзя также отвергнуть и того, что неприятельские пароходы при удаче могут истребить фрегат — утопить или сжечь, но он, как имеющий сильную артиллерию, может неприятелю нанести значительнейший вред, чем корвет «Оливуца», имеющий слабую сравнительно артиллерию. Я полагал бы корвет не ставить в объяснённую выше оборонительную линию, а оставить в протоке, в которой зимуют суда, с половинным только числом команды, для защиты находящихся там судов, на случай, если бы какие-нибудь неприятельские шлюпки успели тайно войти в реку.

В заключение считал долгом донести вашему высокопревосходительству, что, руководствуясь предписаниями и указаниями вашими, я употребляю самые энергические меры к защите вверенного мне края, и так как во время военных действий обстоятельства быстро изменяются, чрез что необходимо изменять и прежние распоряжения, то, если ваше высокопревосходительство не будете сами присутствовать на Амуре и таким образом я лишён буду возмож-

ности получать на месте разрешения, я не премину действовать решительно, и в сем случае никакое опасение личной ответственности не остановит меня принять ту меру, какую я по крайнему разумению своему признаю необходимою для чести нашего оружия и для спасения всего отряда войск, здесь расположенных, для которых, как по долгу, так и по самым местным обстоятельствам предстоит завидная участь: победить или умереть.

Контр-адмирал *Завойко*

ЦГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 38. Л. 87—95

58. Письмо управляющего Морским министерством генерал-адъютанта барона Врангеля в Сибирский комитет от 19 июля 1856 г. № 12971 о внесении изменений в положение и штат управления Камчатской области от 10 января 1851 г.

По случаю присоединения к Сибирским владениям нашим Удского края, Аяна, Сахалина и всего Приморского берега к югу от Аяна, а также по поводу перемещения центра управления Камчатской области из Петропавловска к устью Амура, г. генерал-губернатор Восточной Сибири, признавая необходимым изменить и дополнить высочайше утверждённые в 10-й день января 1851 г. положение и штат управления Камчатской области, представил его императорскому высочеству генерал-адмиралу соображения свои по этому предмету.

На основании этих данных и по соглашению с г. генерал-лейтенантом Муравьёвым, в бытность его здесь в Санкт-Петербурге, составлены в Морском министерстве новые проекты положения и штата управления означенным краем, в которые вошли нижеследующие перемены:

1. Камчатская область переименована в Приморскую область Восточной Сибири, так как прежнее название не соответствует настоящему составу области.

2. Петропавловский окружный суд назван Камчатским окружным судом.

3. Местопребыванием военного губернатора области назначен Николаевск (при устье Амура).

4. При военном губернаторе по части управления Сибирской флотилией и портами Восточного океана предположено иметь штаб с особым начальником штаба и, сверх того, в Николаевске — особого капитана над портом, а в Петропавловском и других портах — помощников его. Учреждение сих частей составляет предмет особого положения по морскому ведомству.

5. В случае болезни военного губернатора или отсутствия его из области, заведывание гражданской частью области, со всеми правами и обязанностями военному губернатору присвоенными, представляется начальнику штаба морского управления.

6. К числу чинов, положенному штатом 10-го января 1851 г., прибавлены:

В Петропавловске:

Городничий — 1. В состав земского суда заседателей — 2, столоничальников — 2.

В Удске: земский исправник — 1, помощник его — 1.

В Николаевске: полицеймейстер — 1, письмоводитель — 1.

По медицинскому ведомству: окружный врач — 1, лекарских учеников: старший — 1, младший — 1; старшая повивальная бабка — 1.

Помощник Петропавловского земского исправника переименован в секретари.

Должности же полицеймейстера в Петропавловске, а также Анадырского отдельного заседателя и помощника его из штата исключены.

7. Местопребыванием чинов назначены: окружного суда и канцелярии, а также стряпчего — Николаевск; Петропавловского земского суда — Петропавловский порт; гижигинского исправника с помощником — местечко Гижига, а удского исправника — Удск.

8. По штату Камчатского областного управления, высочайше утверждённому в 10-й день января 1851 г., отпускалось ежегодно на содержание чинов сего управления 29 050 руб. А по вновь составленному штату управления Приморской области Восточной Сибири потребуется ежегодно 34 350 руб. Следовательно, более 5 300 руб.

Изложив, таким образом, сущность изменений, которые Морское министерство и г. генерал-губернатор Восточной Сибири находят необходимым сделать в существующих ныне положении и штате Камчатской области, имею честь представить на благоусмотрение Сибирского комитета вновь составленные проекты положения и штата управления Приморской областью Восточной Сибири с присовокуплением, что проекты сии по некоторым замечаниям г. министра внутренних дел исправлены и что за сим г. действительный тайный советник Ланской препятствия на внесение их в комитет не находит.

59. Положение об управлении Приморской области Восточной Сибири от 31 октября 1856 г., Царское Село

1. Управление Приморской области Восточной Сибири разделяется на общее и частное.

2. Общее управление принадлежит Главному управлению Восточной Сибири на основании учреждений его и военному губернатору области в пределах, означенных в настоящем положении.

3. Местопребывание военного губернатора есть Николаевск.

4. При военном губернаторе состоят: 1) по части управления Сибирской флотилией и портами Восточного океана — штаб с особым начальником штаба, учреждение сей части составляет предмет особого положения по морскому ведомству и 2) по гражданскому управлению канцелярия и другие чиновники, в штате означенные.

5. Частное управление составляют:

а) для всей области окружный суд, окружное казначейство и окружный стряпчий,

б) в округе Петропавловской — земский суд из исправника и двух заседателей,

в) в округах: Гижигинской и Удской — земский исправник с помощником его в каждой,

г) в селениях волостные и сельские, а в кочевьях инородцев — родовые и другие начальники.

6. Местопребывание чинов окружных: суда и казначейства, а также стряпчего есть Николаевск, чинов Петропавловского земского суда — Петропавловский порт, гижигинского исправника с помощником — местечко Гижига, а удского исправника — Удск...

12. Ведение военного губернатора области распространяется на Курильские острова, впрочем, без изменения прав и преимуществ, дарованных на сии острова Российско-Американской компании в 1844 году, и на землю чукчей, кои продолжают управляться и судиться по существующему до 1822 года и в сем году подтверждённому порядку...

15. В округах: Петропавловской, Гижигинской и Удской земские исправники, помощники последних двух и заседатели в отправлении своих должностей руководствуются общими правилами Сибирского учреждения.

16. Полицию заведывают: в Петропавловском порте городничий, а в Николаевске особый чиновник в звании полицеймейстера или один из офицеров казачьих либо флотских, по усмотрению военного губернатора. Каждый из них возложенную на него по сей

части должность отправляет, применяясь к правилам о полиции в городах сибирских.

Примечание: кроме сего в Николаевске имеется капитан над портом, а в Петропавловском и других портах помощники его. Учреждение сих должностей составляет предмет особого положения по морскому ведомству...

46. Представления о наградах по всем частям управления своего военный губернатор вносит к генерал-губернатору. От усмотрения генерал-губернатора зависит дальнейшее движение сих представлений.

Примечание: на служащих в Приморской области Восточной Сибири распространяются все преимущества, предоставленные служащим в Камчатской области. Вдовы чиновников, служивших в области беспорочно и с достаточными об успехах по сей службе удостоверениями, в случае выезда из области в другие места снабжаются прогонными деньгами по чинам умерших мужей до места, куда они выехать пожелают, и, сверх того, выдаётся им в пособие половинное жалование по последней должности мужей их, а за время нахождения в пути до Иркутска и провиант, хотя бы мужья не успели выслужить всего срока...

Подписали:

князь Орлов, граф Блудов, Сергей Ланской,
Николай Сухозанет, князь Долгорукий, барон Ф. Врангель,
Н. Анненков, Николай Муравьёв, Василий Шереметев,
П. Брок, Лев Сенявин, Пл. Илличевский.

Скрепил статс-секретарь В. Бутков

На подлинном собственною его императорского величества рукою написано: «Быть по сему».

ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1459. Л. 67—78

К. В. Мечтанова

Большерецкий район

В августе — октябре 1958 г. работники Камчатского областного краеведческого музея впервые за почти десять лет смогли побывать в долгожданной научно-исследовательской командировке по районам Камчатской области. В ней участвовали директор музея Клавдия Васильевна Мечтанова (назначена на должность 24 июля 1953 г.) и художник, он же фотограф, Константин

Сергеевич Гордилов (трудился в музейном штате с 1 августа 1958 г.). Они побывали в четырёх районах — Усть-Большерецком, Мильковском, Усть-Камчатском и частично в Тигильском. «Почти все стороны экономической, культурной, бытовой жизни этих районов получили своё отражение в фотографических снимках». Содержимое снимков «подкреплялось» записями рассказов старожилов, работников районных партийных и советских организаций, инженеров, руководителей предприятий, агрономов, врачей, учителей и других специалистов [КОКМ ОФ 34662/12. Л. 1—12].

Эти записи вносились К. В. Мечтановой в черновики [КОКМ ОФ 31554—31565], а позже были обработаны в виде представленного ниже дневника. К сожалению, этот интересный документ не завершён, он охватывает лишь начальную часть долгой и насыщенной командировки. Для удобства прочтения текст подвёрнут небольшой стилистической правке.

12 августа 1958 г. после долгих часов томительного ожидания на Халактырском аэродроме поднялись на самолёте АНТ-2 в воздух. За бортом промелькнуло Елизовское шоссе, затем Елизово и далее открылась панорама высоких хребтов, где покрытых густой растительностью, где со снежными вершинами, где с различными обнажёнными горными породами. Грозное и величественное зрелище представляют эти горные вершины с причудливо оформленными очертаниями — то острого конуса, то широкого плато, то обрывистых скал.

Через сорок летних минут по левому борту показался высоко поднимающийся над грядой горных вершин конусообразный вулкан Опала. Спустя ещё несколько минут впереди открылась дивная картина: горные хребты как бы отрезались ровной стеной, и от их подножья расстиралась ровная долина, пересечённая речным руслом с буйным травянистым покровом. Тут же крупными очагами разбросаны лесные и кустарниковые массивы.

Самолёт оставляет за собой последние вершины, начинает снижение, в течение нескольких минут мчит над равниной и идёт на посадку. Посадочная площадка расположена на естественной лужайке, со всех сторон заросшей разноцветными яркими цветами и густой травой.

Итак, через долгие часы ожидания самолёта и пятьдесят летних минут мы приземлились на аэродроме Большерецкого совхоза. Среди высокого травостоя вьётся дорога, ведущая к совхозу. По её обочинам ковром расстилаются заросли цветущего клевера, издающего чудесный медовый запах. Через несколько минут пешего пути

приходим в селение — Большерецкий совхоз от аэродрома отстоит не более чем на полкилометра. Очень скоро разыскиваем директора совхоза Алексея Семёновича Налётова. Он дома, так как время уже девять часов вечера. Предъявляем ему свои документы и просим устроить нас на ночлег. Налётов быстро кличет с площади какого-то паренька, просить его взять нас к себе. Подходит ещё какой-то паренёк, забирают наши рюкзаки и ведут нас по улице.

Приходим в небольшой домик — кухня и комната, страшно душно от натопленной печи. В доме совсем уже плохо видно от наступивших сумерек. Узнаём, что электричество в совхозе бывает только зимой, в летнее время экономят горючее.

Паренька зовут Владик, он тракторист, отец с матерью ещё не вернулись с покоса — заготавливают сено для своей коровы. Вскоре появляются и хозяин с хозяйкой, их страшно покусали комары. Сели ужинать, ели какой-то очень невкусный суп. Потом легли спать, хозяева нам уступили свои постели.

Утром оказалось, что семья очень большая, несколько детей и четверо взрослых. Хотя нам и оказывалось относительное гостеприимство, но оставаться более в такой тесноте и сутолоке не хотелось, поэтому попросили председателя сельсовета Василия Анисимовича Кульбачко подыскать нам что-либо другое. Он нашёл другой ночлег — в домике рядом у одинокой пожилой женщины Пелагии Петровны, где мы и ночевали ещё три ночи.

Надо сказать, что в совхозе строения в большинстве ветхие, живут очень тесно, неаккуратно, даже грязно. Среди рабочих можно встретить много до безобразия пьяных, даже в рабочее время. Есть в совхозе клуб — одно из самых старых строений. Это — тёмное, ничем ни внутри, ни снаружи не похожее на «очаг культуры» сооружение. На стенах написаны какие-то цитаты, без начала и конца. Вообще в совхозе много лозунгов, призывов, цитат, но все они оформлены безобразно, некрасиво, прямо на стенах строений, на разных фанерных дощечках. Наглядная агитация, как по форме, так и по содержанию, ведётся безо всякой любви к делу, казённо. Например, в августе мы встретили много лозунгов с призывами в кратчайшие сроки закончить весеннюю посевную кампанию. На строительном участке укреплён плакат с призывами повысить надои молока с каждой фуражной коровы.

При клубе есть библиотека и стационарная киноустановка. В библиотеке неуютно, грязно, стоит железная печка, посуда с неё упала и валяется тут же, в библиотеке. Здесь же у стены стоит целая пачка планшетов одинакового формата, обтянутых тем же

чёрным полосовым железом — они подготовлены для написания лозунгов и всей остальной наглядной агитации. Надо добавить, что вся наглядная агитация ведётся неконкретно, одними призывами, а люди и конкретные дела в ней не отражаются, поэтому никаких результатов такая агитация не даёт.

В библиотеке книжный фонд очень маленький, новой литературы почти нет. Ещё хуже в аппаратной киностационара. Кинофильмы, канистры с бензином, — всё хранится здесь, двигатель стоит на улице в грязи. Около клуба — лужи, грязно, никакого озеленения. В двух шагах от клуба стоит уборная, в неё страшно зайти из-за нечистот.

Более отрадное явление оставляет средняя школа — это сравнительно хорошее здание на окраине села. В ней светлые классные комнаты. Здесь мы застали в двух комнатах спальни пионерского лагеря. В них чисто и уютно: постели заправлены чистыми простынями, в комнатах много цветов и света. Вообще впечатления от школы и лагеря остались приятными.

Совхоз создан в 1930-х гг. на месте густого берёзового леса. Здесь, как рассказывают старожилы Иосиф Степанович Коллегов и Алексей Петрович Бречалов, было обилие дичи и пушного зверя. Совхоз вначале носил имя Блюхера, затем был переименован в Большепереецкий. Хозяйство состоит из центральной базы, расположенной на описанном мною месте, и ещё нескольких отделений, созданных на основе прежних сельскохозяйственных колхозов. Это: Кавалерское, Начилово, Карымай и Апача. Хозяйства в Кавалерском и Апаче в 1956 г. в связи с постановлением правительства об укрупнении влились в Большепереецкий. Совхоз и его отделения имеют молочно-овощное направление, в основном разводят крупный рогатый скот (КРС) и свинополовье.

В совхозе на 1 августа 1958 г. было 800 голов КРС, из них 286 дойных коров, остальные — молодняк и нетели. Совхоз обеспечивает молоком весь район и частично отправляет продукцию в Петропавловск. Туда в основном посылают самолётом сливки, другой связи у совхоза с городом нет. Из овощей совхоз выращивает картофель, капусту, редис и имеет очень небольшое парниковое хозяйство, где выращиваются огурцы и помидоры, но в таком мизерном количестве, что они почти не поступают в продажу, а распределяются между отдельными лицами. Картофелем и капустой совхоз не обеспечивает даже свой район, так как урожайность из года в год низкая и не улучшается. Мы застали в совхозе у частных лиц цветущие огородные участки картофеля, а на совхозных

участках картофель ещё не зацвёл, кроме того, зарос сорняками. Тут несколько причин. Во-первых, в совхозе нет постоянных, устойчивых кадровых рабочих. Во-вторых, совхоз недостаточно удобряет землю.

Надо сказать, что как вообще по западному побережью, так в окрестностях совхоза много запасов торфа. Он может служить, помимо топлива, прекрасным удобрением, но совхоз до настоящего времени не имеет соответствующей техники для добычи торфа и поэтому не использует это ценное и дешёвое в его условиях удобрение. В настоящее время в Большерецком районе работает торфяная экспедиция под руководством начальника Виктора Фёдоровича Казарина. По всей вероятности, работа этой экспедиции должна привести к тому, что будет организовано промышленное использование практически неограниченных торфяных запасов Камчатки.

Посевная площадь совхоза под овощи — 62 га. В совхозе имеется довольно мощная механизация: 34 трактора, поливная машина, картофелесажалки, картофелекопалки, картофелеуборочные комбайны, дисковые бороны, культиваторы, сеноуборочные машины и другие механизмы. Но надо сказать, что некоторые из них не имеют применения. Так, например, не используется картофелекопательный комбайн. По объяснению главного агронома Григория Семёновича Дуженкова, он имеет очень плохую проходимость по совхозным полям вследствие обилия сорняковых трав. Это во-первых. А во-вторых — картофель в условиях совхоза созревает поздно, не успевает образовать плотной кожуры, поэтому комбайн очень легко повреждает наружный покров клубней, сдирает с их шкурку, а это, в свою очередь, приводит к порче и загниванию.

Почвы на совхозных полях в основном суглинистые и супесчаные (по словам Дуженкова). Поверхность — ровная, с высоким травянистым покровом, по поймам рек — густые заросли шеломайника с примесью крапивы, которая здесь достигает двухметровой высоты. В окрестностях совхоза и его отделений много лесов, где произрастает каменная, или Эрмана, берёза.

В пятнадцати километрах от селения Апачи находятся Апачинские горячие источники, куда местные жители ездят лечиться от разных болезней, особенно от ревматизма.

В совхозе имеется рыбооповский промтоварный и продуктовый магазин с довольно приличным ассортиментом товаров, как продуктовых, так и промышленных. Помещение магазина очень тесное, и в дни выдачи заработной платы в магазин невозможно

протиснуться. В основном в эти дни тесно в продуктовом отделе — больше всего покупают спиртные напитки. Вообще в совхозе очень много пьют, в рабочее время мы наблюдали большое количество совершенно пьяных людей.

Кроме магазина, есть продуктовый ларёк и так называемая чайная. В чайной очень тесно, грязно и темно. Здесь помещается всего четыре стола и буфет, где продаются талоны на обед. Посетители чайной обслуживают себя сами. Обеды невкусные, несмотря на то, что столовая располагает свежим мясом, сливками, молоком, творогом и другими продуктами. Из других учреждений в совхозе расположено отделение связи, фельдшерский пункт, больничный стационар на пять коек. Эти койки размещены так: в одной комнате, площадью не более шести квадратных метров, стоят четыре. Комната разделена простынёй на две половины, в одной — две койки для мужчин, во второй — столько же для женщин. В отдельной, совершенно маленькой комнатке, не более четырёх квадратов, одна койка. Это — родильное отделение. В стационаре и пункте работают врач, фельдшер, медсестра и три санитарки.

В совхозе живут такие старожилы, как камчадалы Иосиф Степанович Коллегов и Алексей Петрович Бречалов, другие. Особенно интересен из них Виктор Викторович Степанов, родившийся в 1873 г. Он нам рассказал, что прибыл на Камчатку в 1910 г. в составе экспедиции, которая должна была тянуть телеграфную линию. Экспедиция прибыла в Петропавловск в 1910 г. на четырёх норвежских пароходах, зафрахтованных Добровольным флотом во Владивостоке. Она имела в своём составе 200 рабочих, 86 монгольских лошадей и всё оборудование для установки телеграфной линии и почтовых отделений. Было привезено всё, от телеграфных столбов до изоляционных роликов, также полностью на всех людей продукты и обмундирование.

Партия разделилась на две группы: одна двигалась по западному побережью, другая — по восточному. На восточном побережье все работы возглавлял механик Пётр Клавдиевич Гутман, на западном — старший механик Григорий Григорьевич Матускин. Помощником Матускина был Виктор Викторович Степанов.

По западному побережью линия шла по следующему маршруту:

1. Петропавловск.
2. Начики.
3. Апача.

4. Усть-Большерекк. Тогда здесь населённого пункта не было совершенно, это место называлось Хайковая падь. Это название

произошло оттого, что в текущий здесь ручей заходило много лососёвой рыбы, которая после нереста приходила уже истощённая и скоро умирала. По-японски рыба называлась «хайко», отсюда и установилось название этой местности — Хайковая падь. Первым домом на месте нынешнего районного центра Усть-Большерецка было здание конторы связи, построенное в 1911 г. Это здание сохранилось до настоящего времени, здесь и сейчас располагается контора связи.

5. Кол.
6. Воровское (Соболево).
7. Колпаково.
8. Ича.
9. Хайрюзово.
10. Ковран.
11. Тигиль.

Линию вели в летнее время до заморозков, одновременно заготавливали сено для лошадей. Строительство телеграфной линии Петропавловск — Тигиль было завершено в 1912 г.

Большую помощь в установке линии оказывали местные жители, в основном коренное население. Они предоставляли экспедиции транспорт: собачьи упряжки и баты для перевозки грузов. Экспедиция все работы оплачивала и, кроме того, также помогала местным жителям: ковала лошадей, делала огородные тяпки и прочее.

В составе экспедиции на одном из пароходов — «Варг» прибыл на Камчатку простым рабочим Василий Илларионович Рябиков, он в числе многих остался здесь после установки линии. Работал Рябиков в связи сначала в Большерецкой волости — в Опале, затем в нынешнем Усть-Большерецке, а в 1920—1922 гг. — в селе Утхолок. В 1917 г. Рябиков работал в Усть-Большерецкой конторе связи, в этом же здании была и его квартира.

14 августа. Выдался ясный солнечный день. Утром при помощи Г. С. Дуженкова нам «организовали» резвую лошадку Машку, запрягли её в повозку, и мы отправились в сопровождении секретаря сельсовета на место бывшего Большерецкого острога. Дорога проходила густыми перелесками и цветущим полянам. Машка, несмотря на все сдерживания, то и дело переходила на рысь, отчего наша неустойчивая тележка валилась из стороны в сторону, а с дороги нас время от времени обдавало потоками жидкой и липкой грязи. Однако, несмотря на такие неудобства, ехать было приятно и радостно. Солнце ярко светило, заливая всё вокруг жар-

кими лучами, в кустах порхали различные птицы, свежая зелень деревьев и усыпанные цветами поляны приятно ласкали взор. Сначала мы переехали вброд реку Банную, потом на понтоне реку Быструю, затем вброд реки Поперечную и Мостовую и выбрались на довольно обширную поляну, поросшую густыми травами. Поляна с трёх сторон окружена речными руслами.

Невольное волнение охватило нас, когда мы остановились здесь... Ведь на этой земле в 1700 г. был заложен один из первых русских административных центров на Камчатке (второй после Нижнекамчатска) — Большерецкий острог. Здесь в 1738—1739 гг. жил и работал великий русский академик, исследователь Камчатки Степан Петрович Крашенинников, здесь он сделал первые наброски своей замечательной книги «Описание земли Камчатки». Здесь, на реке Гольцовке, участники Первой Камчатской экспедиции во главе с Берингом, преодолевая неимоверные трудности во имя величия родины, построили парусное судно «Св. Гавриил». Сейчас на этом месте нет ни единого строения, здесь сейчас покос и капустное поле Большерецкого совхоза. Только звонкий плеск речных волн да щебет птиц нарушают тишину этого уединённого уголка. Но, кажется, что каждая травинка, каждый куст сохранили в себе тайну далёкого прошлого и свято охраняют её.

Долго бродили мы по опустевшим местам. Хотелось найти хоть что-нибудь от тех дальних времён, хотя в такой короткий срок, что мы пробыли там, смешно даже было рассчитывать на это. С великим сожалением думалось: «Зачем мы так часто равнодушно проходим мимо совершающихся вокруг нас событий, не собираем, никак не отмечаем, хотя бы на фотографиях, окружающие нас орудия труда, сооружения, строения, навсегда теряя их для истории. А потом начинаем по крупицам собирать и искать то, что было легко и просто увековечить вовремя». Так мы потеряли Большерецкий острог. Теперь здесь ничего нет и только глубокие ямы на месте прежних строений говорят о прошлом.

Нам удалось найти несколько черепков посуды со старорусским орнаментом да кусок какого-то очень крепкого ожелезненного кирпича. В Большерецком совхозе на высокой перекладине долгое время висел колокол из бывшего острога. Этот колокол мы отправили в Камчатский музей.

Давнее русское селение — Большерецкий острог, а затем Большерецк, существовало до 1927 г. Это было заштатное село, где в 1915 г. имелось 33 двора. В 1927 г. жители Большерецка на общем собрании постановили: оставить его и перейти на жительство

на место нынешнего села Кавалерское. Причиной этого послужили следующие события. Как рассказывает А. П. Бречалов, пришла бумага с предложением объединиться. «Мы не знаем, куда объединяться, но догадались, что объединяться надо в колхоз. Тогда-то и созвали сход, где решили просить разрешения перебраться на жительство в Кавалерское, потому что якобы территорию, где находился Большерецк, заливают водой во время половодья рек. Я протестовал, так как на самом деле никаких разливов, которые мешали бы жителям Большерецка, никогда не было». Однако решение было вынесено и разрешение на переселение получено. В 1927 г. в село Кавалерское переехало большинство жителей Большерецка, некоторые разъехались по другим населённым пунктам Камчатки, а в 1929 г. в старом Большерецке уже не оставалось ни одного дома и ни одного жителя.

16 августа. Льёт дождь, кругом беспросветно. Нужно быстро двигаться дальше. Слишком долго — четыре дня — пробыли мы в Большерецком совхозе. Утром по какой-то глупой оплошности опоздали на автомашину, идущую в Усть-Большерецк, теперь надо ждать, когда возвратятся машины из района и снова пойдут туда же. Так мы просидели в ожидании с десяти утра почти до семи вечера, всё надеялись: вот-вот подойдут машины. Ожидали, что должны были вернуться часа в два дня, а они вернулись лишь к пяти вечера, потом разгружались, потом собирались и, наконец, в половине седьмого мы выехали в Усть-Большерецк.

В трёх километрах от совхоза до Большерецка проложена довольно приличная гравийная дорога, но зато три километра от хозяйства до неё представляют собой сплошные глинистые ухабы и глубокие колеи. Машину бросает из стороны в сторону, отчего люди еле удерживаются на ногах и сиденьях. При одном из таких толчков одну девушку так бросило, что она упала на меня всем телом и очень больно придавила мне нос.

К вечеру дождь прекратился, но небо продолжало оставаться свинцовым, подул сильный ветер, стало холодно. После получасового кувырка машина вышла на гравийную дорогу и легко помчалась равниной и отдельными небольшими перелесками. Окрестности между совхозом и Усть-Большерецком ничего примечательного не представляют и плохо запоминаются. Через два часа пути прибыли в Усть-Большерецк. Сначала проехали большое воинское расположение, затем поднялись на небольшую возвышенность, где и расположен районный центр Усть-Большерецк. От совхоза до него двадцать пять километров. Это село существует, как уже было

сказано выше, с 1911 г., долгое время здесь было всего несколько домов. Затем после установления советской власти и развития отечественной рыбообрабатывающей промышленности вырос крупный посёлок районного центра. На 1 марта 1958 г. в нём насчитывалось 1 929 жителей и 340 жилых строений, не считая домов, где размещаются различные учреждения.

Несколько последних лет руководители местных партийных и советских организаций настойчиво ставят вопрос о переносе райцентра из Усть-Большерецка в посёлок Октябрьский, ранее называвшийся Микояновским. Только в этом году вышестоящие советские органы отказали в переносе райцентра из Усть-Большерецка, и сейчас здесь начало развиваться плановое строительство как жилых, так и производственных и культурно-бытовых объектов.

Сейчас в Усть-Большерецке строится кинотеатр, чайная, сберкасса, леспромхоз. Недавно построено помещение для типографии и редакции районной газеты «Ударник», выходящей три раза в неделю, её формат 42 на 30 сантиметров. Кроме «Ударника», в районе выходят четыре многотиражки в Кихчикском, Октябрьском, Большерецком и Озерновском рыбокомбинатах.

До 1926 г. в Усть-Большерецке не было никакого медицинского учреждения. В 1926 г. появилась больница на пять коек. В 1957 г. построено новое здание больницы на 25 коек и амбулатория. Ведётся довольно большое строительство жилых домов, в основном из шлакоблоков. Из старых зданий времени основания Усть-Большерецка сохранились дом полицейского пристава, где теперь размещается исполнительный комитет районного Совета депутатов трудящихся; контора связи, промтоварный магазин и склад рыбкоопы, где раньше располагался интеграл (кооператив. — *Ред.*) и его склад. В настоящее время в Усть-Большерецке строится большое двухэтажное здание, где будет размещаться универмаг.

В 1955 г. было закончено строительство средней школы. Это довольно красивое рубленое здание в два этажа. Школа имеет пришкольный участок площадью примерно в один гектар, обнесённый деревянной оградой и обсаженный чахлыми деревцами тополя и тальника. Директор школы заявил, что деревья в селе прививаются очень плохо, а берёзы совсем не приживаются. Но это является вовсе неправильным заявлением, так как, по сообщению первых старожилов и В. В. Степанова, на месте нынешнего Большерецка стояли густые заросли берёзового леса. Об этом же свидетельствуют многочисленные берёзовые пни на сопках, примыкающих к селу, которые сейчас выглядят довольно уныло потому, что

на них не сохранилось ни единого деревца, и только многочисленные пни говорят о том, что здесь в недавнем прошлом были столетние берёзы и другие деревья.

На пришкольном участке, кроме упомянутых деревьев, посажено несколько рядов чёрной смородины, которая здесь хорошо приживается и плодоносит. На участке установлена сделанная из бетона скульптура Василия Илларионовича Рябикова. Скульптура по заказу местных советских органов была изготовлена в Петропавловске скульптором Ощепковым (работает в строительной конторе Петропавловского Горкомхоза) и установлена в Усть-Большерецке в 1957 г. к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Скульптура изготовлена довольно выразительно и оставляет хорошее впечатление, но, к сожалению, руководители местных партийных и советских организаций не позаботились о пропаганде этой скульптуры. Далеко не все, и особенно вновь прибывшие люди, знают, кто такой Рябиков, в чём его заслуги, а у скульптуры нет какой-либо краткой аннотации.

Усть-Большерецк расположен на сравнительно небольшой равнине по обе стороны протекающей здесь реки Амчагачи. По правую сторону реки расположены почти все районные учреждения и жилые дома работников этих учреждений. Правая и левая стороны Усть-Большерецка соединяются мостом через реку Амчагачу. По левую сторону реки расположены общественные и индивидуальные строения рыбацкого колхоза имени XVIII партсъезда. Здесь же, за рекой, на улице Косоевской живёт старожил Константин Данилович Антонюк. В Большерецк он приехал в 1927 г. и теперь пребывает здесь безвыездно. Уже в течение двадцати шести лет Антонюк занимается садоводством. В саду у него растёт красная и чёрная смородина, клубника, крыжовник, они обильно плодоносят. Прекрасно растут и дают хорошие урожаи такие культуры как картофель, морковь, свёкла, редис, хрен, чеснок, бобы, сахарный горох. Кроме того, разводятся соя, кукуруза. Видимо, эти культуры вызревать в условиях Усть-Большерецка не будут, но как опыт это является довольно интересным фактом. В прошлом и этом году К. Д. Антонюк посеял семена сирени, сосны, акации, приморского ореха. Все они взошли. Интересно, что акация в первом году выросла всего на пять сантиметров, прекрасно перезимовала и в этом году к августу выросла до двадцати сантиметров. Если семена этих совершенно новых кустарников и деревьев взошли, перезимовали и продолжают расти, то надо полагать, что они приживутся и будут прекрасно расти на Камчатке. Из сада Антонюка многие жители

района покупают саженцы смородины, малины, крыжовника и разводят индивидуальные сады. Антонюк переписывается с садоводами их различных районов Советского Союза...

Конечно, один сад Антонюка, его теплолюбивые культуры на Камчатке являются довольно жалким примером. Но сам факт, что на Камчатке, и именно на её западном побережье, где много туманов и довольно суровый климат, могут расти и плодоносить названные культуры, является ценным и требует к себе большого внимания не одиночек-любителей, а руководителей района и области в целом.

В Усть-Большерецке мы пробыли три дня, жили в гостинице. Об этой маленькой гостинице, где всего пять мест, осталось очень хорошее впечатление. Её хозяйка Мария Георгиевна Письменюк сумела создать уют: очень чистое бельё, на окнах розы, герани, все цветут, на полу дорожки, в меру натоплено. Сама Мария Георгиевна, несмотря на свой возраст в пятьдесят лет, очень подвижна, постоянно весела, отличается несколько грубоватой приветливостью и не лишена остроумия. Поэтому в гостинице всегда оживлённо и весело.

После трёхдневного пребывания в Усть-Большерецке и дополнительных уточнений о возможности дальнейшего передвижения, мы утром 20 августа на культпросветовской автомашине поехали на Косоево. Это — место в двух с половиной километрах от Усть-Большерецка, где пришвартовываются небольшие катера, самоходные баржи и моторные лодки, в летнее время обеспечивающие связь между Усть-Большерецком и Октябрьским (бывшим Микояновским) рыбокомбинатом. Сухопутной связи между ними нет, так как здесь простирается трудно проходимая даже пешком болотистая тундра. На Косоево, названном так по реке Косоево, находятся склады Усть-Большерецкого рыбокооператива и небольшой деревянный домик, где живёт сторож, охраняющий эти склады. Больше никаких строений здесь нет.

На этом Косоево мы просидели до двух часов дня, дожидались, когда пойдёт катер, но так и не дождались. На наше счастье пришла из Октябрьского моторная лодка экспедиции по торфоразработкам с заместителем начальника экспедиции Александром Ивановичем Воеводинковым. Мы познакомились с ним в день приезда в гостиницу Усть-Большерецка. Вот его-то мы и встретили на Косоево. Вместе с Александром Ивановичем на моторной лодке отправились в Октябрьский рыбокомбинат. Сначала шли рекой Косоевой, затем вышли в протоку, название которой не удалось установить.

Из этой протоки моторка вошла в реку Большую, на правом берегу которой и расположен посёлок Октябрьский и Октябрьский рыбокомбинат (РК) — один из крупнейших на Камчатке.

Комбинат состоит из так называемой центральной базы, находящейся в посёлке, она имеет рыбоконсервный завод (РКЗ) № 48 и рыбозавод (РЗ) № 1. Затем вдоль морского берега и реки Большой простираются девятая засольная база, РЗ № 2 и 3. К Октябрьскому поселковому Совету относятся: центральная база с РКЗ-48 и РЗ-1 (996 чел., 249 жилых домов), 9-я посольная база (80 чел., семь домов); РЗ-2 (519 чел., 63); РЗ-3 (848 чел., 35). В отличие от центральной базы, где большинство домов деревянные, каркасно-засыпные барачного типа, в посёлке РЗ-2 высятся двухэтажные шлакоблочные дома городского типа, построенные в 1955—1958 гг. Шлакоблоки готовятся из местного стройматериала примитивным способом, почти вручную. Несмотря на это, строительство зданий из шлакоблока обходится гораздо дешевле, чем из привозного леса. Собственного строительного леса в Большерецком районе почти нет. Здесь преобладает эрмановская берёза, и то не повсеместно, громадные пространства занимают болотистые и сухие тундры.

На РЗ-3 находится холодильник на 200 т суточной загрузки. Здесь же расположена контора и производственные объекты строительно-монтажного управления № 2.

В административное подчинение Октябрьского поссовета, кроме вышеназванных населённых пунктов, входят: 2-я Речка (62 чел., 13 домов); 3-я Речка (198 чел., 42 дома); Кирпичный завод (105 чел., 21 дом).

В посёлке Октябрьском за последнее время выросло много двухэтажных шлакоблочных зданий, прекрасная двухэтажная средняя школа. Сейчас строится больничный городок, оборудуется новое помещение под детский сад, но до сих пор нет приличного клуба. Надо с огорчением отметить, что почти повсеместно на Камчатке все культурные учреждения: клубы, библиотеки, киноустановки — ютятся в старых, непригодных полуразвалившихся помещениях.

В Октябрьском мы познакомились с группой работников Камчатской научно-исследовательской экспедиции по торфу Всесоюзного научно-исследовательского института торфяной промышленности (ВНИИТП). Все сотрудники, начиная с начальника и кончая водителем моторной лодки, оставили о себе прекрасное впечатление.

На второй день по прибытии в Октябрьский РК мы в сопровождении заместителя начальника экспедиции Александра Ивановича Боеводинкова отправились на моторке на левый берег реки Боль-

шой, где находилось опытное поле экспедиции. Левый берег реки Большой в районе посёлка Октябрьского представляет собой болотистую тундру без единого кустика с густыми зарослями осоки, пушицы на наибольших возвышенностях, порослями морошки и шикши. Тундры западного побережья Камчатки содержат неограниченные запасы торфа, который местами залегает на глубину до десяти метров.

На левом берегу реки Большой мы увидели три палаточки, где размещаются младшие научные сотрудники ВНИИТП. Там же нас встретил начальник этой экспедиции Виктор Фёдорович Казаринов. Он нам рассказал, что в задачу экспедиции входит производство опытов по добыче и высушиванию торфа, подробно разъяснил и показал на своём опытном участке весь этот процесс. Сначала готовится площадка, то есть на определённом участке, содержащем промышленные запасы, проводится снятие очёса, или верхнего слоя дерновины и почвы, на глубину примерно пятнадцати сантиметров. Эти работы ведутся фрезерными барабанами типа ФП (фрезер полировочный). Затем производится осушка этой площадки при помощи открытой сети, когда вырываются канавы длиной во всю осушаемую площадь глубиной до полутора метров, или при закрытом осушении, когда дренажными машинами прорывается на такой же глубине закрытая сеть канав (под землёй). Осушение длится один-два года, в зависимости от влажности залежей торфа и климатических условий.

После осушения приступают к добыче торфа. В настоящее время самым продуктивным считается добыча фрезерным способом. При фрезерной обработке получают торф в виде порошкообразной массы, использующейся как топливо главным образом на электростанциях. Этот способ добычи является наиболее эффективным и дешёвым. Стоимость порошкообразного торфа не превышает 20–25 руб. за тонну.

Добыча торфа фрезерным способом ведётся механизированно. Фрезерный барабан проходит на торфяной площадке полосы в шесть метров шириной, взрыхляя и размельчая при этом торфяной слой на глубину примерно 10–15 сантиметров. Образовавшаяся порошкообразная масса в течение двух-трёх дней оставляется на просушку. В это время она подвергается при помощи специальных ворошилок двух-трёхкратному перемешиванию для более быстрого и равномерного просушивания. Сушка идёт до достижения влажности 40–45 %, затем начинается уборка торфа. При помощи специальных машин — валкователей он собирается в валки. Из валков

уборочными машинами собирается и транспортируется на место хранения. Образованные навалы фрезерного торфа оформляются в складочные единицы, так называемые караваны. Эта работа также механизирована и проводится специальными оправочными машинами. Караван имеет длину 80, ширину 16 и высоту 7 метров, содержит около 1 500 тонн торфа. Такой караван в центральных областях СССР собирается за сезон, длящийся обычно с мая по сентябрь, с площадей примерно 8–10 гектаров. Среднесезонный сбор торфа влажностью 40 % на материке составляет 300–400 т с гектара. Уже готовый фрезерный торф из караванов поступает к месту потребления, в основном как топливо электростанций.

В отдельных случаях торф оформляется в форму брикетов. Делается это следующим образом: фрезерный торф подсушивается до влажности в 20 %, ещё более размельчается специальными машинами и прессуется в брикеты под давлением около тысячи атмосфер. Брикеты изготавливаются разных размеров и форм. В таком виде торф более всего подходит для бытового отопления. Существует также способ добычи кускового торфа.

Мы сделали фотоснимки всего процесса добычи и обработки торфа, побродили немного около опытного торфяного поля, пощипали морошки, которой там очень много, и поехали в посёлок. Когда занимались записями и съёмкой на опытном поле, то заметили, что в тундре очень много куликов, больших и маленьких. Как у К. С. (Константина Сергеевича Гордикова. — *Ред.*), так и у меня, уже выработалась страсть к охоте. К тому же, имея в виду, что нам необходимо иметь побольше шкурок на чучела, мы решили сходить пострелять куликов. Товарищи из экспедиции дали нам ружья и часов в пять вечера перевезли на левый берег реки Большой.

Вечер был чудесный, и мы с удовольствием направились вглубь тундры, предварительно договорившись, что пойдём в разных направлениях и, обойдя намеченный участок полукругом, встретимся. Около километра я шла с большим удовольствием, даже наслаждением. Кругом простирались просторы необъятной тундры, по кочкам оранжево пестрели крупные, сочные ягоды морошки. Тут и там порхали и чирикали птички, вдали большими стаями перемётывались с места на место кулики. Однако сколько я ни шла, кулики всё время оказывались вдали. Это, оказывается, чрезвычайно осторожные птицы, им издали видно на равнине человека, и они его близко не подпускают. Вот, видишь, метров за двести села большая стайка куликов, начинаешь к ней приближаться. Они подпускают метров на сто, срываются с места и, покружив по

тундре, снова садятся в отдалении. Кажется, вот-вот подкрадёшься к ним поближе, и снова взлёт, и снова погоня за той или новой стайкой. А идти становилось всё сложнее, тундра из полумокрой перешла в болотистую, а затем в вязкую. От такой ходьбы становилось очень жарко. Я попробовала выбрать кочку повыше и немного отдохнуть. Оказалось, что стоило только сесть, как кочка смялась, словно пуховая подушка, и покрылась водой. Пришлось быстро встать.

Часа через два встретилась с К. С. Он тоже никого не убил, хотя с небрежным видом озабоченно сказал, что «убил несколько куликов, но не мог найти их, очень большое болото». Он, правда, метко стреляет порой, но часто целыми часами промахивается, однако не хочет в этом сознаться, и мне очень обидно становится за него, хочется, чтобы ему удавалось всё.

Ну, об этом ладно. Как только встретились, пошли вместе и сразу начали, как всегда, о чём-то горячо спорить: то в какую сторону лучше идти, то в каком месте лучше перейти особо топкое место... Так, гоняясь за куликами и время от времени доказывая друг другу свою правоту, мы добрались до совсем большущего болота, поросшего пушницей, и, выбрав относительно посуше место на высокой кочке, постелили мой плащ и сели отдохнуть метрах в ста от болота.

В середине болота кулики образовали большое скопление, но до них было далеко, подойти ближе не было возможности. Но К. С. всё же по ним бесконечно стрелял, но ни в одного не попал, а если и попал, то нельзя было бы его взять из-за глубокой топи.

Вечерело. Начал быстро надвигаться густой туман. Я говорила, что надо быстрее идти, а то в тумане можно заблудиться. К. С. соглашался, но продолжал ещё минут двадцать стрелять по куликам. Когда мы поднялись и направились в обратный путь, то вся тундра была уже покрыта густым туманом, так что метрах в пятнадцати было уже ничего не видно. Пошли по направлению к палаткам экспедиции. К. С., конечно, шёл впереди, всё время отклонялся правее и правее от того места, где должны быть раскинuty палатки. Я пробовала его убедить в этом, но всё напрасно, он самоуверенно доказывал, что я не умею ориентироваться на местности, что у меня нет никакой наблюдательности, и всё такое прочее. Твёрдой уверенности, куда идти, у меня не было, и я подчинилась его заверениям.

Туман становился всё гуще, болота всё больше, ноги вязли уже по колено и выше, вся почва колыхалась как студенистая масса. Мне было невыносимо жарко, и от трудной ходьбы по вязким

болотам, и от чрезвычайно неприятного чувства, что можно где-нибудь совсем завязнуть в трясине. К. С. всё время называл меня трусихой, дрейфуньей и прочим, но сам-то, конечно, не менее меня был угнетён таким переходом. Нет, оказывается, ничего неприятнее, чем заблудиться в тундре, а что мы заблудились, было уже ясно, хотя К. С. и не хотел в этом очень долго признаться. Болотистые тундры западного побережья — всё равно что океан, им нет конца и края: ни кустика, ни холмика, ни тропинки, сплошная равнина. По ней можно ходить бесконечно, сбившись с пути, даже в ясную погоду, а в тумане — тем более.

Так мы шли очень долго, однажды я споткнулась и упала прямо в воду. И так мы бродили мокрые по пояс, а после падения я промокла совсем. Начало быстро темнеть, но туман не рассеивался. У нас было одно желание: лишь бы выйти к реке, лишь бы не заблудиться вовсе и не затонуть в этих бесконечных болотах окончательно. Наконец, это желание сбылось, мы вышли к реке, но за ней ничего не было видно из-за тумана. Снова не знали, в какую сторону идти, где палатки? Так ещё бродили вдоль берега вправо и влево. Стало совсем темно, передвигаться дальше стало бессмысленно: в темноте можно было зайти и вовсе неведомо куда. Я же была удовлетворена хотя бы тем, что мы находились вне опасности от болот и трясины, и смирилась с мыслью, что нам придётся ночевать в тундре, причём стоя всю ночь, потому что из-за сырости нельзя было не только прилечь, но даже сесть.

Прошло несколько минут, становилось очень холодно. Тело быстро остывало от мокрой одежды, а впереди было не менее шести часов ожидания рассвета, чтобы можно было двинуться на поиски пути к комбинату. Но вот по реке послышался рокот моторной лодки. К. С. бросился ближе к берегу, у меня мелькнула надежда на тёплый ночлег в постели, и не напрасно. Рокот быстро приближался, в полной темноте из-под обрывистого берега послышался оклик: «Противные вы охотники, где же вы были?» Это был Виктор Фёдорович. Он, оказывается, уже в течение нескольких часов нас разыскивал, проходя взад и вперёд по реке. На розыски вышли и его сотрудники — они жгли факелы, но отойти от палаток в тундру не решались, боясь также заблудиться в темноте и тумане.

Костров мы, конечно, не видели и рокота мотора также не слышали, потому что были далеко от реки. И когда услышали: «Противные вы охотники», — то этот упрёк прозвучал как ласковое приветствие самого родного, любимого человека! В полной темноте спустились по какому-то узенькому гребешку с крутого обрывис-

того берега, откуда я едва не соскользнула в реку, очутились в лодке. Виктор Фёдорович сказал, что эту лодку они прозвали «кувыркашкой», сидеть в ней надо очень смиренно, ничуть не нарушая равновесия, иначе «можно легко перевернуться, а здесь глубоко».

Я совершенно оцепенела на месте и ревниво следила за К. С., так как он всегда ворочается в лодке всем телом. Чрез несколько минут пути мы слышали приятные мелодии радиотрансляции с сейнеров, разглядели приветливые огоньки посёлка Октябрьского... На сердце стало тепло и радостно. Только в трудные минуты человек становится особенно благодарным за то, что есть жизнь, есть мир, бескрайний, чудесный, есть замечательные люди на свете. Обычно мы часто проходим мимо всего этого равнодушно и, скучая, ищем чего-то лучшего. В эти минуты у меня в душе было столько благодарности и теплоты к Виктору Фёдоровичу и всем сотрудникам экспедиции! Хотелось сказать им самые ласковые слова. Мне думается, что то же чувствовал и К. С.

Минут через сорок мы высадились на берегу Октябрьского и, нагрузив на себя ружья, вёсла, лодочный мотор, счастливые, мокрые и грязные направились в штаб-квартиру экспедиции. Там у накрытого по-походному к ужину стола с утомлёнными лицами в усталых позах сидели все её сотрудники. Эта картина ещё более меня тронула: ведь они все очень устали за день, были голодны, но ждали нас, не ели и не ложились спать, а ведь было уже одиннадцать вечера. Я сказала им от души много искренних благодарных слов. Сбежала в гостиницу, сняла всё мокрое бельё, и мы сели ужинать. Всё показалось очень вкусным. От нескольких капель выпитого спиртного и радостного ощущения теплоты и человеческой заботы приятно кружилась голова. В первом часу ночи мы отправились спать в гостиницу.

Наутро решили больше не задерживаться в Октябрьском, имея в виду зафиксировать весь лов и обработку рыбы в Озерновском РК, как наиболее крупном и механизированном.

23 августа утром мы на катере пустились в дальний путь к устью реки Большой, чтобы оттуда на автомашине добраться до Большерецкого РК. Добравшись до устья, мы долго ждали грузового такси, которое почти ежедневно делает один рейс, перевоза пассажиров. Дорога к Усть-Большерецкому комбинату шла вдоль морского берега, здесь так же расстилалась тундра, но уже сухая, покрытая яркими цветами и изредка небольшим кустарником. Особенно нас поразили местные виды шиповника. Здесь он совершенно не похож на тот, который нам приходилось видеть в окрестностях Петропавловска

и в других местах. В Большерецком районе кусты шиповника высотой не превышают 40–50 сантиметров, но зато имеют гораздо более крупные цветы. Они очень похожи на настоящие розы, тёмно-алого цвета и, что удивительно, в отличие от абсолютного большинства камчатских цветов издают нежный, тонкий аромат. Этими тёмно-багряными цветами в основном вперемешку с фиолетово-синими ирисами усыпана вся тундра от устья реки Большой до Большерецкого комбината. Такие же чудесные ковры цветущего шиповника нам приходилось встречать и дальше на пути к Озерновском комбинату.

Интересно, что если шиповник Большерецкого района по своей красоте не имеет никакого сравнения со всеми другими полевыми цветами Камчатки, какие мне приходилось видеть, то кустарниковая растительность этого района, я имею в виду береговую полосу и тундровое пространство, отличается низкорослостью. И удивительно, что, например, кустарники рябины, высотой не более двадцати сантиметров, обильно плодоносят. Мы встречали кустарники уже с оранжевыми гроздьями плодов. Жимолость здесь также почти стелется по земле, но плоды имеет очень крупные и сочные. Пожалуй, вот и всё примечательное, что можно сказать о сухих тундрах Большерецкого района по проделанному нами маршруту.

Часа в три дня мы прибыли в Усть-Большерецкий РК. Прежде всего устроились в гостиницу, затем начали разыскивать местные власти, чтобы ознакомиться с производством. Посёлок комбината и само предприятие растянулись на песчаной косе вдоль морского берега километра на два. Вообще, впечатление этот посёлок комбината, да и сам завод, оставляет серое, пасмурное. Консервный завод не работает из-за отсутствия рыбы. Это почти по всем комбинатам Камчатки в этом году. Засольные цеха также не работали. Мёртвые заводы и покосившиеся дома барачного типа самого посёлка оставляют крайне мрачное впечатление. Вдобавок ко всему полное отсутствие дорог и тропинок в посёлке, что присуще большинству рыбокомбинатов, дополняет общую картину. Гостиница здесь в общем бараке на окраине посёлка, общая для мужчин и женщин. К тому же в ней почему-то страшно пахло юколой. Единственное отрадное впечатление оставила местная столовая. Размещена она также в очень неприглядном снаружи доме, но зато внутри очень уютная, даже нарядная. Стены голубеют свежей краской, много цветов, столы накрыты белыми чистыми скатертями, стулья также в чехлах, очень вкусные блюда и разнообразное меню. Как, оказывается, много зависит от хорошего отношения работников к своему

делу! Ни раньше, ни позже... нам не доводилось ни в одной столовой попробовать такого вкусного обеда, хотя из тех же продуктов, что в Усть-Большерецке, готовится пища и в других столовых побережья.

Утром зашли на жиромучной завод, построенный в 1958 г., оснащённый современным отечественным оборудованием Мелитопольского завода. Однако выход готовой продукции нам сфотографировать не удалось, так как в этот день проводился первый пуск завода и многие механизмы ещё работали с перебоями.

По пути от Октябрьского РК вниз по реке Большой, на правом её берегу на небольшой возвышенности растянулось село Зуйково. Здесь — рыболовецкий колхоз имени Октябрьской революции. В этом хозяйстве мы не были, наблюдали его лишь с катера, однако это село запоминается, видимо, потому, что оно расположено на возвышенности, и ещё потому, что там установлены маяк и большое белое здание — служебное помещение маяка. Эти строения, возвышаясь над всеми остальными постройками села, придают ему вид какого-то небольшого укрепления или замка.

В Усть-Большерецком комбинате мы ночевали одну ночь и к вечеру на другой день после долгих мытарств в ожидании попутной машины отправились на РЗ № 2 Большерецкого РК. Посёлок этого РЗ называется Опалинским. Раньше здесь был самостоятельный Опалинский комбинат, теперь, как уже сказано выше, остался лишь рыбозавод в ведении Большерецкого РК. В двух километрах от Опалинского РЗ расположено старинное село Опала, где есть рыболовецкий колхоз имени Кирова, это хозяйство-миллионер.

На пути к РЗ-2 мы наблюдали те же безлесные тундры, покрытые, несмотря на наступающую осень, сплошным ковром уже знакомого нам чудесного шиповника в полном расцвете и чуть тронутых увяданием трав. Вдали на горизонте синели вершины. Дорога шла вдоль берега моря. На пути нам встретилось несколько закрытых РКЗ и РЗ. Эти заводы, если их можно теперь так назвать, оставляют очень унылое впечатление: полуразрушенные постройки производственных и жилых зданий, полное безлюдье, да заводские трубы, когда-то оглашавшие окрестности своим рёвом (? — *Ред.*), безмолвно чернеют на фоне неба.

Километра за три-четыре до Опалы мы видели в тундре большие скопления куликов. Надо сказать, что по всем тундрам западного побережья этих птиц громадное число. Они то и дело взмывают большими стаями, кружив в воздухе, садятся на ягодные поляны и пасутся там, и так стая за стаей — одни садятся, другие

взмывают, и снова, и снова. Мы не успевали ахать, следя за перелётами косяков этих птиц, казалось, что их несметное количество.

К вечеру мы приехали в посёлок Опалинский. Моросил мелкий дождик. Мы немного озябли и устали, хотели есть. Столовая уже закрылась, но над нами сжалились её работники, впустили нас через кухню и накормили остывшим ужином, но мы и этому были рады. После ужина усталость уменьшилась, и мы, нацепив на себя свои здоровенные рюкзаки, пошли на поиски гостиницы. Гостиница — это слишком неудачное название для тех общественных мест ночлега, которые нам пришлось посетить после Усть-Большерецка. Это очень неудобные, никак не оборудованные комнаты, общие для мужчин и женщин. Но после наших переходов мы всегда были рады и таким «гостиницам», где можно приклонить голову.

В Опале есть гостиница, и плохая, но её хозяйка оказалась приветливой, она меня пригласила в баню, я очень хорошо помылась, возвратилась в гостиницу чрезвычайно довольной. К. С. с каким-то милицейским попутчиков тоже отправился в баню, хотя день был не «мужской». В районах такой порядок: бани работают два дня в неделю, из них один «женский», другой — «мужской». Им всё же удалось вымыться, и все мы были очень довольны.

Утром отправились на рыбозавод, как раз начали подходить мотоботы и МРС-80 с сельдью. Здесь мы проследили подачу сельди с сейнеров до места посола. На этом заводе, как и на большинстве других, ещё очень мало механизированных работ. Мотобот или сейнер с трюмом, наполненным рыбой, подходит к рыбозаводу с моря и становится на рейде в одном — полутора километрах от берега, вернее, от приёмной пристани. К нему катером или буксиром подводят кунгас и пришвартовывают борт о борт. Затем из трюма судна рыба сачками вычерпывается в отсеки кунгаса, их два или три, в зависимости от грузоподъёмности. На дне каждого отсека расстеливаются специально приспособленные сети, называемые стропами. Вот на эти стропы и выбрасывается рыба. Загруженный кунгас снова буксируется к берегу. С берега приёмщики плавсредств забрасывают к кунгасу трос, на конце которого имеется специальный крюк, называемый гаком. Этим гаком цепляют за драгу, находящуюся на корме кунгаса так, что один конец троса намотан на барабан паровой лебёдки, а другой переброшен к кунгасу и закреплён там. На берегу моря выложены на расстоянии двух-трёх метров друг от друга круглые брёвна. Эта так называемые покаты. При помощи паровой машины лебёдка наматывает трос, кунгас подтягивается к берегу, а затем по покатам по берегу —

к пристани. Из кунгаса, установленного у пристани, тоже при помощи лебёдки строп с рыбой поднимается с кунгаса и выливается на пристань.

Этого процесса я не записала в подробностях и сейчас не сумею установить в записи. Попробовала прибегнуть к помощи К. С., но оказалось, как всегда, безрезультатно. Он снова принял позу неоспоримого авторитета и при малейшем моём сомнении в правильности его объяснения принимался кричать: «Если вы не знаете, то слушайте, что вам говорят, и не возражайте, а то зачем вы спрашиваете, пишите сами и т. д.».

Вообще, к великому огорчению, надо сказать, что никакой товарищеской руки, товарищеского и дружеского отношения, которые так обогащают в подобных трудах впечатления и восприятия, я от К. С. не встретила, и наши впечатления в этой творческой командировке остаются сугубо индивидуальными. Нет сомнения, что в силу отсутствия возможности поделиться впечатлениями, настроениями, по-дружески прочувствовав настроения и ощущения друг друга, мы не дополняем друг друга, а только нищаем духом и страшно много теряем. Ну, да видно, ничего не сделаешь, придётся от К. С. воспользоваться лишь снимками, это он умеет делать.

Возвращаясь к приёмке рыбы на пристани, признаюсь, что подробности объяснить не смогу. Но это нестрашно, мне это разъяснит кто-нибудь из рыбаков, а я больше не буду «ловить» никаких мелочей в технологии, потому что, упустив сразу, потом не смогу их восстановить.

Сельдь или другая рыба, поступив на приёмную пристань, специальными деревянными толкачами вручную подталкивается к жёлобу, обитому жёстью, расположенному по центру пристани, одним концом подходящему к транспортёру. Транспортёр вращается также при помощи паровой машины и, захватывая рыбу из жёлоба, поднимает её к гидрожёлобу, идущему к приёмным бункерам. Приёмные бункеры — это очень примитивные сооружения, если грубо выразиться, то это просто большие деревянные ящики с большими зазорами для стока воды. Ящик этот около дна имеет небольшое отверстие, по мере надобности открывающееся и закрывающееся деревянной же задвижкой. К этим бункерам пара рабочих, в основном женщин, подходят с носилками, ставят их к отверстию в бункере и открывают задвижку, рыба выскальзывает в носилки, и рабочие закрывают задвижку. Наполняются носилки за несколько секунд. Затем их вручную доставляют к посольным столам.

Они установлены около засольных чанов, сюда же подносится соль. Работницы вываливают рыбу, в данном случае сельдь, на стол, двое, стоящие с двух сторон у каждого стола специальными деревянными лопатками забрасывают рыбу солью и сбрасывают её по лотку, идущему от посольного стола в чан. Чан загружается почти доверху, затем покрывается слоем соли, заливается тузлуком крепостью двадцать четыре градуса по ареометру. После этого чан прикрывается матами (рогожами или мешками), сверху по всей поверхности накладывается груз из камней. В таком состоянии сельдь оставляется на несколько дней, в зависимости от того, какой солёности необходимо достичь — малой, средней или крепкой.

Как видно из вышесказанного, почти весь процесс приёма и посола рыбы ведётся вручную и мало механизирован. Правда, приёмка рыбы с судов до пристани, а на некоторых заводах — до приёмных бункеров, на Камчатке почти повсеместно ведётся рыбонасосами. Эти устройства действительно облегчают и значительно убыстряют производство. Более механизированный процесс приёма и посола рыбы мы увидели на рыбозаводе Озерновского РК, я расскажу о нём ниже.

РКЗ № 53 и посольная база № 2, или РЗ Большерецкого комбината «Опала», посёлок этих предприятий, как и все рыбные предприятия Камчатки, расположен на песчаной косе между морем и рекой Опала. Здесь также не вытащить ног из песка — ходить в туфлях нельзя, песок засыпается везде. Дома в подавляющем большинстве старые, барачного типа, многие обиты гофрированным оцинкованным железом. Внешне всё выглядит серо, уныло. Ещё в этом посёлке вдоль улицы расставлено много деревянных чанов, покрытых рогожами. Мы заинтересовались, что бы это могло быть? Оказывается, это противопожарные чаны. Больше нигде такого мы не встречали. На окраине посёлка строится несколько новых сборных щитовых деревянных домов.

В посёлке 112 жилых строений и 1 148 жителей. Здесь имеется неполная средняя школа, небольшой магазин, несколько ларьков, клуб в невыносимо плохом здании на окраине. Вообще, больше ничего примечательного здесь нет. Протекающая рядом река Опала широкая, но очень мелкая, местами прямо по щиколотку, по ней ходят только очень маленькие катерки, шлюпки да моторные лодки. Несмотря на мелководность, Опала, как и большинство рек Камчатки, очень быстрая. Она впадает в реку Голыгину в шести километрах от села Отрадного. Голыгина также река широкая и мелководная.

26 августа. Все дни, что мы пробыли на РЗ-2, было пасмурно, хмуро, а сегодня с утра сыплет мелкий дождь, всё круги затянуто густой облачностью. Ждать нечего — на западном побережье дождь не диво. Мы направились в колхоз имени Кирова села Опалы. Шли морским берегом по песчаной отмели — «по отливу». В данном случае подразумевается морской берег в часы отлива. Когда на море отлив, вода отходит метров на пять, по твёрдой обнажившейся песчаной отмели ходить очень хорошо. С моря тянет солоновато-горьковатым запахом, под ногами — твердь, морские волны ласково подкатывают к ногам и, мягко шурша по песчаной гальке, снова уходят вдаль. Дальше от отлива ходить очень трудно — сухой песок рассыпается под ногами, попадает в обувь, ноги вязнут, идти по этим сыпучим пескам, пожалуй, тяжелее, чем по грязи.

Так мы шли по отмели, сыпал дождь, а мы наблюдали пышно растущие здесь жёлтые камнеломки, другие растения, устилающие разноцветным ковром морские песчаные берега. Эти растения, почти приземистые, некоторые даже стелющиеся, удивляют своей приспособленностью не только ярко зеленеть в сплошном песке и гальке, но и ещё обильно цвести. Мне особенно запомнилась стелющиеся сочные длинные ветви, покрытые нежно-голубыми цветами. Я не знаю, как эти растения называются, но К. С. их сфотографировал и, видимо, нам удастся установить их название.

Мы прошли километра четыре и вошли в село Опала. Оно также расположено вдоль моря с одной стороны и реки Опалы с другой. Здесь в противоположность посёлку завода, где дома беспорядочно разбросаны, чётко вырисовывается ровная линия улицы. Эта прямолинейность особенно подчёркивается большим количеством стандартных сборно-щитовых многоквартирных домов. В колхозе за последние три года построено больше двадцати таких домов. Они все одного размера, все поставлены окнами на юг, одно окно выходит на восток, а все крылечки — на север.

Мы побеседовали с председателем колхоза Виталием Захаровичем Ткачуком, очень симпатичным человеком, работающим в хозяйстве с 1939 г, и с одним из старейших жителей села Георгием Алексеевичем Гуциным — бригадиром рыбаков речного закидного невода. Они рассказали, что в 1919 г. в селе было только три дома и несколько землянок, всего 11 жителей, занимавшихся охотой на пушного зверя и рыбной ловлей. Улов сдавали на японские рыбалки и русскому промышленнику Миронову. Его участок располагался в двух километрах от нынешнего села. С великим сожалением старые колхозники говорят, что на рыбалках частных была

хорошо поставлена организация приёмки рыбы от рыбаков. «Бывало, приёмщик сам ищет рыбаков, — с сокрушением вспоминает Георгий Алексеевич, — а теперь приёмщика на заводе надо искать часа два, прежде чем удастся сдать рыбу».

Теперь в Опале 41 жилое строение, 122 жителя, из них 99 колхозников. Это колхоз-миллионер. Мне приходилось от многих рабочих завода № 2 слышать, что они это хозяйство называют просто — «миллионер». В 1957 г. по плану каждый колхозник должен был выловить по 415 центнеров, фактически поймали по 437. По плану того же года предполагалось, что средний годовой заработок одного рыбака составит 13 758 руб., на деле же он выразился в 45 164 руб. Колхоз имеет и небольшое сельское хозяйство: восемнадцать голов КРС, из них пять коров, остальные — молодняк, одиннадцать лошадей. Есть хороший скотный двор. Посевная площадь — всего полгектара и занята картофелем и овощами. Помимо общего сельского хозяйства, каждый колхозник имеет индивидуальный приусадебный участок, КРС и свиней.

В 1958 г. намечено, что каждый рыбак-колхозник должен заработать по 27 569 руб. Видимо, эта сумма фактически, как и в прошлом году, значительно вырастет, так как план вылова на одного человека увеличен до 537 центнеров. До выполнения же годового плана осталось выловить всего 13 тыс. центнеров, есть основание предполагать, что в ближайшие дни годовой план колхоза по вылову будет выполнен и начнётся его перевыполнение. Колхоз имеет один закидной невод на реке Опале и восемь судов, ловающих в открытом море. Из них пять МРС-80: «Азимут», «Буря», «Звонкий», «Литва» и «Ловкий» и три рыболовных бота: «Максим Горький», «Старт» и № 38. В 1957 г. доходы колхоза от добычи рыбы выразились в 4 566 000 руб. и от сельского хозяйства — 62 000 руб. Неделимый фонд хозяйства на 1 января 1958 г. составил 434 000 руб. Намечено по плану 1958 г. израсходовать на жилищно-бытовое и колхозное строительство 1 074 000 руб., построить 18 жилых домов, клуб на 150 мест, приобрести сельхозмашины, автомашины, построить электростанцию.

Однако, как с огорчением отмечают колхозники, до настоящего времени материалов для осуществления намеченного строительства получить не удалось, райисполком никакой в этом отношении помощи не оказывает. И получается, что, несмотря на имеющиеся средства, в колхозе нет ни электрического освещения, ни помещения для просмотра кино. В этой же связи хозяйство не имеет возможности развиваться за счёт роста числе колхозников. Многие

сезонные и даже кадровые рабочие проявляют большое желание вступить в колхоз имени Кирова и остаться здесь постоянно, но отсутствие дополнительной жилплощади не позволяет принимать новых членов.

Г. А. Гушину сейчас 56 лет, он живёт в Опале с 1949 г. и работает в колхозе со дня его основания. Несколько лет является бессменным бригадиром закидного невода. Он рассказал нам, что до 1945 г. существовало крупное село Голыгино, расположенное на одноимённой реке. Там в 1916 г., затем в 1919 г., как и во многих сёлах Камчатки, прошла эпидемия какой-то болезни, видимо, чёрной оспы, и началась массовая смертность. Вымирало в основном местное коренное население, русские эту болезнь перенесли довольно легко, случаев смертности среди них почти не наблюдалось.

Гушин рассказал: «Камчадалы в бегстве от болезни выезжали из села в Тальники по реке Голыгиной, ставили там палатки, но болезнь и там настигала их, и они вымирали целыми семьями. Там же, в Тальниках, разбросаны могилы умерших. Так вымерло крупное село Голыгино, то же произошло в селе Явино и многих других старых сёлах Камчатки. Оставшиеся в живых немногочисленные жители села Голыгино в 1930 г. объединились в сельхозколхоз “Рассада”, выращивавший овощи и картофель. Колхоз славился очень хорошей капустой и табаком. В 1946 г. “Рассада”, ввиду малочисленности, слился с “Тружеником” из села Отрадное, которое также стоит на реке Голыгиной. Все жители Голыгина переехали в Отрадное, и ныне на месте прежнего села Голыгино нет ни одного строения, кладбище поросло густой травой, скрыв следы прежней жизни».

Георгий Алексеевич также поведал, что до 1939 г. существовал колхоз «Труженик», созданный в 1931 г., в него входили жители трёх сёл — Опалы, Кошегочек и Отрадного. Так было потому, что во всех этих сёлах имелось всего несколько дворов и совсем немного жителей. Однако дальность расстояния между ними, почти полное отсутствие сухопутной связи потребовали разъединения колхоза по отдельным сёлам, тем более что после организации колхоза население начало расти за счёт русских, приехавших из центральных областей СССР. В 1939 г. этот колхоз разъединился на три хозяйства: «Труженик» (село Отрадное), имени Кирова (село Опала) и имени Черняховского (село Кошегочек).

Побеседовав с Виталием Захаровичем и Георгием Алексеевичем, мы решили отправиться в бригаду закидного невода колхоза имени Кирова. Мы наскоро заскочили в магазин, купили банку консервированной курицы, хлеба, немного конфет, папирос и в сопровождении

Георгия Алексеевича отправились на другой берег, на место расположения закидного невода.

Дождь усиливался, небо затянуло густой свинцовой пеленой. На берегу нас ждала небольшая лодка и две рыбачки. Мы с К. С. уселись, а рыбачки, одетые в очень удобные прорезиненные комбинезоны с капюшонами и в длинные резиновые сапоги, доходящие почти до бёдер, стоя начали управлять переправой. Лодка идёт не на вёслах, а толкается шестами, в отдельных местах, где особенно мелко, женщины вылезали и тащили её на буксире, как бурлаки, до более глубокого места. Так минут через сорок мы добрались до противоположного берега реки и увидели на небольшом речном уступе, густо поросшем сочными, высокими травами, небольшую землянку — стан рыболовецкой бригады.

Промокшие уже до платья, озябшие и голодные, мы вышли на берег и направились к землянке. Ласково повиливая хвостиками, тычась под ноги, умильно заглядывая в глаза, нас встретили два взрослых щенка и несколько собак. Мы вошли в землянку. Члены бригады, все женщины, сидели за длинным дощатым, ничем не прикрытым столом и с аппетитом обедали. На столе было варенье, чай, сахар, рыбные колеты, хлеб, пироги. У передней стенки пристроены широкие дощатые нары, а у другой стены жарко топилась железная печка. Нас встретили довольно приветливо и гостеприимно. Мы сняли свои насквозь промокшие плащи, развесили их около печки на просушку. Затем К. С. сфотографировал всех рыбачек за обеденным столом.

Тем временем освободилось немного места с краю стола, и мы с К. С. решили закусить — открыли коробку куриных консервов. Женщины дали нам миску и предложили залить курицу соусом из уксуса и горчицы. Действительно, такая приправа придала консервам острый вкус, и мне показалось, что я редко когда ела такое вкусное кушанье. Рыбачки радушно старались угостить всем, что у них было, здесь мы впервые попробовали варенье из морошки. Наевшись и напившись крепко заваренного чая, мы стали ждать, когда бригада начнёт лов. В этой мелководной реке он начинался в часы прилива — утром и вечером. В ожидании прилива рыбачки непринуждённо расположились на нарах, кто с книгой, кто с шитьём, некоторые играли в карты. Слышались шутки, смех, порой затягивали песню. Пели они простые русские песни, задумчиво и легко, слушать их было приятно.

Тем временем Георгий Алексеевич воткнул у самого края реки небольшую палочку, чтобы по ней лучше уследить за повышением

уровня воды. Часов с двух дня начался прилив, часа в три Георгий Алексеевич коротко бросил: «Пора начинать!» Женщины быстро, как по команде, оставили свои занятия, спешно оделись и, дружно пересмеиваясь, вышли на берег. Каждая из них хорошо знала свою работу: тут не увидишь суеты, не услышишь лишних слов. Действовали слаженно, умело и споро. Закидной невод выбрасывается в реку четыре — пять раз в день, в зависимости от хода рыбы. Когда та идёт редко, невод тоже забрасывается реже.

С выходом бригады на лов на наше счастье дождь стал стихать, минутами даже выглядывало солнце. Лов рыбы закидным неводом прост: сначала его укладывают в лодку, взявшись с двух сторон, укладывают его рядами друг на друга, ряд за рядом. Один конец невода, укреплённый на древке, берёт в руки кто-либо из более сильных ловцов и идёт с ним вдоль берега. Другой конец, также прикреплённый к катеру и лодке, отводится вглубь реки, затем катер разворачивается и, описывая широкий круг, направляется к берегу. Через некоторое время концы невода, которые вёл берегом рыбак и рекой — катер, соединяются на определённом месте. Невод с пойманной рыбой у берега всей бригадой быстро перебирают, всё более и более освобождая его, сливая рыбу в более тесный массив. Это называется «сбором невода в мотню». Вся эта работа проводится вблизи берега, но в воде. Здесь уже участвуют все члены бригады, работа требует быстроты и ловкости, иначе пойманная рыба может вырваться из невода.

Смотреть на эту работу интересно, моменты затягивания мотни невода и выборки рыбы из него очень красивы. Мы наблюдали лов кижуча. Крупные рыбыны с серо-зеленоватой чешуёй упруго бьются в неводе, рыбаки ловко выхватывают их скользящие тела и сбрасывают в стоящие здесь же лодки. Очень забавно было наблюдать за собаками: две чёрные бросились в пенящуюся воду и комично принялись гоняться за рыбой. Вот, несмотря на окрики, собаки подхватили живую, сильно бьющуюся рыбину и, стремительно выскочив на берег, принялись было завтракать ею, несмотря на бешеное сопротивление. К. С. попробовал навести на собаку фотоаппарат, но она, видимо, решив, что у неё хотят отнять добычу, бросилась вглубь берега, не выпуская из зубов трепещущей рыбыны, и моментально скрылась в густой траве.

Выбрав рыбу из невода и наполнив ею лодки, рыбацки начали снова закидывать невод, а мы с К. С., усевшись на борта заполненной лодки, отправились на берег, к заводской пристани. Лодку сопровождали три рыбацки, вёл её тот же небольшой катерок,

который заводил невод. Пройти по реке Опале с гружёными лодками даже на таком маленьком катере — дело довольно сложное. Река, как я уже говорила выше, местами очень мекая, но в то же время быстрая. Невольно приходилось любоваться ловкостью рыбаков, сопровождавших рыбу к берегу. Они знают реку, как свои пять пальцев, то и дело они то спрыгивали в воду и начинали толкать катер, протаскивая его через мели, то снова легко взбирались на борт катера или в лодку, шестами направляя её в фарватер, и так много раз.

Наконец катерок причалил к речной приёмной пристани, где началась разгрузка. Мы, пожелав рыбакам дальнейшей удачи, отправились в гостиницу. Время шло к вечеру, на заводе никаких работ не велось, делать здесь было нечего, да и устали мы за этот день основательно. Однако, полежав минут десять на кровати, я поняла, что могу сейчас же крепко заснуть. Решила пойти в тундру — авось удастся какую-нибудь птицу застрелить. На пути от Большерецкого комбината к Опале мы наблюдали бесчисленные перелёты очень крупных куликов. Я взяла свою мелкокалиберку и отправилась за посёлок. Шёл восьмой час вечера, наступали сумерки. Побродив около двух часов, вернулась, не встретив и не убив ни одного кулика. А если бы встретила, тоже, наверное, не убила бы никого, кулики — птицы очень осторожные и близко не подпускают. Вообще, я до сих пор ещё не убила ни одной птички.

На следующий день с утра мы пошли искать транспорт для дальнейшего продвижения. Единственный путь сообщения между населёнными пунктами здесь — это моторная лодка на реке или какое-нибудь рыболовное судно на море. Подумав, мы решили, что морской транспорт нас менее устраивает, так как с моря ничего не увидишь. Поэтому пошли в контору связи, оттуда должна идти мотолодка в Отрадное. Оказалось, что сегодня не пойдёт. Начальник отделения связи посоветовал нам обратиться в рыбоооп, оттуда должна была идти лодка. Пошли искать рыбоооповского дядю Васю. После продолжительного невразумительного мычания дяди Васи мы добились его согласия взять нас в лодку. Он велел нам быть на речном берегу к десяти утра. Прибыв на берег, прождали два часа и, познакомившись с нашими другими спутниками, на двух спаренных борт о борт лодках отбыли в Отрадное.

Пройдя не более двух километров, наша моторка начала «чихать» и глохнуть, и так продолжалось всю дорогу. Иногда дядя Вася приводил мотор в порядок прямо на ходу, иногда с этой целью причаливал к берегу. Первая наша стоянка по ремонту мотора

произошла километрах в четырёх от Опалы. Дядя Вася чинил мотор, ругал его ругательски, а мы, все пассажиры, от нечего делать бродили по берегу. Директор школы 58-го завода Александр Михайлович Толмачёв предложил пощипать ягод, и мы, поднявшись на крутой речной уступ, вышли на тундру. Она была сухая, кочковатая, с небольшими, сменяющими один другим увалами. Здесь оказалось много шикши. Пройдя несколько шагов, я увидела крепкий подосиновик, а затем, присмотревшись, на небольшой поляне набрала за несколько минут десятка три чудесных грибов: подосиновиков, подберёзовиков и несколько боровиков. Спустившись к берегу, показала грибы К. С. и хотела их выбросить, но он даже задрожал, сказал, что мы их изжарим. К нашим рюкзакам, ружью и аппаратам, от которых у К. С. болит шея, прибавился ещё газетный свёрток.

Следующая остановка по длительному ремонту мотора, не считая коротких на воде, у нас прошла на базе активного флота Октябрьского и Большерецкого комбинатов. Ввиду того что река Опала на всём её протяжении, кроме устья, несудоходна, передвижение рыболовецких судов и даже катеров по ней невозможно. Комбинаты организуют предварительный посол сельди прямо вблизи устья, тем самым экономя время на её транспортировку к основным посольным базам. Здесь мы произвели съёмку приёмки рыбы с мотоботов и посол сельди на полуфабрикат (продукция, требующая дальнейшей обработки). Здесь также оборудованы деревянные бункеры, куда поступает рыба. Из бункеров под напором воды она по желобам идёт на посольные столы, с которых, пересыпанная солью, сбрасывается навалом, без укладки, в двухцентнеровые бочки. Заливается тузлуком, закупоривается и в таком виде отправляется для дальнейшей переработки на комбинат.

Здесь же смонтированы рыбонасосные установки, выкачивающие рыбу из трюмов рыболовецких судов в приемные бункеры. Работа идёт весело, организовано. Тут же, на берегу реки, на небольшом причале мы наблюдали простейший способ приготовления тузлука. На небольшие деревянные чаны кладут деревянные перекладки, сверху них устанавливают бочки, доверху наполненные солью. В дне бочки проделаны отверстия и проложены материалом. Рабочие ведрами наливают в бочки воду из реки, та, проходя через слой соли, стекает через отверстия в чан, фильтруясь через проложенный на дне бочки материал. Приготовленный таким способом тузлук и идёт на заливку сельди, предварительно посоленной в бочках.

Пока дядя Вася чинил свой трижды изруганный мотор, мы успели записать и сфотографировать все виды работ на базе активного рыболовного флота и даже пообедать. Затем двинулись в дальнейший путь и вскоре, миновав устье Опалы, вышли на протоку, соединяющую реку Опалу с рекой Голыгиной. К вечеру вдали показалось село Отрадное. Тут наша моторка уже совсем начала «дурить», и мы кое-как приблизились к берегу вдали от села. Один из наших спутников — директор Отрадненской школы, отвязав от борта моторки вторую лодку, решил на шестах добраться до села, одновременно переправив наши, свои и Александра Михайловича вещи. Лодка, на которой он пошёл, была маленькая, плоскодонная, протекала. Отвязанная от более устойчивой моторки, она при малейшем колебании кувыркалась. Мы очень побаивались, что наши рюкзаки могут оказаться на дне Голыгиной, но решили довериться уверенным заверениям опытного лодочника и отправились вместе с Александром Михайловичем вдоль берега к селу, время от времени посматривая в сторону реки за передвижением лодки, шедшей вдали от берега.

Отрадное расположено на реке Голыгиной, примерно в двух километрах от её устья. В селе в настоящее время 214 жителей и 41 жилое строение. Здесь имеется рыболовецкий колхоз «Труженик». Прибыв в село уже перед сумерками мы, забрав вещи с лодки, устроились на брёвнах в надежде уехать сегодня же на 58-й РКЗ Озерновского РК.

Наши товарищи — Александр Михайлович и его брат — директор Отрадненской школы обещали помочь в получении лошади у колхоза для перевозки нас на РКЗ-58. Однако ничего этого не получилось, председатель колхоза в это время находился в Озерновском комбинате, а его заместитель обещал лошадь только на следующее утро. Идти пешком восемнадцать километров мы не решили, мешали тяжести рюкзаков. Поэтому ничего не оставалось, как ждать утра. Брат Александра Михайловича быстро организовал нам приют у жены председателя колхоза — Нины Дмитриевны Спичак, работавшей учительницей в Отрадненской школе. Нина Дмитриевна приветливо встретила нас, накормила ужином и приготовила постели.

Уже в густых сумерках мы пошли разыскивать старика Ульяна Егоровича Мерлина, камчадала, уроженца села Голыгино. Он нам рассказал, что хоть и слабо, но помнит народную войну по защите Камчатки от японцев в 1904 г. Сам он в этой войне не участвовал, потому что ему было в то время всего шесть лет, но он знает, что

многие жители села Голыгино были народными ополченцами и боролись с японской дружиной Гундзи Наритада, объявившего Камчатку «Землёй Микадо». В этой войне участвовал его отец Егор Ульянович Мерлин, он умер в 1906 г., и дядя Иван Маркович Мерлин, умерший в 1951 г. От отца у Ульяна Егоровича ничего не сохранилось, но дядину фотокарточку, хотя и с большим трудом, он всё же нашёл. Ульян Егорович сказал нам, что в Кошегочке живёт Илья Николаевич Бречалов, коренной житель Большерецка, родившийся в 1897 г.

Алексей Родионович Мерлин, однофамилец Ульяна Егоровича, житель Голыгина, тоже был участником борьбы с японцами в 1904 г. Он уже умер, а его племянник Степан Иванович Бутин живёт в селе Запорожье и, видимо, помнит годы народной войны. Впоследствии, когда мы попали в Запорожье, застать С. И. Бутина нам, к сожалению, не удалось — он был на покосе вдали от села. А с Бречаловым мы не встретились по глупой оплошности.

Во многих населённых пунктах, где нам приходилось останавливаться, мы слышали от старожилов, что в шести-восьми километрах от Озерновского РК в стороне от дороги, идущей вдоль морского берега, есть могила. На ней установлена чугунная плита с чугунным же крестом. Это могила народного ополченца Ксаверия Бирули. То же самое нам подтвердил и Ульян Егорович. При этом он добавил, что Бируля и Сотников были политическими ссыльными и принимали активное участие в борьбе с японцами. Бируля погиб в борьбе с японцами, а судьба Сотникова неизвестна...

После беседы с Ульяном Егоровичем мы зашли в здешний клуб. Тут, как и в большинстве клубов, много лозунгов и иллюстраций. Причём всё написано неграмотно и небрежно, и самое главное, на темы общесоюзные и международные, и ни слова о местных. Ни жизни собственного колхоза, ни его планов, ни хода их выполнения мы здесь не встретили. Поэтому вся наглядная агитация не носит наступательного характера. Коротко побеседовали с заведующим клубом и киномехаником, посмотрели кинокартину «Шляпа пана Анатоля», от души посмеялись и возвратились к своей новой знакомой Нине Дмитриевне Спичак.

Хорошо выспавшись, утром 28 августа на повозке отправились в путь. За возчика был заместитель председателя колхоза «Труженик» Фёдор Иванович Ткаченко. Он сначала показался неразговорчивым и замкнутым, но в дальнейшем оказался симпатичным и приятным собеседником.

Сразу по выезде из села мы обратили внимание на небольшой памятник на открытом крутом холмике слева от дороги. Фёдор Иванович рассказал, что там похоронен военный моряк, старшина 1-й статьи Канунников, погибший в 1945 г. при исполнении служебных обязанностей. В 1946 г. военное судно «Север» потерпело аварию и было штормом выброшено на берег около Отрадного. Команда корабля спаслась на шлюпках, некоторое время члены экипажа жили в Отрадном и Опале, ожидая дальнейших распоряжений. Среди команды был старшина 1-й статьи Илья Андреевич Канунников, он же был хранителем печати и сейфа. Спасаясь на шлюпке с гибнущего «Севера», Канунников бережно хранил их. Известно, что в сейфе хранился и флаг корабля. В декабре пришёл за экипажем другой корабль. Посадка проходила на шлюпках во время сильного шторма. Волна захлестнула шлюпку и опрокинула её. Моряки спаслись, за исключением Канунникова, тяжесть сейфа не позволила ему вынырнуть на поверхность, он погиб, но сейфа из рук не выпустил. Говорят, что видели, как при набежавшей волне ударило сейфом по голове, который он крепко держал в руках. Канунников погиб, честно выполняя свой воинский долг. Товарищи Канунникова, моряки «Севера», похоронили его близ места гибели и поставили небольшой скромный обелиск из сварных чугунных плит. Обелиск обвит тонкой цепью с якорем. На металлической дощечке, прикреплённой на обелиске, написано: «Погиб в шторм моряк старшина I-ой статьи Канунников Илья Андреевич и похоронен 16 декабря 1945 года». Памятник был поставлен весной 1946 г. Мы поднялись на холм к памятнику, сделали его фотоснимок и переписали текст надписи.

Дальнейший путь к Кошегочку шёл безлесной тундрой, усыпанной цветами иван-чая, шиповника, ириса. Изредка попадались небольшие оазисы горелого кедрача. Вообще, надо отметить, что, начиная с посёлка Октябрьского, нам приходилось везде наблюдать большие запасы сучьев обгорелого кедрового стланика. Этот кустарник здесь служит основным видом топлива, а для удобства заготавливают его, предварительно обжигая на корню, так освобождая ствол от хвойных ветвей. Очевидно, что так губится много кедровых лесов, они могли бы использоваться с большей пользой. Изредка попадались кустарники ольховника и ветлы. Но гораздо больше нас поражало обилие куликов, их по мере удаления от села становилось всё больше и больше. Вскоре мы заметили, что эти птицы не пугаются приближения лошади, но моментально взлетают, заметив ещё издали людей. К. С. по пути убил одного кулика,

очень крупного, с предлинным клювом, такого, какого я мечтала иметь в музее, — большого кроншнепа.

Проехав километров восемь, увидели большое озеро, соединяющееся с рекой Голыгиной. Ширина озера составляет четыре, а в длину оно простирается на двенадцать километров. Фёдор Иванович сказал, что во многих местах его глубина достигает двадцати семи метров, в нём водится красная рыба. Озеро называется Култушным, но надо ещё проверить правильность этого названия. В конце озера берега песчаные, а дальше расстилается тундра с громадным обилием ягод. Вот здесь-то куликов было как мух у лакомого блюда. Мы не переставали ехать в охотничьем азарте. К обеду добрались до реки Кошегочек, через густой травостой приблизились к её обрывистому берегу.

Фёдор Иванович покричал куда-то вдаль, и к берегу причалила небольшая лодка, в ней стояла высокая, совсем пожилая женщина. Она и была перевозчицей через реку. Фёдор Иванович помог нам спустить наши рюкзаки в шлюпку, куда сошли и мы сами. Тут с К. С. произошёл очередной эпизод. Я передвинула немного рюкзак, и он лёг на бок. Кажется, ничего особенного не произошло, но этого было достаточно, чтобы К. С. грубо крикнул: «Что вы трогаете, чего лезете не в свои сани!» Фёдор Иванович стоял на берегу, провожая нас, и смущённо переминался с ноги на ногу. От этого окрика мне было и стыдно, и обидно до боли. Таких обид было много и до этого, и бесконечно было и дальше. Если я раньше надеялась на какое-либо изменение в характере К. С., то теперь поняла, что это было напрасно. И вот теперь, к концу нашей командировки, мы, кажется, совсем перестали разговаривать друг с другом.

Все замыслы о большой творческой работе, по всей вероятности, останутся мифом. Он, видимо, да и не видимо, а безусловно, никогда не поймёт, что один человек, не обогащаясь и не подкрепляя свои творческие дела хотя бы простым сочувственным словом другого, не сможет никогда ничего сотворить. К. С. очень самоуверен и не сомневается, что достаточно ему наделать фотоснимков и музей будет полностью обогащён. Его, видимо, боюсь даже об этом всерьёз подумать, больше всего интересует какой-то бизнес с передвижной выставкой фотографий, а не кропотливый, упорный труд по глубокому изучению Камчатки. А ведь и передвижную выставку, на которой он, вероятно, имеет в виду хорошо заработать, нельзя сотворить ему одному без чьей-либо поддержки и участия. Чтобы выполнить задуманное: издать фотоочерки о Камчатке, издать справочник по историческим местам полуострова, подготовить передвижную

выставку, выпустить серию открыток, создать тематико-фотографические фонды в музее, — надо много вдохновения, кроме кропотливого, упорного труда. Необходима глубокая наблюдательность, созерцательность и постоянный анализ всех событий и явлений, которые мы наблюдаем. А о каком вдохновении может быть речь, если с идущим рядом с тобой человеком нельзя просто и откровенно поделиться, по-дружески поспорить.

В ответ услышишь лишь одно: «Какая чушь!», «Такое скажете, что ни в какие ворота не лезет!», «Не лезьте не в свои сани», «Шекспировская особа» и так далее и тому подобное. Никак не могу понять, что это у него — от недалёкого ума? Не похоже, он вроде умён. От наглости? Не знаю. Ясно видно, что товарищеских, дружеских отношений с ним не установилось, а покорным ему спутником его фотокорреспондентского величества я не стану, и все большие светлые мечты окончатся для меня крахом, а ему всё равно «где бы ни зарабатывать и на чём бы ни зарабатывать». Зачем так получается всё глупо на свете, когда из радости труда люди сами делают его, даже благородный и красивый, — тягостным и тяжёлым.

Переехав на противоположную сторону реки Кошегочек, мы надели свои рюкзаки и молча, в отдалении друг от друга направились к селу, а затем на РКЗ-58 Озерновского РК. До РКЗ-58 надо было пройти километров пять. Рюкзаки тянули плечи, идти было трудно, поэтому на окраине села, у недостроенного дома, пришлось остановиться на отдых. Здесь было много ягод — шикши, голубицы, изредка жимолости. Мы воспользовались этими ягодами во время нашего короткого отдыха, затем двинулись дальше.

На РКЗ-58 гостиницы не было, и нам пришлось обратиться за помощью к Александру Михайловичу, прибывшему на завод раньше нас. Он предложил нам остановиться у него, на что мы с удовольствием согласились. Его жена была в это время на курорте, и дома с ним оставались две дочери. Старшая — Валя — окончила семь классов и едет учиться в Озерную, а как звать младшую — не помню. Обе девчонки будут, по-моему, очень красивыми — у них дивные чёрные глазки и длинные стрелчатые ресницы.

Отдохнув и поужинав, мы встретились с учителями школы, которые с нами ехали на лодке в Отрадное. К. С. и учителя начали договариваться пойти охотиться на куликов. К. С. очень хотелось организовать это основательно: поставить в тундре палатку, захватить котелок, вскипятить в тундре чайку, поджарить убитого куличка. Мне тоже нравилась эта затея, и мы решили так и сделать, но предварительно я пошла к директору завода Тимофею

Григорьевичу Коваленко. Надо было договориться относительно транспорта на дальнейший путь, останавливаться на РКЗ-58 мы не думали: здесь ничего примечательного не было, а фотографировать приём и посол сельди не было необходимости. К тому же уверяли, что Коваленко много знает об истории, прошлом окружающих сёл.

В кабинете у Коваленко я встретила Александра Михайловича, он — секретарь местной партийной организации, и Николая Ивановича Токарева, который, оказывается, работает заместителем секретаря партийного комитета Озерновского РК. Тут я узнала, что через час в Озерновский РК уходит баржа, но Александр Михайлович и Николай Иванович утверждали, что Коваленко может рассказать много интересного, и я решила остаться до следующего дня. Охота на куликов для меня срывалась, так как свидание для беседы с Коваленко должно было состояться в девять утра, а мы могли к этому времени не возвратиться. Придя обратно, я рассказала об этом К. С., и он с учителем ушёл на охоту с ночёвкой без меня, предварительно уверив, что вернётся не позже одиннадцати утра.

Утром, побеседовав с Коваленко, я была очень разочарована — он оказался довольно неинтересным человеком и ничего ценного не мог сообщить. Правда, говорил о могиле Бирули, но мы о ней уже много раз слышали и нам оставалось только найти её. Тут же я узнала, что перебраться в Озерновский комбинат очень трудно. Туда можно проехать попутным рыболовным судном по морю, но при этом можно долго проболтаться в море: суда подходят к берегу только с уловом, да и высаживаться на берег с рейда можно только на шлюпке, а такая высадка хороша только при благоприятной погоде. Пассажирская баржа, по приливу заходящая в устье реки Озерной, бывает нерегулярно, а сухопутная дорога идёт через горные перевалы, песчаные увалы и очень труднопроходима для автомашин.

На наше счастье, в полдень этого дня должна была уйти баржа, и мы имели возможность с вечерним приливом быть в Озерновском РК. Я вернулась «домой», мы втроём с девочками приготовили вкусный завтрак и обед: сварили суп из убитого накануне кулика и запекли грибов в сметане. С кулика я предварительно сняла шкурку на чучело. Позавтракали, и я начала посматривать на часы, ожидая К. С. Но вот миновал полдень, баржа ушла в Озерную, а наших «охотников» всё нет и нет. Часам к двум дня мы с Александром Михайловичем начали уже немного беспокоиться, спустя несколько часов нами овладела тревога.

Ведь А. М. отпустил учителей накануне учебного года с тем, чтобы они вернулись утром и приступили к работе. К. С. тоже должен понимать, что задерживаться нельзя. Мы не знали, что и подумать: заблудились? утонули в озере? напал раненый медведь? Но как же пропали все трое, хотя бы один должен был вернуться, если случилось беда?

Я не могла ничем заняться: тревога за К. С. сменялась досадой на его беспечность, но беспокойство за его судьбу пересиливало. Трижды выходила за посёлок, доходила до села Кошегочек и снова возвращалась. Время тянулось бесконечно медленно. Часов в шесть вечера А. М., также встревоженный не на шутку, пошёл на конюшню седлать лошадь и отправляться на поиски В это время явился К. С. Увидев его живым и невредимым, я страшно возмутилась такой беспечностью к делу и окружавшим его людям. Он обозвал меня паникёром и, конечно, посчитал себя безусловно правым. Они на троих убили 15 куликов и поделили их поровну. У меня страшно болела голова после пережитого за день, чувствовалась страшная усталость, но, поглядев на голодного и измученного К. С., начала щипать куликов для ужина. К. С., выбрав лучшего кулика, стал снимать с него шкурку. После сытного ужина и небольшого количества выпитого спиртного улеглись спать.

Утром снова начались заботы о транспорте. Сначала сказали, что в Запорожье пойдёт пароконная повозка с почтой. Я отправилась искать эту повозку, но возница сказал, что взять нас не может — много почты. Я просила взять лишь рюкзаки, а сами бы мы пошли пешком до Озерной, около сорока километров. Но этот вариант не понравился К. С., он страшно не любит ходить пешком, на чём бы ни ехать, лишь бы ехать. Пошли к директору. Он сначала обещал машину до Явино, а вперёд послать пару коней, чтобы на них ехать от Явино, так как там дорога совсем труднопроходимая для автомашин. Очень долго решали насчёт того, где взять телегу. В посёлке всего одна в рыбкоопе, на ней подвозят хлеб к торговым точкам. Через два часа Коваленко сказал, что пойдёт машина прямо до бывшего РКЗ-60, оттуда до Озерной останется восемнадцать километров, «как-нибудь доберётесь».

Собрали рюкзаки, пошли к автомашине колхоза имени Черняховского из Кошегочека. Коваленко сказал, что поедет с нами и покажет нам японский памятник и несколько камней с японскими надписями. Он очень долго собирался, его задерживали разные хозяйственные дела. С нами на этой машине должны были ехать в Озерную несколько человек допризывников. Их также долго

собирали, все они были в дым пьяные и вели себя ухарски. Вдобавок за время долгих споров напился «в стельку» и шофёр нашей машины. Наконец собрались. Я села в кабину к шофёру, все остальные — в кузов. Начались наши мытарства. Пьяный водитель до того гнал по всем ухабам, что я моталась в кабине из стороны в сторону, не в состоянии удержаться в равновесии ни одной секунды. Ухватиться в кабине было не за что, и, упёршись одной рукой в деревянный потолок кабины, я не мечтала ни о каких удовольствиях: лишь бы не разбить голову или сломать руки.

Пробовала убедить шофёра, но он пучил пьяные глаза и гнал машину, не смотря на дорогу, на полном газу. Так мы мчались продолжительное время, пока не врезались в какую-то трясину и не засели в ней. Коваленко нанял эту машину, имея в виду, что она более проходима по пескам и торфянистому грунту из-за своей лёгкости, но предусмотрительно пустил следом вторую заводскую машину — ЗиЛ. Она шла сзади нас порожняком до реки Явино и осталась там, в то время как мы, переехав реку, застряли в болоте. Коваленко побежал обратно к реке за второй машиной. Мы тем временем наблюдали окружающую нас природу. Надо сказать, что раньше ничего видеть было невозможно из-за бешеной гонки.

Правый берег реки Явино вздымался крутыми песчаными дюнами и походил на грозную укреплённую стену. Влево от реки тянулась полусухая тундра, замкнутая на горизонте синеющей под солнцем цепью гор. Здесь, у горных склонов, за озером Явино когда-то стояло одноимённое крупное селение. В 1919 г. большинство жителей вымерло от эпидемии, остальные разъехались по другим сёлам. Ныне на месте села нет ни одного строения, лишь у самой реки сохранились две хаты, в одной из них живёт старуха, обитательница прежнего села. Хотели с ней побеседовать, но не застали её дома, видимо, ушла за ягодами. Походив возле запертого пустого дома, мы были вынуждены отказаться от интересного рассказа.

Тем временем подошла задняя машина, вытащила на буксире наш злополучный транспорт, и мы снова уселись для дальнейшего пути. Я и все были уверены, что наш шофёр одумался и теперь будет осторожнее, а главное, за это время успел несколько протрезветь. Но ничего подобного! Сразу же по переезде реки он направил машину вверх по крутому склону, пренебрегая идущей немного в обход дорогой. На половине склона машина, не удержавшись на разболтанных тормозах, стремительно пошла задом вниз. У всех замерло в груди, казалось — сейчас конец! Но вот страшный толчок,

и мы стоим на месте, и только поваленный телеграфный столб стал жертвой нашего ухаля-шофёра.

Пора бы ему одуматься, но не тут-то было. Дорога вилась по крутым склонам сопок и в ложбинах между ними. И вот наш шофёр, снова пренебрежительно свернув с дороги, стремительно вырывается на крутой склон и пускается оттуда на полной скорости. И так мы мчимся ещё и ещё раз с крутизны на крутизну, в глазах рябит от бешеной скорости и мелькающих перед глазами горных нагромождений. Я не выдерживаю и на ходу выбрасываюсь из кабины. Сейчас же стала и машина, на полном ходу капотом почти зарывшись в песчаный увал.

Вышел из машины К. С. и ещё какая-то девушка, и не в силах дальше сдерживать возмущения от такой езды, мы пошли впереди, не зная дороги. Вскоре нас догнала машина, но только уже другая — заводская, шедшая в резерве на всякий случай. Из короткого разговора мы узнали, что наш ухаля, вызволяя свою технику из песков, сумел помять у подошедшей сзади машины капот. Тогда потерявший всякое терпение Коваленко и решил дальше продвигаться на своей заводской машине. Оказалось, что наши рюкзаки остались на прежней. К. С. с каким-то парнем бросились к месту её стоянки и с трудом успели схватить их. Оказывается, шофёр к тому времени успел вырулить из песков и дал ходу обратно. Едва догнав его, они успели схватить рюкзаки, оставив в кузове мой плащ. Мне положительно не везло. Наступала осень, пальто было потеряно ещё весной, а теперь — плащ. Я, конечно, обиделась на К. С., если бы сама бегала за вещами, никогда бы не забыла его плащ. Я его уже спасала до этого не раз.

Шофёр заводской машины оказался очень опытным, вёл машину осторожно и умело по всем труднопроходимым местам, и мы спокойно доехали до бывшего РКЗ-60. Остановили машину, увидев в стороне от дороги на крутом обрывистом морском берегу довольно высокий обелиск. Подойдя ближе, увидели четырёхгранник с длинными японскими надписями. Он окружён цепями, укреплёнными на огромных каменных тумбах, тоже с надписями. В настоящее время грани памятника частично разрушены от ружейных выстрелов.

Коваленко сказал, что это пограничники устроили из него мишень. Каменные тумбы сдвинуты со своих мест, некоторые из них опрокинуты, некоторые спихнуты с обрывистого берега в море. Мы узнали, что обелиск поставлен в память погибшего здесь в 1922 г. японского крейсера. Какой это был крейсер, зачем он сюда прихо-

дил и почему погиб, нам выяснить не удалось. А это может быть очень интересно. (Речь идёт о крейсере «Нийтака. — *Ред.*)

Крейсер, судя по международной политической обстановке того времени, был здесь, по всей вероятности, с вражескими намерениями. И надписи на памятнике, содержание которых, конечно, мы не узнали, видимо, также могли бы многое раскрыть. И напрасно так безрассудно наши люди порой поступают, разрушая то, что их вовсе не трогает и что им не мешает, не задумываясь о последствиях. Этот памятник, по-моему, представляет интерес, и надо, наверное, просить Большерецкий райисполком организовать перевод этих надписей. Иван Иванович Андреев, думаю, не откажет в такой помощи.

Приехав на 60-й завод, вернее, бывший завод, мы в сопровождении Коваленко пришли к морскому берегу, где было также много камней с японскими надписями. Хотелось бы знать, что они означают. Написано это было в то время, когда здесь были японские концессии. Теперь здесь запустение. На фоне разрушенных и полуразрушенных заводских зданий одиноко высится эстакада гидрожёлоба. Пустые жилые дома смотрят слепыми окнами на безлюдный посёлок. Здесь сейчас живёт только сторож с женой, да немного сумасшедшая старуха, кругом — ни души. До Озерновского РК отсюда восемнадцать километров. Попрощавшись с Коваленко, спешившим засветло преодолеть самые трудные участки дороги до Явино, мы отправились за женой сторожа, пригласившей нас к себе ночевать. В избе у неё оказалось неуютно, сумрачно и даже грязно. Поэтому, посоветовавшись, мы, несмотря на усталость, решили побродить с ружьём и фотоаппаратом в тундре, начинавшейся тут же около нашей новой квартиры.

Пройдя несколько шагов, увидели, что здесь много шикши, голубики и жимолости. Направляясь всё дальше, приглядывались, нет ли куликов. Вскоре К. С. увидел белый гриб, затем, оглядевшись, мы начали находить их всё больше и больше. Собирать грибы — большое удовольствие, но собирать такие, как подберёзовики, подосиновики и особенно белые — совсем наслаждение. Я надела плащ К. С. и в его полы стала собирать грибы. К. С. отправился дальше искать куликов. За короткое время набрала полные полы плаща чудесных молоденьких грибов, половину белых. Грибов было очень много, насобирать можно было ещё, но стало уже тяжело носить оттягивающие полы плаща. Поспешила к нашему жилищу, спасаясь от быка, с рёвом двинувшегося по направлению ко мне...

Рано утром встали и вместе с К. С. снова отправились за грибами, за два часа набрали два ведра. Возвратившись домой, едва успев позавтракать грибами, жареными в сметане, мы на случайно заехавшей на 60-й завод за дровами машине поехали в Озерновский РК. Загруженная машина шла, плавно покачиваясь, путь был приятен. Дорогой шофёр указал нам, где следует искать могилу Бирули. К обеду мы приехали в посёлок Озерновский. Это было 30 августа.

Посёлок Озерновский довольно большой, расположен на живописном месте. В отличие от посёлков большинства комбинатов, расположенных на голых песчаных косах между морем и рекой, он лежит вдоль реки Озерной, на противоположной стороне которой за селом ярко зеленеют небольшие холмы. От морского берега посёлок также отрезан большой возвышенностью, покрытой густой травой. С северной стороны от посёлка открывается вид на горные вершины, которые начинаются недалеко от посёлка и уходят вдаль длинной цепью, образуя как бы ущелье. К этому межгорному ущелью идёт грунтовая дорога, скрывающаяся в горах. Этот грунтовый тракт ведёт к подсобному хозяйству комбината и затем к Озерновским горячим источникам.

В посёлке много новых жилых домов, притом двухэтажных. Здесь строительство ведётся из местных материалов. Основной — пемзовые пески, их вблизи посёлка большие залежи. Дороги здесь такие же песчаные, как и в других комбинатах. Вдоль всего посёлка по центральной улице дорога утрамбована камнями, вернее, крупным гравием, поэтому стала вполне приемлемой для транспорта и пешеходов.

Устроившись в гостинице, мы прошлись и сделали несколько снимков. День был субботний, идти на завод было ни к чему. Вечером в гостинице познакомились с одним довольно неприятным, слишком деловым гражданином — главврачом больницы на Озерновских горячих ключах Х. Г. Золоевым (осетином). Куда только жизнь не занесёт человека — из солнечной Осетии на пасмурные берега Западной Камчатки! Золоев приехал, как он рассказывал, встретить молодых врачей, чтобы передать им больницу, а сам едет в отпуск. Позднее прибыли ожидавшиеся специалисты — Марат Алексеевич Ослопов с женой (забыла, как её зовут, неужели нигде не записано?). Это были очень симпатичные, скромные, совсем молодые люди. Особенно мне понравился Марат. Он хорошо, по-молодому, волновался, осознавая большую ответственность своей первой в жизни самостоятельной работы. Он должен был принять на себя обязан-

ности главврача бальнеологического санатория. Утром в понедельник они должны были выехать на ключи. Мы решили воспользоваться попутным транспортом и отправиться вместе с ними.

В воскресенье утром с трудом достали на дорогу хлеба и, прихватив немного масла, конфет и консервов, были готовы в путь. Однако, как всегда, сборы продолжались бесконечно долго, машина прибыла только к полудню. С облегчением вздохнув после томительного ожидания, забрались в кузов машины и двинулись в путь. Дорога шла между красивейшими горными хребтами. Особенно дивная панорама открылась близ переезда на пароме через реку Озерную. Отсюда горные хребты образовывали глубокие овраги, где змеилась река Озерная, окаймлённая изумрудной зеленью кустарников и пышных трав. На подъезде к парому задержались несколько минут в ожидании паромщика, затем, перебравшись через реку, поехали по довольно обширной равнине. Сопки отодвинулись глубже к горизонту. Ещё шесть километров быстрой езды, и перед нами открылась небольшая площадка, окружённая высокими горными вершинами с ниспадающими водопадами горячих и холодных источников. На площадке разбросано несколько строений: больница, дом обслуживающего персонала, небольшой флигелёк водолечебницы, несколько закрытых бассейнов с горячими источниками. Слева несёт свои быстрые воды река Озерная. Прямо перед нами мрачно и торжественно-прекрасно раскинул свой величественный массив мыс Орлиное крыло.

День выдался ясный, солнечный. Во всех бассейнах весело плескались прибывшие сюда работники комбината и колхозники села Запорожье. Здесь на горячих источниках работает, правда, довольно примитивный, колхозный дом отдыха. Колхоз «Красный труженик» села Запорожья содержит в доме отдыха женщину, являющуюся уборщицей и заведующей, если можно её так назвать. Колхоз продаёт путёвки в дом отдыха по пять рублей в сутки, но не питания, ни медобслуживания не организует, и отдыхающие продукты привозят с собой. У колхозного дома отдыха имеется открытый бассейн, расположенный близко к подножию сопки, в небольшом ущелье. Он мне очень понравился. Купаться в нём гораздо приятнее, чем в закрытых бассейнах или ваннах, потому что здесь вода более охлаждённая под влиянием окружающего воздуха. Дом отдыха колхоза существует уже очень давно.

Больница создана здесь только в 1958 г. со штатом в два врача, три медсестры, конюха и завхоза. У больницы пока ещё очень много неотложных нужд: продукты завозятся из Озерновского РК

непосредственно работниками больницы, никакой торговой точки здесь нет, и рыбокооп этой заботы на себя не берёт. Автомашин у больницы нет, и всё необходимое доставляется либо на попутных машинах, либо на лошадях — летом и на нартах — зимой. У больницы две лошади, одна повозка, одна нарта и десять ездовых собак.

Здесь при желании можно было организовать, даже силами обслуживающего персонала, небольшое подсобное хозяйство. Земля для этого есть, пищевых отходов для откорма свиней достаточно. А пока же в рационе больных нет ни свежих овощей, ни свежего мяса. Работающий здесь главврачом Золоев, видимо, обо всём этом мало беспокоился и жил безо всяких тревог. Вновь назначенный главврач Марат Алексеевич с волнением мечтает о создании образцовой больницы, и он этого добьётся, если этот хороший молодой задор поддержат местные руководители, если Марат не погрязнет в обывательской тине спокойной жизни.

Но, несмотря на все неурядицы этой больницы, слабое знание целебных качеств этих источников, результаты лечения очень действенны. Мы побеседовали с несколькими больными, вот что они нам рассказали. Слесарь РКЗ-55 Озерновского РК Александр Тимофеевич Сологуб прибыл сюда с открытой раной в области позвоночника. После трёхнедельного принятия водных процедур рана очистилась и затянулась. Моторист рыбонасосной установки РЗ-2 Большерецкого РК Сергей Александрович Тюрин и рабочий того же завода Александр Кузьмич Попов болели воспалением плечевого сплетения. Болезнь у обоих протекала в очень острой форме: ощущение страшной боли, рука и у того и у другого вовсе не поднималась, они даже не могли держать ложку. Болезнь продолжалась более трёх месяцев у одного и около полугода у другого. После месячного курса лечения они при нас выписывались совершенно здоровыми.

О целебных свойствах источников говорили и другие больные, страдающие радикулитом, женскими и кожными болезнями. По словам главврача Золоева, целебные источники являются хорошим исцеляющим средством от ревматических, кожных и периферических заболеваний нервной системы. Кроме лечения водными процедурами ревматизма, в ближайшее время намечается организовать тут же физиотерапевтическое лечение.

Получив сведения о больничном санатории и ознакомившись с окрестностями, сделав фотоснимки, мы вдоволь и с большим удовольствием перекупались во всех бассейнах и в ванне. Поохотились немного за сороками, но ни одну не убили. Эта зловредная

птица настолько хитра, что убить её чрезвычайно трудно. Везде, где бы мы ни бывали, сорок очень много, они в летнее время гнездятся в ближайших к селению лесах, а за пропитанием летают в сёла на месте острогов. Вот здесь мы заметили, как сороки из-за реки летают к месту стоянки нартовых собак. Но стоит только направиться ближе к ним, как они срываются и снова улетают за реку. Их надо стеречь, притаившись. Я просидела с ружьём, спрятавшись в кустах, больше часа. За это время сороки дважды прилетали к собакам, норовя утащить немного кислой рыбы, но мне не удалось убить ни одну из них. Стоило чуть-чуть пошевелиться, как их уже и след простыл. К. С., вероятно, сумел бы пристрелить хоть одну, но он до сих пор не набрался мужества терпеливо посидеть, затаившись, а бегают за ними, и безрезультатно. Вот и нет у нас до сих пор сорочьего чучела, так обидно.

Ночь мы провели в палатке. Действительно, большое наслаждение спать на чистом воздухе...

1 сентября утром на попутной машине поехали на Паужетские горячие источники. Дорога сначала шла по крутому обрывистому склону вдоль реки Озерной. Прямо скажем, что дороги на Камчатке во многих местах ужасные. Вот и в данном случае дорога вилась по самой кромке обрывистого склона, под которым река Озерная несла свои быстрые и холодные воды. Поневоле хотелось отвести глаза от её обрывистых берегов — ведь стоит шофёру сделать чуть неверное движение руля, машина полетит, ясные волны поглотят её и покажутся дальше в своём величественном равнодушии...

КОКМ ОФ 31559

М. Я. Андерсон

По следам землепроходцев на Камчатке
(на месте бывшего острога в Нижнекамчатске)

В 2011 г. в 13-м выпуске «Краеведческих записок» был опубликован очерк А. В. Петрова (1966—2024) «Одиссея сыроеда Андерсона». В его основу положен иллюстрированный фотографией «Отчёт о туристическом маршруте на велосипеде Петропавловск-Камчатский — Усть-Камчатск». Документ рассказывает о не имевшем примеров одиночном велопробеге в условиях бездорожья, продолжавшемся с 13 июня по 6 октября 1967 г. Совершил

его капитан дальнего плавания, впрочем, к этому времени 61-летний пенсионер, Михаил Яковлевич Андерсон, член Камчатского отделения Всесоюзного географического общества.

В ходе своего многотрудного пути он сумел с 1 по 3 октября провести исследования на месте расположения бывшего Нижнекамчатского острога. Это — одно из опорных мест, откуда шло освоение нашего полуострова в XVIII в. Спустя два года, в 1969 г., М. Я. Андерсон подготовил ещё один отчёт, снабжённый собственными фотографиями и схемами. Этот документ, учётный номер ККМ ГИ 22408, ныне хранится в нашем музее, равно как и собранные в ходе путешествия предметы камчатской старины. Он сдан на хранение обнаружившим его старшим научным сотрудником музея А. В. Гоковым (1964—2016).

Ниже этот документ приводится с сокращениями, стилистическими правками и пояснениями, сделанными известным краеведом В. И. Борисовым, тоже в прошлом научным сотрудником нашего музея.

Предисловие. О Нижнекамчатском остроге я слышал давно и о нём имел случайные представления. Знал о нём только то, что он был в своё время одним из опорных пунктов землепроходцев при освоении Камчатки. В фантазиях он мне представлялся в виде старинного укрепления со стенами из частокола, с бойницами и башнями, воротами, канавой вокруг стены. Или в виде захолустной русской деревушки с низкими соломенными крышами и маленькими окнами. Мельком слышал в разговорах о его славном прошлом. Но всё это были частички больших событий. Толком никто не мог мне рассказать о его действительном прошлом, о возникновении, расцвете и гибели...

Местные жители устно передавали сведения из поколения в поколение, живая эстафета дошла и до нашего времени, но многие данные были искажены, перепуталась хронология, отдельные и разные происшествия слились в один факт или, наоборот, разобщились и обратились в отдельные...

Археологические находки показывают, что Нижнекамчатск в своё время имел крупное значение для Камчатского полуострова, обеспечивал местные народности привозными товарами и железом. Отсюда их везли по реке Камчатке в верховья, а оттуда привозилась пушнина и шкуры. Нижнекамчатск играл большую роль в развитии культуры и благосостояния местных народов. Он был в своё время главным населённым пунктом на полуострове и торговым портом...

Со временем Нижнекамчатск разросся и вышел за свою первоначальную территорию, переместился дальше от реки на более высокое место. Селение перешагнуло через речку Радугу и обосновалось на холмистом месте, где достигло своего расцвета. В царское время в Нижнекамчатске находилась церковь. В советское время её превратили в клуб. В селе были почтовое отделение, больница, школа. В своё время в километре от Нижнекамчатска был выстроен городок воинской части. Имелся также и колхоз. В последнее время посёлок упразднён, жители распределены по другим селениям, в основном они переехали в Усть-Камчатск.

Сейчас на старом месте живут три семьи: дежурного телефониста, гидролога и камчадалская. Посёлка не существует... Остались его следы: разваливающиеся дома, заросшие травой огороды и улицы. Время сделает своё дело, и на этом месте не останется следов былой человеческой культуры. Со стороны реки Камчатки место бывшего острога выглядит как небольшая возвышенность на берегу реки, заросшая высокой густой травой. Острог похож на низкий островок, чуть заметный на береговой среде...

На горизонте Нижнекамчатск. В 11 часов 20 минут отсчёт счётчика на велосипеде — 1 133,1 км. Спускаясь со склона сопки, вижу на горизонте большое селение. Деревянные рубленые дома, похожие на корабли, серые и одинаковые. До села семь километров. Между сопкой и селом — огромный простор некошенной травы, похожий на поле пшеницы, которую пора косить. Её высота доходит до плеч и выше головы. На ветру похожа на волнующуюся воду. Волнообразно перемещаясь, лоснится, белея поблекшими и полусухими стеблями, издавая шипящий звук. (Автор добирался до бывшего селения по дороге, проложенной во время Великой Отечественной войны через гору Климовку для переброски воинских частей из Нижнекамчатска на берег Тихого океана. — В. Б.)

На 30 сентября 1967 г. в Нижнекамчатске находились три семьи: С. И. Коровин с женой и братья Тарабыкины, Александр и Михаил, со своими семьями. Они местные жители, камчадалы, уроженцы Нижнекамчатска. Других жителей здесь нет, кроме приезжих на лето. В деревне бывшего гарнизона живут две семьи: В. П. Сорокина, работника гидрометпоста на реке Радуга, и одного пенсионера.

После упразднения Нижнекамчатска жители разъехались по другим сёлам. Некоторые бывшие жители на лето приезжают сюда

сажать картофель и осенью на батах вывозят [урожай] в Усть-Камчатск, где в большинстве живут бывшие нижнекамчатцы.

Николай Тарабыкин, шестнадцатилетний сын Михаила, как гид водит меня по Нижнекамчатску и рассказывает о его прошлом, о том, что сам знает, о чём слышал, и показывает бывшие достопримечательности.

В середине села стоит остов бывшей церкви, покосившийся в одну сторону. Церковь без купола и креста, построена из толстых брёвен, массивно и крепко, крыта досками в длину ската в три слоя. Под каждым слоем досок находится слой бересты. Над входом в церковь — надпись «Клуб». В одном углу церкви — закопчённое место с частично обугленными брёвнами. Также и обгоревшая перегородка. Здесь была [кино]передвижка и произошёл пожар. Помещение захламлено мусором.

По лестнице изнутри залезаем с Колей на крышу. Открывается вид на устье реки Радуги, а за ней — на реку Камчатку. Берега заросли кустарником (вид на юг). Если повернуться лицом на север, то левее, около километра-полтора, будет видна деревня гарнизона, вправо — кладбище, заросшее кустарником. (Успенская церковь была перенесена на территорию населённого пункта в 1864 г. из бывшего острога, куда позже стали переселяться жители. — В. Б.)

Недалеко, в нескольких десятках метров от церкви, находится бывшая школа с надписью «Нижнекамчатская начальная школа № 8». Двери взломаны. Входим в помещение, ходим по классам. Тишина. Везде валяются бывшие пособия, порванные тетради, книги, диаграммы. Видны следы ненужного разбоя и ломки предметов. Столов и скамеек нет. Классы пустые. Учительская — и здесь беспорядок и следы погрома. Здесь находится больше всего разных пособий и предметов для обучения. Гулко раздаются шаги в пустых помещениях... Коля показывает место в классе, где стояла его скамья и где он сидел. Теперь всё это ушло в историю.

Коля ведёт меня в бывшую больницу. Проходим мимо маленького домика. Двери вскрыты, замок сломан. Заходим. На вешалках одежда, женский платок, юбка. Обстановка бедная. На подоконнике — цветы. Небольшая кладовка тоже взломана. Стоят банки с вареньем, помещение захламлено.

Больница находится в стороне от других сооружений. Здесь также следы разбоя. Стёкла в окнах выбиты, бутылки разбиты, пахнет разлитыми лекарствами, компрессная бумага выброшена через окно в огород, столы перевернуты...

Улицы и огороды заросли травой. На улицах нет, как обычно, кошек и собак. Всё это оставляет угрюмое, удручающее ощущение. Заходим в помещение бывшего магазина. Прилавок, полки для товаров. Помещение захламлено тарой и мусором, стёкла в окнах выбиты. Около многих домов выстроены коптилки для приготовления балыка.

Через дом от Тарабыкиных жили Поповы — Фёдор Александрович и Зоя Яковлевна. Собрав картофель и своё добро, готовятся уезжать в Усть-Камчатск. Попов родился в Нижнекамчатске, вырос и прожил здесь всю жизнь. Он помнит много событий, но рассказывать не любит, молчит.

Интересуюсь, куда делись колокола из церкви. Коля рассказывает, что он слышал от взрослых, что во время Русско-японской войны иконы вывезли в Култук или Амбарчик. Но где находятся Култук и Амбарчик, он не знает. О колоколах тоже не знает. Играя с мальчишками, на чердаке церкви Коля нашёл спрятанный серебряный крест.

С крыши церкви снимаю часть Нижнекамчатска в сторону реки Радуги и реки Камчатки, в направлении Заимки (снимок «Часть Нижнекамчатска»). (Легенда о колоколах неоднократно приводилась в районной печати. Здесь, видимо, имеется в виду култук, то есть залив озера Красиковского. — В. Б.)

Рассказы и легенды жителей Нижнекамчатска. Меня интересует место бывшего острога. Николай показывает направление на остров, находящийся на левом берегу реки Камчатки в виде холма, заросшего травой. Там теперь ничего нет. «В Нижнекамчатске находится и могила Атласова, — говорит Николай. — Приезжали сюда из Ленинграда и Петропавловска смотреть могилу».

(Место захоронения Владимира Атласова достоверно не установлено. Но, учитывая, что он был убит в 1711 г. в Нижнекамчатском остроге на ключах, то, видимо, был захоронен на погосте заимки Козыревского. Впоследствии здесь находилось кладбище и ключевских крестьян. Кладбище позже перенесено выше относительно берега реки Камчатки на другое место вместе с частью захоронений. По преданию старожилов Ключей, В. Атласов был похоронен именно здесь. В 2011 г. в Ключах в его честь была поставлена часовня. — В. Б.)

Я ему не верю и спрашиваю, сколько же в таком случае было Атласовых? Когда я проходил через село Атласово, люди утверждали, что чуть ниже села, на левом берегу реки Камчатки есть могила

Атласова. Позже слышал, как в селе Майском утверждали, что на могиле Атласова в устье реки Белая стоит крест. Там похоронен Атласов. Теперь Коля утверждает, что могила Атласова находится в Нижнекамчатске, стоит на своём и утверждает, что люди приехали издалека смотреть её.

Геннадий Петрович Сновидов родился и вырос в Нижнекамчатске. Тут же посещал школу. После упразднения села его семья переехала в Усть-Камчатск. После этого каждую весну он приезжает в Нижнекамчатск, сажает картофель, а осенью увозит урожай в Усть-Камчатск. (Г. П. Сновидов — знатный рыбак колхоза «Путь Ленина», потомок большого рода Сновидовых. — В. Б.)

Сновидов рассказывает и показывает место острога. Он говорит, что от него мало что осталось. Если бы раньше приехали, то увидели бы острог: «Лет пять бы назад вы были бы здесь, тогда видно было острог. За это время вода его постепенно смыла. Мы находили куски меди. Там был медеплавильный завод, отливали колокола. Чей он был, неизвестно. Там был и порт, его называли “Великое село”, заходили с моря суда, приезжали иностранцы. Здесь за проделки Атласов сидел за решёткой, через окошко избы убежал вверх по реке Камчатке. Около села Атласово его, полужамёрзшего, купцы нашли и подобрали. Он в Нижнекамчатске камчадалам насолил, был жестоким человеком, к камчадалке залез... Он был в своё время атаманом.

(Эта легенда под собой оснований не имеет. В. Атласова убили в Нижнекамчатске на ключах, а этот острог был построен в 1736 г., через 25 лет после гибели атамана. — В. Б.)

На месте острога находили деньги. В устье реки Азябич, на правом её берегу, находили также деньги и каменные топоры. Сдали в Музей боевой славы в Петропавловске. (Здесь на высоком берегу находились поселения ительменов ещё в XVIII в. — В. Б.)

Раньше, до объединения, были самостоятельные колхозы. В Камаках — “Рыбак”, в Нижнекамчатске — “Путь Ленина”, “Берёзовый Яр”, “Чёрный Яр”, “Имени Сталина”, “Николаевский колхоз”. После объединения общее правление находилось в Усть-Камчатске, РКЗ-66, на косе.

Когда я был ещё мальчишкой и колхозы не были объединены, в Нижнекамчатске председателем был Михаил Малахов. Он был высокого роста, стройный, ходил в синих штанах, шапка набекрень. Тросточкой бил себя по голенищам сапог.

Колхоз достиг расцвета перед самой войной. В хозяйстве было триста голов дойных коров, много свиней, овец, телят. Я пас телят,

содержавшихся отдельно от коров. Какая же здесь огромная росла капуста! Сажали её много. Пахотных земель было много, простирались они далеко. Земля здесь хорошая, жирная, мягкая. Пустыррей не было. Сено косили и привозили издалека. Луга были от Нижнекамчатска километрах в двадцати, оттуда и привозили сено. На Проточках ниже косили сено и возили сюда. В Обухово косили сено военные. Там объезжали молодых лошадей».

(Некоторые данные о деятельности нижнекамчатского колхоза «Путь Ленина» в 1950 г.: 25 хозяйств, в них трудоспособных 40 мужчин, 20 женщин и 20 подростков; 34 головы крупного рогатого скота, 18 лошадей, 23 овцы, две свиньи; посевная площадь 11,5 гектаров, из них 9 под картофелем; урожайность картофеля — 11 центнеров с гектара; доходы — 52 248 руб. — В. Б.)

Расспрашиваю его, что он знает о прошлом.

«Последний поп, который справлял молебны в церкви, похоронен на кладбище. На могиле была сделана надстройка, мы её называли “Поповым домиком”. Он был построен над могилой всей его семьи. Там были похоронены попадья, сыновья и его близкие, все приближённые. Мы на кладбище играли в прятки, прятались за могилами, домиком попа и в кустах». (Последним священником Нижнекамчатской церкви был Геронтий Васильевич Коллегов, 1842 г. р. — В. Б.)

Расспрашиваю об охоте, куда ходили охотиться. Г. П. Сновидов рассказывает:

«Понимались на шлюпке вверх по реке Радуге до устья реки Новиковой. По реке Новиковой ехали до россыпей, они назывались “Крутой Яр”. В этом районе ставили петли. На Заимке была часовня». (После переноса церкви на левый берег реки Радуги, на месте, где раньше находилась церковь, была поставлена небольшая рубленая часовня. — В. Б.)

Павел Захарович Греченин — коренной житель Нижнекамчатска. Он здесь родился, вырос и прожил всю свою жизнь. (Павел Захарович Греченин родился 11 марта 1911 г. Его родители — крестьяне Захарий Петров и Агафоклия Васильевна Греченина [ГАКК. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 53. Л. 211]. — В. Б.)

Греченин рассказывает:

«Когда я был мальчиком, мне было семь-восемь лет, я хорошо помню, что на остроге в 1911 г., в восточной его части, была деревянная часовня, маленькая и старая. Когда её построили и кто строил, не знаю. На ней был небольшой купол с крестом. Она стояла около русла реки Радуги.

СЕЛО НИЖНЕ-КАМЧАТСК В 1967 ГОДУ

ЧЕРТЕЖ АВТОРА - №1.

Бывшая Нижнекамчатская церковь

Часть Нижнекамчатска

Село Нижнекамчатск

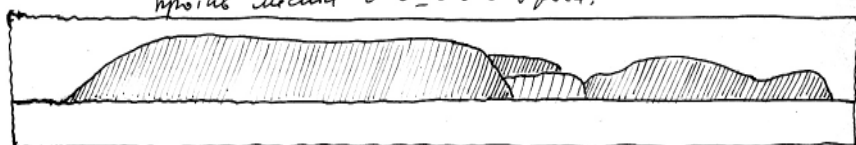

Восточная оконечность бывшего острога

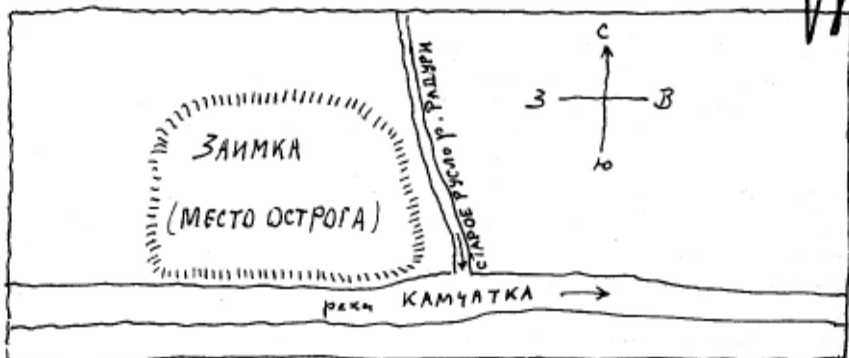
Остатки строений

Контурн сѣток на правомъ берегу реки Камчаткѣ,
противъ мѣста бывшаго острога,

ЗАРисовка авторѣ. Видъ на югъ - №1.

НИЖНЕ-КАМЧАТСК. ОСТРОГЪ ВОВРЕМЯ СВОЕГО РАЦБЕТА

ЧЕРТЕЖЪ АВТОРА №2.

Крайняя западная часть бывшего острога

Как помню, и мне говорили, что на Заимке были частные огороды, люди обрабатывали землю, садили картофель и другие овощи. После Заимку занял колхоз и превратил её в своё поле. В 1932—1933 гг. на Заимке было колхозное поле, я это хорошо помню. Сажали картофель и сеяли зерновые. Впоследствии на Заимке закладывали в ямы силос. Со временем Заимку забросили, и она заросла травой.

Река Камчатка постепенно подмывает берег острога. Земля осыпается, берег стремительно рушится. Обнажались гробы с покойниками, падали в воду.

Костя Семёнов, он сейчас в армии, нашёл серебряный крест. Родители Кости живут в Усть-Камчатске, возле Банной речки, около штаба пограничников».

(Что же такое «заимка» и какую роль она играла в хозяйстве камчадалов? По В. Далю, в Сибири, откуда на Камчатку пришло это слово, заимкой принято считать место, занятое под хозяйство, с избой и другими ухажаями; дача, ферма, хутор. Примерно такое же определение даёт этому понятию А. Прозоров, побывавший на Камчатке в самом начале XX в.: «На Камчатке “заимки” встречаются редко. Так называются небольшие усадьбы, где зажиточные лица проводят лето. Здесь запасают рыбу, сено, здесь же сарай для скота и прочие хозяйственные постройки».

Как нам удалось установить по опросным данным, жители Нижнекамчатска до середины XX в. и ранее считали Заимкой территорию бывшего острога, затем города и села. Здесь они занимались огородничеством. Существовали две заимки — Верхняя и Нижняя, располагавшиеся на левом берегу реки Камчатки. Их разделяла река Радуга, впадавшая в Камчатку. На Нижней заимке летом преимущественно держали собак и находились балаганы, где вялили юколу. В 1988 г. старожил Нижнекамчатска И. Ф. Савинский рассказывал нам: «Была заимка, где Радуга вытекает, по-камчадалски всегда говорили «Верхнее изголовье», «Нижнее изголовье». На верхнем изголовье была заимка, по правую сторону Радуги. На Заимке были огороды, там находили монеты, там был небольшой срубчик, метра три-четыре, покрытый берестой. На нём был крест в центре, вход, называли его «часовенка». Там были большие огороды, коровники, говорили, что первый Нижнекамчатск стоял здесь, на Заимке».

Е. К. Родионова (Портнягина), уроженка Нижнекамчатска, сообщила, что «в Нижнем было две заимки, верхняя и нижняя, на первой садили капусту, а на другой — картошку. Собачий мыс

был ниже устья Радуги. Мы собак держали на мысу, там ветерок, комаров мало. Верхняя заимка была от Радуги сразу вверх, нижняя вниз от мыса».

Другая уроженка Нижнекамчатска А. З. Портнягина (Греченина), 1908 г. р., вспоминала: «Раньше Нижнекамчатск на заимке стоял, церковь там была другая. Бабки говорили, что там городок был. Старики рассказывали, что потом стало подмывать и наши деды давай переезжать туда, где сегодня Нижнекамчатск. Они жребий бросали, куда переезжать: или на эту сторону, или в Обухово. На заимке юкола висела. Говорили: «Куда поехали? — На заимку». На заимке, когда колхоз начался, стали разбивать огороды.

Эти сведения почти дословно подтвердили уроженцы Нижнекамчатска В. Т. Фелонюк и В. З. Петров. Таким образом, опираясь на воспоминания жителей Нижнекамчатска, можно предположить, что некоторая часть территории бывшего острога, затем города Нижнекамчатска сохранилась до настоящего времени. Сейчас продолжается подмыв левого берега, где раньше располагался Нижнекамчатск. Требуются деятельные меры по спасению исторического памятника. — В. Б.)

Греченин рассказывает, что кладбище было на левом берегу реки Радуги.

Прокажённые. Клавдия Тимофеевна Семухина из Усть-Камчатска, ранее жившая в Нижнекамчатске и сейчас приехавшая сюда за вещами, рассказывает о прошлом:

«Старожилы Нижнекамчатска Пётр Васильевич и Феня Портнягина давно говорили мне, что на Собачьем острове, на углу, на левом берегу реки Радуги и левом берегу реки Камчатки в давние времена были построены домики, где жили прокажённые. Им туда носили из Нижнекамчатска питание. Не доходя до них, пищу клали на землю, прокажённые выходили и брали питание. Со временем они все умерли. Мать Фени Портнягиной тоже болела проказой, и Феню таскали в больницу на обследование. Пять лет назад тоже проверяли жителей Нижнекамчатска, в основном женщин и детей. Она целую неделю ездила, ничего не нашли. Какие-то два суфлёра (? — *Ред.*) приехали, искали проказу. Может быть, это были тоже шпионы? Догола раздевали женщин и детей. Это было в 1954 г. Когда человек болеет проказой, он весь в болячках и гниёт». (Здесь речь идёт о специалистах-антропологах, делавших замеры частей тела для определения принадлежности населения к коренным жителям Камчатки. — В. Б.)

Бои за острог. Эту легенду мне рассказал в Усть-Камчатске Никифор Терентьевич Чаповский, знатный тем, что в своё время на Камчатке он первый организовал колхоз. Это было в 1931 г. Он объединил три рыбацкие артели. В свою очередь этот рассказ Чаповский слышал от Петра Витальевича Портнягина, жившего в селе Крутоберегово:

«Камчадалы подняли восстание против казаков, оно было подавлено. Коряки (точнее, ительмены. — В. Б.) не были довольны казаками, собирались напасть на них. Со всей Камчатки собрались вооружённые камчадалы к острогу и спрятались в сопках, ожидая, когда часть казаков уйдёт на зимовку в Анадырь. В остроге остались 50 казаков для охраны острога и своей власти в окрестности. Остальные 55, сев на шхуну, отправились в Анадырь на зимовку. Восстание готовили долго. Когда шхуна (имеется в виду бот «Св. архангел Гавриил». — В. Б.) вышла в море, камчадалы подвели все свои силы к острогу. Договорились с теми камчадалами, которые жили в остроге вместе с казаками, чтобы те дали сигнал, когда казаки уйдут.

Сигналом послужил пожар. В нужное время в остроге был подожжён дом. В это время со всех сторон коряки напали на острог и перебили казаков, только несколько человек удрали в окружающие сопки.

В это время в океане разыгрался сильный шторм, дул противоположный ветер. Шхуна вернулась обратно в реку Камчатку. Оставшиеся в живых казаки, увидев её, начали подавать сигналы, были замечены и взяты на борт. Они рассказали об участии гарнизона. Не умея пользоваться огнестрельным оружием, камчадалы сбросили пушки в реку Камчатку и были уверены в своей окончательной победе.

(Здесь дан очень вольный пересказ тех событий. Восстание ительменов в июле 1731 г. описано «по горячим следам» прибывшим на Камчатку через несколько лет после восстания С. П. Крашениниковым: «Жившая на Камчатке большая партия [казаков] получила приказание следовать на боте “Гавриил” для соединения на Анадыре с партией, которой командовал капитан Павлуцкий, и вместе с нею идти против немирных чукчей. Камчадалы решили приступить к действию в то время, когда “Гавриил” выйдет из устья реки Камчатки. Камчадалы не сомневались в благополучном исходе своих планов, тем более, что на Камчатке оставалось очень немного казаков... Главным руководителем этого бунта были еловский тойон Фёдор Харчин... и дядя его, ключевской тойон Голгоч.

Приказчик Шехурдин с отрядом казаков отбыл с Камчатки с яском в Якутск. Была закончена погрузка на судно, бот вышел в залив. Но за противным усиливающимся ветром встал на якорь. Выход бота в море послужил сигналом для камчадалов, работавших на подвозке грузов для судна. Они из устья на батах устремились вверх по реке Камчатке».

Далее С. П. Крашенинников пишет: «Они убивали казаков, жгли их зимовья, жён и детей брали в рабство и в наложницы. Одновременно были посланы гонцы к руководителям восстания, которые в тот же вечер приплыли в острог...» Причиной восстания ительменов стали действия казаков. — В. Б.)

Шхуна подошла поближе к берегу, с неё высадились 30 казаков. Они со стороны суши должны были напасть на острог. Шхуна, подойдя к острогу, отдала якорь. Камчадалы собрались на берегу реки Камчатки встречать прибывших казаков, всё их внимание было привлечено к шхуне. Казаки всячески старались отвлечь внимание камчадалов от берега и острога.

Отряд казаков с берега напал на острог, завязался бой. Второй отряд казаков со шхуны сошёл на берег на помощь первому, и камчадалов разбили. После этой победы казаки постепенно начали подавлять восстание и проводить покорение всей Камчатки».

— Никифор Терентьевич, я слышал, что в своё время в остроге Нижнекамчатска было восстание и сами казаки убили своего атамана. Вы не в курсе дела? — спрашиваю его.

— Казаки в Нижнекамчатском остроге взбунтовались. Одна часть хотела перейти на сторону камчадалов, другая осталась верна атаману. В стычке был убит атаман. Причина бунта и междоусобицы неизвестна. Никаких данных нет. (Эта версия не имеет под собой оснований. — В. Б.)

Заимка. Попросив лодку у Тарабыкина, переправляюсь через реку Радугу, с левого берега на правый. Местами берега реки низкие, с небольшими пляжами, болотистые. Доезжаю до того места, где Радуга делает изгиб и дальше выдаётся на юг. Оставив лодку, по небольшой тропе следуя через кустарник на юг, в сторону реки Камчатки (снимок «Село Нижнекамчатск»).

Иду параллельно старому руслу реки Радуги, находящемуся немного правее меня. Пройдя половину расстояния от изгиба Радуги до реки Камчатки, выхожу на лужайку, заросшую осокой и болотной травой. Тропа исчезает, приблизившись к старому руслу Радуги. Замытое русло хорошо видно своей пониженной местностью с отдельными небольшими озёрками, заросшими травой. Вокруг них

растёт осока и болотная трава. Края озерков болотистые, засасывают в себя.

Пройдя полсотни метров, выхожу на левый берег реки Камчатки. Он немного выше старого русла Радуги. Берег песчаный, заросший жалкими кустами лозняка. Река Камчатка в этом месте широкая, около 700–800 метров. Берег земляно-песчаный, от метра до полутора высотой, обрывистый. Вода подмывает берег, и он обваливается в воду, делая ступени.

Разворачиваюсь вправо, иду против течения. Через несколько минут открывается небольшая возвышенность — плоскогорье, сильно заросшее высокой густой травой, выше человеческого роста. Создаётся ложное впечатление, что здесь когда-то был насыпан земляной курган и его верхняя часть разровнена, как будто образовано насыпное плато. Место ровное, без кустарников (снимок «Восточная оконечность бывшего острога»).

Высота берега против Заимки в средней её части три и более метра. Основа грунта Заимки состоит из серо-синей земли, не поддающейся такому лёгкому размытию и разрушению от действия воды. Берег здесь подмывается рекой Камчаткой и обваливается.

Грунт располагается террасами, вроде ступенек. При высоком уровне вода смывает грунт. После падения уровня он снова сглаживается водою. Местами образуются пляжики, по ним можно ходить. На этих пляжах обнаруживаются предметы, которые почва скрывала в себе.

Верхний слой земли Заимки песчано-землистый. В нём находится культурный слой, прикрытый разной толщины слоем земли — от 20–30 сантиметров до полуметра. Обваливаясь, культурный слой отдаёт свои археологические сокровища, длительное время скрытые почвой. Верхний слой почвы густо зарос травой, её корни переплелись и глубоко пронизывают землю. Обваливаясь, земля обнажает корни растений, некоторые более чем на два метра уходят вниз.

Почва обнажает уцелевшие в земле нижние части столбов длиной 60–70 сантиметров. Верхняя часть их давно сгнила и сравнялась с землёй (снимок «Остатки строений»). Местами в культурном грунте видны лежаки — брёвна диаметром от 10–15 сантиметров. Видимо, они служили для пола, над которым было дощатое перекрытие.

В культурном слое земли хорошо сохранилась древесная смолистая кора, толщина которой разная, местами достигает до 30 сантиметров, длиной до 25–30 метров, присыпанная сверху слоем земли.

Она свидетельствует о том, что здесь в своё время обрабатывалась древесина.

На бугре, где стоял тогдашний острог, растёт высокая трава. Вне этого места растительность бедная.

Длина места острога на берегу составляет 400 шагов.

Богатое место археологических находок — это средняя часть места бывшего острога. На его восточной части найдены следы монастырских строений (снимки «Крайняя западная часть бывшего острога»).

Действительно, от острога осталась совсем небольшая полоска. Река Камчатка на протяжении длительного времени, меня своё русло, уничтожила острог. Если так будет продолжаться, то от него не останется ни следа, это место будет уничтожено водой. Чтобы сохранить память об остроге для будущих поколений, делаю зарисовки сопки, находящейся на противоположном берегу реки Камчатки. Так как сопки каменистого происхождения, они и впредь останутся такими же и на этом же месте. Если река действительно уничтожит остатки острога, то в будущем следующие поколения людей смогут хотя бы приблизительно, ориентировочно найти место острога по зарисовкам (зарисовка автора «Вид на юг»).

Огромные богатства археологического значения лежат на дне реки Камчатки, замытые илом. Они ожидают то время, когда человек займётся ими и они будут извлечены со дна на поверхность.

Керамику, наконечники стрел из кремня и часть других экспонатов я извлёк из воды у берега. Осколки посуды хорошо были видны под водой на глубине 20–30 сантиметров. Монеты хорошо заметны на песчаном пляже, после осушки и выветривания песка вокруг них. Так монеты оказываются как будто приподнятыми, и их видно на расстоянии нескольких метров круглыми возвышенностями на песке.

Железо в песке превратилось в ржавчину. Песок окрашен в красноватый цвет. Железные предметы превратились в ржавчину, не теряя формы, лежат на песке. При прикосновении к ним и нажатии они рассыпаются в бурый порошок, окрашивающий руки. Определить, какие предметы и к какому периоду развития острога они относятся, не могу.

Через некоторое время, когда опасность для гарнизона миновала, нужда в существовании острога отпала. Современные жители переехали с территории острога дальше от реки Камчатки, и впоследствии селение перекочевало на левый берег реки Радуги, где оно находится и в настоящее время.

На протяжении длительного времени постепенно пропадают бесценные реликвии прошлого в Нижнекамчатске. Систематически их никто не собирает, каждый год почва отдаёт свои сокровища, река Камчатка становится хоронильщиком историческогоклада. Кажется, что здесь они будут захоронены навсегда. Если русло реки отступит, то все предметы, находящиеся на дне, замоятся песком и илом.

На случай действительного исчезновения места острога для страховки делаю фотографии противоположного берега. По ним можно будет установить место его нахождения.

Оружие, найденное на месте бывшего острога:

- кремниевый наконечник стрелы;
- железный наконечник стрелы;
- лезвие ножа;
- кусок железа, похожий на лезвие сабли;
- ядро от пищали.

Каменные предметы дают повод думать, что они являются предметами самого раннего периода развития жизни в остроге. Возможно, что частично ими пользовались и казаки. Железо было дорогим удовольствием. Железные наконечники стрел часто терялись на охоте и в схватках с местными жителями. Видимо, поэтому приходилось пользоваться кремниевыми наконечниками стрел. Явно, что все они были трофейными или добыты обменом при общении с местными жителями.

Если верить легенде, что острог кратковременно находился в руках камчадалов после поражения казаков, и в остроге шли бои. По всей вероятности, наконечники и есть камчадалское оружие.

Железный наконечник стрелы свидетельствует о принадлежности его казакам. Порох употреблялся в крайних случаях, при охоте на медведей или при отражении нападения камчадалов с целью их устрашения. Такого количества пороха казаки не могли взять с собой с материка, чтобы на многие годы обеспечить свои походы в дальние края от своих баз.

Ядро пищали свидетельствует о том, что оно принадлежало казакам, так же как часть лезвия сабли и другие металлические предметы.

Пороха требовалось много. По всей видимости, землепроходцы сами готовили себе порох на пути, где можно было добыть серу. Древесный уголь был под руками в местах остановок.

В то далёкое время люди умели производить всё им нужное на месте. Распределение работ по специальностям ещё не было так сильно развито.

На месте острога найдены каменные грузила, разной величины и формы, с выемками для верёвок — нижней подборы, на противоположных краях. Таких камней в природе в районе острога нет, они доставлялись из других мест. Скорее всего, привезены с морского побережья. Это окатанные голыши и отшлифованные песком морские камни красивой формы. Камни разных пород, от песчаника до гранита.

Как известно, русские люди рыболовством занимались с незапамятных времён, во все времена своего бытия. Малые или большие походы были снабжены также сетями.

Немыслимо, чтобы землепроходцы шли без сетей в далёкие края. Рыболовство — это было главное предприятие для добычи питания, за ним следовала охота. Так что в остроге рыболовством занимались со времени его возникновения. Казаки были питанием обеспечены полностью. На Камчатке и теперь много рыбы, но в те далёкие времена её было больше. Со временем казаки научились у местных жителей готовить юколу и балык.

Литейный завод. Найденные на месте острога предметы подтверждают рассказы бывших жителей Нижнекамчатска о существовании в прошлом на территории острога литейного завода:

- обгорелые кирпичи с пригоревшей к ним копотью;
- расплавленные (сожжённые) и деформированные от высокой температуры кирпичи;
- кусок шлака, сварившийся с перегоревшим железом, тяжёлый в отношении величины;
- кусок чугуна;
- кусок свинца или олова.

Кирпичи из-за своей тяжести были оставлены на месте. Все эти предметы неопровержимо доказывают действительное существование литейного завода на Заимке и хорошо налаженного по тому времени литейного производства.

Землепроходцы, проходя огромные расстояния, находясь долгие годы оторванными от материка, не могли запастись железом. На пути оно постоянно расходовалось. В то время огромные просторы Сибири и Камчатки населяли народы, не знавшие железа. Оно ценилось высоко и служило охотно меняемым предметом. Вероятно, землепроходцы плавил железо из местной камчатской руды.

Механические мастерские, кузница. Найденны там же:

- куски меди, обрубленные зубилом, разной величины и формы;
- куски медной жести разной толщины и формы, с заклёпками и без;

— куски железа разной формы и величины в виде обрубков, с отверстиями и без;

— железные стержни разной величины и формы;

— обрезки жести разной величины и формы.

Всё это указывает на деятельность механического завода на территории Заимки... Нет никаких данных, откуда брали железо и медь, плавили или ковали местное или привозное сырьё.

Обрубки, обрезки, всё отброшенное свидетельствует о действительно работавшем механическом заводе. Сомневаться невозможно ни в чём. Всё это достоверно, и всё это подтверждается найденными материалами.

Хозяйственные предметы:

— мотыга;

— шарнир от дверцы;

— сковородники;

— вилка;

— навесной замок;

— части медных и железной пряжек;

— железные вертлюги;

— железные угольники;

— часть железного оборудования.

Эти предметы указывают на то, что жители занимались сельским хозяйством, имели огороды, выращивали овощи и сельскохозяйственную продукцию. Небольшие ящики и шкафчики были оборудованы шарнирами. Жили в домах уютно и сытно. Жарили на сковородах рыбу и дичь, употребляли вилки.

Уходя из дому, на двери вешали замки. Они, а также и скобы говорят, что тогда принято было надёжно запирать двери.

На Заимке вырабатывались предметы, нужные в повседневной жизни, как пряжки для ремней разной величины из меди и железа. Железные вертлюги могли быть использованы для (неразборчиво)... Угольники употреблялись на оконные рамы.

Предметы показывают высокое мастерство умельцев, их высокую техническую культуру, понимание дела.

Посуда. Найденные на Заимке обломки посуды говорят о том, что в своё время здесь употреблялись:

— стеклянные вазы;

— глиняные горшки;

— глиняные миски;

— блюдечки;

— чашки;

- столовые тарелки;
- стеклянные бутылки;
- глиняные сосуды для вина;
- медные чайники;
- куски медной посуды;
- медные и железные вёдра с ушками.

Посуда была разнообразная и для разных целей, её ассортимент приличный, беря во внимание экономические возможности прошлой России. Высоким мастерством отличается медная посуда, например, чайник с носиком, красивой формы и пропорциями.

Осколки посуды показывают, что она была элегантною, несколько не уступающей посуде нашего времени. Соотношение её отдельных частей к общим размерам пропорционально и оставляет приятное ощущение. Мастера посуды того времени были на высоком уровне развития своего ремесла. Тонкая отделка предметов, как чашек и блюдец, почти не похожа на то, что они производились вручную. Мастера неизвестны, но их искусство заслуживает высокой оценки.

Материал посуды:

- стекло прозрачное и тёмно-зелёное;
- глина серая;
- глина светло-серая;
- фарфор, порцелан, фаянс;
- медь;
- олово (или свинец).

Материал посуды показывает, что она не камчатского производства, как, например, фаянсовая, порцелановая и фарфоровая. Такого материала на Камчатке нет, за исключением серой глины, меди и олова. Это даёт повод думать, что посуда была привозная, ещё раз указывает, что Камчатку посещали торговые суда, а Нижнекамчатск вёл морскую торговлю. В прошлом Камчатка имело место судоходство.

Керамика:

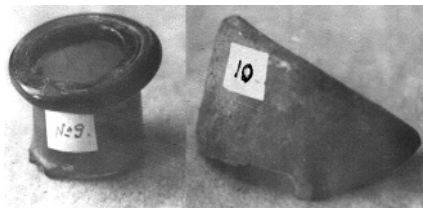
- знаки на осколке чашки состоят из четырёх точек, поставленных углом на ромб;
- цветок с пятью цветочками, лист большой, дальше — ветка с мелкими листочками;
- фантастические штрихи, контуры азиатского строения;
- узоры и цветы;
- сочетание красок, без каких-либо узоров, основа тёмно-жёлтая;
- сочетание красок, основа тёмно-жёлтая, наверху белая полоса, ниже — тёмно-синяя полоса.

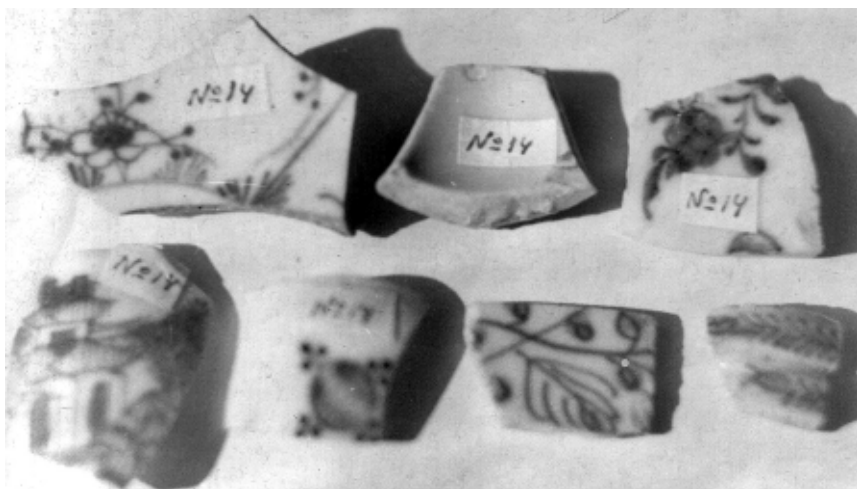
Медная монета (слева) диаметром 40 мм, толщина 3 мм. На лицевой стороне слева видна часть венка. В центре видны какие-то буквы. На обороте в центре — двуглавый орёл, снизу по краю надпись «...копеекъ». Под орлом в центре буква «Е», под ней буква «М». Края монеты ровные. Медная монета (справа) диаметром 36 мм, толщина 3 мм. На лицевой стороне герб. В середине овал с надписью «Пять копеек. 1778». Над овалом корона с пятью остриями. По обеим сторонам овала стоят на задних лапах песцы. По краю монеты надпись: «Сибирская монета». На обороте: в центре на римской цифре «II» буква «Е». Под ней буква «К» или «Н» и латинская «N». Над верхней частью знака — корона. По краям монеты снизу вверх обрамление из лавровых венков. Края монеты с насечкой...

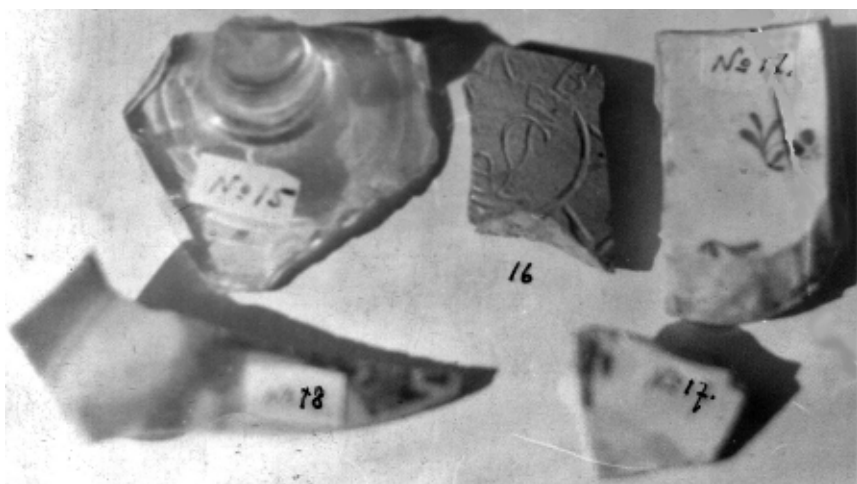
Монеты медные, диаметр 25 мм, толщина 2 мм. На лицевой стороне в овале надпись: «Деньга 1749». Вокруг овала орнаменты, на обороте монеты — двуглавый орёл

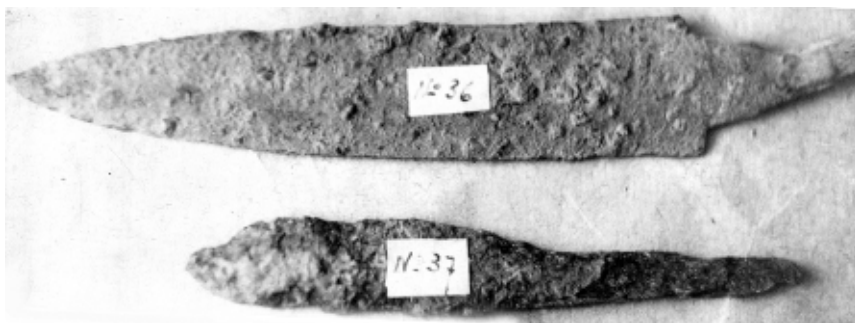
Горлышко и верхняя часть ручки сосуда из светло-серой глины (слева); верхняя часть горлышка бутылки зеленоватого цвета

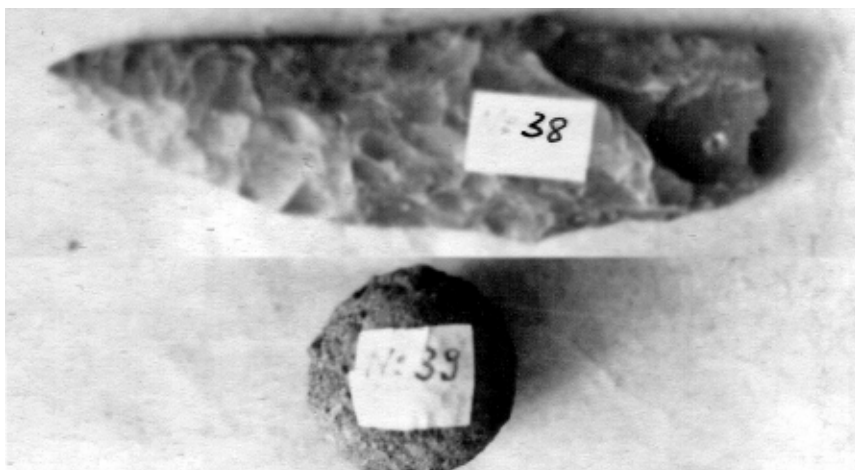
Осколки чашки из светлой глины. На белом фоне синей эмали нанесены орнаменты, узоры, растения и вид здания в азиатском стиле. Внутри чашки, в верхней её части, — кайма с орнаментом

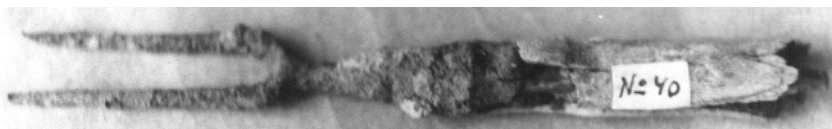
Фрагмент стеклянной вазы (№ 15). Место соединения ножки с чашей. Фрагмент глиняной посуды (№ 16) из серой глины с орнаментом. Часть дна чашки (№ 17) из белой глины с тёмно-красным узором. Осколок нижней части тарелки (№ 18) из белой глины со светло-серым налётом с обеих сторон и орнаментом из синей эмали

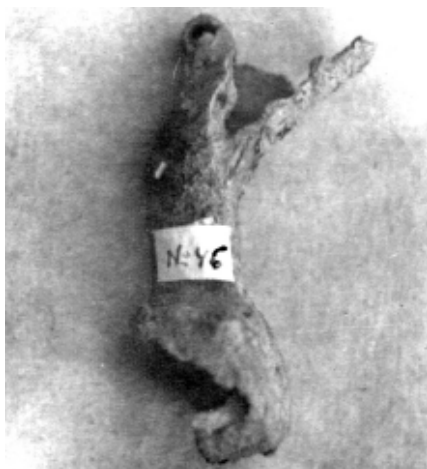
Лезвие ножа (№ 36). Длина 120, ширина 23 мм. Наконечник стрелы железный (№ 37). Длина 105, ширина 16 мм

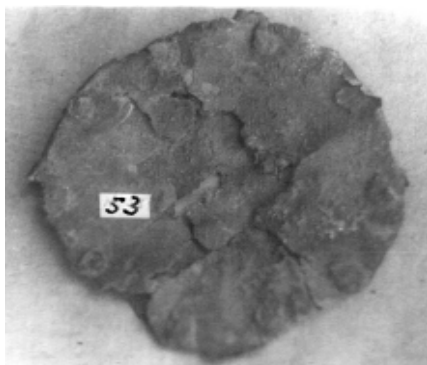
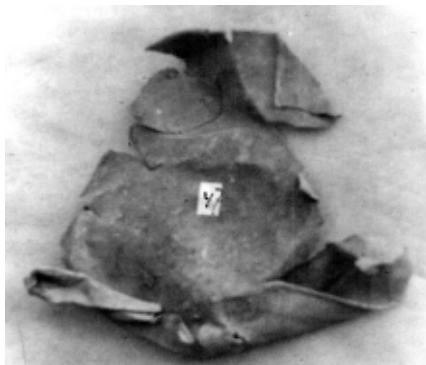
Наконечник стрелы кремниевый (№ 38). Длина 85, ширина 25 мм.
Ядро пищальное железное (№ 39). Диаметр 25 мм

Вилка столовая (№ 40) с двумя зубцами и деревянной ручкой.
Длина 160 мм

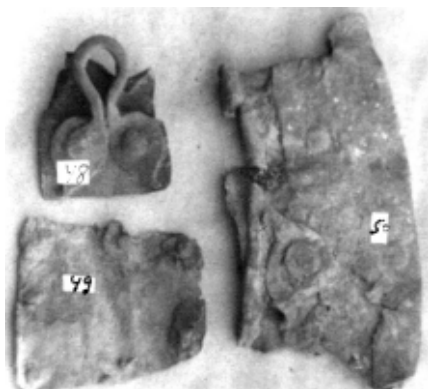
Замок железный (№ 45); носик медного чайника (№ 46), длина 80 мм

Днище медного чайника (№ 47); часть медной посуды с заплатой на заклёпках (№ 53)

Ушко медной посуды (№ 51), длина 41 мм, толщина 4 мм; ушко медной посуды (№ 52); ушко посудное железное (№ 52a)

Ушко от ведра медное (№ 48); фрагмент медной посуды с заклёпками (№ 49); фрагмент медной жести с заклёпками (№ 50); ушки ведёрные с заклёпкой (№ 54 и 55)

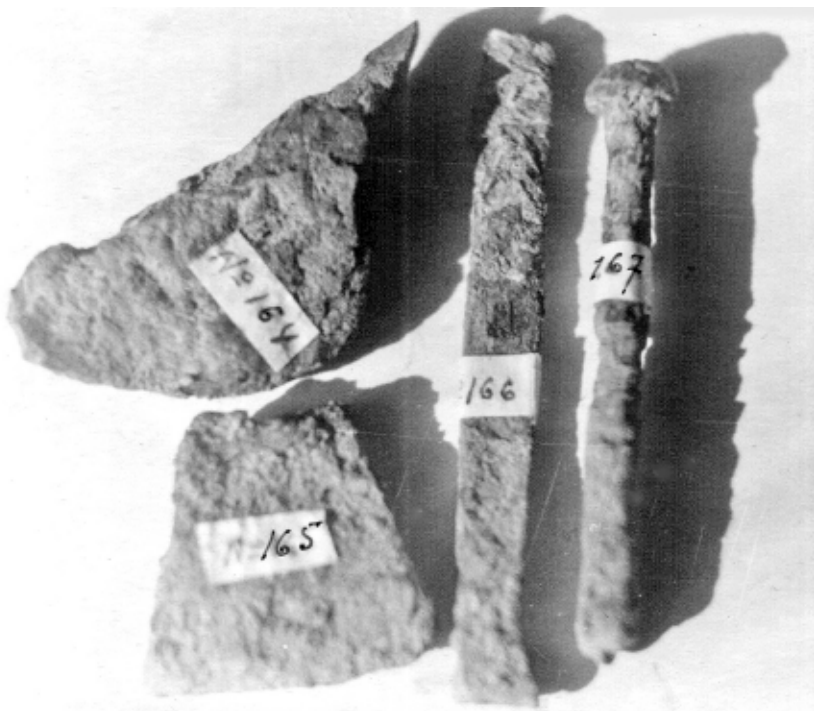
Мотыга железная (№ 56); вертлюг железный (№ 57)

Вертлюги железные

Каменное грузило (№ 180), диаметр 53, толщина 18 мм; часть грузила из жёлтой глины (№ 181), ширина по месту отверстия 60 мм

Кусок железа (№ 164), длина 75 мм; железный обрубок (№ 165), длина 38 мм; плоский стержень (№ 166), длина 98 мм; шуруп по дереву (№ 167), длина 85 мм

Орнамент на посуде разнообразный. Некоторые узоры проявляются в виде простых штрихов, но сделаны со вкусом и мастерством. Привлекают внимание и заставляют думать о далёком прошлом и высоком искусстве неизвестных художников... Керамика в Нижнекамчатск прибыла извне. Орнаменты на глиняной посуде могут быть камчатскими.

Краска, применённая на посуде. Остатки посуды, найденной на Заимке, показывают, что при обжиге глины применялась разноцветная эмаль и глазурь (белая, грязно-зелёная, серо-синяя, жёлто-коричневая, синяя, зелёная, чёрная, тёмно-коричневая, тёмно-красная и светло-жёлтая). Несмотря на долгое время нахождения под землёй и в воде, краски не потеряли своих цветов. Они прочно и навсегда укрепились в глинах и на других материалах посуды под глазурью.

Украшения. В комплект украшений входит:

— кручёное железо с отверстием на конце, иногда с промежуточными кольцами между двумя кручёными предметами. Другого применения для них не нахожу;

— круглый предмет в виде щита из меди, похожий на украшение на латах русских военачальников и богатырей в прошлом. По всей видимости, это и есть украшение наружных лат;

— янтарная бусина, свидетельствующая, что она прибыла из далёкой Прибалтики.

Науке известны два месторождения янтаря: Прибалтика и одно место на берегу Белого моря. Янтарная бусина в Нижнекамчатск могла попасть только в ходе торговых отношений.

Судостроение. В том что в Нижнекамчатске строились суда и лодки (кочи), нет сомнения. Об этом говорят и найденные предметы:

- судостроительные гвозди разной величины и формы;
- шурупы по дереву;
- части судовых гвоздей и их головки;
- барашки от иллюминаторов, железные дверные скобы и кольца;
- шайба для заклёпки болта на противоположной стороне дерева;
- большой судовой багор (железный крюк).

Во время постройки острога землепроходцы пользовались весельными и парусными судами. Беря во внимание географическое положение Нижнекамчатска и отсутствие сухопутных дорог, казаки пользовались исключительно судами. К тому же перемещение по суше было небезопасным. Судов, чтобы обеспечить походы по рекам, нужно было много.

Судовые гвозди разной величины и формы говорят о разной величине судов, строившихся на протяжении существования Нижне-

камчатска. Иллюминаторные барашки и шурупы по дереву указывают на судоходство позднего времени, в последние годы развития острога, где уже находились мастерские, кузница и литейный завод.

Большой судовой багор позволяет взглянуть на прошлое в другой плоскости. В обычной практике на судах не употребляют такие багры. В настоящее время их нет на любых судах. Такие огромные багры в прошлом употребляли в морских битвах, то есть при нападении с целью захвата судна и разбоя...

Торговля. Нет никаких других данных о торговле в Нижнекамчатском остроге, кроме материальных доказательств, логических сопоставлений и догадок. Как полагается, первоначально казаки объясачили местных жителей. Брали ясак, впоследствии возникла торговля на обмен вещами, шкурами, пушниной, железными наколочниками стрел и холодным оружием.

Для охраны острога употреблялось огнестрельное оружие, пищади и пушки, на что указывает металлическая шарообразная пуля.

Со временем сложилась торговля и с иноземцами, заходившими на своих судах в Нижнекамчатск. Это доказывает посуда, керамика. На Камчатке нет такой глины, из которой делалась фарфоровая, порцелановая и фаянсовая посуда, кроме серой и синеватой глины, из которой состоит основа самого острога. Из неё казаки могли делать горшки. Это доказывает половина грузила, обожжённого из красной глины. Глазурь посуды говорит, что это дело не рук землепроходцев. Скорее всего, на одном осколке след работы китайских мастеров. В последние годы жизни острога посуда могла быть привезена из России.

Янтарная бусина красноречиво свидетельствует, что она прибыла с далёкой Прибалтики. Каким путём она добралась до Камчатки, это остаётся неизвестным. Может быть, она добралась сухопутным путём, попала из Европы в Азию, например в Китай, а впоследствии на торговом судне попала на Камчатку, в острог.

В своё время проказа (лепра) была завезена моряками из азиатских стран. Отголоски прошлого сохранило нам последнее поколение жителей Нижнекамчатска. Оно помнит, что люди, болевшие лепрой, находились на Собачьем острове. Острова в действительности не было. Это место было на левом берегу реки Камчатки и левом берегу реки Радуги. Данные не ясны. Возможно, что Радуга ушла по новому руслу, а старое со временем омельело и заросло травой и кустарником

Возможно, что этот остров образовался в ходе возникновения нового русла Радуги, а старое ещё полностью не омельело, и так

территория левого берега реки Камчатки, между двумя руслами реки образовала остров, которого в настоящее время не существует.

Найденные на бывшей территории острога монеты отчеканены в 1724, 1748 и 1749 гг. Когда они прибыли на Камчатку и попали в острог, остаётся тайной. Естественно, что они могли попасть на полуостров несколько лет спустя после их изготовления. Хотя бы потому, что в то время до Камчатки добирались по три года на собаках и оленях нартовым путём.

Послесловие. От бывшего острога осталось немного, небольшой клочок земли, хранящий предметы, являющиеся очевидцами прошлого. Нужно больше обратить внимания на их сохранность, организовав сбор. Это нужно делать систематически, не давая им исчезнуть. Сбор и сохранность должен проводить каждый гражданин, это его долг и обязанность. Каждый гражданин должен болеть душой за историю своей страны, любить прошлое своей родины, сохранять всё, что имеет связь с ней. Всё это нужно сохранить для будущих поколений. Потомки нам не простят халатности по отношению к историческим памятникам.

Острогов на Камчатке немного, они представляют большую ценность, утверждают неискажённую правду истории. Найденные здесь предметы открывают былую правду. Эта память должна быть сохранена. Люди, которые здесь жили и трудились на благо нашей страны, заслужили право навечно войти в историю.

Что мы знаем об остроге? Мало. Если бы собрать экспонаты археологического значения, находящиеся на Заимке, их разнести по группам исторического процесса, они нам рассказали бы об истории острога, которая нам полностью не ясна. История острога туманная, а экспонаты пропадают, и всё это происходит у всех на глазах... (Этот вопрос значим и сегодня. С 1967 г., кроме времени раскопок в 1984—1990 гг., никаких изменений не произошло. В посёлке Усть-Камчатск имеется значительная выставка исторических предметов, но у неё нет ни одного штатного работника. Следовательно, этим вопросом заниматься некому. — В. Б.)

Здесь имеют слово краеведческий музей и Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры. Для сбора экспонатов следовало бы организовать службу сбора экспонатов, можно было бы привлечь любителей этого дела. Есть ещё один вид сбора: связаться с управлением связи через Ключи, в подчинении которого работает и живёт в Нижнекамчатске дежурный телефонист. А также связаться и с гидрологическим управлением, в подчинении которого работает в Нижнекамчатске и живёт там работник гидрометпо-

ста. Им можно было бы поручить эту нагрузку для общественного дела. Или даже обязать их это делать — собирать археологические экспонаты на Заимке.

Некоторые предметы находятся в безнадзорном состоянии, просто брошены на произвол судьбы. Многие предметы, найденные на Заимке, находятся на руках у бывших жителей Нижнекамчатска, они теряются и пропадают. Бывшие жители разъехались по другим сёлам. Если со временем некоторые предметы будут обнаружены, то они не будут соответствовать своему местонахождению, введут археологов в заблуждение.

Предметы археологического значения, добытые на Заимке в Нижнекамчатске, находятся на руках у граждан, живущих в окрестных сёлах Николаевка и Усть-Камчатск. Многие предметы, собранные на Заимке, принесены на дом в Нижнекамчатске. После ухода жителей из села они остались в домах, сараях, на чердаках и на дворах. Дома указанного посёлка со временем разрушаются, и предметы для истории будут утеряны.

По собранным мною данным, острог в Нижнекамчатске был в своё время огромным хранилищем исторических предметов. Но, к сожалению, находились люди, которые не приостановили и не пресекли разбазаривание исторического наследия.

Что делала в своё время там жившая интеллигенция — учителя, врачи, работники связи, руководители колхоза и политработники? Частично и на их совесть ложится ответственность за халатное отношение к памяти прошлого своей родины.

Бывший житель Нижнекамчатска Пётр Петрович Расторгуев, ныне живущий в Николаевке Усть-Камчатского района, рассказал, что в 1959 г. была из Петропавловска экспедиция, приехавшая в Нижнекамчатск из Музея боевой славы на раскопки острога. Она пригласила на помощь в сборе археологических экспонатов на территории Заимки школьников Нижнекамчатска. Там были произведены раскопки и собрано большое количество исторических материалов. За участие в этом сын Расторгуева Слава получил похвальную грамоту.

П. П. Расторгуев в 1967 г. показал мне находящиеся в его доме найденные его сыном в Нижнекамчатске в 1959 г. каменные топоры (скребки). По моему предложению, Расторгуев передал мне эти экспонаты для доставки их в областной краеведческий музей в Петропавловске. Далее Расторгуев рассказал, что в его доме в Нижнекамчатске, где сейчас живёт дежурный телефонист С. И. Коровин, на завалинке остались три ящика с археологическими экспонатами,

собранными на Заимке с целью передачи в музей. В ящиках находились каменные топоры, наконечники стрел, кремнивые и металлические, деревянный крюк с металлическим наконечником, каким коряки и камчадалы в своё время запасали съедобные корни.

В 1967 г. я писал С. И. Коровину в Нижнекамчатск и просил его сохранить для музея указанные Расторгуевым предметы. Ответа не пришло. В 1967 г. лично Коровина и Сорокина просил время от времени посещать заимку и собирать археологические находки. Идя туристическим походом из Петропавловска до Усть-Камчатска на велосипеде летом 1967 г., задержался в Нижнекамчатске, где и собрал эту коллекцию. Сбор экспонатов на Заимке производил с 1 по 3 октября 1967 г. Найдено в общей сложности 182 предмета. Они промыты в воде от грязи и пыли, пронумерованы. Сделана опись каждого предмета. Экспонаты сфотографированы, все переданы в областной краеведческий музей 31 марта 1969 г. по акту № 16.

По данным члена Географического общества СССР Д. Тимофеева, в июне 1716 г. была совершена первая экспедиция морем на Камчатку. Она вышла из Охотска, обогнув Пенжинскую губу, вдоль западного берега Камчатки, пройдя мыс Лопатку, пошла восточным берегом Камчатки. С 1716 г. Камчатка стала заселяться русскими людьми. С этого времени началось интенсивное освоение полуострова и исследование прилегающих к нему земель. 13 июля 1728 г. из Нижнекамчатска на боте «Гавриил» вышел в плавание В. Беринг...

(На наш взгляд, заселение Камчатки начинается после переселения на полуостров крестьян в 1741 г. и основания двух селений — Ключевской и Мильковской заимок. На территории бывшего Нижнекамчатского острога в разное время вели раскопки Г. И. Щедрин (собранные им экспонаты, имевшиеся в Музее воинской славы, не учтены), М. Я. Андерсон (1967), К. И. Корепанов (1984), А. В. Гоков (1987—1990). Отчёты о последних работах опубликованы в «Краеведческих записках» Камчатского областного краеведческого музея. Более подробно об итогах работы Нижнекамчатского отряда, входившего в состав Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции (СВАКАЭ), сообщается в статье А. И. Лебединцева «Археологические исследования А. В. Гоковым русских памятников Камчатки XVIII—XIX вв.»).

После завершения археологических работ в бывшем Нижнекамчатске местное население продолжает сборы подъёмного материала на месте бывшего населённого пункта. Собранные предметы никем не описаны и не учтены. — В. Б.)

ИСТОРИЯ

В. М. Богомолов

Витус Беринг и XX век
(история старейшего дальневосточного памятника —
правда и вымысел)

Памятник Витусу Берингу был установлен в Петропавловске в 1826 г. Но, несмотря на столь преклонный возраст, советская история памятника не так хорошо известна, как дореволюционная, и в ней немало белых пятен. В этом материале мы попытаемся их восполнить, не претендуя на истину в последней инстанции.

XX век памятник Витусу Берингу встретил по соседству с главной городской церковью. Вот что пишет в книге «Памятники и надписи, как достопримечательности города Петропавловска на Камчатке» протоиерей Даниил Шерстенников: «В церковной ограде Петропавловского собора, на левой стороне у входа на церковную паперть, на массивном серого цвета круглом камне вулканического происхождения возвышается четырёхаршинной высоты чугунный памятник в виде круглого столба (две четверти в диаметре) с чугунною бомбой наверху, положенной в цветок лотоса. Надпись на памятнике “Основателю Петропавловска в 1740 году мореплавателю Берингу”» [1].

На фотографии памятника из книги Шерстенникова хорошо видны круглый камень в основании, чугунная оградка и табличка с надписью на монументе. Памятник стоит на том же самом месте, как и на фотографиях известного географа и исследователя Камчатки Бенедикта Ивановича Дыбовского, сделанных ещё в 1882 г.

В ограде бывшего Петропавловского собора он простоял до 1933 г., пережив революцию и гражданскую войну. Хотя есть мнение, что его переносили ближе к порту. Вот что пишет в своей книге «Исторический путеводитель по Петропавловску-Камчатскому» А. П. Пирагис: «С 1920-х гг. по 1934 г. он располагался на северо-западном берегу Петропавловского ковша, за деревянным причалом, на площади у подножия Никольской сопки (в районе нынешнего рыбного порта)» [2].

Это утверждение, как я думаю, ошибочное. В Государственном архиве Камчатского края хранится фотоальбом, посвящённый

пятилетию комсомола Камчатки (1923—1928 гг.), с фотографией комсомольцев, оборудующих напротив собора физкультурную площадку. На снимке хорошо просматривается и памятник Ч. Клерку, виден и памятник В. Берингу, стоящий около церкви. Фото сделано, ориентировочно, в 1926—1927 гг.

С. И. Соколова в статье «Из истории камчатского музея» указывает, что в июне 1933 г. областной музей переехал в бывшее здание церкви. Но попытка возродить его не увенчалась успехом, и помещение было отдано под общежитие рабочих Коммунстроя, куда поселили почти 70 чел. «Музейный инвентарь и экспонаты толкали в угол», в помещении устроили нары. Руководство музея вело затяжную борьбу за освобождение помещения.

С. И. Соколова пишет: «После выселения рабочих зданию требовался ремонт. Да и не только зданию. Стоявшему рядом с домом памятнику В. Берингу также была необходима помощь. Дело в том, что его использовали как столб, к которому привязывали верёвки для сушки белья. Как-то во время сильного ветра памятник упал, и музей ходатайствовал о его восстановлении на прежнем месте» [3].

Из этого следует, что во второй половине 1933 г. памятник Берингу также находился около здания бывшей церкви. Если его и перенесли ближе к порту, то буквально на несколько месяцев в период с конца 1933 г. по июнь 1934 г. И вряд ли это делали зимой, учитывая наши снежные заносы. Но это лишь предположение...

С. И. Соколова ссылается на впоследствии утерянное дело (о чём имеется справка в деле фонда Р-57 «Камчатский краевой объединённый музей», находящемся на хранении в Государственном архиве Камчатского края). В этом деле была собрана переписка музея. Кому адресовано письмо, где приведён данный факт, С. И. Соколова не указывает.

О безобразном состоянии городских памятников писала в то время и «Камчатская правда»: «Петропавловск имеет три памятника, заслуживающих охраны со стороны местных властей и общества краеведов. Это, во-первых, памятник Лаперузу... во-вторых, памятник Берингу и, в-третьих, памятник Куку. Все памятники находятся, к сожалению, в запущенном виде, ограждения поломаны, и особенно безобразное отношение к памятнику величайшего мореплавателя и учёного Лаперуза» [4].

Летом 1934 г. памятник Берингу был перенесён и установлен на новом месте — на площади Свободы. Считается, что это было сделано при самом активном участии членов экипажа ледокола

«Красин», находившегося в Петропавловском порту два месяца — с 29 мая до 1 августа 1934 г. Вот как описывает это М. Зыбин, бывший кочегар 1-го класса и секретарь парторганизации ледокола: «Камчатский облисполком и горсовет решили перенести памятник. По нашей просьбе это как почётное дело было поручено экипажу “Красина”. Но легко сказать — перенести. А как? Грузовые машины в те годы оставляли желать много лучшего по своей грузоподъёмности. Вот так и пошли в дело судовой трос, тали, домкраты и... боевой красинский аврал. Руководили работой боцман Я. Евдокимов, судовой плотник Парамонов, инженер-механик А. Н. Стефанович, старший механик М. И. Денисов. Комиссар морпорта Ершов привлёк нам на помощь всех грузчиков, выделил гужевой транспорт — пару лошадок... И вот памятник великому мореплавателю под наши радостные возгласы двинулся на новоселье. Работали ночью, а утром он уже стоял на новом месте» [5].

В воспоминаниях М. Зыбина говорится, что экипаж ледокола также отремонтировал школу и благоустроил улицу, названную впоследствии улицей Красинцев. Была отремонтирована городская электростанция и усовершенствована городская радиостанция. Очередным авралом члены экипажа «Красина» разбили парк на Никольской сопке, сделали эстраду и земляную лестницу. В 1983 г. в издательстве «Знание» вышла книга Семёна Белкина «Сокрушающие лёд», где также есть пара абзацев о пребывании «Красина» в Петропавловске. Белкин почти слово в слово повторяет Зыбина о благоустройстве и ремонтах, но ни слова не говорит о памятнике Берингу и его переносе.

Пролить свет на историю с переносом памятника Берингу и благоустройством площади Свободы в 1934 г. могли бы судовые журналы ледокола «Красин». Там обязательно должны быть записи о выделении и выносе на берег оборудования и инструментов. Да и отправку членов экипажа на работы на берег обязательно бы отметили. Ледокол в то время входил в состав Восточного морского арктического пароходства Главного управления Северного морского пути при Совнаркомe СССР, чьи документы находятся в Государственном архиве Приморского края. Как ответил архив, судовые журналы «Красина» за май — сентябрь 1934 г. в составе фонда арктического пароходства отсутствуют. При этом судовые журналы за другие месяцы 1934 г. сохранились.

Нет документальных подтверждений переноса памятника и в документах Камчатского облисполкома, Петропавловского горисполкома и партийных органов за 1934 г. Ни слова. Ничего об этом не

говорится и в «Камчатской правде» за июнь — июль 1934 г. Тогда областная газета довольно подробно писала о благоустройстве города. Жители Петропавловска, работники предприятий и организаций, комсомольцы обустроивали парк на Никольской сопке, расчищали площадь Свободы и площадь около ФЗД (фабрично-заводской девятилетки). Ныне это площадка у памятника «Часовня» и братской могилы защитников города в 1854 г. Газета писала обо всех, только не об экипаже ледокола. Есть лишь одно короткое упоминание об участии красинцев в благоустройстве: «По расчистке площади у ФЗД значительную помощь оказали комсомольцы с ледокола “Красин”» [6].

Это, действительно, странно, если учитывать, какой тёплый приём был оказан экипажу ледокола в Петропавловске. Тем более что камчатские партийные и советские руководители посещали судно, проводили там собрания и встречи с экипажем. Не отражён факт переноса памятника и в различных воспоминаниях камчатцев о жизни Петропавловска в 1930-е гг.

А вот что пишет М. Зыбин о месте расположения памятника: «Сразу за деревянным пирсом размещалась маленькая столовая для грузчиков и домик портовой администрации — низкие одноэтажные здания. Эта площадь, образованная территорией порта, прилегалa к Никольской сопке, а в центре её, на постаменте, возвышался памятник Витусу Берингу. Это было красиво, но не очень удобно: здесь же складировались прибывающие грузы, круглосуточно сновали машины, да и сам памятник нередко буквально утопал в штабелях различных товаров» [7].

Так что к месту расположения памятника перед его переносом на площадь Свободы есть вопросы. Надо учесть также, что воспоминания появились в «Камчатской правде» спустя почти 50 лет после описываемых событий. К тому же в самих воспоминаниях есть явные нестыковки: в порту сновали машины, а для переноса памятника выделили две лошадёнки... К тому же памятник не очень тяжёлый, так как его колонна полая. Так или иначе, но памятник оказался на площади Свободы, чьё благоустройство в основном завершилось в августе 1934 г. Судя по фотографиям тех лет, памятник перенесли на площадь вместе с круглым постаментом и чугунной оградкой, рисунок которой включал в себя изображение свастик, не носившей в то время отрицательной окраски.

В 1940 г., когда Петропавловск готовился к своему 200-летию, «Камчатская правда» сообщала: «Комсомольцы управления милиции (секретарь комитета тов. Лошадкин) решили взять шеф-

ство над сквером и памятником великому мореплавателю. Всё уже обдумано: где нужно траву скосить, где цветы посадить, разбить вокруг памятника новые клумбы. В первый же выходной день комсомольцы приступят к осуществлению своего решения» [8]. Это было связано с тем, что сквер зарос травой, а клумбы находились в беспорядке.

Вспомнили о памятнике и в горисполкоме. 11 сентября 1940 г. принято решение № 325 «О подготовке к празднованию 200-летия города Петропавловска»: «В связи с исполнением (6 октября 1940 г.) двухсотлетия со дня основания города Петропавловска и в целях проведения мероприятий по благоустройству города и приведению его в культурный вид, исполнительный комитет Петропавловского городского Совета депутатов трудящихся решает: 1. Обязать зав. Горкомхозом т. Бородай произвести ремонт и реставрацию памятников — склеп братской могилы, памятник Беринга, памятник Лаперуза к 29.IX.40 г.» [9].

Видимо, в дни празднования 200-летия Петропавловска и родилась идея об установке в городе нового памятника Берингу. Кто был инициатором этого — местные власти или Москва? — ещё предстоит определить. Но уже 9 января 1941 г. горисполком принял решение № 21 «О создании комиссии по выбору места для постановки памятника основателю города Петропавловска мореплавателю — Берингу»: «В связи с тем, что управлением по делам искусств при СНК РСФСР предусмотрено в 1941 г. сооружение памятника основателю Петропавловска — мореплавателю Берингу, исполнительный комитет Петропавловского городского Совета депутатов трудящихся решает: создать комиссию по выбору места постановки памятника основателю города Петропавловска — мореплавателю Берингу в составе: Тов. Терехова (секретарь горисполкома) — председатель...»

В комиссию были включены ещё четверо лиц. Через две недели, к 23 января, комиссия должна была подготовить все материалы и представить на рассмотрение горисполкома проект решения по памятнику [10].

А уже 23 января 1941 г. было принято решение горисполкома № 42 «О месте для закладки памятника основателю города Петропавловска на Камчатке мореплавателю Витусу Берингу». Местом расположения нового памятника командору по предложению комиссии был утверждён сад «Динамо». Секретарю исполкома Терехову было поручено заготовить фотоснимки окружающей местности и выкопировку плана участка [11].

Итак, новый памятник Берингу должен был появиться в саду «Динамо». Спортивное общество чекистов и пограничников проводило там в 1930-е гг. различные соревнования, мероприятия общегородского масштаба. Точное расположение сада пока установить не удалось, но по косвенным свидетельствам он располагался в районе начала улиц Ленинской и Красноармейской, там, где сейчас располагаются городская администрация и остановка автобусов. Сад «Динамо» (без указания места расположения — и так все знают) часто упоминается в газетных статьях и документах в период 1933—1939 гг., а потом пропадает. Именно в конце 1930-х — начале 1940-х в этом районе как раз начинается активное строительство: велась прокладка дороги в район нынешнего Дома офицеров флота и Красной Сопки.

Но с новым памятником оказалось не так всё просто. 12 июня 1941 г. горисполком принял решение № 261 «О подготовке материалов по проектированию памятника Витусу Берингу»: «1. За обеспечение выполнения важного государственного задания по подготовке материалов для проектирования памятника Витусу Берингу в соответствии с постановлением СНК СССР секретаря горисполкома тов. Терехова Д. П. с работы снять. 2. Принять к сведению заявление председателя горисполкома тов. Волина, что весь материал по проектированию памятника Витусу Берингу будет отправлен 14 июня 1941 г. с пароходом “Смольный”» [12].

22 июня началась Великая Отечественная война — тяжелейшее испытание для страны. В эти годы было не до памятников. Возможно, документы по проектированию памятника Витусу Берингу сохранились в хабаровских (Камчатская область в те годы входила в состав Хабаровского края) или московских архивах.

О памятниках вспомнили, когда война близилась к завершению. 12 июля 1944 г. состояние дел с охраной реликвий на территории области было рассмотрено на заседании бюро обкома ВКП(б). Отмечалось, что «исторические памятники и памятные места области находятся в запущенном состоянии и никем не оберегаются... Исполком областного Совета депутатов трудящихся не только не организовал работу по охране... но даже не имеет простого учёта исторических памятников и памятных мест...» Облисполкому было поручено обсудить вопрос о состоянии памятников и памятных мест, наметить практические меры по устранению недостатков. В месячный срок приступить к учёту всех памятников, немедленно начать реставрацию и ремонт и привести их в надлежащий «культурный» вид [13].

9 мая 1945 г. окончилась Великая Отечественная война, а в сентябре — Вторая мировая. Камчатка приняла самое деятельное участие в их завершении. Во время Курильской десантной операции, проходившей в августе 1945 г., сложили головы несколько тысяч воинов Красной Армии, среди них были сотни камчатцев. Всего через полтора месяца после завершения Курильской десантной операции было принято решение об увековечении памяти погибших.

16 октября 1945 г. горисполком решением № 414 постановил перенести памятника Берингу и установить на его месте, на площади Свободы, памятник воинам, погибшим на Курилах. Располагавшийся здесь ранее памятник Берингу было решено перенести на улицу Советскую, на свободную площадку между домами № 27 и 29. Вокруг памятника намечено разбить сквер, обнесённый оградой [14]. Так памятник Берингу обрёл своё нынешнее место — на улице Советской. На площади Свободы он простоял 11 лет (1934—1945 гг.). Сейчас там высится 11-метровый монумент — памятник героям Курильского десанта, открытый в ноябре 1945 г.

Памятник Берингу был перенесён на улицу Советскую вместе с круглым постаментом и чугунной оградкой. Это подтверждается фотографией корреспондента газеты «Камчатская правда» Гавриила Гайдукевича, сделанной в 1946—1948 гг. и хранящейся в КГБУ «Камчатский краевой объединённый музей». Причём, как видно на снимке, большая часть свастики в оградке уже выломана. Памятник вместе с постаментом был просто поставлен на землю.

Работы по благоустройству сквера Беринга были поручены Камчатстрою. Однако строители фактически не приступали к нему три года. Сквер был сдан лишь в конце июля 1949 г. [15]. Изменился и сам памятник, точнее его постамент. Вместо круглого камня появилась бетонная четырёхугольная пирамида, в свою очередь, поставленная на трёхступенчатое основание. Памятник стал выше. После благоустройства сквера исчезла и чугунная оградка. Позже памятник и его основание были выкрашены в чёрный цвет. В 1949 г. завершилось и сооружение бетонной лестницы к памятнику Берингу с улицы Ленинской. Лестница с вазонами была выкрашена в белый цвет. Как она выглядела, напоминает сегодня небольшой сохранившийся кусочек парапета на Советской, там, где раньше стоял Дом радио, хотя вазонов на парапете уже давно нет [16].

«При установке памятника в 1946 г. на северной стороне сквера на цементном четырёхугольном постаменте была помещена пушка, поднятая в 1940 г. на острове Беринга на месте гибели пакетбота “Св. ап. Пётр” научным сотрудником Камчатского краеведческого

музея Николаем Ивановичем Моргалёвым» [17]. Когда пушка была установлена около памятника, до конца не ясно: в 1945-м, во время переноса (а это уже была поздняя осень), в 1946-м или позднее? И куда её могли поставить, если сам памятник несколько лет стоял на земляном откосе, а сквера как такового не было и в помине?

Памятник В. Берингу образца 1949 г. запомнился многим горожанам по открыткам, посвящённым Камчатскому фестивалю молодёжи в 1957 г. Хотя отношение к городским памятникам продолжало оставлять желать лучшего. Так, в докладе «Об итогах благоустройства города за 1958 г. и мероприятиях на 1959 г.» на сессии Петропавловского городского Совета 15 мая 1959 г. отмечалось, что «город по-прежнему находится в запущенном состоянии... Только бесконтрольностью и нетребовательностью со стороны главного архитектора т. Тавровского можно объяснить то, что у нас могут прямо на центральных улицах делать свалки, склады строительных материалов, как это сделал тов. Крачун (областное управление связи) у памятника Берингу (наложил кучи строительных материалов, мусором завалил ограду скверика), и тов. Крачун считает это в порядке вещей, ибо главный архитектор всё равно с него не спросит» [18].

В 1965 г. было создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), а в январе 1966-го — его Камчатское отделение. Основной задачей общества являлось привлечение широких слоёв населения к деятельному участию в охране памятников истории. Чем оно и занялось.

Отделением общества был утверждён план мероприятий на 1966—1970 гг. по приведению в надлежащее состояние памятников Камчатской области. В пункте 12-м значится памятник Витусу Берингу, ему намечен «перенос в сквер у морвокзала, реконструкция пьедестала». Работы должны быть проведены в 1968—1969 гг. Ответственные — горисполком, городское отделение ВООПИиК, областной музей, войсковая часть 13194 [19]. Кто стал конкретным инициатором этого предложения, в архивных документах общества выявить не удалось. Но памятник остался на месте.

В феврале 1971 г. на сессии горсовета, посвящённой благоустройству, принято решение о расширении существующего сквера Беринга и обустройстве подъезда к служебному зданию управления снабжения (о нём сегодня напоминает сохранившийся фундамент напротив здания музыкальной школы № 1 на улице Советской). Работы намечались на 1971 г., в том числе силами городского управления благоустройства [20].

Между тем опять возник вопрос о новом памятнике Берингу. Так, на заседании президиума Камчатского облсовета ВООПИиК 11 мая 1971 г. в повестку был включён четвёртый, дополнительный, вопрос: «О предложении тт. Алексеева А. И. и Семенина А. П. об увековечивании памяти мореплавателя В. Беринга». После его обсуждения постановили «поручить ответственному секретарю Кривоносовой Н. З. подготовить письмо тт. Алексееву А. И. и Семенину А. П. и просить их сообщить необходимые данные для обращения облисполкома в Совет Министров РСФСР за разрешением на сооружение памятника в 10-й пятилетке» [21]. Но в документах областного отделения ВООПИиК письма по памятнику Берингу не обнаружено, и неизвестно, было оно подготовлено или нет.

В 1971 г. вместе с расширением сквера началась и реставрация памятника: «Камчатское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры приступило к реставрации памятников области. В сентябре были закончены работы по обновлению часовни... Слесари судоремонтного завода “Фреза” И. Ф. Примакин и Е. Левачев начали обжигать старую краску на памятнике отважному мореплавателю Витусу Берингу, — писал корреспондент В. П. Пустовит. — Здесь вскоре будут произведены малярные работы. Изменится и вид таблички на памятнике, а пушка вблизи него будет повёрнута в сторону Авачинской бухты. В Петропавловске намечено реставрировать около десяти памятников» [22].

Вопрос о ремонте памятника Берингу был рассмотрен 25 октября 1971 г. на заседании специальной комиссии при облотделении ВООПИиК. Помимо руководства и членов самого общества, на нём присутствовали главный художник города на общественных началах Ю. И. Капытовский, директор художественных мастерских Н. Д. Дектярев, директор областного краеведческого музея В. П. Потапова, исполняющий обязанности главного архитектора города Т. В. Журавель. В обсуждении вопроса участвовали все присутствовавшие на заседании. По его итогам постановили: «1. Просить руководство судоремонтного завода “Фреза” в порядке шефской помощи силами рабочих завода произвести следующие ремонтные работы: очистить весь памятник металлическими щётками (видимо, щётками. — В. Б.), обработать эпоксидной смолой (так в тексте. — В. Б.), покрасить верхний слой памятника с добавлением боксита, основание памятника сделать круглым (как описано у Шерстенникова), выложить пьедестал плитами, сделать новые надписи на памятнике, сбить старое основание из-под пушки и памятника, пушку перенести на территорию областного краеведческого

музея. Ремонт памятника закончить к 7 ноября 1971 г. Контроль за ходом работы возложить на консультанта областного отделения общества Изергину Е. И. 2. Обратиться с просьбой в домостроительный комбинат о выделении для ремонта памятника цветной цементной плиты» [23].

Однако к ноябрю 1971 г. работы так и не были закончены. Вопрос о ремонте памятника снова обсуждался на заседании президиума облсовета ВООПИиК 24 ноября. О ходе ремонта, проводимого городским трестом благоустройства совместно с шефами от «Фрезы», доложил член президиума общества А. А. Рукосуев. Было принято к сведению его заявление, что ремонт будет завершён до 20 декабря 1971 г. [24].

В конце марта 1972 г. состоялась 3-я областная конференция Камчатского отделения ВООПИиК, а перед ней — городская. В «Камчатской правде» была опубликована большая статья М. Соколинской, посвящённая им: «Остро стоял на конференциях вопрос о ремонте и реставрации памятников. Никакое, даже самое ревностное отношение к ним не даёт оснований без участия архитекторов, художников реставрировать обелиски, как это случилось с памятником основателю нашего города Витусу Берингу. К ремонту его приступили без проекта, работы, начатые в конце лета, не завершены и поныне» [25].

Интересно, что на 3-й конференции получила продолжение и тема возведения в Петропавловске нового памятника Берингу. Этот вопрос, как мы знаем, уже поднимался в мае 1971 г. И вот продолжение: «Многие участники областной конференции, — продолжает М. Соколинская, — с интересом рассматривали фотографии проекта мемориального ансамбля Витусу Берингу (авторы — скульптор А. Семьнин и архитектор Л. Холмянский), и многие мысленно представляли этот проект в бетоне и камне» [25]. Но в итоге и этот проект так и не был осуществлён.

Из материалов конференции становится понятно, почему ремонт памятника Берингу так затянулся — не было ни проекта, ни плана работ. Уже 15 мая президиум облсовета ВООПИиК утвердил меры по выполнению решений 3-й конференции. Президиум поставил задачу: «Добиться через горисполком, управление благоустройства и шефствующие организации решения вопроса реставрации и благоустройства памятников: Берингу...» Был установлен жёсткий срок — до 1 июля 1972 г. [26]. После этого, очевидно, к ремонту и реставрации плотно подключились городские власти, были привлечены архитекторы, художники и другие спе-

циалисты. В конце ноября 1972 г. работы по обновлению памятника были завершены.

«Можно смело сказать, что памятник основателю Петропавловска — Витусу Берингу переживает второе рождение, — сообщала «Камчатская правда». — Закончена его реконструкция по проекту архитектора Е. Иванцова и художника Ю. Капытовского. Раньше памятник словно терялся в небольшом сквере между улицами Советской и Ленинской. Ныне он передвинут и разместился на эспланаде, хорошо обозреваемой с центральной улицы. Эспланада выполнена из тёсаного природного камня. На ней прикреплена мемориальная таблица “Основателю Петропавловска в 1740 году, мореплавателю Витусу Берингу”. Реставрирована и сама колонна памятника. Выполнила работы бригада ремонтно-строительного управления треста “Зеленстрой” по заказу управления благоустройства горисполкома» [27].

В текст газетного сообщения вкрались небольшие ошибки. Сам памятник, действительно, располагается на эспланаде, вынесенной вперёд. А вот чугунная колонна установлена на тёсаном природном камне, и к нему прикреплена табличка с надписью. Ремонт и реставрация длились 15 месяцев — с лета 1971-го по ноябрь 1972 г. В документах Петропавловского горисполкома, а также облсовета ВООПИиК этого времени никаких официальных документов по завершению реставрации памятника выявить пока не удалось.

Интересно, что буквально через месяц после завершения реставрации памятника, 26 декабря 1972 г. появился приказ № 46 по управлению культуры Камчатского облисполкома «О передаче на баланс исторических памятников». По распоряжению облисполкома комиссия определила балансовую стоимость исторических памятников Камчатской области, находящихся на государственной охране как памятники республиканского значения. Отделу культуры Петропавловского горисполкома было приказано принять на баланс семь памятников, в том числе памятник Витусу Берингу стоимостью 15,2 тыс. руб. Централизованная бухгалтерия отдела культуры должна была внести стоимость памятников в отчётность по переоценке основных фондов [28].

Ю. Капытовский является также автором проекта и художником стелы с пакетботами «Св. Пётр» и «Св. Павел» на въезде в Петропавловск, открытой в начале ноября 1973 г. Е. Иванцов в 1968—1972 гг. был главным архитектором отдела Камчатск-гражданпроекта, работал в облисполкоме, а в 1975—1978 гг. был главным архитектором города.

Памятник В. Берингу в ограде Камчатского Петропавловского собора,
1880-е гг.

Памятник В. Берингу в сквере Свободы, конец 1930-х гг.
[КОКМ ОФ 34410/61]

Памятник Берингу в сквере Свободы летом 1940 г. [КОКМ ОФ 33673/9]

Памятник перенесён на улицу Советскую с оградой и старым постаментом, 1947—1948 гг.
[КОКМ ОФ 34410/53]

Памятник на новом постаменте. Обустройство сквера и лестницы с Ленинской на Советскую, 1949 г. [КОКМ ОФ 34410/47]

В ноябре 1975 г. прошла 4-я Камчатская областная конференция ВООПИиК. В отчётном докладе о работе облсовета общества его председатель Н. И. Алькова вспомнила и о памятнике Берингу: «Сегодня следует поблагодарить руководителей рыбного порта и судоремонтного завода “Фреза”, шефствующих над памятниками “Слава” и В. Берингу. Эти организации своими силами произвели ремонт памятников и регулярно следят за их состоянием» [29].

За несколько месяцев до этого решением горисполкома № 14-9 от 31 июля 1975 г. шефство над историческими памятниками города было закреплёно официально. Шефами памятника Берингу стали завод «Фреза» и войсковая часть 13194 (гидрографическая служба). В решении особо подчеркивалось, что «шефствующим предприятиям, организациям и воинским подразделениям производить ремонтные работы только по согласованию с районными обществами охраны памятников (город тогда был поделён на Октябрьский и Ленинский районы. — В. Б.) и главным архитектором города. Содержать памятники в образцовом состоянии». Райисполкомы должны были утвердить вокруг памятников соответствующие охранные зоны [30].

Во второй половине 1980-х гг. сквер у памятника В. Берингу снова реконструировали. Это было связано со строительством пристройки к Камчатскому обкому КПСС и, соответственно, сносом нескольких административных зданий и жилых домов на улицах Ленинской и Советской. Этот участок земли в центре города подвергся полной перепланировке. Акт о вводе пристройки к обкому КПСС в эксплуатацию был утверждён 25 декабря 1987 г. [31].

А спустя почти год, 22 ноября 1988 г. был утверждён акт государственной комиссии о вводе в эксплуатацию второй очереди строительства — сквера и лестницы между зданием городского универсального магазина и обкомом партии. Работы выполнило СМУ-4 треста «Петропавловскстрой» за 11 месяцев [32]. Сквер, а он идёт от памятника Лаперузу вверх до памятника Берингу (с Ленинской на Советскую), обрёл свой нынешний вид. Разве что за эти годы выросли ёлки и деревья, высаженные здесь в конце 1980-х гг. Площадка сквера у памятника Берингу получила подпорную стенку (на ней располагается автостоянка) и проход к пристройке обкома партии.

В 1990-х — начале 2000-х гг. памятник поддерживали в более-менее приличном состоянии. Его колонну почти ежегодно к Дню города красили в чёрный цвет. Даже тёсанный камень-постамент весь закрасили чёрным. Золотистой краской обновляли и детали памятника. Вместе с тем за эти годы памятник получил заметный

крен и нуждался в серьёзной реставрации, которой у него не было почти 200 лет.

В июне 2022 г. в Петропавловске-Камчатском были объявлены торги на ремонтно-реставрационные работы у памятника Витусу Берингу. Начальная цена контракта, как сообщало информационное агентство «Кам24», составляла 6,6 млн руб. Согласно проектной документации, задача подрядчика — до конца октября отремонтировать тротуарную плитку на территории, где стоит памятник [33].

Был проведён конкурс и на реставрацию самого памятника, его выиграла специализированная компания из Санкт-Петербурга ООО «Нивад». В сентябре 2022 г. её специалисты начали работы. Был предусмотрен особый порядок реставрации, её должна выполнять организация, лицензированная Министерством культуры РФ. «В 2018 г. по инициативе собственника, администрации Петропавловск-Камчатского городского округа, была подготовлена проектная документация, далее проведена государственная историко-культурная экспертиза и данная документация была согласована службой охраны объектов культурного наследия Камчатского края. Службой благоустройства краевой столицы проведены определённые конкурсные мероприятия, определена организация, которая будет производить реставрационные работы», — сообщала руководитель службы охраны объектов культурного наследия Камчатского края Ирина Заиграева [34].

Объявлено, что реставрация пройдёт в несколько этапов, и каждый из них будет проверяться краевой службой.

Прибывшие из Санкт-Петербурга специалисты сразу же провели пробную расчистку красочных слоёв для определения дальнейшей технологии работ. «Памятник будет демонтирован, поскольку реставрационные работы будут производиться в помещении, что обеспечит благоприятный температурно-влажностный режим. В это время будут выполняться работы по благоустройству территории и закладке фундамента под основание памятника для его правильной установки. Что касается самих работ, будут удалены многочисленные красочные наслоения. При пробных вскрытиях мы уже насчитали 12 таких слоёв. Также будет удаляться поверхностная коррозия изнутри и снаружи памятника. Далее выполним укрепление крепёжных узлов и резьбовых соединений, грунтовку и покраску памятника в утверждённый цвет. После чего объект будет возвращён на прежнее место», — сообщил реставратор металла высшей категории Андрей Смирнов. По словам реставраторов, срок проведения работ составит порядка трёх-четырёх недель.

Экскурсия, лето 1950 г. Вид с лестницы с Ленинской на Советскую

Памятник в 1950-х гг.
[КОКМ ОФ 34410/49]

Автор очерка у «косого» памятника,
23 июля 2017 г.

Памятник снят, идёт подготовка новой площадки под него,
15 октября 2022 г. (фото автора)

В ходе последней реставрации,
26 октября 2022 г. (фото автора)

Современный вид памятника,
22 ноября 2022 г. (фото автора)

Руководитель службы благоустройства Петропавловск-Камчатского городского округа Алексей Кузьмин отметил, что в разработанной проектно-сметной документации, помимо реставрации памятника, также предусмотрено приведение в порядок прилегающей территории: «Будет выполнен демонтаж старого бетонного основания и выложены толстые гранитные плиты. Также будет проведено обследование зелёных насаждений на данной территории, и в случае их аварийности и потенциальной угрозы памятнику будет выполнена их вырубка» [34].

Интересно, что при проведении работ внутри чугунной колонны была обнаружена так называемая «капсула времени» с несколькими записками. Послания были заложены в памятник при проведении ремонтно-реставрационных работ в 1972 г. Записка, оставленная школьниками седьмого «В» класса школы № 9 на листке, вырванном, видимо, из небольшого блокнота, датирована 5 ноября 1972 г. В другой записке (на клочке оберточной бумаги) оставили автографы сотрудники ремонтно-строительного управления «Зеленстрой». Здесь, кстати, фигурирует фамилия художника Ю. Капытовского. Ещё в одной записке привёт из прошлого передали сварщик Н. И. Ремарчук и крановщик Камчатморгидростроя В. П. Пятахин. Своё послание они озаглавили «Память предкам» [35].

Отреставрированный памятник был установлен на место, как и намечалось, 26 октября 2022 г. Колонна и камень-постамент были укрыты от возможных повреждений несколькими слоями целлофановой плёнки. Монтаж ограждения, укладка гранитных плит продолжались до конца ноября. Полностью все работы по реставрации и благоустройству, как сообщил на своих страницах в соцсетях глава Петропавловска-Камчатского Константин Брызгин, были завершены 20 ноября 2022 г. [36].

В 2026 г. памятник В. Берингу отметит своё 200-летие. И о нём, кажется, уже всё известно. Но, как видно, несмотря на годы, количество мифов и загадок вокруг него не становится меньше.

Источники

1. *Шерстенников Д.* Памятники и надписи, как достопримечательности города Петропавловска-на-Камчатке. — Владивосток, 1913. — С. 10—13.
2. *Пирагис А. П.* Исторический путеводитель по Петропавловску-Камчатскому. — Петропавловск-Камчатский, 2020. — 307 с.
3. *Соколова С. И.* Из истории камчатского музея // Краеведческие записки. Камчатский областной краеведческий музей. — Петропавловск-Камчатский, 1991. Вып. 7. — С. 7.

4. Больше внимания памятникам старины // Камчатская правда. — 1933. — 5 окт. — № 156.
5. И назвали улицу Красинцев // Камчатская правда. — 1982. — 23 янв. — № 18.
6. Площади будут приведены в порядок // Камчатская правда. — 1934. — 28 июля. — № 172.
7. И назвали улицу Красинцев // Камчатская правда. — 1982. — 23 янв. — № 18.
8. Шефство над памятником Берингу // Камчатская правда. — 1940. — 24 авг. — № 195.
9. Государственный архив Камчатского края (ГАКК). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 26. Л. 20.
10. Там же. Д. 30. Л. 35.
11. Там же. Л. 83.
12. Там же. Д. 36. Л. 33.
13. Там же. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 612. Л. 205.
14. Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 78. Л. 13.
15. Там же. Д. 104. Л. 55.
16. Там же. Д. 114. Л. 59.
17. Памятники Петропавловска-Камчатского. — Петропавловск-Камчатский, 2007. — С. 18.
18. КГКУ ГАКК. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 3661. Л. 5—6.
19. Там же. Ф. Р-386. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
20. Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 955. Л. 88.
21. Там же. Ф. Р-386. Оп. 1. Д. 27. Л. 8—9.
22. Свято чтим // За высокие уловы. — 1971. — 24 окт. — № 126.
23. КГКУ ГАКК. Ф. Р-386. Оп. 1. Д. 27. Л. 18.
24. Там же. Ф. Р-386. Оп. 1. Д. 27. Л. 23—27.
25. Память годов, память веков // Камчатская правда. — 1972. — 6 апр. — № 81.
26. КГКУ ГАКК. Ф. Р-386. Оп. 1. Д. 39. Л. 12.
27. Второе рождение памятника // Камчатская правда. — 1972. — 26 нояб. — № 278.
28. КГКУ ГАКК. Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 240. Л. 94—95.
29. Там же. Ф. Р-386. Оп. 1. Д. 52а. Л. 9.
30. Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 1247. Л. 44—45, 47.
31. Там же. Д. 2236. Л. 133.
32. Там же. Д. 2258. Л. 31.
33. <https://kam24.ru/news/main/20220603/89465.html#.DaSNuoGb.dpuf> (дата обращения: 12.05.2025).
34. <https://www.kamgov.ru/slcult/news/pamatnik-vitusu-beringu-ot-restavriruut-na-kamcatke-55337> (дата обращения: 30.04.2025).
35. <https://kamgov.ru/slcult/news/kapsula-vremeni-obnaruzena-pri-provedenii-rabot-po-sohraneniu-pamatnika-vitusu-beringu-na-kamcatke-55453> (дата обращения: 20.05.2025).
36. Отреставрировали Витуса Беринга // Аргументы и факты. Камчатка. — 2022. — 30 нояб. — № 48.

Из истории населённых пунктов полуострова Камчатка

Ниже приведена подборка данных о 53 населённых пунктах, как существовавших на нашем полуострове в разное время и уже ушедших в историю, так и имеющих ныне. Их история описана с различной подробностью, потому что о некоторых селениях сведений в документальных собраниях и людской памяти почти не сохранилось. Эта работа продолжает предыдущие исследования автора, изложенные в краеведческом сборнике «Вопросы истории Камчатки» (выпуск 2, с. 179—255; выпуск 4, с. 234—298, Петропавловск-Камчатский; 2008, 2009) и книге «На берегах камчатских рек» (Борисов В. И., Петропавловск-Камчатский, 2023).

Авача. Район села, расположенного в устье одноимённой реки, является крупным археологическим памятником, до настоящего времени в полном объёме не исследованным. По мнению В. П. Кукова, русское селение здесь возникло между 1792 и 1800 гг. Эту же дату указывает и К. Дитмар в середине XIX в., отметивший, что деревня «основана только в конце прошлого века для поселения ссыльных... Она состоит из немного запущенных, беспорядочно разбросанных домов, без деревни и тени... Вся деревня, заселённая смешанным населением, носит в себе отпечаток бедности и запущения».

О селении автор сообщает, что оно «расположено очень близко от берега бухты. Между морем и маленьким лиманом, в который впадает один из рукавов реки Авачи, на так называемой кошке...»

Руководитель Первой русской кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерн, побывавший на Камчатке в 1804—1805 гг., в своих материалах отмечал успешные попытки огородничества: «В Аваче (острог или малая деревня при устье реки Авачи) видел я небольшой огород, в коем в июне месяце уже зеленел и цвёл овощ, в которое время петропавловцы, привыкшие садить в июле, о том и не думают...»

Мореплаватель В. М. Головин в 1810 г. даёт описание Авачи, куда переселили ительменов из гавани (Аушин острожек) и бывшего Паратунского острожка: «Острожек сей находится при устье реки Авачи... Всё селение состоит из шести или семи избушек и одной юрты... в коих живут пять малолетних камчадалских семейств и два престарелых отставных унтер-офицера с жёнами». Далее он сообщает, как образовалось селение: «Прежде находи-

лось на реке Паратунке... Тогда оное было гораздо многолюднее, но пагубные болезни... почти совсем искоренили жителей Паратунки, почему оставшееся небольшое число их соединили с некоторыми семействами, жившими в Петропавловской гавани, и поселили на Аваче».

По 7-й камчатской переписи 1818 г., здесь обитали русские, всего 23 чел.: 10 мужчин и 13 женщин.

Немецкий путешественник Ф. Китлиц, посетивший Камчатку в 1820-х гг., писал: «Уже стемнело, когда мы наконец-то добрались до окрестностей устья реки Авача, где некогда был довольно населённый острог... Это место ещё можно было узнать по еле заметным углублениям, оставшимся от бывших камчадалских жилищ. Сохранились только пара балаганов вместе с несколькими земляными хижинами, предназначенными для временного пребывания хозяев, живших в порту (Петропавловском. — В. Б.)».

Население медленно росло: в 1851 г. здесь обитали 42, в 1901 г. — 80, в 1910 г. — 82 чел.

После эвакуации Петропавловского гарнизона в 1855 г., по донесению есаула Мартынова от 3 августа 1855 г. на имя камчатского военного губернатора В. С. Завойко, «до отбытия неприятельской эскадры все воинские команды находились в селе Аваче». Отсюда при необходимости можно эвакуироваться вглубь полуострова вверх по реке.

По списку населённых мест Петропавловского округа 1868 г. от Авачи до Петропавловского порта считалось 12 вёрст, здесь числилось всего шесть хозяйств, 27 мужчин и 22 женщины. По данным 1876 г., в селении жили 67 чел., из них грамотных было двое. Мужчин в этом году учтено 31, женщин — 36. По сословиям они делились так: морского ведомства — девять, отставных казаков — 15, крестьян — 43. В селении было восемь домов и три юрты, по семь амбаров, стай и балаганов, четыре бани. Содержалось 145 собак. Местные охотники за сезон добыли 14 соболей, одну выдру, шесть нерп и 11 лисиц. Картофеля посеяно 62, снято — 396 пудов.

В. П. Маргаритов приводит численность населения в 1897 г.: 37 мужчин и 38 женщин. Инженер П. Крынин в 1909 г. отметил здесь 47 мужчин и 40 женщин, 10 жилых домов.

Со времени образования села здесь не было школы, только в 1913 г. состоялось собрание жителей, поручивших своему старосте Н. И. Рязанцеву обратиться с ходатайством об её открытии. Дети стали учиться грамоте в одной из комнат жилого дома.

В 1925/26 учебном году в школе преподавала Мария Филипповна Морозова, насчитывалось 11 учащихся.

Приполярная перепись населения 1926 г. учла в селении 18 хозяйств, 48 мужчин и 47 женщин, то есть 95 чел. Грамотных из них было 48. Имелись строения: 16 домов, 15 амбаров, 13 сараев, пять коптилок и столько же юкольников. Селяне содержали шесть лошадей, 25 голов крупного рогатого скота (КРС), 176 собак, в том числе 123 ездовых. Под посевы занято 2,12 га.

В январе 1929 г. в селении учтено 43 православных. В этом же году из села Красноярово Амурской области в Авачу переселились 11 семей, они организовали колхоз. Уже через два года он добился значительных результатов. В отчёте хозяйства за 1931 г. указано: «Общий валовой доход составляет 9 400 руб., в неделимый капитал отчисляется 752 руб., на культурно-бытовые нужды — 141, капитальное строительство — 940, подготовку кадров — 141, в кассу взаимопомощи — 376 руб. Остальная сумма 7 050 руб. делится на членов колхоза».

Колхоз, организованный из местных жителей, и переселенческий колхоз жили обособленной жизнью. Объединились они лишь в 1933 г. Доходы этого хозяйства за восемь лет (с 1931 по 1939 г.) увеличились в 57 раз. В 1938 г. колхозники только за сданную государству рыбу получили 530 377 руб. не считая доходов от сельского хозяйства.

Бывшие переселенцы Николай и Яков Максимовы, Тимофей Басенко, Степан Рафиенко стали бригадирами морских неводов, Жданович — шкипером тресколовного кавасаки. Руководил колхозом Владимир Васильевич Тювеев.

В 1939 г. открылась библиотека. «Камчатская правда» 21 апреля 1940 г. сообщала: «Библиотека села Авачи работает с июля 1939 г. За это время библиотекарь-хетагуровка Бородина сумела расширить круг читателей и пробудить у них любовь к книге. Если в ноябре прошлого года было только 46 читателей, то сейчас их уже 247. Фонд вырос до 1 500 книг. В библиотеке устраиваются книжные выставки, фотомонтажи, проводятся для детей громкие читки интересных книг...» В июне этого же года «Камчатская правда» рассказала о строительстве жилья: «Село Авача раскинулось в живописной местности. Здесь было всего две улицы: Набережная и другая, уходящая в горы — Северная, остальные только определяются, застраиваются новыми домами».

27 июля 1940 г. в заметке «Нужна срочная помощь» описано состояние местной школы: «Имеет всего две классные комнаты,

которые при двухсменных занятиях начальную школу удовлетворяли. В 1938 г. в Аваче открылась неполная средняя школа. С большими трудностями в течение двух лет ютились в этом здании ещё два класса, пятый и шестой, а с сентября текущего года в школе прибавится ещё один класс — седьмой. В новом учебном году должно обучаться 230–240 детей... В текущем году для достройки нашей школы облОНО отпустил 35 000 руб.».

В сентябре 1941 г. 34 учащихся школы собирали ягоды для торгующих организаций. Каждый из них в среднем сдал ягод на 400–500 руб. Во время каникул много учеников работало в колхозе на полях и на рыбозаводе».

В октябре 1957 г. «Камчатская правда» поместила рассказ уроженца Авачи Спиридона Николаевича Пономарёва (приводится в сокращении): «Село наше — одно из старейших на Камчатке. Когда оно появилось, не помнят ни мой отец, ни мой дед. У меня в памяти осталась небольшая деревушка на берегу бухты из 16–18 дворов... Почти всё население деревни состояло из местных жителей — камчадалов, занимавшихся охотой на пушного зверя и рыбной ловлей. Уловы рыбаки сдавали на засольный пункт петропавловского купца Чурина. Скупкой же пушнины занимались приказчики американской фирмы Свенсона. На небольших огородах жители деревни выращивали картофель и репу. О других овощах понятия тогда не имели. Население было почти полностью безграмотным. Только незадолго до революции в селе была открыта маленькая трехклассная школа...

С детства я помогал отцу на охоте. Вместе с ним мёрз целыми сутками в тайге — лишь бы заработать на пропитание семье... Немалым событием явился для нашего села приезд в 1929 г. двадцати семей переселенцев с Амура, которые вместе с нашими жителями, членами ранее организованной артели имени Аникеева, создали колхоз “Красная связь”... Теперь село насчитывает свыше двухсот домов. Имеются у нас семилетняя школа, электростанция, потребительский кооператив открыл два магазина и ларёк. Колхоз заканчивает постройку нового клуба со зрительным залом на 250 мест...»

Решением исполнительного комитета Камчатского областного Совета депутатов трудящихся от 29 января 1960 г. селение Авача включено в черту города Петропавловска-Камчатского.

Агинский населённый пункт находился на территории Быстринского района, но административно входил в Милюковский район.

По данным справочника «Камчатская область. Административно-территориальное деление», Агинский сельсовет в составе посёлка Агинский располагался в 180 км от села Мильково.

«Камчатская правда» 1 июля 1979 г. рассказала об этом посёлке геологов: «Он раскинулся на высоте около тысячи метров над уровнем моря в западных отрогах Срединного хребта, примерно в 120 км по зимнику от Мильково. В разговоре посёлок часто называют Вьюн, по имени ручья, на берегах которого геологи когда-то проводили первую разведку. А официально он — Агинский, стоит на реке Копылье. Здесь базируется Агинская геолого-разведочная партия. Поэтому и население посёлка — геологи, проходчики, буровики, всего около пятисот человек. Шесть лет назад в этом распадке был поставлен первый балок. Сейчас в посёлке два двухэтажных благоустроенных дома, заканчивается строительство третьего. Есть электростанция, магазин, клуб, столовая, бытового комплекс, фельдшерский пункт...»

Афанасьевка. Селение находилось севернее устья реки Ичи на берегу лимана. В 1925 г. были опубликованы материалы по статистике Камчатской губернии. В них селение отнесено к Соболевской волости. Расстояние от него до уездного центра — 576, до волостного — 172 версты. Здесь было 13 дворов и 17 хозяйств, жило 29 мужчин и 36 женщин, все русские. КРС и лошадей у них не имелось. Приполярная перепись 1926 г. учла 25 хозяйств, 29 мужчин и 15 женщин. Это селение обозначено на карте Камчатки 1944 г., но сейчас не существует.

Ачайваям. Краевед В. П. Кусков сообщает, что селение «возникло в 1934 г. Названо в связи с расположением на берегу реки Ачайваям». Оно находится в удобном месте, на слиянии рек Апукаваям, Ачайваям и небольшой речки Аппанваям.

Первоначально в этих местах в 1931 г. было создано Апуко-Ламутское товарищество. В 1944 г. здесь имелось 23 хозяйства, 109 чел., в том числе 50 трудоспособных. Колхозники пасли оленей, ловили рыбу, охотились на пушного зверя. В этом же году здесь впервые начали заниматься сельским хозяйством.

Сегодня расстояние от села до районного центра Тилички воздушным транспортом считается равным 238 км.

Ачайваям в XX в. — хозяйственный центр Пахачинского совхоза. В. Г. Кузаков (1960-е гг.) сообщает: «Коллектив совхоза только в течение семи лет пять раз завоевал переходящее Красное знамя и денежные премии Министерства сельского хозяйства республики

и ЦК профсоюза работников сельского хозяйства. В годы восьмой пятилетки совхоз успешно выполнил государственный план. Пахачинский совхоз — участник Выставки достижений народного хозяйства СССР (ВДНХ). На его пастбищах заснят и успешно демонстрируется цветной кинофильм “Северное оленеводство”. Совхоз награждён дипломом ВДНХ, а девять его лучших оленеводов, участников выставки, — серебряными и бронзовыми медалями».

Ещё в середине 1950-х гг. местные обитатели жили в землянках и юртах. О развернувшемся в селе строительстве рассказывает заметка «Из юрт — в деревянные дома» из «Камчатской правды» (февраль 1957 г., приводится с сокращениями): «В живописном уголке, на берегу горной речки Ачайваям, расположилось село Ачайваям. Здесь находится отделение Корфского оленесовхоза. Местные жители своими силами ведут большое строительство... В истекшем году построены и сданы в эксплуатацию четыре многоквартирных дома, интернат, школа и другие здания. Из юрт и землянок в новые квартиры переселились семьи рабочих тт. Нутанканав, Элеме, Аритогина, Нильгинук, доярки т. Геук... Большое строительство намечается провести в этом году. Будут возведены клуб на 100 мест, больница, хлебопекарня, 11 жилых двухквартирных домов. Сейчас две бригады ведут заготовку леса... Государство оказывает огромную помощь коллективу Корфского совхоза. Только в 1956 г. на капитальное строительство израсходовано 815 тыс. руб. В текущем году на капитальное строительство выделено около 2 млн... В 1956 г. совхозом получены два трактора, локомобиль и четыре пилорамы».

О пребывании в селе оставил воспоминания «Ачайваям полвека назад» известный писатель Сергей Баруздин (книга «Край земли — моя Камчатка», М., 1969): «Я познакомился с молодым ещё директором Пахачинского оленеводческого совхоза Ильей Ивановичем Вельгошей. Интереснейший это человек, и хозяйство его ведётся разумно, прибыльно. В совхозе 13 700 оленей, КРС, лошади, автотранспорт. В прошлом году сохранили взрослое поголовье на 94 %, более 82 телят от 100 важенков получили, сдали 3 992 ц мяса. Прибыль совхоза — 360 тыс. 800 руб. И стройка идёт — в минувшем году шесть домов построили, детский сад, пекарню, в этом будет ещё семь домов, интернат, баня, механические мастерские, две культбазы на зимних пастбищах. Казалось бы, что ещё! Нет, оказывается, Илья Иванович Вельгоша смотрит дальше: “Экономика и наука... Много острых научных проблем по оленеводству, нерешённых проблем. Думаю организовать в совхозе научный

опорный пункт, вытащить сюда друзей своих из Казахстана, где мы вместе начинали...” На вертолёт Ми-4 прилетели мы в верховья Апуки, где пасутся олени стада Пахачинского совхоза. Бригадир Василий Иванович Кияв и оленетехник Николай Егорович Илькани — одни из самых знатных людей совхоза, тоже мечтают: “Жить сейчас все хорошо стали. Работать лучше надо. Олешков стране больше надо. Наука нужна, чтоб стадо отличной упитанности было. Мы — практики. Без нас науке нельзя. Но и без науки никак нельзя...”»

Ниже мы приводим несколько газетных публикаций о жизни села в разные годы. Вот статья «Лучшие в Ачайвае» секретаря комсомольской организации села Р. Альха из «Корякского коммуниста» за 3 января 1964 г.: «Белым ковром раскинулись бескрайние просторы тундры. Разная она бывает: то ослепительная и манящая под лучами северного солнца, то суровая и мрачная в ненастье. Надо хорошо знать капризы тундры, уметь ладить с ней, чтобы хорошо работать и жить в ней, как в родном доме. “Людьми тундры” называют оленеводов. Для них тундра стала близкой и дорогой. С хорошими показателями вступила в новый год пастушеская бригада № 5 Пахачинского оленесовхоза, где бригадиров. Илькани. Члены этой бригады сохранили всё взрослое поголовье оленей, от каждых 100 январских важенков получили по 98 телят. В этом немалая заслуга старшего пастуха комсомольца Василия Итевтегина. Все свои знания Василий отдаёт делу. И так, как он, трудятся и остальные члены бригады. Бригаде одной из первых присвоено звание коллектива коммунистического труда, первой она перешла и на хозрасчёт. Коллектив этот хоть и маленький, но славен своими делами, чёткой, слаженной работой».

В начале 1960-х гг. в селе началось бурное строительство, сюда прибыли специалисты из Тиличик. Заметка В. Викторова «Ачайваем строится»: «В 1962 г. сюда были завезены стройматериалы, и с начала 1963 г. наступила пора строительного штурма. За это время бригады Тиличикского строительно-монтажного управления сдали с оценкой на хорошо восемь жилых домов, что означает 25 квартир. Особой удачей строителей следует считать школу на 80 мест. Классы и кабинеты просторные, светлые, в здании смонтировано водяное отопление... Сейчас строительство ведут бригады Анатолия Чечулина и Геннадия Денисова под руководством прораба Тараскина. Темпам их работы можно позавидовать. Эти комплексные бригады выполняют все работы, за исключением штукатурных и малярных. Программа строительства обширна. Необхо-

димо выстроить семь жилых домов, детсад на 40 мест, интернат на 60 мест и больницу на 15 коек. Идет строительство домов, подготовлен сруб для детского сада. Умелым и сноровистым строителям тт. Носову, Сорокину, Бурову, Осипову и другим под силу самая широкая программа работ... Январь и февраль пугали небывалыми морозами, минус 40–47 градусов было частенько, а иногда температура снижалась и до 60 градусов. Но как только холода ослабли, инициатива рабочих, упорство и старания позволяли наверстать упущенное...»

В 1990-х — начале 2000-х гг. сельские жители испытывали множество сложностей. О них в газете «Абориген Камчатки» (материал «Ачайваямцам нужна помощь») сообщала Мария Киле:

«Ачайваям — самое северное село Олюторского района, расположено при слиянии рек Апукваям и Ачайваям. Основное население — чукчи, коряки, эвены. Самые ближайшие населённые пункты Апука и Пахачи. В селе имеются коммунальное хозяйство, клуб, частные магазины, школа, детский сад, фельдшерско-акушерский пункт, пожарная часть.

В Ачайваямской средней школе учится 77 школьников, из национальных языков здесь преподаются чукотский и корякский. Корякский язык с 1982 г. преподаёт Лидия Михайловна Сафонова. Она окончила Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена. По рассказам Лидии Михайловны, на уроках родного языка учащиеся пишут сочинения, рефераты о профессиях своих родителей, старожилах, ветеранах тыла, происхождении села Ачайваям, занятиях местных жителей. В апреле многие дети и учителя выезжают в частное звено на весеннюю корализацию.

В детском саду воспитывается всего 34 дошкольника, разделённых на две группы. Как и во многих национальных селах, здесь не хватает педагогических кадров. А насчёт квалифицированных медиков, так это для жителей злободневная тема, ведь таковых они видят в своём селе только раз в год, когда приезжает выездная бригада из Петропавловска-Камчатского.

Как и в других камчатских сёлах, в Ачайваяме отсутствует сотовая связь, хотя каждый год обещают поставить то “Мегафон”, то “Билайн”, а в следующем году планируют установить “Теле-2”, появившуюся на Камчатке совсем недавно.

Летом до Ачайваяма из Апуки можно добраться по одноимённой реке на моторной лодке более чем за два часа, а зимой — на вездеходе или снегоходе. Связь между краевым центром происходит следующим образом: на самолёте Ан-26 можно долететь до

районного центра Тиличики за 8 300 руб., а оттуда уже на вертолёт, облетая все сёла по пути, можно добраться до Ачайваяма, отдав за билет 3 500 руб. Итого в одну сторону с пересадками нужно выложить 11 800 руб. А вот с завозом продуктов на зиму для ачайваямцев проблемы возникают посерьёзнее. Ведь всё зависит от того, пойдёт ли пароход с грузом в их направлении или нет. На середину ноября в село ещё не завезли зимний запас продуктов.

В советское время здесь существовал совхоз имени 50-летия СССР. Многие местные жители всю свою жизнь занимались оленеводством, рыболовством, охотой. После распада Советского Союза совхоз был ликвидирован, но часть оленей осталась. Сейчас в Ачайваяме занимается оленеводством государственное унитарное предприятие “Камчатоленпром”, а также существуют частные табуны, которые числятся у 86 семей. Суммарное количество оленей частных составляет 510 голов, из них взросло-маточного поголовья 260. Этот небольшой по численности табун пасёт одна самоотверженная семья Перу: глава семьи Владимир, его жена Татьяна, сыновья Василий и Анатолий. Им помогает житель Средних Пахачей Геннадий Ивенкава, который не представляет свою жизнь без тундры и оленей. Самое удивительное, что они занимаются этим трудоёмким делом, не получая ни зарплаты, ни каких-либо других выплат из бюджета. Таким образом, им не производится никаких отчислений для будущей пенсии и социальных выплат. Но, к счастью, жители придумали один отчаянный выход из этой ситуации: каждый желающий может произвести денежный взнос на любую сумму для этой семьи, расписавшись в специальной для этого тетрадке. А если совсем нет денег, то в любой момент забивают оленя и продают мясо, чем и живут какое-то время. А самое печальное, что старики уходят, а у молодёжи нет никакого стимула заниматься делом, которым жили раньше поколения их предков. Молодые парни ведь знают, в каких экстремальных условиях им придётся существовать.

Семье Перу оказывает всевозможную помощь и поддержку территориально-соседская община “Анана”, председатель Жанна Гаврилова, эвенка по национальности. В общине состоит 20 чел. Это первая зарегистрированная община в Ачайваяме. Жанна мечтает организовать в родном селе пошивочную мастерскую, где будут создаваться изделия домашнего обихода из меха, кожи, бисера. Для этого необходимо приобрести нужные материалы, ведь ещё есть мастерицы в селе, которые с удовольствием будут шить национальную одежду не только для своих односельчан, но и соседям из

других районов. Но опять же нужны для этого немаленькие средства, а кто их выделит?

Жизнь в селе тяжёлая, большая безработица, цены по сравнению с городом очень высокие. Так, хлеб стоит 50 руб. за буханку, сахар — 120 руб. за кг, растительное масло — 120 руб. за литр. На другие продукты цены также в полтора-два раза выше. Если говорить о стоимости бензина, то таких цен в мире, наверное, больше нигде нет. Так, стоимость 200-литровой бочки составляет 16–18 тыс. руб.!

Местные жители понимают, что в большей степени надеяться надо на свои силы. Община “Анана” намеревается приобрести холодильную камеру, где можно будет хранить собранные дикоросы, рыбу, мясо. Но пока такой возможности нет, поэтому собирают ягоду только для еды на зиму. На протяжении нескольких лет председатель общины “Анана” Жанна Гаврилова специально ездила в краевой центр для того, чтобы выделить рыболовный участок для ведения традиционного образа жизни. К большому сожалению, все хлопоты были пока напрасны.

Оказание реальной помощи оленеводам Ачайваяма в решении поднятых в этом материале вопросов — первоочередная задача министерства сельского хозяйства и муниципальных органов власти, чтобы тундра не стала “безоленной”, ведь остались последние животные, сохранённые местными жителями. Кроме постановлений на бумаге, нужны реальные дела и поддержка».

Камчатский поэт Юрий Коровин посвятил Ачайваяму стихотворение «Письмо маме» (ниже приводим его фрагмент):

*Я живу в заснеженном краю,
В маленьком селе Ачайваяме,
И про жизнь негромкую свою
Я пишу в письме родимой маме.
Дорогая мама! Здесь зима
Наступает очень рано, очень.
Здесь уже метелей кутерьма,
А в Икорце золотая осень.
Для любого здесь открыта дверь,
И живут здесь чукчи да коряки.
И средь них, родимая, поверь,
Нет ни поножовщины, ни драки.
Добродушный и простой народ,
Каждый чтит законы, братство свято.
Вот сегодня меня в гости ждёт
Добрый тумгутум пастух Аата...*

Сегодня в селе работает общеобразовательная школа, фельдшерский пункт, Дом культуры, детский сад, магазины, почта. Одна из главных сложностей села — его отдалённость, следовательно, малодоступность: отсюда до районного центра Тилички 251 км. Основной вид транспорта — авиация, сообщение нерегулярное. По состоянию на 2013 г. здесь жили около 500, в 2025 г. — более 300 чел.

Берёзовка, селение в Соболевском районе. Находилось на левом берегу реки Средней Воровской. Расстояние до районного центра Соболево составляло 18 км. Основано в 1946 г. В декабре 1959 г. решением Камчатского облисполкома № 626 селение зарегистрировано, ему присвоено наименование. В 1959 г. здесь жили 469 чел., имелись школа, детские ясли, магазин, пекарня, фельдшерский пункт, почта, клуб и библиотека.

Бывший первый секретарь Елизовского горкома КПСС В. А. Санталов в воспоминаниях, датированных 1960 г., пишет: «Мне пришлось волею судьбы начинать работать на западе Камчатки в совхозе “Соболевский”, раскинувшемся вдоль реки Воровской, среди болот и березняков, в медвежьем царстве. Медведи нередко заходили прямо в село Берёзовку, очень часто задирали коров, иногда нападали и на человека. Условия для развития сельского хозяйства здесь были очень тяжёлые. Но рыбакам, жителям посёлков и сёл, нужны были картошка, капуста, морковь, свежее молоко и яйца. Здесь занимались сельским хозяйством на грядках. Серьёзным подспорьем служило оленеводство, но к концу 1950-х гг. оленей перегнали в другие районы и стали заниматься растениеводством и животноводством. В совхоз “Соболевский” завезли первых кур-несушек, а затем цыплят для выращивания бройлеров. На небольших клочках суходольных участков стали выращивать картофель, капусту, многолетние и однолетние травы для кормов. Строились новые фермы для скота и птицы...»

Директором совхоза в те годы был Виктор Львович Тихонович. Совхоз попытался наряду с овощеводством и скотоводством организовать оленеводство. Но после больших затрат оленьё стадо заболело «копыткой», и от этого направления пришлось отказаться. Оленеводов Укипа, Тоннэ с семьями переселили в Быстринский район.

В начале 1960-х гг. было принято решение о перенесении центральной базы совхоза в райцентр Соболево. Туда переехали работники совхоза и производственная база.

Селение исключено из списка населённых пунктов Камчатской области 11 декабря 1964 г.

Богачёвка. В. П. Кусков сообщает, что это «посёлок Елизовского района. Возник в 1939 г. Назван в связи с расположением на берегу реки Богачёвки». Река Богачёвка по-ительменски — Шамеу. В 1921 г. в этих местах охотниками Вороновым, Трухиным и Скурихиным открыт источник нефти (по другим данным, это сделал некто Богочев).

Камчатский геолог и краевед А. А. Горбач, изучавший деятельность нефтеразведки, в статье «Посёлок искателей “чёрного золота”» сообщает: «С 1930 г. экспедиционные работы на реке Богачёвке... проводит Всесоюзный нефтяной научно-исследовательский геологический институт». Цитируя одного из первопоселенцев, он сообщает: «У нефтеразведки имеются четыре коровы и шесть свиноматок. С 1942 г. начато разведение индивидуальных огородов (посев картофеля, репы, турнепса). Кроме того, имеются большие возможности летом по заготовке рыбы, сбору грибов, ягод и орехов. Нормированное продовольственное снабжение сотрудников нефтеразведки обеспечивается Рыболовпотребсоюзом через Жупановский рыбокооп... В 1943 г. жилых помещений было построено мало: двухквартирный дом площадью 48 кв. м., два однокомнатных дома по 30 кв. м и две полуземлянки... Жизнь в посёлке была тяжёлой. Плохие условия работы, жильё, неприспособленное к суровому климату, скудное пропитание являлись серьёзным испытанием для каждого участника нефтеразведочных работ...»

«Камчатская правда» 22 апреля 1942 г. сообщала: «Рабочие и служащие Богачёвского участка дали взаймы государству более 40 тыс. руб. Многие патриоты при подписке значительно превысили свой месячный заработок. Тов. Васильев подписался на 3 000 рублей, тт. Главацкий и Гончаренко — по 2 000 руб. Активное участие в реализации займа приняли женщины. Патриотки тт. Назарова и Васильева подписались по 500 руб. каждая».

К началу 1944 г. в рабочем посёлке имелись следующие промышленные объекты: механическая мастерская, кузница, гидростанция, конюшня, радиостанция. К 1950-м гг. в посёлке работали медпункт, больница, контора, магазин, почта, детсад, школа, училище ФЗУ. Было около 120 жилых сооружений и около 10 производственных зданий».

На 1 октября 1952 г. в Богачёвской экспедиции числилось 254 рабочих, 73 инженерно-технических работника и 27 служащих.

В дневнике Б. П. Пийпа приведён рассказ инженера Богачёвской нефтеразведки И. Д. Верескун, очевидца цунами 5 ноября 1952 г.: «Толчок в четыре часа утра здесь ощущался весьма сильно.

Разрушились печи, падали со стен висящие предметы и сильно раскачивались сами постройки. После толчка море, всегда шумное здесь, стало необыкновенно тихим. Сразу же после толчка вода стала медленно отступать от берегов. Отступление продолжалось довольно долго, несколько минут. Затем столь же медленно море стало наступать и медленно надвинулось на берег, поднявшись метра на полтора над нормальным уровнем. До построек и складов, находившихся на высоте около 15 метров над уровнем моря, вода не дошла. Это был первый, низкий вал цунами. Затем море вновь стало медленно отступать и опять столь же медленно наступало, дав гребень волны около трёх метров. Наконец, после третьего отступления, море вновь стало медленно наступать, но на этот раз с шумом, и вдали на море показался в виде высокого вала третий гребень цунами. Этот вал был разрушительным. Высота его, судя по тому, что вода достигла поверхности террасы, была 15 метров. Этим валом были снесены склады и дома Богачёвской нефтеразведки, попорчено всё оборудование сейсморазведки... Всего здесь погибло 11 чел.».

К середине 1960-х гг. работы на Богачёвке были прекращены. Посёлок исключён из списка населённых пунктов Камчатской области 13 февраля 1974 г.

Большереецкий совхоз, село Кавалерское. Бывший совхоз имени Блюхера был основан в 1930 г. на правом берегу реки Большой для обеспечения сельхозпродукцией рыбных промыслов и рыбокомбинатов Усть-Большереецкого района. Ближайшие населённые пункты Начилово и Карымай. От Кавалеровского до Усть-Большереецка по автомобильной дороге считается 25 км.

В отчёте Акционерного Камчатского общества (АКО) по Усть-Большереецкому району сообщалось, что в Большереецком совхозе в 1930 г. 60 рабочих. В совхозе насчитывалось семь тракторов, 12 плугов, 20 лошадей. В стаде было всего 13 дойных коров, ещё 18 должны прибыть в этом году. Свиной — 19 голов. Все эти животные были завезены из Приморья. Задача совхоза — обеспечивать рыбаков и рыбообработчиков района овощами, мясом и молоком — выполнялась лишь частично.

О том, как складывались совхозные кадры, на примере Фёдора Афанасьевича Карпаева 7 ноября 1973 г. рассказала газета «Ударник»: «В 1940 г. приехал с женой на Камчатку, в совхоз Большереецкий. С 1969 г. на пенсии, но по-прежнему работаю плотником». Помнит Фёдор Афанасьевич тот сороковой год. Был май, пароход «Ангартрой», наполненный переселенцами из Куйбышев-

ской области, шёл вдоль западного побережья Камчатки. Разгружали часть переселенцев в Октябрьском. И надо такому случиться — кунгас с людьми оторвало от катера... Но всё обошлось хорошо. А после вроде бы и недлинная, но очень трудная дорога по раскисшей от дождей и таявшего снега тундре в совхозный посёлок. Собственно-то и посёлка не было. Стояло всего несколько деревянных домиков, один барак, да десяток землянок...»

Совхоз имел отделение в сёлах Приморском и Начилово.

Газета «Ударник» в августе 1972 г. сообщала: «С каждым годом растёт и благоустраивается Большеперецкий совхоз: новые здания школы, магазина, Дома культуры; жилые дома, животноводческие помещения вступают в строй один за другим. В сентябре нынешнего года строители Усть-Большеперецкого строительно-монтажного управления намечают сдать типовой детский садик на 50 мест; строятся коровник, телятник, жилые дома... Сейчас возводятся три двухквартирных дома... На будущий год намечается начать строительство хозспособом ещё шести жилых домов. СМУ будет строить 12-квартирный дом».

В 1980-х гг. здесь появились теплицы, где стали выращивать огурцы и помидоры.

О достижениях местных доярок в книге «Земля широких горизонтов» рассказал Б. П. Кашинцев: «В последнем году 10-й пятилетки надой от одной коровы в Большеперецком совхозе составил 3 128 кг молока. Передовые доярки совхоза Лариса Николаевна Ефремова, Нина Ивановна Подопригора, Галина Семёновна Краленко надоили по 3 700–3 800 кг молока с каждой коровы».

В 1990 г. посевные площади совхоза составили 2 967 га, в это же время здесь содержалось стадо КРС в 2 923 головы. Всего выращено скота и птицы в живом весе 3 780 ц, сдано государству 32 225 ц молока и молочной продукции. Работали 315 чел.

До 1990 г. населённый пункт при хозяйстве так и именовался — «Большеперецкий совхоз». 16 апреля 1990 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР Большеперецкий совхоз Усть-Большеперецкого района Камчатской области получил наименование «Село Кавалерское».

В последующие годы начался быстрый спад производства и сворачивание производственной деятельности. Совхоз в новых экономических условиях выжить не смог и прекратил своё существование. Сейчас Кавалерское — небольшое село с остатками прежней инфраструктуры, здесь живут потомки тружеников, внёсших большой вклад в развитие сельского хозяйства Камчатки.

Верхнее Пенжино, село, находившееся на берегу реки Пенжины в 5 км от озера Верхнее Пенжино, в 220 км на север от районного центра села Каменское. Относилось к Шайбовеемскому сельсовету. С 1940-х гг. до 2017 г. здесь действовала метеостанция, самая северная на Камчатке. Температура в этих местах зимой иногда опускается до минус 55 градусов. По словам старожилов района, в годы Великой Отечественной войны здесь существовал запасной аэродром для перегона американских самолётов по маршруту Уэль-каль — Красноярск. Его сооружали силами Дальстроя.

Селение в настоящее время не существует.

Виллюй. Селение, располагавшееся на восточном побережье Камчатки, южнее Авачинской губы, на правом берегу озера Малый Виллюй, напротив острова Старичкова. За годы существования Виллюя здесь были построены начальная школа, фельдшерский пункт, библиотека, магазин, пекарня, почтовое отделение. Численность населения составляло около 250 чел., административно селение относилось к Паратунскому сельсовету.

Основанием для его возникновения послужило создание рыболовной артели «Виллюй». Зимой многие члены артели охотились на пушного зверя. Организатором артели и её первым председателем был С. У. Лазаревич.

Годовой план вылова рыбы составлял 9 000 ц. Была предпринята и попытка развития сельского хозяйства, но успехи в этом деле оказались незначительными. Всего колхозники обрабатывали 2 га посевной площади, имели пять голов скота. Развиваться артели и селению мешала сложность сообщения с областным центром — Петропавловском. Основным транспортом были кавасаки. Учитывая тяжёлые погодные условия в осеннее и зимнее время, селение большую часть года было отрезано от города. Это затрудняло снабжение и сдачу улова.

«Камчатская правда» 20 апреля 1940 г. напечатала предложение колхозников о переселении их в бухту Малую Саранную, несколько южнее, имеющую более выгодное расположение: «Давно назрел вопрос о переселении рыболовецкой артели “Виллюй” в другое место. Ещё президиум горсовета решил переселить колхоз в Малую Саранную, но и до сегодняшнего дня это не сделано. А необходимость переселения колхоза очевидна. Посёлок Виллюй расположен на северном склоне горы, поэтому домики и землянки расположены беспланово. С переселением в Малую Саранную мы будем иметь неограниченную площадь для строительства... Если водное

сообщение Вилюя с городом продолжается в году пять-шесть месяцев и сопряжено с большим риском (имеются случаи аварий и человеческих жертв), то водное сообщение Малой Саранной с городом может продолжаться в течение всего года и в более благоприятных условиях... С переселением колхоза в Малую Саранную посёлок должен будет строиться по плану, без землянок, что придаст посёлку культурный вид. Изживём сезонщину, и в ближайшее время колхоз “Вилюй” ещё более окрепнет, жизнь колхозников станет ещё более зажиточной».

В ноябре 1952 г. на побережье Камчатки обрушилось цунами, среди пострадавших селений был и Вилюй. После цунами власти решили переселить его жителей. Вилюйцы вошли в состав колхоза имени И. В. Сталина, расположенного в Тарьинской бухте. Селение Вилюй в настоящее время не существует.

Гека. Селение на берегу одноимённой бухты возникло в 1927 г. рядом с рыббазой № 1 АКО. Исключено из списков населённых пунктов Камчатской области 14 июня 1965 г.

Ильпырский, посёлок. Возник, по данным В. П. Кускова, в 1929 г.: «Назван в связи с расположением на полуострове Ильпыр». Стал центром Анапкинского рыбокомбината, рядом на косе находился рыбозавод № 4 и моторно-рыболовная станция.

Карагинская районная газета «Путь Ильича» 20 марта 1959 г. сообщала: «Большой посёлок Ильпырский. Есть здесь ещё и больница, и строительно-монтажное управление, и электростанция. А недавно вступили в строй новые здания бани и детского сада, и сколько ещё строится...» В рыбокомбинате, в поселке Ильпырском, выходила и своя многотиражная газета «Рыбак Севера».

11 июня 1965 г. «Путь Ильича» писала: «Отзвенел последний звонок в Ильпырской школе. Началось весёлое пионерское лето с увлекательными делами и заслуженным отдыхом. Из 227 учащихся 205 перешли в следующий класс, 15 навёрстывают упущенное в летние месяцы, семерым придётся начинать все сначала...»

16 июля 1965 г. она же сообщила: «Ежегодно в посёлок Ильпыр приезжают артисты Камчатского областного драматического театра. Приехали они и в летнюю путину этого года. Тепло встретили зрители в исполнении камчатских артистов пьесу А. Арбузова “Мой брат Марат”».

8 августа 1965 г.: «Ильпыр — самый северный посёлок нашего района и, пожалуй, самый красивый. Лет двадцать назад здесь и улиц-то не было...»

В 1987 г. Ильпыр утратил статус посёлка городского типа и стал селом, в нём жило 1 600, в 1994 г. — 1 046 чел. В 2013 г. Село Ильпырское переименовано в Ильпырский.

Иткана, селение приморских коряков-нымыланов. С. Н. Стебницкий указывает название селения как Этканнон. И. Вдовин, изучавший историю коряков, сообщал: «В 1762 г. уже имелись сведения обо всех населённых пунктах побережья Пенжинской губы и о количестве в них ясачных... в Итканском — 27». По учётным данным 1782 г., в Итканском их оставалось 20, эта же цифра указывалась и в 1784 г. В 1810 г. лиц мужского пола здесь числилось 25.

Н. В. Слюнин в самом конце XIX в. сообщал: «Иткана на восточном берегу Тайгоносского полуострова, у выдающегося мыса того же имени: 30 мужчин, 43 женщины, всего 73 души».

В. И. Иохельсон уточняет, что на мысе Иткана «...теперь существуют три селения: Малая Иткана, Средняя и Большая Иткана. Малая Иткана расположена в 13 милях от Средней, а последняя — в 30 милях от Большой. Все селения официально представляют один итканский род... Семьи часто переселяются из одного селения в другое. Во время моего пребывания там все жители Средней Итканы переселились к своим родным в Большую Иткану... По статистическим данным 1886 г., в трёх селениях было 18 семей, или 157 чел. (63 мужчины и 94 женщины). По Патканову (1897), там было 155 чел. (65 мужчин и 90 женщин), а по моему подсчёту (1901), было 117 чел., или 15 семей (59 мужчин и 58 женщин)... В 1900 г. они потеряли 32 чел. (семь мужчин и 25 женщин) от кори... Я должен сказать, что по своему росту, сложению и общему виду жители Итканы произвели на меня впечатление физически наилучших представителей коряков из всех, каких я только встречал».

Приполярная перепись 1926 г. учла: Большая Иткана — 15 хозяйств, 101 чел.; Малая Иткана — одно хозяйство, 12 чел.; Южная Иткана — шесть хозяйств, 40 чел.

Автор монографии «Культура и быт коряков» В. В. Антропова считала, что «к каменцам по хозяйственному укладу наиболее близки были пареньцы и итканцы, носители пареньского и итканского диалектов». Она приводит численность итканцев к 1970-м гг. — около 100 чел. и названия селений — Большая, Южная и Малая Иткана.

С. Н. Стебницкий в 1930-х гг. в работе «Очерки этнографии коряков» отмечал: «Две наиболее малочисленные группы коряков — итканцы и кереки — тоже загадочны. Итканцы живут на восточ-

ном полуострове Тайгонос в трёх посёлках с общим названием Иткана (Средняя, Верхняя и Нижняя). Группа эта, насчитывающая не более 100 чел., по диалекту существенно отличается от соседних приморских коряков и чавчуменов... Они не хотят заключать браки с представителями соседних групп, например, с паренцами, чавчуменами, и считают для себя обязательным заключать браки в своей среде. Из-за общей малочисленности многие юноши и девушки не могут создать семью, иметь детей».

В 1940 г. был образован колхоз «Икара», в него вступили жители селений Парень, Куюл и Иткана. Основой деятельности колхоза стал вылов рыбы. Сельское хозяйство и оленеводство было развито слабо: колхозники обрабатывали всего 0,2 га.

В настоящее время селение Иткана не существует.

Кавалерское (Кавалеровское). Приполярная перепись 1926 г. учла здесь три хозяйства, семь мужчин и столько же женщин. Национальность населения — камчадалы. Тогда селение было записано как Ковалевское. В. П. Кусков отмечал, что оно возникло в 1928 г. «в результате переселения жителей Большерецкого острога». Здесь он не точен — Большерецк давно получил статус села, острогом уже не являлся.

Селение было названо по своему расположению на протоке Кавалерской. Воспоминания о нём оставил местный уроженец Вадим Коллегов: «В конце 1920-х гг. жители Большерецка, а это были в основном камчадалы, из-за частых подтоплений села во время таяния снегов стали уезжать в другие сёла. Мои родители вместе с другими жителями решили поселиться на новом необжитом месте, назвав его Кавалерское. Это место примерно в 15–20 км от Большерецка, вниз по течению реки Большой. Место для проживания оказалось очень удачным, на небольшой возвышенности, не подтапливаемой во время паводка. Село располагалось у берега протоки Кавалерка. Насколько я помню, в селе было примерно 25–30 дворов, жители разных национальностей, но более половины — камчадалы. Все дома были построены из берёзового леса, с обязательным участком для посадки картошки, с приусадебными постройками.

Районные власти решили образовать в новом селе колхоз имени Первого мая. Здесь было большое стадо КРС, лошади. Кроме того, селяне выращивали картофель, других овощей не было из-за отсутствия семян. Во время войны и в послевоенное время в колхозе работали в подавляющем большинстве женщины, так как основная часть мужчин служила в армии, воевала. Я хорошо помню, как женщины занимались тяжёлой мужской работой, косили

сено, заготавливали силос, дрова, убирали урожай, обслуживали животноводческую ферму. Зимой завозили силос на корм КРС, сено для лошадей. Несмотря на трудности военного и послевоенного времени, сельчане жили дружно, помогали друг другу по возможности скромными продуктами питания — рыбой, дикоросами.

В селе жили многочисленные семьи Селивановых, Логиновых, Игнатьевых, Антоновых, Магоновых, Верхотуровых, Бречаловых. В те далёкие времена здесь не было радио, телефонной связи, электричества. Новости поступали к ним с опозданием. Когда закончилась война, в село специально приехал работник из райцентра, сообщив об этом жителям. Радость была неописуема, всё население без каких-либо призывов собралось в школе, сдавало денежные сбережения в государственный фонд.

Жизнь оставалась тяжёлой, хлеб выдавался строго по карточкам. Одежду, обувь сельчане шили сами. Подавляющее большинство людей носили торбаза, сшитые из оленьей или медвежьей шкуры, их камчадалы обрабатывали, мяли на специально сделанных деревянных устройствах, красили (дубили) соком ольхи. Для шитья обуви использовали высушенные жилы оленей. Их наши матери и бабушки разделяли на отдельные пряжи, а потом скручивали друг с другом (“сучили”, по местному выражению). Редкостью были иголки, их берегли. Шитьё было трудоёмким, требовало особого мастерства. В изготовленные торбаза вместо стельки вкладывали солому. Эта обувь была очень лёгкой и тёплой. Снаружи, чтобы торбаза не протекала, их смазывали медвежьим жиром. Всё лето мы, мальчишки, ходили босиком. Может быть, подобные условия нас закаляли, потому что простудные заболевания были редкостью.

Село Кавалерское закрылось в конце 1950-х гг., когда жители села стали покидать его из-за отсутствия каких-либо перспектив, так как колхоз был распущен».

Сведения о жизни села из газеты «Камчатская правда»:

18 октября 1942 г.: «Колхозники-охотники села Кавалерское Большерецкого района тт. Коллегов, Антонов, Селиванов каждый год снабжают рабочих рыбокомбинатов свежим медвежьим мясом. В этом году, как только открылся охотничий сезон, охотники ушли в тайгу. За короткий срок тт. Коллегов, Антонов и Селиванов убили 42 медведя. Всё мясо сдано в рыбоопы для реализации среди рабочих комбинатов».

11 декабря 1943 г.: «Успешно ведут промысел охотники села Кавалеровское. Охотник тов. Коллегов сдал 19 лисиц и три

выдры. Колхозник тов. Черьюров упромыслил 19 лисиц и одну выдру».

16 марта 1950 г.: «В селе Кавалеровском состоялось собрание избирателей, на котором был заслушан отчёт председателя исполкома сельсовета т. Князева. Выступили на собрании тт. Кузьмин, Чеховский, Игнатов и другие, подвергли резкой критике работу сельисполкома и его председателя. Избиратели потребовали от сельисполкома коренным образом улучшить руководство колхозом и социально-культурными учреждениями, регулярно проводить сельские собрания с отчётами о своей работе...»

14 декабря 1952 г.: «В Кавалеровской избе-читальне долгое время не было библиотеки. В этом году здесь получены первые две сотни томов общественно-политической, естественно-научной и художественной литературы. Начала работать библиотека».

Селение исключено из списка населённых пунктов Камчатской области 10 апреля 1968 г. Но сегодня бывший Большерецкий острог называется Кавалеровским.

Кавача. В. П. Кусков сообщает: «Кавача — бывший посёлок Олюторского района. Возник в 1930 г. Назван по расположению у лагуны Кавача». Река, в чьём устье он находился, по-корякски *Кавачьын*, что означает «Бугристая». Река Кавача находится восточнее большой реки Апуки. Лагуну от залива отделяет морская песчаная коса. В северном основании косы был расположен посёлок Кавача при рыбозаводе № 73 Олюторского рыбокомбината. Здесь находились сельсовет, фельдшерский пункт, изба-читальня. По данным В. И. Иохельсона, в 1897 г. тут существовали два корякских селения с таким названием.

Исключён из списка населённых пунктов Камчатской области 7 февраля 1975 г.

Калыгирь (Колыгирь). Селение возникло до 1918 г., основано переселенцами из Центральной России. В годы гражданского противостояния на Камчатке местные жители поддерживали красных партизан, блокировавших Петропавловск, где власть была у белых.

Из сообщения партизана Г. Трухина о командировке в Усть-Камчатск: «Настоящим докладываю, что я с откомандированными в моё распоряжение 12 отрядниками 15 августа вышел в путь. До села Колыгеря наш путь был по суше, а в Колыгере, взяв катер, принадлежащий названному обществу, и присоединив к своему отряду ещё четырёх человек колыгерцев, двинулись в Жупаново».

Приполярная перепись 1926 г. учла здесь семь хозяйств, семь мужчин и шесть женщин. Они приобретали продукты и необходимые вещи с пароходов, приходящих на рейд селения во время навигации. Лоция Берингова моря 1938 г. сообщает: «У самого устья реки Калыгирь на песчаном побережье расположено селение Калыгирь, жители которого занимаются рыбной ловлей и охотой». Но на подробной карте Камчатки 1946 г. селение не обозначено. В бухте Калыгирь отмечена только рыбалка, видимо, относящаяся к Жупановскому рыбокомбинату.

Каменское. Село, центр Пенжинского района, находится на правом берегу реки Пенжины на высоте 33 м над уровнем моря. Зима здесь длится около семи месяцев, устойчивый снежный покров устанавливается 18 октября, снег сходит к 15 мая. Ближайшие населённые пункты — Манилы и Оклан.

Краевед В. П. Кусков сообщает: «Возникло в 1931 г. Названо в связи с его расположением на берегу ручья Каменистого». Но оно существовало задолго до этой даты, находилось выше по течению реки Пенжины и называлось *В'айкыннын*, что в переводе на русский язык означает «Рыбаки, живущие на краю берега». Так считает А. П. Богоявленская (2020). С. Н. Стебницкий даёт несколько другое произношение — *Вайкынан*.

Селение описал Н. В. Слюнин, но он указал другое его местонахождение: «Наиболее значительным является селение Каменское, расположенное при устье реки Пенжины, на правом берегу у подшвы подступившего хребта. Здесь 21 жилая юрта и до 30 разных построек... Жителей обоего пола считалось (1897 г.) 116, но ещё недавно было вдвое больше, именно в 1884 г. — 267...»

Участник экспедиции Г. И. Чубарова в 1923 г. П. Г. Козлов записал: «Земляные помещения, крытые накатником, заваленным землёй. Затем в виде мельничного засыпного ковша, как перила вышиной с метр, отведены от крыши в разные стороны. В момент нашего приезда у них, видимо, был праздник, а может, так полагалось всегда, — на каждом углу землянки на шест была посажена собачья голова. Помещение без окон и дверей, входили в него в то же отверстие, через которое выходил дым из очага. Спускались по гладкому бревну, у которого были вырублены выступы для того, чтобы можно было по ним выбраться наверх...»

На карте, составленной по итогам Приполярной переписи 1926 г., селение обозначено на правом берегу, в устье реки Пенжины.

М. Поляновский и Л. Саянский в книге «Среди трех морей», рассказывающей о киноэкспедиции режиссера А. Литвинова по

Камчатке в 1929 г., пишут: «Село Каменское... расположено вблизи Пенжинской губы на перекрёстке двух дорог — Гижигинской и Анадырской. С одной стороны село окружено кочковатой тундрой... Жители села — выходцы из кочевых коряк, говорят исключительно на корякском языке. Русских здесь очень мало».

Основным жильём коряк были юрты-полуземлянки. «От костра внутри юрты густо колыхнется дым, кругом темнота и сырость — результат того, что дневной свет проникает исключительно через верхнюю дыру. Вокруг стен юрты устроены нары, сбоку уходит в землю небольшая кладовая, где хранится мясо, юкола и другие припасы...»

В Каменском имелась фактория, через неё местные жители снабжались продуктами первой необходимости.

Отчёт Дальневосточного краевого Комитета Севера за 1929—1930 гг. сообщает о состоянии школьного образования и работе культбаз: «Приступлено к постройке Корякской культбазы в Пенжинском заливе, в районе села Каменское. На строительство этой базы было отпущено 200 000 руб., тогда как минимальная стоимость её, по предварительным данным, определяется в сумме 596 679 руб. 25 коп...» В отчёте Северной секции Дальневосточного комитета нового алфавита за 1932—1933 гг. указано, что «курсы ликвидаторов неграмотности Корякский национальный округ развернул ещё в 1932 г. в окружном центре селе Каменском...»

Архивист В. Воронина в статье «Первая столица Корякии» сообщала: «В марте 1930 г. на севере Камчатки, в Пенжинском районе, по решению Комитета Севера Далькрайисполкома было начато строительство очага культуры — Корякской культбазы. До начала постройки культбазы не было случаев плавания на моторных судах по реке Пенжине. С началом стройки началось сообщение по реке Пенжине мелкосидящими катерами на расстояние около 250 км вверх по течению. До села Пенжино катера не доходили только 30 км. Моторные лодки поднимались по реке на расстояние около 400 км. С началом строительства культбазы в Пенжинский район завезли лошадей. Двухлетний опыт работы конного транспорта полностью доказал его рентабельность в условиях Пенжинского района.

Деньги на строительство культбазы выделил Комитет Севера Далькрайисполкома и АКО. Все средства от Комитета Севера были получены при отъезде с материка в июне 1930 г., затем был перевод в конце декабря 1931 г. в размере 29 500 руб. В сентябре 1930 г. приехал тов. Лыбин, который также привёз деньги от комитета

для выплаты строителям. Таким образом, от Комитета Севера на строительство культбазы получено было 250 171 руб. 51 коп. Вторым кредитором строительства культбазы было АКО, самым исправным кредитором, без которого строительство не могло обойтись. От него получено 216 015 руб. 72 коп. Всего по смете на строительство культбазы было заложено 554 931 руб. 30 коп., а по практическому наличию сооружений на 1 января 1932 г. Дальневосточный Комитет Севера утвердил строительство на сумму 570 000 руб. Удорожание произошло оттого, что строительство культбазы было отодвинуто на 70 км выше по течению от села Каменное и на транспортные перевозки ушло больше средств.

Строительство велось на местном стройматериале. Было заготовлено на 1 января 1932 г. тополёвых и лиственничных бревен 18 888 штук, кирпича — 126 000 штук. Это — 78 % всех стройматериалов. С материка завезено 22 % материалов. Началось строительство культбазы в составе школы-интерната, больницы, ветеринарного пункта, торговой фактории, радиостанции, краеведческой части и хозяйственных построек.

Трудно было с квалифицированной рабочей силой. На девять двигателей — один механик и один моторист. Началась подготовка кадров. В 1930—1931 гг. подготовлено девять мотористов. Создавались подсобные предприятия — мастерские (пошивочные, сапожные, по пошиву местной одежды, заготовке дров). Такая вынужденная распыленность рабочей силы тяжело отразилась на темпах строительства культбазы.

10 декабря 1930 г. постановлением ВЦИК был создан Корякский национальный округ (КНО). Осенью 1931 г. оргкомитет Дальневосточного крайисполкома вместе с аппаратом окрисполкома прибыл на место строящейся культбазы и избрал её резиденцией окружного центра. 21 октября 1931 г. президиум оргкомитета (заседание № 10) заслушал вопрос “Передача частей Корякской культбазы в ведение отделов окрисполкома” (докладчик тов. Тунтул) и постановил: “В соответствии с решением Комитета Севера при ВЦИК передать все части культбазы в ведение КНО; оргкомитету и его отделам принять всё административное руководство и имущество частей культбазы в нижеуказанные сроки. Временно исполняющему делами окружного инспектора народного образования принять школу, туземный дом и библиотеку; временно исполняющему делами окружного инспектора здравоохранения тов. Сорокину принять больницу; заведующему земельным отделом тов. Ильзину принять ветеринарную часть, все животноводство, объединённую лабораторию,

огородничество и метеорологическую станцию — к 25 октября. К 15 ноября принять всё имущество, оборудование и инструментарий с назначением ответственных лиц за это имущество.

Краеведческая часть культбазы передавалась Окргплану, он должен был войти в президиум окрисполкома с предложением о ведении в дальнейшем краеведческой работы. Столовая и хлебопекарня в 10-дневный срок передавалась кооперации, ответственному за это Вельтману поставлена задача: улучшить качество пищи и наладить детское питание. Вельтману и Ушаченко было предложено приступить к организации пошивочных мастерских на культбазе и в других пунктах округа, организовав выделку шкур, пошивку торбазов, брюк, рукавиц, кухлянок, кукулей, шапок. Им же предлагалось составить проект изготовления меховых изделий, пригодных для экспорта.

Всё строительство столицы КНО выделялось в самостоятельную производственную единицу под руководством Короневского, с непосредственным подчинением оргкомитету. Все мастерские до окончания постройки и оборудования мастерских входили в состав строительства и находились в полном подчинении прораба Короневского. На 1 января 1932 г. Корякская культбаза имела следующее состояние: строились и большей частью были завершены жилые дома и склады; сданы 16 круглых домиков диаметром 7 м конструкции инженера Свинына; проложено 500 м дорог; для нужд АКО построены магазин и склады.

Так у культбазы появился третий кредитор — оргкомитет КНО. Он на 1 января 1932 г. внёс 417 566 руб. 21 коп. и начал строительство зданий и жилых помещений для окружных организаций.

В 1934 г. по просьбе Корякского окрисполкома и решению Комитета Севера при Президиуме ВЦИК Корякская культбаза Комитета Севера Далькрайисполкома была переведена на восточный берег Камчатки в район реки Апуки. В марте — апреле 1934 г. аппарат культбазы был переброшен на новое место, а на прежнем остались лишь окружные организации, получившие в своё распоряжение весь жилищный фонд и объекты социально-культурного назначения.

Столицей округа Корякская культбаза оставалась до 15 октября 1937 г., а затем по решению Президиума ВЦИК окружной центр КНО был перенесён в село Палану. Корякская культбаза стала называться селом Каменским, центром Пенжинского района».

Одной из причин переноса центра КНО из Каменского явилась малодоступность от окружного центра до населённых пунктов

округа. В сообщении Камчатского обкома ВКП(б) и облисполкома Далькрайкому ВКП(б) и Далькрайисполкому говорилось: «Обстоятельства, вынудившие поставить этот вопрос: оторванность окружного центра... Расстояние хода зимой на нартах: Каменское — Тигиль — трое суток; до Караги — 15 суток, в Тиличики — 15 суток, в Пенжино — четверо суток».

28 марта 1942 г. в сообщении Камчатскому областному комитету ВКП(б) указывалось о вкладе местных жителей в оборону страны: «По инициативе женщин-домохозяек села Каменское была организована пошивка меховых жилетов и чижей. За пять дней работы было сшито 26 жилетов. Инициатором пошивки явилась т. Гробовская А. П.».

18 июля 1942 г. в Каменском вышел первый номер районной газеты «Полярная звезда», она печаталась дважды в неделю. В первом номере сообщалось: «Сегодня трудящиеся Пенжинского района впервые читают свою районную газету. Партия большевиков и советское правительство, ведя неустанную борьбу за повышение культурно-политического уровня трудящихся нашей страны, даже и в грозные годы войны с немецко-фашистскими мерзавцами, когда каждая государственная копейка на учёте, находят средства не только на издание огромного количества газет, но и на создание новых газет там, где их до сих пор не было».

29 августа 1942 г. газета рассказывала о праздновании Дня авиации (23 августа): «На реке Пенжина возле посёлка Каменское были проведены гонки на каюках. Наиболее активное участие в соревнованиях приняли члены кустарной промысловой артели “Дальневосточник”. Член этой артели тов. Какаулин Семён вышел победителем на гонках, пройдя дистанцию 2 000 метров за 9 минут 30 секунд. Неплохих результатов в гонках добились тт. Айгинтокран, Алин Николай, Алин Авксентий и Мохуров. В гонках принимала участие и женщина — Какаулина Анна, которая прошла дистанцию 2 000 метров за 16 минут 20 секунд».

В 1962—1965 гг. газета не выходила из-за отсутствия квалифицированных кадров, затем была возобновлена. В ней помещались материалы о трудовых буднях жителей района, рассказывалось об опыте и сложностях оленеводства, много места посвящалось культуре народов Севера. Тираж в 1980-х гг. достиг 1 000 экземпляров. В 1987 г. издание стало дипломантом 20-го Всероссийского конкурса на лучшее оформление и полиграфическое исполнение районных, городских и окружных газет. С 2009 г. газета выходит два раза в неделю тиражом 100 экземпляров.

За годы советской власти село стало крупным административным центром на севере Камчатки. Здесь имелись почта, поликлиника, районная больница, средняя школа, детский сад, Дом культуры и другие социальные объекты. В селе в разное время находились райкомы КПСС и ВЛКСМ, райисполком, районный суд, прокуратура, сберкасса, контора «Заготживсырьё», районные отделы ЦСУ и милиции. В декабре 1982 г. по решению Пенжинского райсовета в селе открылся районный краеведческий музей. Сегодня он имеет около 5 000 единиц хранения.

Одним из ведущих хозяйств на севере Камчатке был совхоз «Пенжинский». Успехи его оленеводов освещались даже в центральном журнале «Огонёк». Директор совхоза В. Д. Дрокин рассказывал: «Мой отец в 1930-х гг. создавал колхозы. Нашего посёлка здесь ещё совсем не существовало, только небольшое стойбище оленеводов. Очень трудно было собрать пастухов на первое собрание — народ-то кочевой. Всё же собрались оленеводы, решили жить в колхозе, объединить оленей в общее стадо...»

Особых успехов труженики совхоза «Пенжинский» достигли в 1960—1970 гг. За производственные достижения в 1967 г. и в связи с 50-летием советской власти совхоз был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

На страницах районной и областной печати часто можно было увидеть материалы о трудовых успехах пенжинцев. В области были известны имена Тита Тынетегина, Николая Коялхота, Петра Пепе, Ивана Кававыгина и многих других.

О жизни в Каменском рассказывал бывший партийный работник В. С. Канунников: «У каждой семьи появились теплица и огород. Приобщили к огородничеству местное население, началась разработка земли для посадки картофеля. Работала настоящая русская баня. Построили прекрасную пекарню. Блаженством для души была гусиная и утиная охота, а также заготовка рыбы (кета, корюшка), грибов, брусники, шишек кедрача. Все имели моторные лодки, большинство мужчин были охотниками... В селе сформировались улицы Ленина, Бекерова, Речная, Чубарова...» По переписи 1959 г., здесь жили 582, в 1979 г. — 1 283, в 1994 г. — 1 068, в 2020 г. — 524 чел.

Каюм. Селение находилось на берегу пролива Литке, в устье реки Каюм. В «Статистической ведомости г. Петропавловска и округа» за 1876 г. оно не учтено. *Каюм* (по-корякски *Куйым*), видимо, означает залив, бухта.

В 1920 г. была образована Дранкинская волость, в неё вошли селения Дранка, Ивашка, Холюля, Озерная, Ука, Усть-Озерная, Карага. Селение Каюм в составе волости отсутствует. Но оно отмечено в ходе Приполярной переписи 1926 г. как заимка, где числилось всего два хозяйства, жили пять мужчин и семь женщин.

В разное время здесь работал колхоз «Красная звезда», рядом на косе находилась рыббаза Макарьевского рыбокомбината, имелись школа, магазин. Непродолжительное время действовало оленеводческое товарищество «Каюм-Карага».

В 1942 г. в колхозе «Красная звезда» имелось 41 хозяйство со 115 чел., из них 37 трудоспособных мужчин, 31 женщина и шесть подростков. Хозяйству установлен план вылова 400 ц сельди и 500 ц лосося, на деле поймано 785,2 ц. Убрано 400 кг картофеля, 615 кг овощей, накошено 17 ц сена. В колхозе имелась одна корова, две лошади и 742 оленя.

В 1943 г. на собачьих упряжках через Каюм проезжал на север вулканолог Б. И. Пийп. Он записал в дневнике: «Вскоре подъехали к тесной группе домиков и балаганов, по внешнему виду сразу отличавшихся от поселения русских. У домов круглые крыши, покрытые соломой. Это была корякская деревушка Каюм. В деревне колхоз. Есть два стада оленей, но занимаются, кроме того, интенсивной рыбной ловлей для государства. Кроме того, женщины шьют меховую одежду, которой распоряжается райисполком».

Селение в настоящее время не существует.

Кимитино. 15 апреля 1933 г. президиум Камчатского облисполкома принял решение о внутриобластном районировании. Из частей Усть-Камчатского и Петропавловского районов был создан новый — Мильковский район с центром в селе Мильково. В этом же решении перечислены все 15 населённых пунктов района. Селения Кимитино среди них нет. Ранее, по итогам Приполярной переписи 1926 г., оно также не учтено.

Впервые селение упоминается в отчётах Мильковского райисполкома в конце 1930-х гг. Оно обозначено на карте Камчатки 1946 г. Ближайшее селение — Лаучан, с ним связывала тропа. Другая тропа вела по берегу реки Караковой вниз по течению и выходила на реку Камчатку.

На рукописной карте Мильковского района 1960 г. [ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 477. Л. 1] селение вновь не обозначено.

О Кимитино вспоминает бывший председатель Быстринского райисполкома П. В. Адуканов: «В 1932 г. я был направлен на работу инструктором Быстринского райинтегралсоюза, который за-

нимался снабжением населения продовольственными и промышленными товарами. В обязанности инструктора входило тогда обеспечение перевозок из Хайрюзовского интегралсоюза через Кекук-найский сельсовет и из Мильково через Кимитино по участкам Эссо — Анавгай — Тваян — Лаучан — Кекук».

Можно предположить, что это было небольшое селение орочей (эвенов). Со слов жителей Тваяна, на Быструю переселили жителей как Тваяна, так и Кимитино. Ещё в начале 2000-х гг. в Мильково можно было встретить Коерковых, уже пожилую женщину и её взрослого сына. Они жили на реке Кимитиной и приходили в Мильково за продуктами.

В настоящее время селение Кимитино не существует.

Кировский. Во время развития рыбной промышленности на Камчатке, с целью обретения более удобного места для лова, в 1925 г. группа жителей села Соболево решила переселиться на берег лимана реки Воровской. Новому поселению присвоили название «Воровское» в честь революционера Вацлава Воровского. После создания АКО в 1929 г. рядом был построен рыбокомбинат. В 1934 г. населённый пункт в документах относился к Воровскому рыбопромышленному комбинату АКО. В этом же году здесь открылась начальная школа, затем появился медпункт.

В 1937 г. комбинат и населённый пункт были переименованы, стали называться Кировским в честь советского политического деятеля С. М. Кирова, убитого в Ленинграде 1 декабря 1934 г.

Постепенно комбинат расширялся, в него входили три рыбозавода и несколько баз. Жилищное строительство шло медленно. Вначале приезжие рабочие обитали в палатках и землянках. Палатки старались утеплить дёрном. Питались в основном крупами и сушёными овощами (лук, картофель, морковь) завозимыми с материка. Рыбу ловили ставными и закидными неводами и отправляли на обработку. 18 января 1940 г. «Камчатская правда» сообщала: «Большое строительство индивидуальных домиков из местного леса провёл Кировский рыбокомбинат. На второй базе этого комбината в прошлом году выстроено 14 индивидуальных домиков. Индивидуальные домики строятся на первой базе. Из местного леса комбинат выстроил неполную среднюю школу и двухэтажный эллинг для строительства кунгасов...»

В годы Великой Отечественной войны в жилом посёлке комбината началась разработка огородов, с них получали неплохие урожаи картофеля и капусты, проводились опыты по выращиванию табака.

Районная газета «Ударник» сообщала: «Из года в год перевыполняет план с замечательными качественными показателями икорный цех второго рыбозавода комбината имени Кирова, руководимый замечательным мастером-отличником тов. Житомирским. Тов. Житомирский любовно и горячо относится к своему делу. В путину 1942 г. мастер-отличник взял обязательство изготовить для страны и фронта не менее 90 % икры высшего качества. Обязательства выполнены с честью. Икорный цех выпустил 90,2 % икры высшего сорта».

В послевоенные годы в посёлке шло деятельное строительство. Появились жилые многоквартирные дома с центральным отоплением, больница, столовая, магазины, пекарня и другие объекты. На рыбокомбинате введены в эксплуатацию два холодильника для заморозки и хранения рыбы-сырца, бондарный, икорный, механический, рыбомучной цеха. Посёлок быстро развивался. Но весной 1955 г. и в ноябре 1957 г. сильные шторма нанесли серьёзный ущерб жилому фонду и промышленным зданиям. Встал вопрос о переносе комбината и посёлка на другую сторону лимана.

По переписи 1959 г., в посёлке жили 3 748 чел., через 20 лет, в 1979 г., здесь учтено 693 чел.

Кичига. В 9,4 мили к северу от устья реки Паклавааям в пролив Литке впадает река Кичига. На её берегах находилось одноимённое селение. В XIX в. через Кичигу (*Хоранмыткуныкор*), находившуюся в семи верстах от устья реки, пролегал почтовый тракт из Нижнекамчатска до Гижиги. И. С. Вдовин приводит численность жителей и строений в Кичиге в XIX в. (чел./юрт): в 1829 г. — 107/6; в 1836 г. — 48/7; в 1840 г. — 93/4; в 1844 г. — 122/10; в 1865 г. — 173/8; в 1866 г. — 180/8.

К. Дитмар писал: «В расстоянии приблизительно 100 вёрст от Караги лежит первое поселение олжоторцев — Кичига с 10 юртами и с населением из 73 душ мужского и 76 женского пола. На половине пути к Кичиге приходится перейти через береговую речку Тамлат, вытекающую из озера; на берегах её имеются горячие ключи и залежи серы».

В годы коллективизации в селении был образован колхоз «Новая жизнь». В 1930-х гг. АКО рядом с устьем реки построило рыбную базу № 3 Кичигинского рыбокомбината.

Корн. Селение находилось в бассейне реки Воямполки. В 1927 г. за несколько месяцев был построен и пущен в эксплуатацию Усть-Камчатский рыбоконсервный завод № 1 АКО. С 1928 г. на Кам-

чатке начинается бурное строительство заводов и рыбных баз. За несколько лет на западном и восточном побережьях введены в эксплуатацию десятки новых предприятий. Им требовались рабочие руки, материалы, техника, оборудование и топливо.

АКО уделяло большое внимание научному изучению территории Камчатского округа, организовывало и финансировало ряд экспедиций. В 1928 г. была предпринята большая экспедиция по поиску полезных ископаемых — свинцовых руд, золота, угля, слюды, графита, нефти. Особое значение отводилось поискам нефти. Такие же экспедиции работали на восточном и западном берегах Камчатки в 1930—1931 гг. Их итогом стала организация Воямпольской экспедиции.

Так появилось небольшое поселение Корн. Сюда завезли технику, построили радиостанцию, жилые дома, производственные помещения, школу. Здесь трудились известные учёные-геологи Михаил Фёдорович Двали и Леонид Алексеевич Гречишкин, автор незамысловатого стихотворения:

*Где хмуро на закат багряный
Смотрел камчатский рыболов,
Возник там город полотняный —
Предвестник нефтепромыслов.
Со струн антенн за облаками
Несётся азбука Морзе.
И грунт, нетронутый веками,
Взрывает трактор ЧТЗ.
Скороговорка руль-мотора
Тревожит гулко тишь реки,
И кавасаки очень скоро
На Корн нам повезут станки.
Большевики в дерзаннях смелы!
И если мы сюда пришли,
То тайну недр рукой умелой
Сумеем вырвать у Земли!*

Житель села Ивашка Г. Ф. Ларьков, пешком прошедший из Ивашки до Тигиля в конце 1930-х гг., рассказывал: «Дошли до Корна, а там рядом Воямпольская экспедиция, там стояли вышки, нефть бурили. Остался посёлок буровиков. Там был детский дом, директор Голованов, у него было двое детей и очень симпатичная жена».

В 1941 г. Корякский окрисполком постановил открыть при детском доме села Корн одноклассную начальную школу.

Газета «Корякский большевик» в августе 1942 г. сообщала: «Прошло уже более двух лет со дня организации в нашем округе

детского дома, в котором живут 64 человека детей-сирот, из них 46 нымылан, 13 русских и пять ительменов. Собранные из разных мест округа, из сёл Тигильского района, из отдалённых стойбищ Пенжинского района, ребята первые месяцы трудно привыкали к изменившейся обстановке в их жизни, к порядкам детского дома... Все старшие ребята принимают самое активное участие в хозяйственных работах. Ребята заготовили более 1 500 кг сухого уйка для имеющегося в детдоме собачьего транспорта, засолили лука и черемши, сейчас ловят и засаливают рыбу себе в пищу на зиму. Создана бригада косарей, уже накосили более 10 тонн сена. Бригада девочек учится шить меховую одежду и обувь из шкур морзверя. Девочки умеют выделывать олени шкуры, ими уже сшито 16 пар летних торбазов. Принимают участие ребята в заготовке дров, уборке помещений, в починке белья и приготовлении пищи». Этот детский дом в 1951 г. был переведён в Тигиль.

Корн административно относился к Воямпольскому сельсовету. В марте 1955 г. по решению Корякского окрисполкома в связи с ликвидацией Воямпольской партии нефтеразведки все жилые дома, производственные и культурно-бытовые постройки сёл Корн и Усть-Воямполка перешли в его ведение.

Корн исключён из списка населённых пунктов Камчатской области 7 февраля 1975 г.

Красный. В мае 1958 г. в Карагинском районе появился новый населённый пункт — рыбацкий посёлок Красный. Он недолго располагался на побережье Кичигинского залива. Исключён из списка населённых пунктов Камчатской области 7 февраля 1975 г.

Крестовское (Крестовое). Издание «Корякский округ. Даты. События. Факты» сообщает, что в 1925 г. в ходе укрупнения Левчиковского сельского ревкома Пенжинского района в него вошло и селение Крестовое. Приполярная перепись 1926 г. учла здесь шесть хозяйств и 51 жителя.

В годы Великой Отечественной войны сельяне деятельно помогали фронту. Газета «Камчатская правда» 25 ноября 1942 г. сообщала по этому поводу: «В ста километрах от большого села Гижига, на самом севере Корякского национального округа расположено смешанное товарищество “Расцвет Севера”, созданное из нымыланов-кочевников... Летом этого года товарищество сдало государству первые 180 ц сельди. В течение нескольких дней рунного хода план добычи рыбы был выполнен на 220 %. План по лососёвым товарищество выполнило на 267 %. Богатые уловы

дали членам товарищества высокие заработки. Ловец Икавав получил за сезон 14 500, Чева — 12 600, Икавав — 10 тыс. руб. Товарищество развивает и другие направления хозяйства. В текущем году организована животноводческая ферма, которая насчитывает уже 10 свиней. В десять раз вырос за год общественный табун оленей. Меняется и облик самого селения. В нём построена школа, пекарня, магазин. Недавно отстроен жилой дом. Зимой будут строить пять жилых домов, баню, склад. В поселке всё меньше становится дымных и тёмных юрт и землянок. Нымыланы переходят жить в просторные и светлые дома. Колхозники оказывают всемерную помощь фронту. Все члены товарищества подписались на военный заём на 9 180 руб., приобрели за наличный расчёт на 14 250 руб. облигаций. На вторую денежно-вещевую лотерею колхозники подписались на 12 560 руб. и всю сумму погасили досрочно...»

Через десять лет эта же газета (15 февраля 1952 г., в статье председателя колхоза «Расцвет Севера» И. Ермачкова) рассказала о значительных изменениях в облике села: «За годы советской власти неузнаваемо изменилось село Крестовое Пенжинского района. Там, где ещё недавно было всего несколько домиков, сейчас выросло целое селение. Школа, библиотека, магазин. Дом колхозников, добротные жилые дома украшают село. Крестовое радиофицировано, в квартирах горят лампочки Ильича. Строительство продолжается. С каждым днём село становится красивее. В этом немалая заслуга плотников колхоза “Расцвет Севера” тт. Старикова, Красовского, Кудеяра, Баранова. Только в прошлом году их руками было возведено 16 жилых домов. Плотники построили также новый клуб, здание механической мастерской. В ноябре прошлого года колхозники приступили к строительству новой школы-семилетки. Они решили 1 января 1953 г. поставить сруб для школы. Это обещание колхозники выполнили с честью. Сейчас плотники борются за то, чтобы ко дню выборов в местные Советы завершить строительство школы».

В 1953 г. была образована Магаданская область, в её состав вошли и несколько селений северо-запада КНО, в том числе и Крестовское. В настоящее время оно не существует.

Кроноки. Этот населённый пункт располагался в живописном месте, у подножия гор, на правом берегу реки Ольга, близ её устья. Река Ольга по-ительменски *Кейлюгыч* — *Горбушова речка* (С. П. Крашенинников). В. П. Кусков сообщает: «Кроноки — посёлок Елизовского района. Возник в 1940 г. как база Кроноцкого заповедника, затем исчез». Причина исчезновения не названа,

а это — цунами 5 ноября 1952 г. Вновь восстановлен в 1960 г. Назван по расположению поблизости от Кронцкой сопки. В 1938 г. здесь появилась метеостанция. Сегодня на месте посёлка — кордон Кронцкого заповедника, работает метеостанция.

Крутобереговый. По данным В. П. Кускова, «посёлок Елизовского района. Возник в 1935 г.». Вначале назывался «12-й километр» по расстоянию от центра Петропавловска по Елизовскому шоссе. От него до райцентра Елизово — 19 км. Позднее был переименован по названию ручья Крутоберегового, возле которого он располагался. Статус населённого пункта получил 29 ноября 1957 г. С 1979 г. входит в состав Пионерского сельского поселения Елизовского района.

Лесное, селение. На языке коренного населения звучит как *Уемлен*. С. Н. Стебницкий называет его как *Вземлэн*. На языке нымланов *Вземлен* означает *Ломаная река*.

Картограф С. У. Ремизов на «Чертеже земли Якутского города» отметил «Река Воемля. Тут Федотовско зимовьё бывало». По одной из версий, спутник С. Дежнева, перезимовав на реке Камчатке, достиг западного берега Камчатки, о чём рассказала «якутская баба», якобы бывшая в этом путешествии.

С. П. Крашенинников указывает, что в тех местах в острожке тойона Келлях проживало 38 ясачных плательщиков. К. Дитмар сообщает: «Жители Лесной, чистокровные коряки, потеряв оленей, сначала осели на верхнем Паллане, но позже, ради лова морского зверя, переселились сюда. Ныне местечко лежит на левом берегу реки того же имени, недалеко от моря, у подножья хребта, находящегося к нему с востока. В настоящее время в Лесной 19 хорошей постройки домов, три земляных юрты и часовня... Огородничества здесь уже нет и в помине. Жители имеют три коровы и 12 лошадей». Жителей здесь насчитывалось 137, из них 74 мужчины и 63 женщины.

В 1836 г. местечко населяли 91, в 1851 г. — 143 чел. К. Дитмар в середине XIX в. отмечал: «А три здешних семьи владеют ещё даже небольшим, голов в сотню, стадом оленей, с которым они ходят... в дальние кочёвки».

До Тигиля отсюда считалась 341 верста, до Большерецка — 1 016 вёрст, до Петропавловска — 1 194 версты. В 1868 г. селение именовалось Лесновским, здесь в 14 домах жили 177 чел. Имелась православная часовня Во имя Всемилоственного Спаса. В 1876 г. здесь было учтено 170 жителей, часовня, 14 домов, пять юрт, 67 бала-

ганов, 10 стай, шесть амбаров и одна баня. Селяне содержали 46 лошадей, 14 голов КРС, 560 оленей и 117 собак. За год они добыли 16 соболей, пять горностаев, четыре оленя и 54 нерпы. В 1888 г. в Лесновском имелось 19 домов, жили 107 мужчин и 113 женщин, все — камчадалы. Численность населения в 1901 г. — 222, в 1910 г. — 186 чел.

В. И. Иохельсон в работе «Коряки» пишет: «Лесная, или Лесновское. По переписи 1897 г. и по отчёту 1898 г. здесь было 180 жителей (86 мужчин и 94 женщины) и 19 домов; по Богоразу — жителей 146 чел. (71 мужчина и 75 женщин). В этом посёлке от кори в 1900 г. умерло 70 чел. ...По словам Богоразы, к обществу селения Лесная принадлежит 61 кочевых (31 мужчина и 30 женщин)».

Н. В. Слюнин так характеризует селение в конце XIX в.: «Земляные юрты отличаются чистотой; везде ежедневно меняется настилка из травы; рыбных запасов всегда хватает с избытком до нового улова; оленеводство служит подспорьем в продовольствии... Жители приветливы, откровенны и добродушны...»

Описание селения в 1907 г. оставил рыбопромышленник Г. А. Крамаренко: «Избы наполнены дымом, окна, вместо стекол, затянуты рыбьей кожей. Всё это, взятое вместе с суровыми климатическими условиями и полным отсутствием культурного соседства, невольно ставит этих аборигенов в положение дикарей. К тому же обычные болезни: ревматизм и сифилис окончательно оканчивают их».

В 1913 г. в селе открылась школа. Учителем стал приехавший священник Н. С. Каргапольцев. Первая зима для священника и его семьи выдалась голодной, так как корякская пища была им непривычна. На следующий год священник собирался уехать на материк, но был снова направлен на Камчатку в село Ключевское, где служил до закрытия церкви. В 1913 г. школу посещали 13, а в 1914 г. — 25 детей.

В 1923 г. подробное описание селения составил П. Козлов. Здесь имели 16 домов, четыре бани, 27 хлевов, амбары. Жили 54 взрослых мужчины и столько же женщин; 51 ребёнок мужского и 56 женского пола. Грамотными были 25 чел. Имелись школа и учитель; часовня, а «попа нет». Вероисповедание населения православное, государственных и других учреждений нет, кроме маяка. «Занятие жителей: охота, рыболовство и животноводство. Имеется свой кооператив. Пушнина сдаётся в кооператив, а частью спекулянтам, из последних является китаец Юйбошу и от фирмы Свенсона — Косыгин. Торговля происходит на обмен: на продукты питания, мелкие предметы и мануфактуру. Имеется

отделение фирмы Юйбошу, доверенный Сун-дзо-фан, и Свенсона, доверенный Косыгин. Ввоза спирта нет. Поверхность — тундра, покрытая лесом (чёрная берёза, осина, тополь, ольха и кедровник). Протекает река Лесная, шириною 10 сажен, глубина до полутора сажен. Правый приток шириною 15, глубина до 3 сажен. Левый приток шириною 12, глубина до 2 сажен; река Покосная шириною 5, глубина до одной сажени; река Акакатана шириною до 8 сажен, глубина до одной сажени; река Ныльтвеем шириною 8 сажен, глубина до одной сажени, отличаются полноводностью. Имеются следующие озера: Воскалгги длиною 250, шириною 50, глубиной 1,5 сажен; Тайнгги длиною 100, шириною 150, глубиной 1,5 сажен; Аяогги, длина и ширина 150, глубина 1,5 сажен; Люкайити, ширина и длина по 175, глубина до 2 сажен. Болот нет.

Средняя температура зимы — минус 30, лета — плюс 15 градусов. Глубина снега два аршина, падает редко. Ветры неправильные, пурги частые. Состав почвы: глина и песок. Питевой водой пользуются из рек, качество хорошее. Расстояние до села Подкагерное 200 вёрст, до села Караги — 180 вёрст. Идут тропы на север на протяжении 150 вёрст, на восток — 50 вёрст. Способ передвижения выючный. Местность гористая, переправляются через реки бродами, мостов и паромов нет. Селение имеет 26 лошадей, конских сёдел 30, собак 250, нарт 30, байдарок пять, батов — 25, лыж — 40 пар, коров — 40. По сведениям, в 12 верстах от селения залегают залежи каменного угля, в 100 верстах вблизи моря имеется свинцовая руда. Охота на зверя средняя, рыбалок нет. Кочевники — местные камчадалы в числе 65, имеют 3 000 оленей, 40 собак, четыре нарты и 10 лошадей. Занятия их — охота и оленеводство. В пути благонадежны».

В отчёте Тигильского волревкома за 1925 г. указывалось, что местная религиозная группа принять на содержание часовню отказалось.

В 1920-х гг. образована артель, в 1930-х гг. преобразованная в колхоз, названный в честь советского политического деятеля В. М. Молотова. Колхозники ловили рыбу, охотились, делали первые опыты огородничества, собрали стадо КРС. Молока оказывалось иногда слишком много, зимой его замораживали и отправляли в Палану. В 1936 г. в Лесной открылась метеостанция.

В годы Великой Отечественной войны лесновцы помогали фронту. Широко известен на корякской земле был фронтовик Никодим Игнатьевич Яганов. Он воевал снайпером, командиром отделения 13-й стрелковой дивизии, сражавшейся под Ленинградом. Завершил

свою войну Н. И. Яганов на реке Одер в 1945 г., был ранен, вернулся домой инвалидом. В мирное время работал столяром.

Лесновский колхозник Семён Попов рассказал в «Камчатском комсомольце» за 5 июля 1957 г. о большом строительстве в селе: «В этом году выстроено шесть жилых домов, сейчас в них заканчиваются отделочные работы. К декабрю должно быть закончено строительство нового колхозного клуба. Отлично трудятся на сооружении объектов бригады Михаила Нестерова, Даниила Суздадова, выполняя ежедневно нормы на 200–300 %. Первенство в социалистическом соревновании держит бригада Михаила Нестерова. Ей вручено переходящее знамя артели».

Газета «Знамя Ленина» за 23 августа 1969 г. сообщила, что «в селе Лесная в августе получит права новое государственное промысловое хозяйство. Утверждён его штат и руководящие работники. Лесновский госпромхоз будет принимать пушнину от охотников своего села и посёлка Палана, где будет работать производственный участок этого госпромхоза».

Действительно, в августе 1969 г. был образован госпромхоз «Лесновский». Его основной штат составили профессиональные охотники, была собрана и рыболовецкая бригада. Поначалу коллектив госпромхоза состоял всего из 20 чел., из техники была одна автомашина, три трактора и несколько лодок с подвесными моторами. Но уже к 1981 г. добыча и переработка рыбы достигла 2 229 ц, был построен цех по пошиву меховых изделий. Кроме основной деятельности — охоты на пушного зверя и вылова рыбы, лесновцы заготавливали лес для собственных потребностей. Впоследствии были открыты отделения госпромхоза, в частности Воямпольское.

«Большинство населения — коряки. Издавна здесь занимаются рыболовством, охотничьим промыслом, сбором ягод, грибов, — рассказывала о местных жителях газета «Знамя Ленина» 14 ноября 1981 г. — Бережно с давних пор относятся к своим угодыям береговые лесновские коряки. Знают: добывать зверя можно столько, сколько позволит тундра...» В это время в селе работали два цеха госпромхоза, изготавливавшие малахаи, кукули, торбаза, чижи и другие изделия из оленьего меха.

«Камчатская правда» 29 ноября 1981 г. рассказывала: «Лесная — село маленькое. Расположилось оно на высоком левом берегу одноименной реки... В Лесной около четырёхсот жителей. Большинство населения — коряки. Издавна здесь занимаются рыболовством, охотничьим промыслом, сбором ягод, грибов и других

даров природы. В каждом доме, где живёт охотник, осенью по традиции устраивается праздник Хололо. Односельчане чествуют добытчика, желают ему удач в предстоящем охотничьем сезоне. До утра не расходятся гости, веселится маленькое национальное село... Село имеет свою, и непростую, историю. Некоторое время назад его хотели закрыть, а жителей переселить в Палану. Но из этого ничего не вышло. Село существует, живёт полнокровно... Теперь село Лесная признано перспективным населённым пунктом. Здесь уже построены современные двухэтажные дома, возводятся здание отделения связи, новый Дом культуры, работает телевизионная система “Экран”... Не так давно село Лесная было усадьбой рыболовецкого колхоза. Рыбачили лесновцы от устья своей реки до острова Птичий, где была основная обрабатывающая база. После укрупнения колхоза “Красный Октябрь” туда были переданы все маломерные промысловые суда, а в Лесной было решено развивать местные промыслы».

В Лесной родился известный корякский поэт Иннокентий Гаврилович Яганов.

Лиман. В. П. Кусков указывает: «Посёлок Соболевского района. Возник до 1960 г., назван в связи с расположением на берегу лимана реки Воровской». Другой камчатский краевед — В. И. Воскобойников — сообщает, что название селение получило в 1959 г. Посёлок в устье реки Воровской, на берегу Охотского моря, сложился при рыббазе Кировского комбината. Исключён из списка населённых пунктов Камчатской области 10 апреля 1978 г.

Лопатка. На мысе Лопатка, южной оконечности Камчатки, имеется поселение, где живут маячники и работники метеостанции. С. П. Крашенинников называет мыс «Курильской Лопаткой», указывая расстояние от Большерецкого острога до Лопатки в девять дней пути и 210 вёрст 300 сажень. Он называет «южных камчадалов», они «живут на первом Курильском острове и на Лопатке...»

Краевед В. П. Кусков в своём «Топонимическом словаре» о селении на мысе Лопатка не упоминает.

С 1893 г. из Петропавловска на мыс Лопатка в летнее время высылались охрана лежбища морзверя. Охранникам в числе шести или семи человек разрешалось добыть себе одного ценного морского бобра (калана) как уплату за службу и ещё одного бобра сдать в казну. По официальным данным, с 1889 по 1909 г. добыто всего 202 калана. Охранники построили на мысе юрту.

Дальревком постановлением от 9 июня 1924 г. объявил южную оконечность Камчатки заповедником в границах: устье реки Кам-

бальной — устье реки Желтовской — мыс Лопатка. Общая площадь заповедника — 1 225 кв. км. На картах 1940—1960 гг., кроме Лопатки, далее на север обозначены ещё два селения — Семёновка и Андриановка. Ныне они не существуют.

Эти три селения, видимо, не имели административного статуса, а названия получили среди местного населения. На Лопатке в разное время находились пограничники, служители маяка и метеостанции, с 1943 г. здесь располагались артиллерийская и зенитная батареи. Позже личный состав батареи и пограничников отсюда вывели.

Люди жили в этих местах ещё несколько веков назад. Вопрос заселения южной оконечности полуострова в 1972—1979 гг. подробно исследовала магаданский археолог Тамара Дикова. По итогам многомесячной работы она в 1983 г. выпустила монографию «Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов». Позднее на Южной Камчатке работал камчатский археолог А. К. Пономаренко, отметивший на Лопатке в устье ручья Рябихина 13 жилищных западин. Выходит, что через Лопатку в разное время существовали пути миграции групп переселенцев на север и на Курильские острова.

Камчатский краевед В. П. Мартыненко указывает: «В 1933 г. в двух километрах от оконечности мыса была установлена деревянная восьмиугольная башня с автоматическим ацетиленовым фонарём, возведены жилые постройки. Световой аппарат маяка, расположенный на высоте 52,7 м над уровнем океана, имел дальность видимости до 10,5 миль. В годы Великой Отечественной войны по огню маяка Лопатка определялись для входа в Первый Курильский пролив конвои транспортных судов, следовавшие из портов Канады и США во Владивосток со стратегическими грузами. В военное время на противоположном, занятом японцами берегу острова Шумшу навигационные огни зажигались нерегулярно, а суда шли под прицелом орудий береговых японских фортов...»

В августе 1943 г. Военный совет Тихоокеанского флота постановил сформировать на мысе 945-ю отдельную артиллерийскую батарею. Она должна была обеспечивать безопасный проход кораблей по Первому Курильскому проливу, защиту побережья южной оконечности Камчатки на случай высадки десанта противника. Для прикрытия с воздуха она была усилена противовоздушной батареей.

24 ноября 1943 г. прибывшая из Приморья батарея начала выгрузку с парохода «Ладoga». Личный состав высаживался на

кунгасах. Первое время артиллеристы жили в брезентовой палатке. 11 декабря 1943 г. во время очередного циклона палатка под тяжестью снега обрушилась. Пришлось краснофлотцам переселиться в баню при маяке, где оборудовали четырехъярусные кровати.

20 января 1944 г., когда с перерывами ещё продолжалась разгрузка имущества батареи, она была атакована с воздуха. Самолёты (японские? — В. Б.) сбросили 12 авиабомб, впрочем, не причинивших ущерба.

До августа 1945 г. личный состав занимался боевой и политической подготовкой, строил и обустроивал батарею. Поскольку на Лопатке, кроме батареи, находилась только малочисленная пограничная застава, для защиты от возможного морского десанта с тыла было решено направить взвод автоматчиков 101-й стрелковой дивизии. 14 марта 1944 г. взвод на лыжах в сопровождении нарты вышел из Елизово, им командовал старший лейтенант Пётр Акулов. За плечами у каждого бойца было более 30 кг груза. Через каждые два часа бойцы останавливались на отдых, ночевали в Коряках, Начиках, Апаче, Усть-Большерецке и далее в населённых пунктах вдоль Охотского моря до Озерной. Через перевал они вышли на Лопатку. Сложнейшая задача была выполнена: защита батареи обеспечена.

21 июня 1944 г. 945-я отдельная артиллерийская батарея 130-миллиметровых орудий вступила в строй в системе обороны Петропавловской военно-морской базы Тихоокеанского флота. Общая численность личного состава — 136 чел. 10 июня 1945 г. при нарушении государственной границы СССР американскими бомбардировщиками, силами противовоздушной обороны батареи был сбит один самолёт Б-34, второй получил попадание и ушёл на север.

Во время Курильской десантной операции 18—22 августа 1945 г. батарея выпустила 68 снарядов, из них 36 — по берегу острова Шумшу (Симусю) и 32 — по затонувшему танкеру «Мариуполь», где находилась японская батарея. Всего же для поддержки десанта выпущено 735 снарядов. После выполнения боевой задачи батарея была расформирована, бойцы в несколько этапов демобилизованы.

В «Люции Берингова моря», изданной в 1969 г., указано: «Маяк Лопатка установлен 3,5 кабельтовых к северу от мыса Лопатка. При маяке имеется радиомаяк и звукосигнальная установка. Вблизи маяка между песчаными холмами находятся жилые постройки».

Манилы. По В. П. Кускову, «село Пенжинского района. Возникло в 1944 г.». Оно расположено рядом с впадением реки Манилы в реку Пенжину, недалеко от Охотского моря. А. П. Богоявлен-

ская считает, что *Майнылы* в переводе с корякского — *Большой человек* (2020, с. 25).

Здесь находилась центральная усадьба колхоза имени Сталина, позже названного «Имени XXII партсъезда». Основные направления деятельности хозяйства: оленеводство, добыча и обработка рыбы, охота на пушного зверя. К 1980-м гг. здесь был построен Дом культуры со спортивным залом, работали библиотека, музыкальная школа, гостиница, баня, ферма КРС, электростанция.

Учётчик-олeneвод колхоза имени Сталина Иван Чичак рассказал 8 декабря 1958 г. в «Камчатском комсомольце» о делах своего табуна: «Я живу в Пенжинском районе, в Манилах... Стадо мы водим уже два года. Первый год был неудачным, мало ещё мы опыта имели. Зато в этом году дела идут гораздо лучше. По плану на 1 января в табуне должно быть 1 555 голов, а сейчас у нас на двести с лишним оленей больше. Бригада наша молодёжная, даже бригадиром комсомолец Михаил Тынавьи. Живём мы интересно, часто проводим соревнования. По борьбе первое место занял комсомолец Юра Омьят, а на оленях быстрее всех ездит Василий Чехно. Приезжают к нам гости из села, показывают кино. Часто бывает заведующий красной ярангой Геннадий Иванов. Он не только проводит беседы, но и лечит людей».

В декабре 1970 г., в преддверии 40-летия образования КНО, «Камчатская правда» напечатала очерк «Завидная судьба Манил». Ниже приводим рассказ из него о том, как начиналось село: «...На берегу Манилки рыбаки трёх артелей и начали строить своё единое коллективное хозяйство. Вскоре вдоль реки выросли несколько домов из местного тополёвого леса и десятка три землянок. Строительство шло медленно и трудно, потому что лес на него приходилось заготавливать в районе реки Оклан, это километрах в восьмидесяти от Манил... Да и две строительные бригады, возглавляемые коммунистами Фёдором Мучиновичем Мевессой и Сергеем Ивановичем Аккетом, в первые годы работали не очень-то быстро и доброкачественно: вчерашние рыбаки только входили в курс нового трудового для них дела... Зимой они заготавливали лес, ранней весной сплавляли его, затем, как и все, ловили рыбу, а летом и осенью строили. С первых дней существования нового колхоза, наряду с добычей и обработкой рыбы, артель стала заниматься оленеводством... В 1949 г. бригады... сдали в эксплуатацию пекарню, школу на три классные комнаты, дом для интерната и небольшое здание под столовую... Все грузы перевозились на оленях. Долгое время здесь председателем колхоза был М. А. Новиков».

«Камчатская правда» 13 февраля 1977 г. писала: «В Манилах находится портпункт Камчатского пароходства... Летом Манилы — самое оживлённое село Пенжинского района, оно водным путём сообщается со всеми сёлами, расположенными по реке Пенжине... Село, в котором расположена центральная усадьба имени XXII съезда КПСС, — село оленеводов... Манильцы любят своё село, считают его самым лучшим в районе...»

А 4 сентября 1977 г. областная газета в рубрике «Точка на карте» поместила вот такую заметку: «Жил когда-то здесь на берегу реки старик по имени Майныле, и был он очень гостеприимен, все путники заходили к нему ночевать. А потом рядом с чумом появились деревянные дома. Так и стали люди звать селение по имени старика. Сейчас в Манилах оленеводческий совхоз — крепкое хозяйство. В посёлке хорошая музыкальная школа, клуб, больница. Имеется молочная ферма. Коренные жители пасут оленей, заняты в строительстве, в сувенирной мастерской женщины изготавливают чудесные торбаса, кухлянки, чижи, национальную одежду, украшения».

Б. П. Кашинцев в книге «Земля широких горизонтов» (1981), делая обзор экономического и социального положения в селениях Камчатской области и КНО, сообщает: «В низовьях реки Пенжины в живописном месте раскинулось красивое село Манилы — центральная усадьба совхоза “Манильский”. Хозяйство, по местным оценкам, преуспевающее. В 1979 г. совхоз досрочно выполнил план по сдаче государству мяса, молока, яиц. Надои молока в совхозе приличные — 3 800 кг на корову. Немало хлопот оленеводам совхоза доставила снежная зима с частыми циклонами, и, тем не менее, пастухи обеспечили 95,1 % сохранности оленей. В Манилах ведётся производственное строительство жилья и других объектов».

В 1980-х гг. село активно развивалось. В 1984 г. передвижная механизированная колонна (ПМК-625) начала строительство электростанции для обеспечения сёл Манилы и Каменское энергией. В 1985 г. за этим последовала прокладка линии электропередачи между этими селениями.

В селе в эти годы стали появляться теплицы, где выращивали зелень, помидоры и огурцы. Открылись забойный пункт, нефтебаза.

По переписи 1979 г., здесь учтено 1 224, а в 1994 г. численность населения увеличилась до 1 636 чел. Сейчас в селе более 600 жителей. Оно имеет свой герб и флаг. На гербе изображены олень, рыба и высокий прилив, характерный для Пенжинской губы.

Медвежка. Краевед В. П. Мартыненко сообщает: «Село Медвежка расположено на западном берегу залива Корфа в восьми милях к северо-востоку от устья реки Вывенки». Оно возникло в 1929 г. в связи с началом промышленных разработок АКО Корфского буроугольного месторождения, получило название по соседнему ручью Медвежьему. Есть сведения, что Корфское месторождение угля открыл шкипер шхуны «Сибирь» Ф. К. Гек. В 1885 г. при обследовании побережья залива он впервые обнаружил выход пластов и опробовал качество угля в топках судового котла. В дальнейшем корфским углём время от времени пользовались заходившие в залив суда, в основном промысловые шхуны. Первые геологические обследования корфских углей предприняли С. Ф. Машковцев (1912) и экспедиции Дальгеолкома (1928, 1931). Медвежка — посёлок горняков. В непосредственной близости от него на склонах горы Успения (Угольной) находятся карьеры, где производится добыча угля открытым способом. Уголь доставляется к береговому пирсу-эстакаде, где отгружается на транспортные суда.

В 1903 г. американцы, длительное время хозяйничавшие на побережье Камчатки и Чукотки, обнаружили на берегу Берингова моря залежи угля. Они начали без всякого разрешения добывать его для собственных нужд, но объёмы добычи сдерживались отсутствием механизации. Об этом стало известно русской администрации, но она не смогла решить вопросы организации добычи угля и охраны залежей. И только с созданием в 1927 г. АКО стала возможной промышленная разработка. Тогда и были организованы Корфские копи, возникло небольшое селение, его жители были заняты на добыче угля.

Селение возникло в 1928 г. в распадке ручья Медвежьего. Расстояние отсюда до Корфа 25 км. Официально селение получило название только в 1957 г.

Геологическая справка об этом районе сообщает: «Корфское буроугольное месторождение представлено 25 пластами угля. Из них рабочими являются 11. Запасы углей для карьерной добычи составляют около 7 млн т. Общие геологические запасы определяются в 440 млн т».

В лоции Берингова моря 1969 г. указано: «Селение Медвежка раскинулось на берегу залива Корфа... В селении имеется амбулатория и школа. Около селения находится пристань. В селении можно пополнить запасы угля».

Здесь, кроме угольных копей действовали школа, детсад, фельдшерский пункт и сельхозферма. В 1941 г. на ферме было 19 голов

КРС и 31 свинья, 17 лошадей и 25 собак. Площадь посевов достигала 2,15 га.

Объём добычи угля в 1940-х гг. составлял (т): в 1940 г. — 23 919, в 1941 г. — 34 897, в 1942 г. — 9 588, в 1943 г. — 14 101, в 1944 г. — 12 504, в 1945 г. — 10 119, в 1946 г. — 10 500, в 1947 г. — 15 012, в 1948 г. — 16 384. Стоимость добычи в 1947 г. составил 162 руб. за тонну [ГАКК. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 29. Л. 1].

В годы Великой Отечественной войны рабочие копей добивались высоких показателей. Многотиражка «Сталинец» 20 мая 1943 г. писала об их успехах: «Хорошо работали в апреле месяце горняки угольных копей. На 132,5 % выполнен план выдачи угля на-гора. Успех работы решали лучшие люди горного участка — забойщики тт. Крупский, Саунин. Загумённый, Ковтунович, Михалкин, Волгарёв, Радько, Зуев, откатчики тт. Дмитриенко, Федянов, кузнец т. Коробка и молотобоец т. Фролов... Стремясь обеспечить трудящихся копей свежими овощами, коллектив сельхозфермы успешно, на один день ранее установленного срока, завершил закладку и посев парников. При плане 63 посеяно 67 рам, из них семь занято табаком. На весеннем севе образцы труда показывают тт. Константинов, Бучнев, Бочаров, Чурбанов...»

Уголь добывали так: взрывники «отпаливали» очередной пласт, уголь бульдозерами и экскаваторами грузился на самосвалы, те доставляли его на берег к приёмному бункеру угольного пирса.

По переписи 1979 г. здесь жили 100, в 1994 г. оставались всего 48 чел. В 1975 г. для детей горняков Корфского угольного бассейна открылась начальная школа. До Тиличик и Корфа добирались вездеходами и вертолётами. До 1976 г. селение административно относилось к Корфскому поссовету, затем здесь образовался собственный сельсовет. Здесь имелись Дом культуры, фельдшерский пункт, детсад, почта, пекарня, столовая. В 1991 г. Медвежка опять была переподчинена Корфскому поссовету. В 2006 г. началось закрытие села, и в настоящее оно не существует. В декабре 2012 г. принято решение упразднить и муниципальное образование «Село Корф».

Микижа, селение. Расстояние отсюда до уездного центра — Петропавловска составляло 33 км. В. Л. Комаров считал, что от Паратунки до Микижи расстояние всего шесть вёрст.

В материалах гидротехнической партии Л. А. Кривцова, работавшей в 1918 г., отмечено, что селение «стоит на притоке реки Паратунки — реке Хайковой в 12 верстах от Николаевского селения. В селении Микижа имеется около 60 жителей, занимающихся рыбной ловлей».

В 1926 г., по Приполярной переписи, здесь числилось всего пять хозяйств, 12 мужчин и девять женщин, все русские; пять домов, пять амбаров и четыре сарая. Селение административно относилось к Паратунскому сельсовету. В настоящее время оно не существует.

Микино (по-корякски *Мыкынны*). Селение береговых коряков. Находилось на севере Пенжинской губы, в устье одноименной реки. Расстояние до Каменского 205 км.

К. Дитмар отмечал: «Микина. Местожительство каменцев и паренцев на севере Пенжинского залива». А. П. Богоявленская приводит перевод слова *Мыкыннон* — *Река, имеющая много разной рыбы* (2020, с. 25).

Н. В. Слюнин в конце XIX в. отмечал: «Микино... шесть юрт жилых и пять пустых, при устье реки того же имени; 44 мужская, 31 женская, всего 75 душ».

Приполярная перепись 1926 г. учла здесь 11 хозяйств, 38 мужчин и 35 женщин, всего 73 чел. В селении имелось восемь землянок, 13 юрт, 11 амбаров и 16 юкольников. С. Н. Стебницкий в 1933—1934 гг. тоже указывает, что в селении имелось 11 хозяйств, жили 73 чел. Возможно, что он привёл данные Приполярной переписи, так как маловероятно, что за шесть лет приведённые выше данные не изменились.

В селении находился сельсовет, колхоз имени Молотова, начальная школа, изба-читальня, отделение кооператива. Колхоз объединял несколько селений.

25 декабря 1944 г. Пенжинский райисполком своим решением № 181 слил с 1 января 1945 г. Микинский колхоз имени Молотова и Ороченский колхоз имени Сталина в одно хозяйство с местом размещения в селе Шестаково.

Издание «Трудовой подвиг жителей Корякского округа» сообщает: «В колхозе в 1944 г. 19 дворов с населением 91 чел. Из них трудоспособных мужчин 28, женщин — 24, подростков — 12. Наличие оленей: по плану — 384, фактически — 429 голов... В оленеводстве восемь хозяйств, 11 — рыболовство, огородничество, охота. Вылов сельди план 88, фактически — 438,76 ц... Юколы — 11 622 штук, кости кетовой — 168 кг; заготовка ягод — 448,4 кг, мяса морзверя — 1 877,4 кг, жира — 1 174,1 кг; шкур нерпы и акибы — 86 штук».

В разное время колхоз возглавляли Иван Салкунович Айгин, Алеут Камавич, Николай Кайзевич Эветвиля. За достижения в оленеводстве колхозник Хечче был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Вот что вспоминала о своей жизни в Микино Надежда Казиевна Хелол (Тынаку): «Я родилась в 1927 г. Моё имя Сюттына, маленькой звали Тнакку. Папа Кайси — микинский, Мама Лекеффо — пареньская. Я начала учиться в 1940 г., мне было 13 лет. Первым учителем был Дмитрий Иванович Кириленко, он работал четыре года. Долго работал Андрей Степанович Мавно, он начал учиться нашему языку. Первым его помощником был мой брат Эветвиля, он переводил его на наш язык. Вскоре мы стали понимать друг друга. Андрей Степанович стал по-нашему говорить, мы — по-русски.

Я начала учиться по букварю С. Н. Стебницкого. Там были латинские буквы. Мы начали читать повесть Кецайя Кеккеттына “Эвныто-батрак”. Иногда в повести встречались слова южных ко-ряков, которые мы не понимали.

В нашем селе было два деревянных дома, один — школа, другой — жилой. Нам очень нравилась наша школа. Все наши домочадцы всегда нам помогали и всеми нашими делами интересовались, потому что учитель научился по-нашему говорить. Мы всё вместе делали: играли, рассказывали сказки и ходили в походы в тундру, на море. Учитель всему научился, он будто стал нашим сородичем.

Сейчас я стала размышлять: хорошо бы наши дети стали бы по-нашему говорить, шить, танцевать и петь свои родные песни. Мы стали забывать свою прежнюю жизнь.

Моё маленькое село было очень красивым. Рядом водилось много зверя, рыбы, ягоды, золотого корня, дикой картошки, ракушек, птиц. У нас был большой милкын (кладовая на шестах. — В. Б.), баты, лодки. Летом мы перекочёвывали на батах на рыбалку на Ойналын. Зимой мы на собачьих упряжках ездили в гости в другие сёла к родственникам. Летом ездили на батах. Стойбищ много было, иногда мы пешком ходили в гости.

Мы сами заготавливали всё, что нужно: дрова, еду, ягоду, рыбу, никто нам не помогал. Все мы работали по дому. Меня научили кроить и шить. У меня была своя собачья упряжка, я сама ездила за дровами, за льдом для питья, иногда со мной ездил мой брат Кавилькавав. У него тоже была своя собачья упряжка. Летом мы ловили рыбу с помощью кружки-сетки. У нас были лыжи. Каждый день мы сами ставили петли на куропадок и зайцев.

Вот такая жизнь была у меня на Микино-речке. Сейчас, вспоминая свое детство, думаю: “Была бы у моих внуков такая жизнь!”»

В 1951 г. численность населения выросла до 141 чел.

В настоящее время селение не существует.

Орnochек (Орnochён). В. И. Иохельсон называет это селение *Ярnochики*. Здесь, по его данным, жили 22 каменных коряка. В 1926 г. отсюда до райцентра считалось 250 км, селение относилось к Микинскому сельсовету, имело семь хозяйств, 28 мужчин и 30 женщин, все — коряки.

13 октября 1929 г. кинорежиссёр А. Литвинов в палатке на берегу Пенжинской губы записал: «Выше, на крутой сопке, расположено корякское селение Орnochек».

В 1931 г. в Орnochеке и Шестаково сложилось «Орnochинское простейшее производственное смешанное товарищество». 31 августа 1940 г. товарищество зарегистрировало устав рыболовецкой артели имени Сталина. Здесь действовали сельсовет, начальная школа, колхоз. В настоящее время это селение не существует.

Остров Птичий (посёлок). В. Н. Тюшов приводит название острова: «Первый и большой Ачаванч, находится верстах в 15 от устья Хайрюзовой реки... Остров этот имеет приблизительно в окружности полторы версты и очень удобен для приставания к нему в байдаре, благодаря мелкому песку, одевающему его с моря».

В. П. Мартыненко сообщает: «Остров Птичий расположен к северо-западу от устья реки Хайрюзовой. В дореволюционных логиях Охотского моря до 1914 г. носил название *Призма* — по характерным очертаниям, напоминающим усечённый конус. Вплоть до конца 1920-х гг. остров был безлюдным, но периодически посещался береговыми ительменами.

Первое детальное описание острова Призма (Ачаванч) осуществлено в 1914 г. участниками Гидрографической экспедиции Восточного океана, давшими острову новое название — Птичий — по обилию гнездившихся на нём колониальных морских птиц.

Летом 1928 г. в районе острова Птичьего начали первую путину пионеры советского крабового флота — крабоконсервные плавзаводы «Первый крабовый» и «Камчатка», принадлежавшие Дальгосрыбтресту (с 1930 г. — Кработрест). В 1929 г. на острове Птичьем началось строительство берегового крабоконсервного завода АКО. Завод вступил в строй к путине 1930 г. и до 1945 г. работал в системе Кработреста. Птичинский крабовый завод был предприятием сезонным. В 1945 г. завод был передан в подчинение Главкамчатрыбпрому и получил название Хайрюзовского. В 1970-е гг. производственные мощности островного предприятия были переведены в Усть-Хайрюзово, где начал действовать Хайрюзовский (Усть-Хайрюзовский) рыбокомбинат. На острове Птичьем сейчас находится стационарная гидрометеорологическая станция».

В 1934 г. на острове открылась начальная школа для детей рабочих комбината.

К. Г. Кузаков в работе «Корякские колхозы» сообщает: «В 1930 г. организуется Птичинский крабоконсервный завод, который, помимо выпуска крабовых консервов, занимался посолом лососёвых и приготовлением икры». В посёлке рыбокомбината имелся поссовет, школа и больница.

Газета «За новую жизнь» 12 января 1943 г. рассказала о трудовых буднях местных жителей в годы войны: «Бригада подсобного хозяйства острова Птичий получила производственное задание: построить в лесу барак-землянку для рабочих-лесозаготовителей, а также конюшню для лошадей. По смете эти работы должны быть закончены в 47 рабочих дней, фактически бригада, работая по-стахановски, закончила строительство в 20 рабочих дней... Хорошо работали на строительстве тт. Татарников М. И., Румянцев И. Ф., Клепов В. М., Яценко М. В. и другие. Благодаря производственному строительству 35 рабочих живут в чистой, просторной и тёплой землянке... К тому же впервые на лесозаготовках построена баня, дающая возможность рабочим вымыться».

8 мая 1945 г. окружная газета «Корякский большевик» писала: «Рабочие и работницы крабоконсервного комбината с огромным воодушевлением встретили выпуск четвёртого военного займа. 5 мая в 6 часов 30 минут утра на острове состоялся многочисленный митинг, на котором трудящиеся демонстрировали свою любовь и преданность нашей Родине. “Трудовыми рублями доконаем раненого фашистского зверя!” — заявили рабочие. Большинство из них подписались на полуторамесячные заработки. По подписке впереди идут тов. Мезина, Колбасникова, Бородина, Куценко, Лодков и другие. За первый час подписка по острову составила 105 000 руб.».

Эта же газета 2 июля 1943 г. сообщала: «На 25 июня коллектив крабоконсервного комбината государственный план по вылову краба выполнил на 86 %. План добычи рыбы выполнен на 52 %, главным образом за счёт разнорыбицы».

В 1974 г. состоялось решение Тигильского райисполкома № 315: «В связи с закрытием рыбокомбината на острове Птичьем, Птичинский сельсовет переименовать в Усть-Хайрюзовский».

Решением Корякского окрисполкома от 7 января 1975 г. Остров Птичий исключён из учётных данных населённых пунктов Тигильского района.

Паратунка. Если спросить у жителя Центральной России, что такое Камчатка, пожалуй, многие ответят, что это вулканы, гейзе-

ры, рыба и, конечно, Паратунка. В. П. Кусков был совершенно прав, считая, что селение «возникло в 1851 г. Названо значительно позже по расположению у реки Паратунки. Это село не следует путать с Паратунским острогом времён Крашенинникова, который существовал в первой половине XVIII в. и находился на месте современного села Николаевки».

В «Советском энциклопедическом словаре», изданном в 1982 г., сказано: «Паратунка — бальнеогрязевой курорт в Камчатской области, в 70 км от Петропавловска-Камчатского. Термальные минеральные воды, выход которых связан с вулканической деятельностью».

С. П. Крашенинников пишет: «В Авачинскую губу кроме реки Авачи текут и другие многие реки, из которых знатнейшая есть Купка, которой устье от Авачи к югу в пяти верстах. В речку Купку верстах в четырёх от устья пала с южной стороны Паратун речка, над которою стоит знатный Камчатской острожек того ж имени». В 1740-х гг. тойоном здесь был «лучший мужик» Карамча. В острожке жили 25 ясачных плательщиков, то есть всего около 150 чел.

Мореплаватель Г. А. Сарычев во время поездки в Большерецкий острог в 1789 г. записал: «Остановились в Паратунском камчадалском селении, находившемся на правом берегу сей последней (реки Паратунки. — В. Б.), в семи верстах от её устья. Здесь есть деревянная церковь, сделанная из походной после Камчатской экспедиции командора Беринга».

Впервые данные о часовне в Паратунке можно найти у протоиерея П. Громова. Он пишет, что она была построена к 1740-м гг. «В Петропавловской гавани... со времён экспедиции Беринга долгое время её не посещало никакое судно. Жители из неё разошлись по рекам, удобным для рыбного промысла. Экспедиционная церковь, при которой осталось только три дома, пришла через 20 лет в ветхость. Лесу для исправления церковного строения в окрестностях гавани не было. По сим причинам протоиерей Стефан испросил разрешение экспедиционную Богородско-Рождественскую церковь перенести за 15 вёрст на реку Паратунку, где жителей довольно, лесу много и где к готовой уже обширной часовне остаётся прирубить алтарь».

Инициатива переноса церкви из Петропавловской гавани в Паратунку принадлежала известному камчатскому священнику Стефану Никифорову. П. Громов сообщает: «Освящение новой Паратунской церкви в прежнее наименование Рождества Богородицы последовало 8 апреля 1766 года...»

В 1770-х гг. в острожке работала школа, где грамоте обучались 10 чел. В 1787 г. Петропавловскую гавань посетил французский мореплаватель Лаперуз. Он имел случай видеть паратунского священника Фёдора Верещагина и говорить с ним. «Простота старца, воспитанника Камчатки, не удовлетворила многоучёного морехода».

В дневнике участника Третьей экспедиции Дж. Кука помощника хирурга Д. Самвела, датированном сентябрём 1779 г., записано: «Капитан Гор отправился в Паратунку, взяв с собой плотника, для того чтобы установить гербовый щит капитана Клерка в церкви. Под ним была выгравирована следующая надпись: “Выше — гербовый щит капитана Чарльза Клерка. Он вступил в командование кораблями его величества короля Британии “Резолюшн” и “Дискавери” после смерти капитана Джеймса Кука, который, к несчастью, был умерщвлён туземцами на одном из островов Южного моря 14 февраля 1779 года после того как обследовал берега Америки от 42 градуса 30 минут до 70 градуса 44 минут северной широты в поисках прохода из Азии в Европу. Капитан Клерк скончался от лёгочной чахотки в море 22 августа 1779 года в возрасте 38 лет и покоится у подножия дерева близ острога Св. Петра и Св. Павла. Он предпринял вторичную попытку отыскать проход из Азии в Европу и проникнуть на север до того предела, которого достиг капитан Кук, но убедился, что дальнейшее продвижение практически невозможно”».

Почти через 25 лет об этом гербовом щите сообщил руководитель первой русской кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерн: «Написанный живописцем “Резолюции” Веббером на доске герб... Никто, казалось бы, не знал, что означала живопись, на доске сей написанная. Ни в Паратунке, ни в Петропавловске не существует более церкви уже многие годы...»

В. Л. Комаров в 1908 г. застал здесь строительство храма. Он писал: «В Ключах (Паратунских. — В. Б.) имеется часовня, где в большие праздники служат священники из Петропавловска... При нас жители Ключей достраивали большую, похожую скорее на церковь, новую часовню. Главными мастерами были два плотника... Однако и жители Ключей чуть ли не поголовно участвовали в постройке и материалами, и рабочими днями. Теперь уже расписывали купола, и жители очень гордились постройкой, высказывая надежду, что у них будет самая красивая часовня во всей Камчатке».

Часовенным старостой был местный крестьянин Павел Подпругин. Служили здесь недолго, уже в 1927 г. часовня была закрыта и отдана под школу.

И. Ф. Крузенштерн сообщал об эпидемии, опустошившей камчатские селения: «Селение Паратунка, родина семейства Верещагиных, известное довольно из путешествия Кука, сделалось ныне обиталищем медведей. В 1768 г. считалось жителей в оном 360 чел., но в 1779 г. только 36. Повальная болезнь, свирепствовавшая в 1800 и 1801 гг., истребила и последних».

Паратунские Ключи возникли около 1818 г. Их появление связано с выходом здесь горячих вод и наличием мест, благоприятных для ведения традиционного камчатского хозяйства, то есть рыболовства и охоты.

По 7-й камчатской переписи, проведённой в 1818 г. начальником Камчатки П. И. Рикордом, в Паратунке уже жили 25 русских мужчин и 11 женщин. Здесь указано население долины реки Паратунки, разбросанное по нескольким совсем небольшим поселениям. В XIX в. селения Николаевское, Микижа, Паратунское и Озерное составляли одно общество.

В 1822—1824 гг. на Паратунских Ключах имелся небольшой «курорт». Штаб-лекарь Г. Огиевский сообщал о своей поездке туда: «Для Паратунских Ключей я не упустил запастись нужными вещами, но взятые кислоты в дороге сделались жертвою неосторожности, а чернильные орешки не производили ни малейшей перемены в воде, опущенное же в оную серебро через несколько времени принимало цвет черноватый. Из сего и можно заключить, что в ключах находится осеренный водотворный или осеренный селитротворный газ. Точность такового заключения оправдывается и тем, что в близости ключей мы почувствовали запах гнилых яиц, который, впрочем, столько слаб, что можно воду пить без отвращения. Судя же по легко слабительному действию, должно полагать, что сера здесь находится в соединении с таиком, нитром или с известью. Опущенный в сей ключ термометр показывает до 40 градусов Реомюра (60 градусов Цельсия. — В. Б.). Ключ бьёт из-под отлогого берега у небольшой безымянной речки, впадающей в реку Паратунку, поблизости коей и самые воды названы Паратунскими. При самом истоке силою течения образовался небольшой бассейн, из которого вода впадает в протекающую реку, саженьях в пяти от ключа. Первоначальное открытие сих вод оставалось неизвестно до 1819 г., в котором один из давно служащих в Петропавловском порте, матрос Корягин, страдавший застарелою ломотою и ранами, известясь от жителей о существовании упомянутых ключей, испросил дозволение пользоваться оными и, к удивлению, чрез три месяца получил не только облегчение, но и совершенно выздоровел,

что утверждает сам Корягин, которого мы видели, и свидетельствует капитан-лейтенант Голенищев. Он, очевидец чудесного действия сих вод, неоднократно обозревал сии ключи и, узнав, что не один Корягин получил излечение, но многие другие, коих имя я не припомню, донёс о том главному начальнику господину Рикорду, по воле коего близ ключей построен домик, состоящий из двух чистых горниц, кухни и других служб. На берегу реки в двух саженьях от истока устроены две маленькие светлицы, в которых сделаны дощатые с задвижками ванны, одна для тёплой воды, другая для холодной, а третья для спуска той и другой.

Хозяйственное смотрение за сим столько благотворным заведением поручено старому Корягину, и он при помощи жены и детей занимается разведением огородных овощей с таким успехом, что должно удивляться множеству растущего картофеля, редьки и моркови. Сему плодородию споспешествуют не столько труды, сколько самый грунт земли, которая согреваема внутреннею теплотою протекающей воды, всегда остаётся тёплой и рыхлою, так что посаженный картофель скоро созревает. Достигший значительной величины собирают, а мелкий остаётся в земле на всю зиму и в следующее лето без всякой помощи вырастает. В окрестностях ключей и в других подобных местах можно бы с большею выгодною развести не только огороды, но и обильнейшие пашни. Судя же по целительности здешних минеральных вод, можно бы с пользою построить при имеющейся гостинице больницу для страждущих хроническими болезнями».

К. Дитмар в 1850-х гг. дополнил сведения о прошлом селения: «Здесь, на Паратунке, в начале нынешнего столетия (XIX в. — В. Б.) стояла большая деревня с церковью, населённая преимущественно ссыльными якутами и их потомством. С течением времени это население вымерло, место опустело, а немногие оставшиеся в живых основали недалеко отсюда небольшую деревню Орловку, состоявшую всего из двух домов».

В 1832 г., по данным И. Огрызко, в Паратунке имелось 62 головы КРС. Как видно, благоприятные условия для содержания скота дали хороший результат.

Историк А. С. Сгибнев сообщает, что В. С. Завойко в середине XIX в. построил на Паратунских горячих ключах «для больных особый дом и карантин для предохранения здоровых людей от влияния проказы».

Сын В. С. Завойко Степан вспоминал об этом: «Отец желал устроить на этих ключах лечебницу, поехали осматривать мест-

ность... Выехали из Петропавловска в шесть часов утра и в пять часов [вечера] приехали на место. На ключах был простой домик, где мы остановились. На следующий... день отец мой вместе с Губаревым ходили осматривать местность, где устроить санаторий для прокажённых... Вблизи самого озера на сваях маленький дом, который отоплялся. В него мы перешли с берега по мосткам. В домике этом натопленном мы разделись и по лестнице спустились в воду и вышли на воздух, и в воде было 29 градусов Реомюра (36,3 градуса Цельсия), хотя мы купались 20 декабря».

В. П. Маргаритов сообщает о предпосылке возникновения селения: «Была выстроена лечебница для прокажённых на западном берегу Авачинской губы, у Дальнего озера, затем она была перенесена на Паратунские Ключи под названием “карантинного заведения”. В 1854 г. в карантинном заведении пользовались 11 чел. прокажённых... Карантинное заведение в 1850-х гг. пользовалось со стороны местного начальства полным вниманием и содержалось в должном порядке, затем оно начало клониться к разрушению».

В отчёте уездного врача за 1875 г. говорилось: «Заведение это удалено от порта на Паратунские Ключи, где больные для излечения болезни пользуются ими... До перенесения из Петропавловского порта на Амур карантин этот состоял в гражданском ведомстве и больные получали от казны с избытком некоторую даже роскошь в довольствии... При мне было их четыре человека, они помещаются в доме без сеней, вместо печи в нём был камин, рамы в зимнее время одинарные, необмазанные, стены непроконопаченные, крыша в дождь даёт течь».

В 1868 г. селение числилось «при речке Паратунке и горячих ключах». По почтовому тракту отсюда до Петропавловска считалось 39 вёрст. Здесь имелась православная часовня, три жилых дома, жили 10 мужчин и шесть женщин.

В 1891 г. в селении обитали 116 лиц мужского и 98 женского пола, всего 214 чел. Они содержали 242 головы КРС, 30 лошадей, 464 собаки; добыли 91 соболя, по 30 медведей и нерп, двух лисиц, 16 выдр, восемь диких оленей и одного горного барана. Поймали 5 440 свежих, заготовили впрок 20 550 солёных и 65 300 «кислых» рыбин, 41 950 штук юколы; вырастили 1 895 пудов картофеля и 14 пудов репы.

В 1892 г. населения здесь считалось 115 мужчин и 94 женщины, в 1895 г. — 110 и 93 соответственно. В селе было 30 жилых домов и 81 нежилая постройка. Имелось 253 коровы, 17 лошадей, 646 собак. За охотничий сезон добыто 141 соболя, 75 медведей,

19 лисиц, 21 выдра, 25 горных баранов, 13 диких оленей, 38 нерп. Поймано 182 890 рыб, это около 400 т. Выращено 1 980 пудов картофеля и 50 пудов репы.

По данным А. П. Сильницкого, селение возникло в 1853 г., оно основано переселенцами из Иркутска. В начале XX в. Сильницкий писал: «Вид селения очень красивый, постройки отличные. В Паратунском селении 14 домов, все хорошие. Каждый дом паратунских жителей разделён на две половины: чёрную и чистую. В чёрной половине, отделённой перегородкой от кухни, хозяева обедают, пьют чай... Чистая половина, обитая обоями, украшенная дешёвыми комнатными растениями, лубочными картинами, стенными часами, меблированная стульями, столами, крытыми покупными салфетками, предназначается для приёма гостей. В чистую половину уже не подают самовар, а приносят чай и всё относящееся к чайному угощению: сахар, булки, масло и сливки на подносах».

В начале XX в. селение посетил иеромонах Нестор, описавший местные ключи «серно-известковых и серно-натровых солей» и церковную жизнь: «Больные купаются во всякое время года и при всякой температуре в воздухе. Постоянный тёплый и горячий пар над ключами не даёт охлаждаться голове. Так при исключительно тяжёлых условиях жизни на Камчатке, где подчас нет и медицинской помощи, сама природа, как бы сострадая больным, даёт им горячими минеральными источниками помощь и облегчение.

Над самым озером возвышается храм во имя Живоносного источника Божией Матери (престол в пятницу на Пасхе). Священника при сем храме постоянного нет; нынешний престольный праздник, в пятницу на Святой Пасхе я служил там литургию, освящал Паратунские целебные ключи и водрузил святой крест возле ключей в надежде на устройства там святой обители милосердия... на месте бывшей первой церкви, поставленной приснопамятным митрополитом Иннокентием. Митрополит Иннокентий в бытность его камчатским епископом изволил купаться в Паратунских ключах, а также при посещении Камчатки и Паратунки архиепископ Евсевий изволил купаться в этих ключах».

Участник научной экспедиции Рябушинского В. Л. Комаров изучал долину реки Паратунки с 13 июня по 6 июля 1908 г. Он сообщает о селении, что «обстроено оно лишь несколько лет тому назад, когда было признано, что необходимо расселить всё население Николаевской. Николаевская основана губернатором В. С. Завойко на берегах Паратунки, ниже впадения в неё Паратунской Быстрой, как образцовая земледельческая колония. Коло-

ния эта развилась в большое селение, но, к сожалению, рядом с крестьянами было поселено несколько якутов, выписанных из Якутской области уже заражёнными проказой. Их изолировали, но дома для больных поставили рядом с селением, хотя и в сторонке; хоронили их также рядом, у речного берега, в аллювии, и в половодье река размывала места погребения. Новые заболевания никогда не прекращались, и по временам число их даже усиливалось; одной из причин признали заражение через воду и постановили выселить отсюда всех жителей. Колонию для прокажённых перенесли в глубь Раковой бухты, а здоровое население переселили частью к горячим ключам, частью — к устью Микиженской речки, где был некогда хутор начальника Камчатки Голенищева. Образовалось сельское общество из двух селений — Ключи и Микижина, к которым причислен ещё хутор П. Яковлева на истоке Ближнего озера и, само собою разумеется, летовка на Дальнем озере...

В Ключах [Паратунских] имеется часовня, где в большие праздники служит священник из Петропавловска... При нас жители Ключей достраивали большую, похожую скорее на церковь, новую часовню. Главными мастерами были два плотника, уроженцы Московской губернии, захавшие в Петропавловск на заработки. Однако и жители Ключей чуть ли не поголовно участвовали в постройке и материалами, и рабочими днями. Камень на фундамент возили зимой от подножья Бархатной сопки; лес местный: эрмановская берёза и тополя с Паратунской Быстрой. Теперь уже расписывали купола, и жители очень гордились постройкой, высказывая надежду, что у них будет самая красивая часовня во всей Камчатке. Остальные здания в селении невелики и неказисты снаружи, так как построены из неважного леса, но внутри очень чисты и хорошо обставлены... Скот проводит зиму на открытых дворах. Огороды вокруг домов, преимущественно картофельные, очень невелики.

Самое селение разбито без всякой правильности: каждый селился, где ему понравилось. Три усадьбы разбиты на правом берегу Ключевой, большинство (десять усадеб) раскинулось на речной террасе у левого её берега, ближе к часовне и горячим ключам, а ещё две усадьбы ушли совсем в сторону, на край террасы над Молочным ключом».

Комаров упомянул местного старосту В. Тюменцева и писаря П. Подпругина.

В 1910 г. селение описал П. Ф. Унтербергер: «Селение из 18 дворов, зажиточное, с хорошим стадом породистого скота. Паратунка — место жительства разных членов семьи Подпругиных. Старший из

них хорошо известен всем посещавшим город Петропавловск как торговец и хороший знаток местных условий полуострова Камчатки... Все жители Паратунской долины числятся официально крестьянами и являются потомками выходцев из Европейской России и Сибири, однако частые браки с коренными камчадалами многим из них придали нерусские черты лица».

В 1912 г., после открытия Камчатки для свободного заселения, в Паратунское сельское общество подала заявление о приписке всего одна семья. В 1913 г. здесь жили всего 107 чел.

В 1918 г. комиссия Камчатского областного комитета установила, что в селении есть школьное здание, но необходимо строить новое здание под общежитие размером 4 на 7 сажен из расчёта на 25 чел. «Старое здание пойдёт под квартиры учителей. Паратунское общежитие будет обслуживать селения Паратунку, Микижу, Тарью и Озерное».

В 1920 г. при помощи Союза камчатских кооперативов открылся Паратунский кооператив. Начала появляться в этих местах новая, небывалая техника. Некто «гражданин Васильев» пытался использовать «мотор», то есть моторный катер. Это не понравилось жителям, и по их жалобе судоходство на реке было закрыто. Об этом свидетельствует протокол № 56 заседания Камчатского облисполкома от 22 июля 1920 г.: «Слушали... протокол съезда Паратунской волости... о запрещении гражданину Васильеву плавать на катере по реке Паратунке, ввиду того, что отбросы катера влияют на ход рыбы. Постановили: сообщить гражданину Васильеву прекратить плавание на катере по реке Паратунке».

Участник шведской научной экспедиции Э. Хультен в статье «Некоторые географические заметки к карте Южной Камчатки» писал: «...В долине реки Паратунки по крайней мере четыре деревни. Старая деревня была расположена на устье реки Быстрой (на том же месте, где современная Николаевская). Она была совершенно сметена страшной эпидемией в 1800—1801 гг. Всё население долины Паратунки состоит из русских, с небольшой примесью якутов из колонии Якутан, основанной в 1830 г.».

Не обошло Паратунку и гражданское противостояние 1920-х гг. Вот донесение Н. П. Фролова штабу партизанских отрядов от 4 августа 1922 г. о смертельном ранении в Паратунке Г. М. Елизова: «Доношу, что в ночь на 1 августа бандиты прибыли в село Тарью и высадили десант в 20 чел. В Тарье захватили Афанасия Яковлева и под силой оружия заставили вести в Паратунку. Один из жителей Паратунки, увидя, что прибыли на “Свири” бандиты,

предупредил всех в Паратунке. Все жители: мужчины, женщины, дети были вывезены в тайгу. В Паратунке остался только наш отряд и Паратунский с молодёжью, всего 13 чел. Противник в час ночи подошёл к Паратунке, пользуясь темнотою, обошёл наши посты, подкравшись на расстояние десять шагов. Тов. Елизов стал окликать, кто идёт. В это время со стороны раздалась команда стрелять, и первыми выстрелами командир отряда тов. Елизов тяжело ранен разрывной пулей в правое плечо... Герасим Тюменцев с большим трудом унёс его в лес. Противник, наверное, знает, что у нас ранен тов. Елизов, может нам воспрепятствовать его вывезти по бухте в Авачу. Вам необходимо в Аваче поставить секретный пост, в случае, если мы поедем, чтобы не попасть в лапы противнику. Тов. Елизова предполагаем везти на катере до Хутора, до Коряк на батах, а в Начиках его лечить».

Г. М. Елизов умер от ранения и похоронен на территории Паратунки. 13 августа 1922 г. «белая» газета «Камчатский листок» сообщала по этому поводу, что «в селе Паратунке убит коммунист Елизов, занимавший в последнее время видное место»...

Выявленные в Государственном архиве Камчатского края документы рассказывают о жизни селян в первые годы советской власти. В 1924 г. учителем в сельской школе был Николай Петрович Аничков. Он, возможно, принадлежал к известному роду русских дворян Аничковых. В 1925/26 учебном году он продолжал трудиться, а школой заведовала Анастасия Степановна Аничкова. Учащихся было 42 чел.

А вот отчёт о деятельности Паратунского сельревкома с 25 июня по 25 сентября 1925 г. [ГАКК. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 4. Л. 11, 20об.]: «Сельревком находится в селе Паратунка. Расстояние между сельревкомом и волревкомом в 28 вёрст летним и зимним трактом. Сельревком объединяет два селения — Паратунку и Микижу с небольшим количеством дворов и жителей. В селе Паратунка 16 дворов, взрослого населения — мужчин 32, женщин 20, детей женского пола 37 и мужского 27. В селе Микижа четыре двора, мужчин взрослого населения семь, детей женского пола пять, мужского один, женщин пять. Личный состав сельревкома: председатель, член сельревкома и секретарь из местных жителей. Председатель Афанасий Павлович Яковлев, возраст 41 год, неграмотный, беспартийный. Член сельревкома Фёдор Матвеевич Тюменцев, возраст 47 лет, неграмотный, также беспартийный. Секретарь Яков Петрович Иванов, 33 года, окончил четыре отделения Петропавловского городского училища, партийный, вступил кандидатом в РКП(б)

9 апреля 1925 г. Означенный состав избран общим собранием, председатель избран 24 марта 1925 г., член сельревкома — 12 апреля 1925 г. и секретарь — 26 октября 1924 г. Постановления об избрании утверждены волревкомом.

Сельревком канцелярскими принадлежностями, чернилами, бумагой, карандашами, книгами и другим снабжается волревкомом в очень ограниченном количестве. За отчётный период была получена только бумага, а всё остальное приобретается на свои средства. Собраний за отчётный период было четыре, вопросы разбирались чисто сельского характера — экономические, о постройке школы, улучшении дорог, мостов, путей. Имеется ячейка РЛКСМ, работу с членами проводит учитель, за два месяца — июль и август — работа почти не велась ввиду горячего времени ловли рыбы и сенокоса. В данное время хозяйственные работы заканчиваются, с 1 сентября начались вечерние занятия членов РЛКСМ и юных пионеров по политграмоте, устраиваются читки, беседы и пение революционных песен. Председатель Общества друзей Воздушного флота Н. Подпругин.

Постройка школы закончена, за исключением печей и окраски полов. Старое здание перенесено силами общества к помещению бывшей церкви. Выписывается три экземпляра газеты “Полярная звезда”...

В районе селения рыбалки только имеются общественные, на которых лов рыбы производится для собственного своего потребления. Были в сезон нынешнего лета две артели рыбаков в бухте Тарья, которые рыбу сдавали рыбопромышленнику Кикучи, им был снят засольный участок. Рыболовный промысел производился всем обществом. В июне месяце — запорами до половины августа, а после указанного месяца лов производится неводами. Рыба никому не сдавалась. Хищнический лов рыбы населением не производился, и протоколов ни на кого не составлялось».

Приполярная перепись 1926 г. учла в селении 28 хозяйств, 71 мужчину (37 в возрасте от 18 до 59 лет), 69 женщин (29 в возрасте от 16 до 54 лет). Всего жителей 140, грамотных — 64. Имеется 25 жилых домов и одна землянка, 35 амбаров, 23 сарая, две коптилки и пять балаганов. В 27 хозяйствах был свой гужевой транспорт, две телеги, одни русские сани, 65 собачьих нарт, два вельбота, четыре лодки и девять батов. Рыболовный инвентарь составляли четыре невода и 13 сетей. Охотники располагали 61 гладкоствольным и нарезным ружьём, восемью сетями для ловли птиц и 154 капканами.

КРС обладало 21 хозяйство, жители содержали 118 голов, в том числе 42 коровы. Собаки были в 27 хозяйствах (всего 319, из них 268 ездовых); 23 хозяйства имели в общей сложности 42 лошади (29 рабочих); 23 хозяйства занимались огородничеством. Общая посевная площадь — 2,8 га, накошено 2 457 ц сена. Рыбу ловили 26 хозяйств, добыли 11 075 кетин, 24 480 нерок, 15 903 кижуча и 5 170 горбуш.

Морской зверобойный промысел вели 12 хозяйств, ими добыто 27 нерп. В 24 хозяйствах упромышлено 90 горностаев, 103 зайца, одна лиса-сиводушка, 33 красные лисицы, 39 бурых медведей, одна россомаха, одна выдра, 13 горных баранов и четыре козы. Дичи добыто: 42 глухаря, 41 куропатка, 391 утка и 28 прочих птиц.

В 1934 г. образован Паратунский сельсовет, куда вошли близлежащие населённые пункты Тарья и Лахтажный.

В декабре 1940 г. председатель паратунского колхоза «Красная звезда» С. С. Аверьянов в газете «Камчатская правда» в материале «С нетерпением ждём переселенцев» рассказал о своём хозяйстве: «У реки Быстрой в селе Паратунка расположился наш колхоз. С каждым годом растёт его хозяйство. Колхозу закреплено на вечное пользование пять тысяч с лишним гектаров земли. Выросло животноводческое хозяйство. Сейчас на молочно-товарной ферме имеется 106 голов КРС. В колхозе есть 38 лошадей, свиноферма, организовывается овцеводческая ферма, уже закуплено 10 овец. Животноводство колхоза растёт не только количественно, но и качественно. На молочно-товарной ферме имеются чистопородные коровы, завезённые из центральных областей страны, к этому году коровы покрыты племенными производителями. Так что приплод 1940—1941 гг. будет улучшенной породы. Улучшается породистость лошадей и свиней. Имеется хорошее помещение для производителей — жеребца и хряка.

С началом организации, с 1930 г., колхоз имел задолженность своим членам. И только в этом году в июле месяце мы полностью рассчитались с членами артели. Из полученных доходов сейчас строим телятник на 30 голов. На 1941 г. намечается строительство одного овощехранилища на 40 т, теплицы, кирпичного завода мощностью в 70 тыс. штук кирпича в сезон, конюшню на 40 голов, сарая для сельхозинвентаря.

Примерная потребность лесоматериала составляет 2 000 кубометров. Это только на сельскохозяйственное строительство. Но у нас, кроме этого, есть и переселенческое строительство. Мы должны построить для будущих колхозников 25 домиков с надворными

постройками, на это строительство нужно заготовить 1 200 кубометров леса. Отсюда видно, какой большой размах нашего хозяйства, но наличие рабочей силы в колхозе не обеспечивает это строительство. В колхозе имеется всего 39 трудоспособных мужчин. Распределены они на зимний период следующим порядком: на скотных дворах 10, на транспорте — семь, на охоте — три, на тракторных курсах и ремонте тракторов — пять, на заготовке дров и леса — три, в плотницкой бригаде — пять человек. Как видно, все люди у нас заняты. Не хватает рабочей силы, несмотря на то, что мы приняли в этом году в колхоз четыре переселенческие семьи и пятирх демобилизованных красноармейцев. Они не полностью обеспечены жильём, нужно им строить дома.

27 мая колхоз сдал строительство переселенческой конторе, вместе с этим он сдал конторе 250 кубометров леса. С 27 мая по сегодняшний день, несмотря на наличие лесоматериала, контора построила только два домика и не заготовила в течение лета стройматериала. Летом, когда ждали приезда переселенцев, во всех колхозах района усилили строительство, а в нашем колхозе строили слишком медленно. Так и сейчас, в елизовском колхозе “Путь Ильича” работают на переселенческом строительстве 15 плотников, а у нас только два.

Нам крайне нужны переселенцы. Если мы не получим пополнения, то не сможем полностью обеспечить своё хозяйство. Поэтому мы так стараемся ускорить строительство переселенческих домиков. Колхоз выделил в распоряжение конторы три рабочие лошади, принимаем все меры, чтобы помочь строительству».

Жители Паратунки внесли значительный вклад в оборону страны в годы Великой Отечественной войны. Вот маленький пример. В постановлении городского совещания интеллигенции о помощи школьников фронту говорилось: «В Паратунке работает тимуровская команда, помогает семьям красноармейцев. Собрали колхозу 75 кг золы, с их помощью и при их участии в школе собрано 730 руб. на строительство танков и самолётов, сдано в фонд обороны облигаций на 7 275 руб.».

В 1946 г. неподалёку от села по инициативе командующего корпусом генерал-лейтенанта А. Р. Гнечко началось строительство первого санатория.

В 1948 г. в Паратунский сельсовет входили: Паратунка (754 жителя), Старая Тарья (349), колхоз имени Сталина (307), Виллюй (248), база Жирова (245), Новая Тарья (1 543), база Саранная (117). Всего на территории Паратунского сельсовета жили 3 563 чел., в том числе 1 514 рабочих и служащих и 369 колхозников.

О жизни села неоднократно рассказывалось в газетах.

«Полярная звезда» от 12 августа 1928 г.: «Общее собрание граждан селения Паратунка постановило провести самообложение на ремонт школы в сумме 500 руб. и на оказание помощи мало-летней сироте Мурешевой в сумме 50 руб.».

«Камчатская правда» от 29 сентября 1940 г., заметка «Экспонаты колхоза “Красная звезда”»: «Парниковод колхоза “Красная звезда” (село Паратунка) тов. Дорофеев давно готовится к районной сельскохозяйственной выставке. Тов. Дорофеев вырастил прекрасную капусту сортов “Вальватьевская” и “Ладожская”. Он повезёт на выставку кочаны капусты по 6 кг каждый. Готовы к отправке выращенные в парниках дыни и гибрид из тыквы и кабачка. Среди экспонатов есть подсолнух, свёкла и морковь».

«Камчатская правда» от 1 ноября 1940 г.: «Учащиеся Паратунской неполной средней школы активно готовятся к 23-й годовщине Октябрьской социалистической революции. Широко развернулось между классами и внутри классов социалистическое соревнование за хорошую и отличную успеваемость и отличное поведение. Драматический кружок готовит пьесу “Сын партизана”, коллективные и индивидуальные песни, частушки, стихи для декламации, пляски и танцы. Школьная ученическая редколлегия выпускает специальный номер стенной газеты. Кроме того, стенную газету выпускают учащиеся шестого класса. Каждый класс выпускает по две фотогазеты. Ребята обязались своими силами убрать могилу командира партизанского отряда тов. Елизова, который похоронен в селе Паратунке».

«Камчатская правда» от 11 декабря 1940 г.: «В Паратунском колхозе “Красная звезда” (председатель Аверьянов) за два дня, 4 и 5 декабря, колхозники сложились по одной-две птицы. Так создалась здесь первая в районе птицеводческая ферма. В ней пока насчитывается 28 домашних птиц. Колхоз будет отныне иметь своё общественное птицеводство».

Газета «Камчатская правда» от 24 декабря 1941 г.: «Жители села Паратунка подписались на денежно-вещевую лотерею на 6 840 руб. Многие из них сразу же оплатили билеты наличными деньгами. Большую работу по распространению билетов провела в этом селе учительница Мокренко».

«Камчатская правда» в декабре 1943 г. сообщила о вкладе в будущую победу семьи Подпругиных: «Животновод колхоза Иннокентий Степанович Подпругин внёс наличными 1 500 руб., председатель сельсовета Подпругин — 1 500 руб.».

«Камчатская правда» от 28 декабря 1943 г.: «Пионеры и школьники Паратунского детдома послали в подарок фронтовикам посылку. Посылка попала на Волховский фронт к танкистам, где командир тов. Ефремов. Фронтовики прислали письмо, в котором тепло поблагодарили детей за подарки».

«Камчатская правда» от 28 октября 1944 г.: «В село Паратунка прибыл уполномоченный для реализации билетов новой лотереи в колхозе “Красная звезда”. Одним из первых к нему пришёл колхозник Иннокентий Степанович Подпругин и приобрёл билетов лотереи на 1 000 руб., на 500 руб. купил билетов председатель колхоза т. Аверьянов. Многие колхозники купили билетов на 300 руб., общая сумма от реализации билетов лотереи среди колхозников составила 14 000 руб.».

«Камчатская правда» от 30 марта 1946 г., статья «Заботливые шефы»: «В декабре 1945 г. бойцы и офицеры Петропавловского гарнизона взяли шефство над Паратунским детским домом... Шефы оказывают ему большую помощь: собрали 407 тыс. руб., подарили автомашину, коня с упряжкой, полтонны крупы. На деньги шефов детский дом купил 11 коров и установил свою электростанцию...

В письме Герою Советского Союза тов. Гнечко они [питомцы детдома] пишут: “Шлём большое спасибо и желаем вам жить долгие годы. Обещаем вам быть дисциплинированными, хорошо и отлично учиться, чтобы вырасти достойными сынами и дочерьми нашей Родины-матери”».

«Камчатская правда» от 7 мая 1950 г. о местном санатории: «По решению секретариата ВЦСПС Паратунский дом отдыха в этом году преобразован в санаторий. ВЦСПС разрешил ЦК профсоюзов рабочих рыбной промышленности расширить санаторий Паратунки до 100 мест. С этой целью ассигновано для Паратунского санатория 250 тыс. руб. С 1 июня санаторий приступит к работе. В этом году в нём отдохнут 225 чел.».

«Камчатская правда» от 28 октября 1963 г.: «Коллективу третьего отделения Октябрьского совхоза (Паратунка) присвоено звание коллектива коммунистического труда. Работники отделения произвели в этом году 639 т картофеля, около 500 т овощей, продали государству 242 т молока и 44 т мяса».

Районная газета «Ленинская знамя» от 26 мая 1967 г.: «С начала года звено М. Ф. Велигуры из нашего отделения, выращивающее овощи в теплицах, сдало государству свыше 80 ц зелёного лука, более 500 кг огурцов и редиса, из них в мае — более 40 ц лука и 450 кг огурцов».

«Камчатская правда» от 13 декабря 1969 г. опубликовала материал председателя Паратунского сельисполкома Н. Павленко «Числом поболее...»: «Село Паратунка растёт с каждым годом. Улучшается благосостояние каждой семьи. За последние пять лет построено здание новой восьмилетней школы на 340 мест, три 16-квартирных дома, универсальный магазин на семь рабочих мест, до 60 мест расширилась столовая. Есть новое здание Дома культуры, купальный бассейн, сезонный палаточный городок на 100 мест. Открыт сад-ясли на 115 детей. Только в селе Паратунке жителей стало в три раза больше, да ещё появился новый посёлок Тепличный. Но вопрос снабжения электроэнергией остаётся по-прежнему “личным делом каждой организации в отдельности”. Пройдите по селу — что ни дом, то самостоятельная подводка от разных электростанций... Сейчас у нас шесть работающих электростанций мощностью от 50 до 100 киловатт. А летом таких “электростанций” 14, и ещё в посёлке Тепличном четыре.

Среднегодовой фонд заработной платы работников электростанций составляет 158 тыс. руб., да ещё 187 тыс. на содержание. А население остаётся без света, или в домах такой свет, что не работают ни приёмники, ни телевизоры. Закрыта из-за плохого снабжения электроэнергией столовая № 6, плохо работает киноустановка в Доме культуры села, часто вручную доятся коровы. Паратунский сельсовет рассматривал этот вопрос на своей сессии ещё в феврале. Принято решение облисполкома от 30 марта 1969 г., где облсельхозуправлению предложено обеспечить двигателями электростанцию Паратунского отделения Октябрьского совхоза».

Вот что вспоминал в 2001 г. о прошлой жизни в селе Виталий Николаевич Подпругин: «Я родился в 1930 г., у меня был дед Степан Степанович Подпругин, у него — брат Иннокентий Степанович, в Паратунке 93 года прожил. Отец мой, Николай Степанович Подпругин, все мы родились здесь: и отец, и я, и сёстры. Отец мой на фронте погиб, его в 1939 г. арестовали, посадили, потом он жил в Томске. Я воспитывался у Иннокентия Степановича Подпругина, мой дядька здесь родился, в Паратунке, в 1883 г.

Раньше в Паратунке было четыре рода — Подпругинский, Тюменский, Корниловский и Яковлевский. Они потом все перемешались, породнились. Тюменцевский род есть ещё в долине реки Камчатки и в Карагинском районе. В городе возле рыбного порта стоял дом, там тоже Подпругины раньше жили.

Отец работал старшиной катера в АКО, в Паратунском охоттовариществе. А раньше они ходили на парусах, у нас вёсла остались

в старом доме. Отец осенью охотников в Ходутку отвозил на катере, а потом встречал их в апреле. Они в Асаче охотились.

Раньше Паратунка была очень хорошим посёлком, здесь были только частные дома. Сначала здесь жили одни камчадалы, потом стали приезжать переселенцы. В 1930-х гг. образовался колхоз “Красная звезда”, колхоз сажал ячмень, картошку, капусту. Была своя ферма для крупного рогатого скота, свиноферма, конюшня. Колхоз разрастался, увеличивал производство мяса и овощей. Были большие урожаи капусты, редиски, огурцов, которые росли в рамах. Рабочих рук не хватало, стали привозить переселенцев. Первыми прибыли демобилизованные пограничники Аверьяновы, Марченко, Чирва. В 1939—1940 гг. они строили новый посёлок для белорусов-переселенцев. Дома строили из тополя, рубили топорами, тополь сплавляли по реке Паратунке из Карымчины. Из бона брёвна лошадами вытаскивали на берег.

После пограничников привезли белорусов.

В Паратунке, где сейчас остановка, церковь стояла, там, рядом — дом Тюменцевых. Когда я родился, церковь уже не действовала. Наш дом 1905 г. постройки, он и сейчас стоит. Он рубленый, досечкой оббит. Комнат в доме было много, потом часть дома под контору отдали. К церкви сделали пристройку, и там была школа. Потом здание разобрали. В школе изучали военное дело, ходили в походы, броски были в Николаевку, Тарью, ходили всей школой. Около бассейна играли в кол и лапту. Местом игр была поляна около бассейна, на игры приходили и взрослые.

У дядьки до 1970 г. была нарта, он потом её мне отдал. Сам делал лодку из досок, на ней на шестах ходили. Юколу здесь готовили до 1950-х гг., рыбы было много, уезжали вверх по речке на лошадях, ловили сетками. Начинали делать юколу, как только муха пропадала, делали её сколько хочешь, рыбой было всё забито. Пополам разрезаешь рыбу и вешаешь. В середине сентября съездим, убьём медведя и мясо на зиму заготовим.

Зимой в детстве первое дело — лыжи. Катались с горки, особенно когда луна, светло. Здесь была школа, моей первой учительницей была Лидия Сергеевна Хмерина.

Первый бассейн в Паратунке был естественный, лужа, в ней купались.

В 1941—1942 гг. было очень тяжело, дядька опухал от голода, он работал на свиноферме. В 1942 г. начали расширять огороды, разрабатывать целину. Сажали картошку, брюкву, свёклу, стали турнепс выращивать для корма свиней.

Мы держали корову, после школы я работал по дому, а в 1945 г. пошёл работать на судовой ферме учеником тракториста. Потом строили военный санаторий, возили на тракторах лес. В Паратунке был кирпичный завод, я работал на самосвале, песок возил.

В августе 1985 г. у меня в гостях были артисты Светлана Крючкова, Лариса Гузеева, Глузский. Мы их угощали котлетами из медвежатины и рыбы, им очень понравилось.

Раньше народ был добрее, с современным нет никакого сравнения. Жизнь была труднее, но отношения между людьми — проще, народ душевнее. Праздники очень ждали, их было всего два-три в году. Гуляли всем селом, сначала у одного, потом у другого. Ставили бражку, дрожжи делали сами из хмеля. На зиму заготавливали жимолость, шикшу, клюкву, сарану. Из сараны пироги пекли. В рыбные пироги тоже добавляли сарану. Рыбу всегда солили, штук по 30 кижуча».

Перепись 1979 г. учла в Паратунке 2 948 чел. В 1994 г. численность населения составила 2 450 чел.

Пахачи, Верхние Пахачи, Средние Пахачи, Усть-Пахачи. Читателю, никогда не бывавшему в тех местах, трудно разобраться в хитросплетениях этих названий.

В. П. Кусков сообщал, что село Пахачи «возникло до 1925 г. Названо по его расположению на берегу реки Пахачи». Река впадает в Олюторский залив. На известных картах начала XVIII в. встречаются названия Погыча, Покача, Похача.

По данным Приполярной переписи 1926 г., в Олюторском районе на реке Пахаче существовало населённое место Пахача (относилось к Пахача-Корякскому сельсовету, 12 хозяйств, преобладающая народность — коряки, 81 чел., в том числе 43 мужчины и 38 женщин). Оно состояло из нескольких частей: собственно Пахача (близ устья одноимённой реки), Ткээмэн (в бухте), Кайаачигынкай (близ горы) и Пылэуваам.

Решением Корякского окрисполкома от 5 июля 1991 г. № 118 рабочий посёлок Пахачи Олюторского района преобразован в сельский населённый пункт. Это сделано в связи с тем, что он «не соответствует статусу рабочего посёлка по численному составу (2 428 чел.), социально-экономическому положению (снабжение посёлка всеми необходимыми промышленными и продовольственными товарами осуществляется через потребкооперацию, медицинское обслуживание осуществляет участковая больница; социальные условия находятся на уровне сельской местности, культурно-просветительские отсутствуют; нет крупных промышленных

предприятий, населённый пункт не благоустроен, население выращивает необходимые для питания овощи на приусадебных участках, содержит скот в хозяйственных постройках на приусадебных участках в пределах населённого пункта) и по условиям территориального расположения не имеет перспективы роста численности населения».

Верхние Пахачи. Это село возникло в 1934 г., названо так по расположению в верховьях реки Пахачи. Первым председателем сельсовета стал Кияургин. По словам В. И. Алексеева, в 1950—1970-х гг. секретаря Камчатского обкома КПСС, «воды реки Пахачи смыли село Верхние Пахачи».

Секретарь Олюторского райисполкома Н. Милют в материале «Так рождалось село», опубликованном в «Камчатской правде», рассказал об истории села: «В 1934 г. в верхнем течении реки Пахачи были построены четыре первых землянки. Вокруг них зимой оленеводы ставили до 40 юрт. С этого и началось зарождение нового корякского села. Первые жилища оседлого типа были, конечно, не такими, как теперь. Землянки не имели ни окон, ни дверей. Входом и выходом служил дымоход. Но постепенно, одна за другой, вырастали деревянные постройки. Всё больше семей вселялись в дома. Бывшие кочевники поняли, что оседло жить куда лучше, чем вести бесконечную скитальческую жизнь. Верхние Пахачи — такое название получило новое село. Много вложили сил в его строительство плотник Иван Кутгин, пильщик Георгий Етынкевев, Алексей Лялем и Константин Кэльэн. Старожилы села сейчас с благодарностью вспоминают об учителе Романе Ивановиче Ларченко, Николае Петровиче Синолобове. Они были в числе первых организаторов и строителей новой оседлой жизни в Верхних Пахачах. В 1943 г. на базе товарищества по совместному выпасу оленей в селе был создан колхоз. Всего 209 голов насчитывалось в общественном стаде. А теперь в Пахачинском отделении Корфского совхоза поголовье оленей достигло шести тысяч. Жители села имеют в личном пользовании крупный рогатый скот, лошадей. Теперь, спустя почти четверть века, село Верхние Пахачи расстроилось, обретая всё более благоустроенный вид. На селе имеется больница, магазин, круглосуточно открыты детские ясли. При клубе работает библиотека, насчитывающая в своём фонде до двух тысяч книг. Если ещё до 1934 г. местные жители “расписывались” оттиском пальцев, то это теперь осталось лишь в помине. Неграмотных, за исключением старух и стариков, уже нет. Все дети и взрослые учатся. В школах обучаются 70 чел. Специальное образова-

ние получают юноши и девушки в окружной сельскохозяйственной школе, в зоотехникуме в городе Салехарде. Среди верхнепахачинских коряков есть люди, о мастерстве которых знают и в районе и в округе. Бригадир Кергувье — один из лучших практиков оленеводства. Высоких показателей в труде добивается его бригада. Знатным человеком считается учётник оленеводческого стада Вывкавав. Таких хороших людей на селе много...»

В 2004 г. Е. Кириева в газете «Абориген Камчатки» опубликовала материал «Из истории населённых пунктов на реке Пахача», подготовленный на основе архивных данных. Ниже мы приводим его с сокращениями:

«Село Верхние Пахачи возникло в 1934 г., село Усть-Пахачи — в 1938 г. В 1953 г. на реке Пахаче при закреплении земельных участков за предприятиями, в Олюторском районе значились следующие населённые пункты: село Пахача, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 8-я базы Пахачинского рыбокомбината, село Средние Пахачи, село Верхние Пахачи.

Решением Олюторского райисполкома от 9 апреля 1957 г. № 57 Олюторскому рыбозаводу № 2 было присвоено наименование “Село Пахачи”. Олюторскому рыбозаводу № 3 — “Село Усть-Пахачи”... При описании границ Усть-Пахачи в ноябре 1968 г. отмечалось, что оно расположено на намывной косе, омываемой с севера водами Пахачинского лимана и реки Пахача, с юга — водами Берингова моря.

8 октября 1965 г. в связи с размывом и затоплением села Верхние Пахачи Камчатский облисполком отметил (решение № 517), что вновь выбранный район под строительство посёлка находится на левом берегу реки Пахача. С северной стороны участок является продолжением открытой равнинной поймы. Посёлок можно разместить в 500 м восточнее от протоки Пахача.

7 февраля 1966 г. Корякский окрисполком принял решение № 27 “Об отводе земельного участка под застройку села Верхние Пахачи в районе Средние Пахачи”. В документе записано: «Отвести земельный участок в равнинной части поймы на левом берегу реки Пахачи в 5 км выше от села Средние Пахачи под застройку переносимого села Верхние Пахачи”.

7 июня 1968 г. Камчатский облисполком постановил: “Принять предложение Олюторского райкома КПСС и Олюторского райисполкома о переносе села Верхние Пахачи в район Средних Пахачей”. Документ обязывал областное управление сельского хозяйства, отдел по делам строительства и архитектуры, институт

“Камчатскгражданпроект” выполнить в 1968 г. проект планировки села Средние Пахачи (решение № 370).

Решением № 174 Камчатского облисполкома от 22 апреля 1985 г. село Верхние Пахачи Олюторского района было исключено из административного состава Камчатской области.

Средние Пахачи. Этот населённый пункт был зарегистрирован Камчатским облисполкомом решением № 16-40 15 августа 1975 г. В объяснительной записке Олюторского райисполкома, подготовленной в 1974 г., отмечалось, что “вновь возникший населённый пункт Средние Пахачи находится к северо-востоку от районного центра села Тиличики Олюторского района КНО Камчатской области. Расстояние до райцентра 225 км”. Название село Средние Пахачи получило по названию реки и по своему расположению между старым селом Верхние Пахачи и Усть-Пахачи Олюторского района. “В настоящее время (1974 г.) в посёлке Средние Пахачи постоянно проживают 420 чел. Основное население занято оленеводством (рабочие оленеводческого совхоза имени 50-летия СССР) и охотничьим промыслом (рабочие Олюторского госпромхоза). Преобладающую часть населения в посёлке Средние Пахачи по национальному составу составляют чукчи (334 чел.) и коряки (73 чел.). Олюторский райисполком предлагает оставить наименование вновь возникшему населённому пункту — «Посёлок Средние Пахачи», что соответствует географическим, историческим, национальным, местным природным условиям и пожеланиям населения”».

«Камчатская правда» 7 апреля 1974 г. в материале «Посёлок у реки» писала о начавшемся переселении жителей Верхних Пахачей в Средние Пахачи: «Уже готовы принять жителей первые 20 домов. Это благоустроенные жилища со всеми коммунальными услугами. Уютно в школе-интернате, в яслях. Готова больница, исполнился месяц, как открылась библиотека. Ровно столько же работает и наша передвижка».

В. И. Алексеев, секретарь Камчатского обкома КПСС в 1950—1970-х гг., писал: «Теперь построен в условиях вечной мерзлоты на сваях совершенно новый посёлок Средние Пахачи, где дома с центральным отоплением, водоснабжением и канализацией и всеми другими удобствами. Здесь создан совхоз “Пахачинский”... Помню, как кропотливо мы изучали возможности строительство посёлка в районе вечной мерзлоты, неоднократно советовались с местными жителями. Многие считали это дело невозможным. Но посёлок Средние Пахачи, как посёлок городского типа, был построен и доставил много радости оленеводам».

В 1990 г. в Пахачинском совхозе числилось 210 чел., валовая продукция хозяйства — 836 тыс. руб., продукция оленеводства — 2 015 ц в живом весе.

Усть-Пахачи. Этот посёлок возник в 1928 г. как база Пахачинского рыбокомбината. Отстоял от мыса Крещённый Огнём на 25, от мыса Красного — на 15, от Петропавловска-Камчатского — на 599 миль.

«Камчатская правда» 11 декабря 1940 г. сообщила: «Сетеповивочный цех Пахачинского комбината приготовил пять новых и отремонтировал три старых ловушки. Для якорных мешков используются местные ресурсы. Из травы соткано 1 000 мешков, связано из отходов 450 якорных сеток».

До 1959 г. рыббаза состояла из нескольких низких каркасно-засыпных бараков. В конце того года развернулось строительство засольных цехов и жилых домов. Толчком к этому стало начало активного лова сельди в Олюторском заливе.

В 1962 г. были построены первые два двухэтажных дома с автономным отоплением и водоснабжением. Через два года заработал консервный цех. В 1969 г. введён в действие цех закусочных консервов.

25 сентября 1970 г. облисполком решением № 553 исключил из учётных данных Олюторского района село Усть-Пахачи, слившееся с рабочим посёлком Пахачи.

В 1977 г. пущён 11-километровый водопровод. За семилетку (1959—1965) выпуск консервов составил 8 885 тыс. условных банок, за восьмью пятилетку (1966—1970) — 12 854 тыс., за девятую пятилетку (1971—1975) — 18 607 тыс.

Пенжино. Село образовали бывшие жители села Марково. Здешнее население — чуванцы, их небольшая группа (более 100 чел.) живёт в Пенжинском районе Камчатского края. Говорят на марковском диалекте русского языка, родной язык утрачен.

Чуванцы делились на две группы — оседлых и кочевых. Оседлые занимались рыболовством, кочевые работали в смешанных оленеводческих бригадах. Распространённые фамилии — Алины, Брагины. Дьячковы, Ермачковы, Какаулины.

В октябре 1923 г. здесь заработала школа 1-й ступени. 1 апреля 1925 г. организован Пенжинский потребительский кооператив, объединивший всё население из 63 чел. (все члены — чуванцы). Кооператив вёл торговлю с кочующими чукчами и коряками. Приполярная перепись населения в 1926 г. учла 20 хозяйств, 115 мужчин и 113 женщин.

В январе 1927 г. организован пункт по ликвидации неграмотности. В феврале 1928 г. Камчатский окрревком решил «прикрепить» к селу сеть передвижных отрядов Российского общества Красного Креста «для обслуживания оседлых и кочевых туземцев».

М. Поляновский и Л. Саянский в книге «Среди трёх морей» о киноэкспедиции режиссера А. Литвинова по Камчатке в 1929 г. писали: «К вечеру показалось скрытое в густом лесу село Пенжино, стоящее на богатой рыбной реке Пенжино, именем которой названо село. Это захолустное село, отрезанное от всех большими тундровыми пространствами и окружённое кочующими коряками и чукчами, поразило хозяйственностью и образцовостью». Один из участников киноэкспедиции записал в дневнике: «Мне понравилась это село. Все домики в нём весёлые, крепкие и тесно прижавшиеся друг к другу... Сами пенжинцы — хорошие хозяева. В их амбарах я видел запасы юколы, исправные собачьи упряжки, нарты и всякие продукты. К ним за юколой часто приезжают жители села Марково... Почти все марковцы — родственники пенжинцев, и многие выезжают на жительство в Пенжино, перевоза на нартах домашний скarb и семейства».

Авторы книги сделали замечание, не без сарказма, и о религиозности местных жителей: «Церкви и попа здесь нет, имеется часовня. Батя (священник. — В. Б.) приезжает редко... Часовня и без попа не пустует. Пенжинцы сами мастаки справлять молебны, похороны, свадьбы, крестины. Один работает за попа, другой за псаломщика, остальные в хоре поют. Комсомольцев... и неверующих не любят. Говорят: “Какой же это целовек, когда он богу не молица?” Когда в село на адрес сельревкома были получены журналы “Безбожник”, они так и остались лежать неразрезанными».

Отчёт Комитета Севера при президиуме Далькрайисполкома за 1933 г. сообщает, что в 1930 г. в селе Пенжино Пенжинского района КНО была создана Корякская культбаза. Она обслуживает коряков и ламутов. «Основная задача культбаз — советизация отсталого в культурном и хозяйственном отношении национального населения северных окраин».

19 октября 1934 г. вышло постановление бюро Далькрайкома ВКП(б) о сети сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений Дальневосточного края. В соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 16 июля 1934 г. «О работе Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина» учреждена «опытная станция оленеводства и собаководства (село Пенжино, Корякский национальный округ)».

В годы коллективизации здесь был образован колхоз «Красный большевик». Основное направление его деятельности — животноводство и овощеводство. В хозяйстве было небольшое стадо оленей.

Издание «Трудовой подвиг жителей Корякского округа в годы Великой Отечественной войны» сообщает нам, что в 1945 г. в колхозе состояло 12 хозяйств и 59 чел. Из них трудоспособных: 12 мужчин, 10 женщин и шесть подростков. В этом году колхоз получил от животноводства 5 922 руб. 50 коп. доходов, от огородничества — 34 762 руб., от лова рыбы — 53 593 руб. 04 коп., от транспорта — 5 941 руб. и от производства кирпича — 960 руб. Артель имела икрянку, бондарную мастерскую, скотный двор, овощехранилище, склад и кирпичное производство.

В настоящее время это селение не существует.

Песчаный. Посёлок рыбоконсервного завода № 69 Карагинского рыбокомбината. Располагался в 7 км от селения Ука и относился к Укинскому сельсовету. Население складывалось из специалистов и рабочих, прибывших с материка. Но были здесь и местные уроженцы, зимой занимавшиеся традиционным промыслом. Областная молодёжная газета «Камчатский комсомолец» 15 февраля 1959 г. в заметке «От села уходит след» рассказывала: «Геннадий и Виктор Ключевы — охотники. Гене только семнадцать. Он первую зиму ходит по следу драгоценного зверя — соболя. Гена пока считается учеником, во всём присматривается к своему старшему брату, опытному соболятнику, хотя Виктору лишь 21 год. Третий раз за зиму выходят Ключевы на охоту, каждый раз не бывают дома больше месяца. Пурги, морозы не помешали молодым охотникам. Они сумели добыть 22 соболя. Виктор поймал 17 соболей. Это больше того, что добывают самые опытные и старые охотники. Братья спешат: место охоты километров за шестьдесят. Добираться туда тяжело, а надо вернуться ко дню выборов и, разумеется, не с пустыми руками».

Посёлок официально закрыт решением Карагинского райисполкома в январе 1955 г., но, видимо, после этого жители оставались там ещё какое-то время.

Подкагерное. Это селение уже существовало до прихода на Камчатку казаков, в нём жили оседлые коряки. Оно находилось на правом берегу одноимённой реки, впадающей в Охотское море. Из Подкагерной существовала тропа по тундре, связывавшая его с селением Рекинники.

С. Н. Стебницкий даёт исконное название селения на корякском языке — *Пыткагын*. Н. В. Слюнин сообщал, что в конце XIX в. здесь, «при устье, четыре юрты. Сколько осталось после голодной смерти зимой 1896—1897 г., неизвестно, а было 52 души». В. П. Маргаритов относит жителей к корякам-паланцам.

Приполярная перепись 1926 г. учла здесь всего два хозяйства и 39 чел. К 1940-м гг. действовало отделение колхоза «Вперёд к коммунизму». Социальных и производственных объектов было немного — начальная школа, заготпункт и изба-читальня. В годы Великой Отечественной войны больших трудовых успехов добился местный житель Пётр Петрович Танвильнин, его имя в 1945 г. занесено на окружную Доску почёта за выполнение сезонной нормы отстрела на 450 %.

В настоящее время это селение не существует.

Прибойный, посёлок Соболевского района, база Кировского рыбокомбината. Здесь находились: начальная школа, ясли и детсад, фельдшерско-акушерский пункт, два магазина, столовая, пекарня, баня, отделение связи, клуб, библиотека.

Из объяснительной записки на имя председателя Камчатского облисполкома Я. А. Рындина: «Посёлок Прибойный расположен на берегу Охотского моря в 10 км от Кировского поссовета и в 12 км от районного центра — села Соболево. Из производственных предприятий в нём имелись рыбозавод № 2 и холодильник № 13 рыбокомбината имени Кирова. В связи с тем, что рыбозавод № 2 и холодильник № 13 с 1 сентября 1964 г. были закрыты, проживающее в посёлке население переехало в другие населённые пункты, и в настоящее время, кроме сторожа, там никто не проживает».

Посёлок исключён из списка населённых пунктов Камчатской области 11 декабря 1964 г.

Русаково. Селение находилось в устьевой части Русаковской речки (Сановаям) между селениями Хайлюля и Панкара на берегу Берингова моря.

Усть-Камчатский райревком 22 февраля 1924 г. указывал: «В посёлках Хайлюля и Русаке у граждан В. Кримара и П. Простакова имеются домашние соболиные питомники, существующие уже два года, приплода нет».

На карте геолога М. Ф. Двали, составленной им по маршрутам 1930 г., на правом берегу реки Росковаям на побережье Берингова моря обозначено селение Русак. На карте Б. И. Пийпа, датированной 1936 г., в устье реки Русаковой расположено селение с одноименным названием.

Во время деятельности АКО в Русаково имелся рыбозавод № 70, работали фельдшерский пункт, школа, рыбокооп, библиотека.

Селение прекратило существование в связи с закрытием рыбоперерабатывающего завода.

Северные Коряки. В. П. Кусков указывает, что это «село Елизовского района возникло до 1953 г». Находится между реками Авачей и Вахталкой. Вначале неофициально оно называлось Новые Коряки. Поселение возникло в начале 1940-х гг. как инфраструктура воинской части: здесь находился запасной военный аэродром.

Мильковчанин Павел Иванович Толман вспоминал: «Шли пешком до посёлка Малка, там посадили в машины и повезли в воинскую часть в Северные Коряки, назначили в авиационно-фотографическое разведывательное подразделение 128-й смешанной авиадивизии. Она включала несколько полков, в составе которых были истребители И-15, И-16, бомбардировщики СБ. В Северных Коряках базировался 903-й бомбардировочный авиационный полк».

В ходе Курильской десантной операции в августе 1945 г. авиация участвовала в боевых действиях.

К 1960-м гг. здесь имелись Дом культуры, общеобразовательная школа, детский сад, столовая, почта, пошивочная мастерская, спортивная площадка, работали магазины рыбокооп и Военторга.

После закрытия аэродрома в 1960-х гг., военные покинули село. Многие жители, работавшие в военных частях, были вынуждены заняться сельским хозяйством и скотоводством. Некоторое время здесь действовало предприятие по заготовке дров — филиал Петропавловского Гортопсбыта, затем он был преобразован в самостоятельную хозяйственную единицу. Предприятие обеспечивало дровами населённые пункты Елизовского района. Объект заготовки — каменная берёза. В 1972 г. заготовлено 10, в 1975 г. — 15, в 1983 г. — 85 тыс. куб м. К концу 1990-х гг. лесопункт закрылся.

Сегодня в селе живут около 150 чел.

Северо-Камчатск. Первоначально это селение геологов не имело официального названия. В разговорной речи среди жителей именовалось Ухватом, по ручью, рядом с которым были расположены строения. Начальник партии В. П. Романов вспоминал: «Подумал и решил назвать “Северо-Камчатск”. Дал об этом телеграмму в Москву. Туда ушли два варианта: Пенжинск и Северо-Камчатск. Утвердили Северо-Камчатск. Правда... статус посёлка наша база получила в конце 1985 г.».

Геолог Л. Безрукова писала: «В посёлке тогда уже несколько домиков стояло. Их так и называли — домики. В одном жили канавщики, другой построил кто-то семейный. И был ещё домик, где жили комендант партии».

Районная газета «Полярная звезда» поместила заметку о строительстве нового посёлка геологов в верховьях реки Пенжины. Материал так и назывался — «Новый посёлок»: «На географической карте района появился девятый по счёту населённый пункт — посёлок Северо-Камчатск. Расположен он в верховьях реки Пенжины, среди отрогов Ичегемского хребта. Именно там восемь лет назад была поставлена первая палатка геологов. В Северо-Камчатске базируется Сергеевская геологическая партия, названная так в честь первооткрывателя месторождения цветных металлов Юрия Николаевича Сергеева. Сейчас в Северо-Камчатске живёт и трудится около трёхсот геологов, буровых мастеров и рабочих. Руководит ими Виктор Павлович Романов, коммунист, энтузиаст своего дела. Под руководством Романова партия стала одной из лучших в Камчатском геологическом территориальном управлении. Именно здесь бригада проходчиков, возглавляемая А. А. Дворяком, установила рекорд, именно здесь под руководством бурового мастера А. Евдокимова освоен новый, прогрессивный вид проходки. Меняет облик и посёлок. В нём пока построены общежитие, 12-квартирный дом и хозяйственные постройки. В будущем “палаточный городок” будет полностью вытеснен добротными деревянными домами».

«Камчатская правда» 16 марта 1975 г. сообщала: «В верховьях реки Пенжины, среди отрогов Ичегемского хребта, в 1967 г. был забит первый колышек палатки геологов. А недавно решением Камчатского облисполкома здесь образован посёлок геологов, которому дано название Северо-Камчатск. С 1973 г. ведутся здесь планомерные работы по разведке месторождения. Преображается и посёлок геологов. Первый палаточный городок уступил место 12-квартирному дому, общежитию, многим хозяйственным постройкам. Все строительные материалы, вплоть до последнего гвоздика, завозят только в четыре-пять зимних месяцев автотранспортом. В Северо-Камчатске живёт и трудится около трёхсот геологов, буровых мастеров и рабочих. Руководит ими энтузиаст своего дела, опытный “искатель кладовых недр” Виктор Павлович Романов... Молодой посёлок геологов получил “права гражданства”, закрепят которые выборы в поселковый Совет. На будущей новой карте области появится ещё одна точка — Северо-Камчатск».

Решением № 174 Камчатского облисполкома от 22 апреля 1985 г. посёлок Северо-Камчатск Пенжинского района исключён из учётных данных административного состава Камчатской области.

Сероглазка. Датой образования этого селения можно считать 1853 г. По этому поводу К. Дитмар записал: «На полдороге, у губы Сероглазки, мы встретили два новых дома, выстроенных в прошедшее лето для петропавловских казаков. В одном из этих домов мы остановились...» Он же летом 1854 г. сообщал: «...12 июля наступил день отъезда лошадей с кладью. Я отправил их вперёд в казачье поселенье Сероглазку у Авачинской губы, а сам со своим казачком начал подниматься пешком на Меженную гору, возвышающуюся между Петропавловском и сказанным селением. В местечке этом теперь уже было три видных, вроде казарм, здания, в которых жили со своими семьями казаки».

До конца 1860-х гг. XIX в. селение оставалось малочисленным. В 1868 г. по «Списку населённых мест Петропавловского округа» в Сероглазке было всего четыре хозяйства, 18 мужчин и 15 женщин.

По «Статистической ведомости города Петропавловска и округа его за 1876 г.» в Сероглазке числилось 36 жителей: один сотрудник морского ведомства и 35 казаков с семействами (22 мужчины и 13 женщин), среди них только один грамотный. В селении было 29 построек, в том числе семь домов, восемь амбаров, по шесть балаганов и стай, две бани. Казаки содержали одну лошадь, 23 головы КРС, 135 собак. Урожай картофеля выдался хорошим: посадили 40 пудов, собрали же 372, сняли и 33 пуда репы. Селяне поймали 38 650 рыбин лососёвых пород. За охотничий сезон они добыли 47 соболей, по одной лисице и выдре, трёх оленей, 13 баранов, четыре медведя и 26 нерп.

А. П. Сильницкий в работе «Поездка в Камчатку и на реку Анадырь», изданной в 1897 г., даёт такую характеристику селению: «Деревня состоит из 15 домов и по своему расположению напоминает великороссийскую деревню. Постройки состоят из изб, амбаров и бань. Избы, в зависимости от величины семьи, сделаны в два или в один сруб. Если в два, то между ними устроены сени. Избы маленькие, не более шести-семи аршин длины и ширины и трёх высоты, освещены окнами. Всякая хата разделена на две половины: одна из них с печью, служит кухней, а другая, так сказать, парадная. Эта вторая половина непременно оклеена обоями, украшена зеркальцем, картинами; безукоризненной чистоты. Пол покрыт самодельными циновками из крапивы. В красном углу

стоит стол, покрытый чистой скатертью, на столе сложена чайная посуда, покрытая полотенцем. В красном углу, под образами, висит лампада. Все дома Сероглазки имеют такое устройство и такую обстановку... Тут же при домике возделан огород, на котором был засажен картофель, репа, редька, морковь. По словам хозяина, он ежегодно выкапывает до 300 пудов картофеля. Недалеко от хаты построен шалаш, в котором коптилась рыба. Шалаш имеет полуконическую форму. Посреди шалаша разложен костёр из гнилушек, на тоненьких тальниковых прутьях в несколько рядов развешаны балыки чавычи... По берегу бухты, прямо против дома, устроены вешала для юколы. В каждом хозяйстве обыкновенно два вешала: одно меньшее — для людской юколы, другое большее — для собачей... Близ вешал привязаны езжалые собаки. У моего хозяина две нарты, то есть 25 собак. Это даёт ему возможность зарабатывать за зиму за перевозку купеческих товаров до 200 руб. Кроме извозного промысла, немаловажным подспорьем служит промысел соболя. Добыча пяти соболей считается средней. Считая камчатского соболя по 15 руб., мы имеем, что Пшенников в течение зимы зарабатывает около 300 руб. деньгами. Если принять во внимание, что у него имеется девять коров, из коих три молочных, что продовольствие у него есть, то нельзя не признать существование моего знакомого обеспеченным. Остальные обыватели Сероглазки живут точно так же, как и Пшенников».

Участник экспедиции Ф. П. Рябушинского ботаник В. Л. Комаров в 1908 г. отметил: «Здесь бросается в глаза благоустроенное, сравнительно с Петропавловском, собачье хозяйство, частью на земляном мыске за деревней... частью на небольшой кошке внизу, у устья маленькой речки...»

Историк М. П. Стельных в работе «Победа Великого Октября на Камчатке» приводит документ о настроениях жителей Сероглазки во время гражданского противостояния: «Мы, нижеподписавшиеся, не признаем никаких других случайно образовавшихся властей, впредь до определённой резолюции Учредительного Собрания, а также не можем признать и власть Совета рабочих и солдатских депутатов, которые не имеют ничего общего с Камчаткой».

По Приполярной переписи 1926 г., в Сероглазке было 25 хозяйств, жили 54 мужчины и 53 женщины, всего 107 чел., из них 54 грамотных. Здесь 20 домов, 19 амбаров и девять сараев, три коптилки и шесть балаганов.

В Сероглазке был создан и работает сейчас одно из ведущих предприятий рыбной промышленности Дальнего Востока — орде-

на Дружбы народов колхоз имени В. И. Ленина. Его история началась в 1929 г., когда на берегу Авачинской губы образовались три артели. Их хозяйственный уклад и ранее предполагал рыболовство, сухопутную и морскую охоту, создание «временных партий», строившихся по родственному или территориальному признаку, то есть на основе населённых пунктов. В это же время появился рыбозавод АКО в бухте Моховой. Его обеспечивали сырьём артели колхозов имени С. М. Кирова, «Красная связь», имени И. В. Сталина и «Виллюй».

Во время Великой Отечественной войны взрослые сельчане помогали фронту высокими уловами рыбы, а школьники — своим пожилым землякам. Из постановления городского совещания интеллигенции о помощи школьников фронту: «В школе села Сероглазка работает тимуровская команда. У них всё построено по примеру своего любимого героя».

В ходе коллективизации в 1932 г. в Сероглазке организована Петропавловская моторно-рыболовная станция (МРС), обслуживавшая шесть колхозов, сдававших сырец Авачинскому и Жупановскому рыбокомбинатам АКО. МРС просуществовала до 1959 г. и сыграла значительную роль в деятельности трёх колхозов берега Авачинской губы. В 1959 г. на её балансе находились 18 малых рыболовных сейнеров, 14 сейнеров РС-300 и два бота СТБ-80. В это время, для повышения эффективности работы промыслового флота и улучшения управления им, областное управление рыболовецких колхозов Камчатки и Камчатрыбпром приняли совместное решение: передать весь промысловый флот Петропавловской МРС рыбколхозам, а саму МРС преобразовать в судоремонтно-техническую станцию (СРТС), оставив за ней только ремонт судов.

30 марта 1960 г. принято решение № 108 Елизовского райисполкома о создании на основе имеющихся хозяйств объединённого колхоза. Его и называли именем В. И. Ленина. Председателем объединённого колхоза стал М. К. Старицин. По состоянию на 1960 г. колхоз имел следующие рыболовные суда: 14 РС-300 («Борец», «Воросма», «Волгодонск», «Воин», «Громобой», «Гладиатор», «Маяк», «Пржевальск», «Память Азова», «Резвый», «Ромодан», «Спартак», «Святогор», «Строгий»); 18 МРС-80 (№ 1601—1614, 1641, 1643—1644, 1646); два СТБ -80 № 1635 и 1636.

В 1962 г. колхоз имени В. И. Ленина добыл 36 707 т рыбы, что составило 25,7 % общей добычи всех рыболовецких хозяйств Камчатки. На балансе колхоза в этот год было 37 промысловых судов. Средний вылов на одного рыбака по сравнению с 1958 г.

(60,3 т) увеличился на 160 % и достиг 96,6 т. В 1966 г. колхоз начинает приобретать новое поколение рыболовецких судов — большие морозильные рыболовные траулеры (БМРТ), первый из них — «Сероглазка». В 1967 г. получен БМРТ «Пётр Ильичёв», в 1968 г. — «Ленинец», в 1969 г. — «Технолог» и «Ихтиолог».

В 1960-х гг. начинается активное освоение новых объектов промысла далеко от берегов Камчатки. Колхозные рыбаки работали у Гавайских островов, а затем пошли к Южной Америке и Антарктиде на промысел ставриды, криля, сайры.

В 1972 г. в колхозе началось строительство четырёхэтажных домов на улице Мишенной. В 1973 г. превышен 100-тысячный рубеж по добыче рыбы: взят улов в 102, 7 тыс. т. В 1975 г. завершилось строительство межколхозного пионерского лагеря «Алые паруса». В 1976 г. в колхозе трудилось 1 167 чел. В 1980 г. БМРТ «Технолог» (капитан-директор А. А. Пономарёв) установил мировой рекорд, выловил 26,9 тыс. т рыбы.

Труд колхозников был высоко оценен государством. Звание Героя Социалистического Труда было присвоено капитанам С. Г. Белоусову, И. И. Малякину и Б. Г. Муковникову.

Колхоз добился полной самостоятельности в производстве рыбной продукции. Основным видом деятельности хозяйства являлась добыча и переработка водных биоресурсов. Сегодня предприятие имеет причальные сооружения, складские помещения и оборудованные площадки для хранения крупногабаритных грузов, судоремонтные мастерские, собственное автохозяйство с грузовой и тракторной техникой, холодильник мощностью 3 000 т хранения, реконструированный цех обработки рыбы в посёлке Авача. Коллектив колхоза насчитывает более 1 500 чел.

Сибирское, селение, возникло в 1927 г. Именуется по расположению на берегу бухты Сибирь, в свою очередь получившей название в честь шхуны «Сибирь» шкипера Ф. К. Гека. Он проводил гидрографические работы на северном побережье Камчатки.

Здесь располагалась рыбная база АКО № 6. 23 мая 1966 г. решением Корякского окрисполкома № 100 территория села была включена в состав Тиличикского поссовета. Исключено из списков населённых пунктов Камчатской области решением облисполкома 7 января 1975 г.

Снежный, селение геологов. В. М. Никольский даёт его описание: «Основная же база партии — посёлок Снежный — была построена в 1956—1957 гг. в долине реки Анавгай, вблизи горячих

источников... Этот посёлок — гордость разведчиков, состоял из 22 рубленых домов, включая столовую, клуб, контору, баню, медпункт, два склада — продуктовый и промтоварный, а также радиостанцию и конюшню».

В связи с окончанием разведочных работ в районе посёлок был упразднён.

Таловка. На западных отрогах Ветвейского хребта берёт начало река Таловка. Она течёт в Охотское море, принимая в себя многочисленные притоки. Длина реки 458 км, это одна из самых крупных рек на Камчатке. Сюда заходят проходные лососёвые породы рыб — горбуша, кета, кижуч. Кроме них, в реке обитают щука, омуль, корюшка, валёк, хариус, голец, мальма, кунджа. Река впадает в Пенжинскую губу, богатую морскими млекопитающими.

И. С. Гурвич и К. Г. Кузаков указывали: «В 1944 г. на реке Таловке выстроен посёлок с жилыми домами, школой, магазином, пекарней, баней и медицинским пунктом».

Всесоюзная перепись населения 1979 г. учла 367 чел., в 1994 г. население достигло 557 чел.

Первые русские сообщения о Таловке надо отнести к середине XVII в., когда отряды казаков стали появляться на реках Колыма и Анадырь. Владимир Атласов в самом конце XVII в. взял ясак с береговых коряков — жителей острожка Усть-Таловка. Это название дали сами казаки по реке, возле которой он находился. Река же была названа так, видимо, по обилию тальника, растущего по берегам.

Жители острожка Таловка, или Усть-Таловский, по последующей русской классификации принадлежали к корякам-каменцам первого рода. Общая численность их была небольшой, по переписи 1897 г. составляла всего 191 чел. К первому роду относились жители селений Каменское, Таловка, Мамэче и Рекинники. По данным чуванца А. Дьячкова, в 1840-х гг. «два года сряду существовал голод, и большая часть их погибла... Некоторые селения почти пусты». После эпидемии численность населения в селениях прирастала медленно. В 1901 г. Таловку населяли всего 42 чел.

Основными занятиями береговых жителей Пенжинской губы были морской зверобойный промысел и речное рыболовство. Вспомогательную роль играли охота и собирательство. Особо важной в хозяйственной деятельности таловцев являлась охота на морского зверя. Обычно она проводилась весной, когда Пенжинская губа освобождалась ото льда. В разные годы это соответствовало примерно середине мая, до 20-го числа. Осенний сезон начинался

в 20-е числа сентября, после завершения основного рыболовного сезона. Добыча нерпы за сезон исчислялась сотнями штук, в отдельные годы достигала 300 особей.

К. Дитмар отмечал: «Охота на тюленей проводилась двояким образом: или подкрадываются к ним на берегу около камней и рифов и стреляют, или ловят их крепкими, сплетёнными из ремней сетями в устьях рек. Белух ловят также ременными сетями, кроме того, их бьют острогами и стреляют. Китов бьют острогами и ранят пулями».

Описывая приёмы морской охоты, А. Дьячков писал: «Береговые коряки отправляются за промыслом в байдарках, при каждой из них находятся несколько маленьких байдарок особой формы». Китов жители Пенжинской губы добывали немного. Так, по данным В. Иохельсона, в 1886 г. они упромыслили всего лишь шесть животных.

К. Дитмар, описывая реку, отмечал: «Таловка. Большая река западного побережья, протекает по большой мшистой тундре севера и впадает в северную часть Пенжинского залива. Её самый значительный приток, который течёт с юго-запада, вытекает из большого озера». При этом Дитмар не указывает на наличие здесь острожка.

Приполярная перепись населения 1926 г. учла на реке Таловке четыре кочевые юрты, пять мужчин в возрасте от 18 до 59 лет, всего же здесь жили 21 чел. В хозяйствах имелось пять оленьих нарт, но только в одном был рыболовный инвентарь — сеть. Зато все имели охотничьи принадлежности — ружья и капканы. Богатые пастбища осваивали недавно пришедшие сюда эвены.

В 1930-х гг. с большими организационными трудностями на территории КНО шла коллективизация. Были созданы колхозы и товарищества по совместному выпасу оленей. Позже получила развитие новая форма хозяйствования — оленеводческие совхозы. Одним из самых крупных в 1940-х гг. был оленесовхоз «Пенжинский». За несколько лет поголовье в нём значительно возросло. Учитывая ограниченность пастбищ, 9 июля 1941 г. Корякский окрисполком решил разукрупнить оленесовхоз на два: «Пенжинский» и «Таловский». Первым директором совхоза «Таловский» стал Александр Карпович Гречнёв.

В статье «Таловка: прошлое и настоящее», опубликованной в районной газете «Полярная звезда», об этом рассказано так: «Несколько семей пришли из Слаутного и остановились у притока реки. С собой они пригнали два табуна оленей. Вырыли одну боль-

шую землянку, здесь все и поселились. Плотники В. А. Беков и Икавав принялись за строительство домиков. Им помогали все — валили лес, подвозили его на оленях. Несколько коряков установили юрты, в одной из которых жил и первый директор совхоза А. К. Гречнёв. С каждым годом Таловка расстраивалась. В самом большом здании разместилась школа, где занимались ученики четырёх классов. Занятия вели учительница Анна Васильевна и её муж, в двух других комнатах был интернат со столовой, четвёртую часть здания занимала контора совхоза».

А вот что вспоминал известный оленевод Н. И. Тынетегин: «Люди из сёл Манилы, Слаутное приехали помогать строить село Таловка. Были трудности в строительстве. Не было тракторов, стройматериалов. Всего стояло две юрты — у отца и у Этекьева. Постепенно, в 1946 г. уже начали строить землянки. Их было две, жили семь семей. Мы, дети, помогали, собирали ветки, сушили мох, им утепляли. В это время директором совхоза был Александр Карпович Гречнёв. Построили две землянки для жилья. Строили такие люди, как Василий Алексеевич Беков. Он очень старался, пытался делать кирпичи, ему помогали многие люди. Во время строительства домов помогали пилить доски Алексей Тумутум, Анатолий Икавав, Алеляки. Когда начали строить домики, нужно было возить брёвна на оленях. Весной делали плоты и сплавляли большие тополя по реке до села. Я мальчишкой помогал. В 1948—1949 гг. появилась лошадь — жеребец Мальчик, на нём тоже возили брёвна для строительства. Очень было трудно строить село. В 1950-х гг. начали возить продукты на оленях. Из сёл Манилы, Усть-Пенжино привозили по 5–10 грузовых нарт продуктов, мешки сахара, муки. Делали грузовые нарты, потом начали делать якутские нарты, заготовки для них сушили почти два года. Нужно было иметь алыки, для этого не хватало верёвок. Каждый оленевод обучал семь-восемь ездовых оленей для перевозки груза. За хорошее обучение премировали. Когда начали возить продукты, стало легче пережить зиму. Уже нет людей, которые первыми строили село, спрашивать не у кого. Эти люди работали без выходных и отпусков. Первые бригадиры: Николай Данилович Тынельхут, Алексей Эмилиут».

В 1944 г. совхоз имел два табуна оленей. Первыми оленеводами были Сергей Кияв, Пётр Элаллы, Семён Тынельхут, Иван Хечгикиовав, Николай Долган, Валерий Оле, Иван Кечгилхут, Иван Энпин. В 1945 г. государству сдано 250, в 1971 г. — уже 3 940, а в 1975 г. — 4 249 ц мяса.

25 ноября 1944 г. решением Пенжинского райисполкома № 149 в Таловке был открыт врачебный пункт на три койки. 20 ноября 1945 г. в селе образован сельсовет.

В 1947 г. в Таловку пригнали двух лошадей и шесть коров. Так было положено начало молочному животноводству, первой дояркой стала К. И. Ульвевна.

18 июня 1953 г. решением Пенжинского райисполкома № 92 в оленесовхозе открылась сберегательная касса, а 29 января 1955 г. Камчатский облисполком решением № 25 постановил открыть здесь почтовое отделение.

В 1960 г. в Таловке появился первый трактор, к 1986 г. механический парк включал 33 штуки тракторов, вездеходов и машин.

Село быстро росло и развивалось. «Полярная звезда» опубликовала материал «Проекты для Таловки», где отмечалось: «В филиале Хабаровского института “Промпроект” разработаны проекты зданий промышленного и культурно-бытового назначения для оленеводов совхоза “Таловский”. Важное значение для оленеводов имеют проекты новой пекарни с суточной нормой выпечки хлебных изделий до одной тонны, 12-квартирного жилого дома, клуба на 150 мест... В завершающей стадии находится и проект новой дизельной электростанции».

Оленеводы совхоза в сложных условиях тундры добивались высоких результатов. Трудной была зимовка 1974 г., около 500 телят оказались на грани гибели. Посоветовались пастухи, решили начать подкормку. В тундру привезли более 20 т комбикорма, 1,5 т жира. Отбили слабых телят к старым ездовым оленям. Два-три пастуха отлавливали ослабевших животных, кормили жиром морского зверя и после окончания корализации угоняли с ездовыми на пастбища недалеко от своих палаток. Так удалось избежать потерь. Только звено № 4 (звеньевой И. В. Энпен) сохранило около сотни оленей.

В начале 1970-х гг. построена птицеферма. В 1975 г. получено 82 200 яиц, в 1979 г. — уже 181 000.

В 1979 г. совхоз вышел на первое место в районе по оленеводству. Призовые места также завоевали птичники А. А. Михневич, звеньевые Н. Э. Анале, И. С. Эйтевтегин, Л. А. Аккен. Занявших призовые места в районном соцсоревновании занесли на районную Доску почёта и наградили почётными грамотами. Селяне не только ударно работали, но и занимались спортом. В этом же году на соревнованиях в беге с палкой победил Александр Кителъхут, а Сергей Дьяконов — в национальной борьбе. Звеньевой 6-го звена Сергей

Райтын обошёл соперников в оленьих гонках, а звеньевой 1-го звена Николай Анале — в метании чаута.

Районная газета сообщала: «В центре села открылась новая просторная столовая со всем необходимым оборудованием, подсобными помещениями, душем для работников. Для малолетних таловчан большой радостью стали каток и снежная горка. Об этом позаботились взрослые, соорудив их в день субботника».

В 1979 г. совхоз продал государству 4 946 ц мяса при плане 4 100. Молока получено 451 ц вместо 380. Удой на фуражную корову составил 3 341,8 кг при норме в 2 925, или 114 %. Яиц продано 181 тыс. штук при плане 100 тыс. Только за счёт качественного мяса совхоз получил 258 тыс. руб. сверхплановой прибыли.

Среди нагульных коллективов 1-е звено Н. Э. Анале из 2 278 оленей сдало средней упитанностью только 46, остальных животных — высшей категорией. Второе звено, возглавляемое И. С. Эйтевтегиным, также добилось высоких показателей: 98,9 % мяса сдано высшей категорией. Средний сдаточный вес оленя составил 83,8 кг. На начало года в совхозе имелось 14 420 оленей, в том числе 56 % важенков. Благодаря повседневному нёлегкому труду таких оленеводов, как И. Я. Тынанковав, С. Е. Эвьява, В. В. Брагин, Ю. С. Кавата, Ю. П. Хотынто, В. Н. Тьтнетегин, В. Х. Хутегин, М. Н. Ивковав достижения совхоза постоянно росли. Лучшими руководителями звеньев были бригадиры Л. А. Аккен, А. Х. Омрувье.

К 1980-м гг. в селе работали сельсовет, школа, детсад, больница, почта, медпункт, магазин, пекарня, радиостанция, Дом культуры, библиотека, сберкасса, коммунальное хозяйство, электростанция, аэропорт. В 1986 г. численность КРС достигла 45 голов, было 34 лошади. Сенокосные угодья занимали 100 га, всего заготавливали до 100 т сена и 60–80 т силоса.

Всесоюзная перепись населения 1979 г. учла здесь 367 чел., в 1994 г. жителей было 557. 7 августа 1995 г. совхоз «Таловский» преобразован в государственное племенное хозяйство по выращиванию северных оленей.

Усть-Хайрюзово, селение, расположенное в устье реки Хайрюзово, впадающей в Охотское море. В. Н. Тюшов в конце XIX в. застал в устье речки Рангтоваэм, впадающей в Хайрюзовскую речку, недалеко от устья, летовья камчадалов. Селение Хайрюзово находилось значительно выше по реке. Тюшов сообщает: «Этот промысел (морского зверя. — В. Б.) важен и так постоянен, что у хайрюзовцев на правом берегу устья реки имеется несколько балаганов с юртою,

так называемое летовье, называемое *Чклин*». Вариант перевода этого слова с ительменского языка — *Место, где ныряют нерпы*. Действительно в питании и торговом обмене хайрюзовцев нерпа играла большую роль. Только в 1876 г. они добыли 235 особей.

В. П. Кусков считал, что как населённый пункт Хайрюзово «возникло между 1923 и 1925 г.». Приполярная перепись 1926 г. учла здесь всего 28 чел. Через десять лет, к 1937 г., численность населения выросла до 181 чел.

Архивные документы сообщают о том, что здесь «появился населённый пункт — Хайрюзовский аэропорт, где была погранза-става. Для рабочих-сезонников построили общежитие и столовую. В 1930-х гг. многие сезонные рабочие стали оставаться в Усть-Хайрюзово, для них строили вначале бараки, затем дома» [ГАКК. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 80. Л. 1].

В 1934 г. здесь действовала радиостанция, связывавшая Усть-Хайрюзово с областным центром и морскими судами. В 1938 г. открылся авиамаршрут Петропавловск — Усть-Хайрюзово, в аэропорту ещё раньше появилась метеостанция. К 1940-м гг. основным предприятием в селении был рыбоконсервный завод, работали школа, детские ясли, фельдшерский пункт, почта.

В предвоенные годы для обеспечения работников завода продуктами первой необходимости было создано подсобное хозяйство, где организовано стадо КРС и стало развиваться свиноводство, имелся гужевой транспорт и конюшня. В годы Великой Отечественной войны сельчане выращивали картофель, турнепс, капусту.

В конце 1950-х гг. стал развиваться активный промысел рыбы донных пород на судах типа РБ-80, позже МРС-225. В 1960 г. в селе числилось уже 230 дворов и 657 жителей. В 1962 г. население составляло 1 117 чел., из них 934 русских, 17 ительменов, 59 метисов и один эвен. В начале 1960-х гг. начал деятельность колхоз «Красный Октябрь».

Районная газета «Знамя Ленина» 17 января 1968 г. рассказывала о работе Усть-Хайрюзовского отделения связи (начальник В. В. Иванов). Оно выполнило годовой план по доходам на 117,6, по подписке — на 106,9, по рознице — на 100 %.

В 1974 г. на рыбоконсервном заводе стали использовать в зимнее время привозное сырьё — скумбрию. Это позволило предприятию работать круглогодично. В этом году жилой фонд села насчитывал 9 100 кв. м. Работали средняя школа с интернатом, больница, двое яслей, два клуба, библиотека, шесть магазинов, две столовые, пекарня, почтовое отделение, сберкасса.

В 1980 г. численность населения достигла 1 712 чел. В 1990-х гг. начался быстрый отток людей. В 2012 г. их осталось 909 чел. Сегодня в селе работают несколько рыбоперерабатывающих предприятий, где трудятся как местные жители, так и сезонные рабочие. Здесь есть несколько магазинов, средняя школа-интернат, церковь, больница, почта, Дом культуры и аэропорт.

Уташуд, селение всего из несколько строений. Слово *Уташуд*, видимо, имеет айнское происхождение. По версии представителей камчатских айнов, его можно перевести как *водное пространство, предмет в воде или на воде*. Слова *Ташуд* или *Ташир* обозначают горсть чего-то твёрдого, например песка или камней.

На карте, изданной гидрографической службой ВМФ в 1956 г., на юго-восточном побережье Камчатки севернее устья реки Вестник обозначено селение Уташуд. Названо по одноимённому острову, расположенному в 4 км от берега. На острове обитают большие колонии птиц — чайки, топорки и другие.

Директор Камчатского областного краеведческого музея археолог А. К. Пономаренко в 1990-х гг. проводил раскопки на Южной Камчатке для исследования вопроса о пребывании здесь айнов. В статье в «Краеведческих записках» (1993) по поводу стоянки Уташуд он отметил: «Поверхность террасы во многих местах имеет разрушения почвенного чехла: многочисленные траншеи, ходы сообщения полного профиля, блиндажи, участки, разработанные бульдозером, огороды, врезанная в пологий склон террасы дорога». И далее, не указывая даты, сообщает: «Здесь когда-то был населённый пункт Уташуд. Сейчас в юго-восточной части террасы расположен наблюдательный пункт Камчатрыбвода».

На карте 1944 г. это селение отсутствует. Видимо, здесь одно время дислоцировалась воинская часть, решавшая задачи обороны полуострова. В ноябре 1952 г. на остров высадились члены экспедиции по изучению результатов цунами. Они определили, что высота волны достигала здесь 9 м. О селении учёные не упоминают.

Ушки, селение. *Ушки* — это изменённое на русский лад ительменское слово *Ус-кыг*. В ительменском языке оно имеет несколько значений, в данном случае, видимо, — *Сухая речка*. Недалеко от устья одной из таких рек и располагалось камчадалское селение Ушки. Рядом с ним, примерно в 4 км вверх по течению, находится известное на Камчатке Ушковское озеро — ранее крупное нерестилище лососей. Впервые озеро исследовал и описал участник экспедиции Ф. П. Рябушинского гидролог В. Н. Лебедев.

В районе урочища Ушки к берегу Камчатки выходят заросли лиственницы, пригодной для судостроения. Именно поэтому здесь в начале XVIII в. было решено заготовить лес и построить первый на полуострове морской корабль — бот «Святой архангел Гавриил».

Участник экспедиции В. Беринга мичман П. Чаплин записал в своём журнале: «1728 г. марта числа 10-го прибыли в урочище Ушин, где команды нашей мастеровые люди готовят лес к строению бота, и тут ночевали...» Судно строили под руководством ученика ботового дела Ф. Козлова. Оно имело длину 18,3, ширину 6,1 и осадку 2,3 м. На постройку казна затратила 1 837 руб. 63 коп. Это судно сыграло важную роль в освоении Северо-Востока Азии.

Побывавший в Ушках в 1788 г. француз Ж. Лессепс ещё застал здесь юрты-полуземлянки: «В сей деревне была одна изба и 11 балаганов, число жителей состоит из пяти фамилий, разделённых на три юрты». Немецкий путешественник А. Эрман, посетивший селение в сентябре 1829 г., обнаружил здесь «жизнь камчадалов в первоизданном виде». В 1882 г. английский натуралист Ф. Г. Гиллмард сообщал: «Селение Ушковское насчитывало всего 13 обитателей», но в этом числе учтены только мужчины. Кроме указанных выше путешественников, селение неоднократно посещали русские офицеры, учёные и чиновники.

Расстояние между Ушками и селением Ключевским по действовавшему тогда тракту определялось в 69 вёрст [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105. Л. 9об.]. Ушковским каюрам приходилось зимой преодолевать его на собаках чтобы везти всех проезжающих. Летом им легче не становилось, так как надо было на батах «протолкаться» с помощью шестов по реке Камчатке туда и обратно. Это отрицательно сказывалось на ведении их хозяйства, так как на «каюрную гоньбу» уходило много времени, особенно летом, а домашние дела оставались несделанными. Так продолжалось несколько десятков лет, пока в начале 1820-х гг. между Ушками и Ключевским не возникло новое селение — Кресты, куда переселили несколько семей крестьян из села Ключевского. Каюрный маршрут после этого сократился на 30 вёрст.

Ушки неоднократно переносилось. Первоначально оно располагалось на правом берегу реки Камчатки. Затем река сильно подмыла берег, где раскинулось селение. Жители были вынуждены перебраться на левый берег, двумя верстами выше, на то место, где в середине XIX в. побывал К. Дитмар. В то время здесь жили всего 48 чел., выходцы из острожка Каменного, переселённые сюда начальниками Камчатки П. И. Рикордом и А. В. Голенищевым.

В 1868 г. от Авачинской губы до Ушков считалось 553 версты, здесь стояли всего шесть домов, жили 11 мужчин и 10 женщин. Имелась православная часовня.

По данным 1876 г., Ушки населяли 19 мужчин и 21 женщина, грамотным из них был всего один. В селении было 36 построек: семь домов, 14 амбаров, восемь балаганов, шесть стай и одна баня. В 1891 г. в Ушках имелось семеро детей, грамоте обучались три мальчика и четыре девочки. В 1896 г. детей было шестеро, но учился только один мальчик. Перепись 1897 г. учла здесь 57 чел.

Затем селение снова вернулось на правый берег. К началу XX в. оно имело простую по архитектуре часовню, где время от времени служил священник из Ключевской Троицкой церкви.

В селе жили несколько семей, носивших исконно камчадалские фамилии, — Варгановы, Докучаевы, Жировиковы, Клочевы, Ощепковы, Тюменцевы. Мужчины занимались охотой и рыболовством, женщины возделывали огороды, выполняли работу по дому. В 1894 г. на 43 жителя было собрано 7 пудов конопли, 15 пудов картофеля, пять пудов репы. Неоценимыми помощниками в хозяйстве селян были лошади. На каждую семью приходилось по две коровы. В 1908 г. исследователь В. Бианки застал здесь «девять домов, пять батов и 10 кауров».

31 мая 1923 г. по указанию Усть-Камчатского райревкома был составлен акт передачи здания часовни обществу верующих. Тогда в наличии имелось следующее церковное имущество (сохранена стилистика документа): «один молитвенный дом, то есть часовня (длина 12 аршин 8 вершков, ширина 7 и три четверти аршина, вышины 4 аршина 4 вершка). При часовне находится две ризы со всем облачением, один сосуд для причащения, один антиминс шолковый, один крест подзолотью, одна книга Евангелия подзолотью, три полушали шолковые, 16 икон медных, 37 икон бумажных, один трёхсвечник медный, пять подсвечников маленьких медных, один подсвечник большой, белого металла, одно кадило белого металла, четыре лампы большие белого металла, пять лампад маленьких медных, одно паникадило, 12 подсвечников белого металла, одна пара хоругвей на холсте, пять ковров... 13 книг богослужебных, один чайник медный, одна печь из цинкованого железа, одна кружка медная, один колокол пудовый, один трезвончик пятифунтовый».

В 1927 г. в селении жили 45 мужчин, 18 женщин и 34 ребёнка. В этом году жители заготовили 40 500 рыб лососёвых пород, содержали 175 зверовых и ездовых собак.

В 1930 г. в долине реки Камчатки работала землеустроительная партия, заставшая в Ушках 17 хозяйств и 63 жителя. По итогам исследований власти решили дополнительно переселить сюда 162 чел. Но в 1933 г. хозяйств стало ещё меньше — всего 13, а жителей — 96 чел. По социальному положению они делились так: 61 бедняк, 26 середняков, три кулака и шестеро служащих. По национальному составу: 45 русских, 50 камчадалов, один кореец.

Здесь, как и в других сёлах, был создан небольшой колхоз. Уже в 1935 г. было намечено посадить 6 га картофеля, 1 га капусты и 0,2 га турнепса. Частники засадили овощами 1,5 га.

Первые годы деятельности колхоза характеризовались следующими показателями: в 1935 г. в нём имелось 10 лошадей, семь голов КРС, одна свинья и пять собак; в 1936 г. — 11, 8, 2 и 4 соответственно; в 1938 г. — 9, 9, 28 и 10; в 1939 г. — 13, 11, 27 и 13.

21 августа 1940 г. «Камчатская правда» сообщала: «Село Ушки меняет свой облик. Здесь имеются изба-читальня, начальная школа, которая недавно отремонтирована и полностью подготовлена к учебному году. В селе население организовано в колхоз “Заветы Ильича”. Колхозникам передано на вечное пользование по государственному акту около трёх тысяч гектаров земли. С каждым годом увеличивается посевная площадь. В этом году колхоз засеял 6 га картофеля, 1 га капусты, зерновые культуры. В селе строится магазин, большой скотный двор».

Развивать сельское хозяйство на Камчатке в 1940 г. прибывали переселенцы из Поволжья. Несколько их семей поселилось в Ушках, но существенного влияния на хозяйственную деятельность колхоза они не оказали.

В Ушковской начальной школе учились не только дети колхозников, но и ребята из посёлка Ушковского рыбоводного завода, пущенного в эксплуатацию в 1928—1930 гг. На заводе трудились семьями, а все семьи были многодетными, поэтому школа всегда была полна. Учителями здесь работали как выпускники Петропавловского педучилища, так и специалисты, приехавшие из западных областей СССР.

В 1942 г. доярка колхоза «Заветы Ильича» Екатерина Александровна Дубинина заняла первое место в социалистическом соревновании Усть-Камчатского района. Она надоила сверх плана 5 432 л от четырёх коров. При задании 900 надои у неё на каждую корову составили 2 258 л. Дубинина выработала за год более 220 трудовых, в счёт дополнительной доплаты ей зачтено 3 565 л.

Ещё в 1930 г. рядом с Ушками возник совхоз имени Отдельной Краснознамённой Дальневосточной армии, впоследствии переименованный в совхоз «Козыревский». Позже новый населённый пункт был назван Майским. За несколько десятков лет новое хозяйство, имеющее специалистов, оснащённое тракторами и другой техникой, поглотило маленький ушковский колхоз, и на его основе возникло отделение совхоза.

В начале 1960-х гг. в ходе кампании укрупнения мелких сёл Ушки были закрыты. Они исключены из списка населённых пунктов Камчатской области 14 февраля 1964 г. Жители переселены в соседние сёла и посёлки. С географической карты навсегда исчезло ещё одно камчатское село...

Хаилино, село. С. Н. Стебницкий приводит его название на языке местных жителей — *Хайылынон*. В. П. Кусков считал, что село «возникло в 1932 г. при оленесовхозе». Возможно, что название является искажением корякского “*хайиль-инын*” — *маленькая (короткая) шея*.

Архивные документы подтверждают названную дату: «В 1932 г. возникло село Хаилино Олюторского района при оленесовхозе, в приспособленной землянке открылась школа 1-й ступени», — сообщает издание «Корякский округ. Даты. События. Факты».

На карте, приведённой в книге И. С. Гурвича и К. Г. Кузакова «Корякский национальный округ», селение обозначено как Хайлино.

В 1967 г. здесь побывал писатель С. Баруздин, автор книги «Край земли — моя Камчатка»: «Хаилино — центральная усадьба Корфского оленеводческого хозяйства, табуны которого насчитывают более 11 тыс. оленей». В присутствии писателя была открыта детская площадка. В это время в селе жили 794 чел., имелось 90 дворов.

Вот что рассказывал о перспективах развития села председатель сельсовета камчадал Иннокентий Иннокентьевич Красильников: «В этом году новых десять домов будет построено. Школу закладываем, больницу... Столовая, магазин у нас есть — хорошие. Юрт нет. Вернее есть, но так, больше для удовольствия...»

Больших личных трудовых успехов в середине 1960-х гг. добились бригадиры совхоза Михаил Велюлю, Иван Коммо, Степан Татхо, Анатолий Гугульгин.

Окружная газета «Корякский коммунист» 4 января 1968 г. в материале «Новосёлы хаилинских “Черёмушек” — оленеводы» сообщала: «Шесть жилых домов появились в этом году в “Черёмушках” села Хаилино Олюторского района. В некоторых из них уже

справили новоселье семьи оленеводов. Готов к сдаче и дом № 29. С отчётом об итогах года вернутся скоро в село пастухи, и сельские строители передадут им ключи от нового жилья. Наряду со сдачей жилых домов и культурно-бытовых объектов юбилейного года, строители произвели закладку фундаментов ещё десяти жилых домов для оленеводов Корфского совхоз, а также школы на 80 мест. Отличными трудовыми достижениями ознаменовали юбилейный год бригадир плотников Хаилинского строительного участка Владимир Викторович Никитин, вожак штукатуров Галина Шимановская, строители Любовь Фёдорова, Галина Зими́на, шофёр Николай Зайцев, плотники Иван Васильевич Бодунов, Михаил Иванов и другие».

«Камчатская правда» 3 июля 1977 г. писала: «Как и все оленеводческие посёлки и сёла Камчатки, Хаилино стоит у воды — на берегу Тылга-Ваяма, притока Вывенки. Тылга по-чукотски — чешуя, ваям — река. Большинство домов в Хаилине — одноэтажные, на двух-трёх хозяев. Дома под черепицей, железом, аккуратные, тёсом обитые, покрашенные в любимые на Камчатке цвета — голубой и светло-зелёный. Есть здесь и двухэтажные дома. Хаилино — село оленеводческое, центральная усадьба совхоза “Корфский”. Живут в селе чукчи, эвены, коряки, русские украинцы, башкиры, дагестанцы и азербайджанцы... Более двадцати тысяч оленей в хозяйстве... Вот-вот закончится отделка ещё одного двухэтажного здания — школы-восьмилетки, которая в будущем станет десятилеткой».

В другом материале «Камчатская правда» 24 декабря 1978 г. сообщала: «Сейчас Хаилино — центральная усадьба совхоза “Корфский”. Совхоз — одно из немногих хозяйств Корякского автономного округа, где полностью решена проблема кадров в оленеводстве. Совсем недавно, несколько лет назад, жители Хаилино начали выращивать картофель. И сейчас даже при неблагоприятных погодных условиях получают неплохие урожаи этой культуры. Есть в Хаилино ферма крупного рогатого скота и птицеферма. Дойное стадо здесь небольшое — всего 24 коровы... В селе Хаилино есть Дом культуры, три магазина, библиотека, больница, школа-интернат. Недавно сдано в эксплуатацию здание быткомбината, успешно идёт строительство новой школы-интерната».

По переписи 1979 г., в селении жили 900 чел., в 1994 г. число обитателей несколько увеличилось, достигнув 996 чел. В 2025 г. в селе насчитывалось около 500 чел.

Хаилино — родина самобытного корякского художника, собирателя фольклора коренных народов Севера Кирилла Васильевича Килпалина.

Острожек Авача. Материалы первой русской кругосветной экспедиции

Ачайваям. Строительство нового дома, 1968 г. [ККОМ НВФ 3189]

Верхние Пахачи, 1952 г. [КОКМ ОФ 34730/22]

Каменское. Юрты оседлых коряков. Материалы Охотско-Камчатской горной экспедиции 1895—1898 гг. [ККОМ НВФ 3246/1]

Каменское, школа-юрта. Зима 1939 г. [ККОМ НВФ 4232]

Каменское, школа. Апрель 1979 г. [ККОМ НВФ 4696]

Камчадалки селения Облуковино. Н. В. Слюнин «Охотско-Камчатский край»

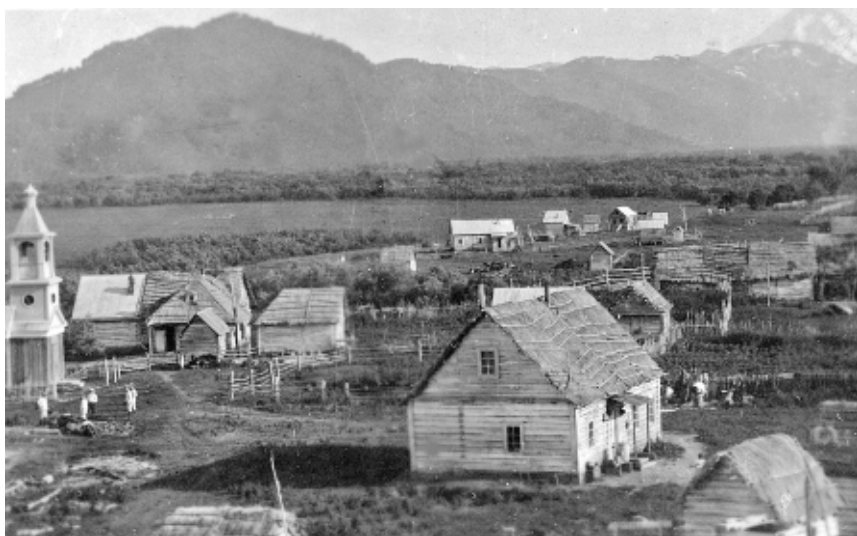
Палана, 1936 г. [ЖКОМ НВФ 3813]

Палана, 1975 г. [ЖКОМ НВФ 1414]

Паратунские горячие ключи. Старинная гравюра

Паратунка, 1916 г. Фото И. Е. Ларина [ККОМ Ф 4264]

Паратунка. Семилетняя школа, 1959 г. [ККОМ НВФ 2989]

Шумный, посёлок. В. П. Кусков сообщает: «Возник в 1940 г. как сельскохозяйственная ферма Озерновского рыбокомбината. Назван в связи с расположением на реке Шумной». Река Шумная — приток реки Озерной. Расстояние отсюда до посёлка Озерновского — 10 км.

Старожилы говорят о другой дате основания. По их словам, начало строительства было положено в 1932 г. Видимо, только в 1940 г. населённый пункт получил административный статус.

Зоотехник сельхозфермы Озерновского комбината А. Ларионова в заметке «Старожилы дальнего посёлка» (газета «Ударник», январь 1966 г.) рассказала о начале строительства посёлка: «Далеко в стороне от больших дорог затерялся неприметный посёлок Шумный. Нелегко до него добраться, особенно в распутицу, да и зимой, после пурги сюда ни пройти, ни проехать...

Далеко за пределами посёлка известна фамилия нашего ветерана труда Михаила Яковлевича Мельника. Среди жителей Шумного, работников сельхозфермы Озерновского рыбокомбината, Михаил Яковлевич пользуется непререкаемым авторитетом. Человек, проживший большую, нелёгкую жизнь, был среди тех, кто в 1932 г. закладывал первый сруб будущего посёлка Шумный. “Треть века прошла, — рассказывает Михаил Яковлевич, — а помню, будто вчера это было: долго выбирали подходящее место для будущей фермы. Самым удобным оказалось это.

Поставили несколько жилых домов, построили скотник. Людей было мало, приходилось самим и лес заготавливать, и плотничать, и все другие работы делать. Постепенно перевезли сюда небольшое стадо коров, а со временем занялись и овощеводством. Хотя всё делали вручную, но урожая хватало для собственных нужд”».

Шумный исключён из списка населённых пунктов Камчатской области 21 февраля 2006 г. Хотя, по официальным данным, сейчас здесь проживают около 20 чел., а бывший населённый пункт относится к межпоселенческой территории.

Ягодное, бывшее село Карагинского района. Существовало недолго, находилось недалеко от мыса Горбатого.

В «Лоции Берингова моря», изданной в 1938 г., отмечалось: «Население острова Карагинского состоит из нескольких семейств кочевых нымыланов общей численностью до 75 чел. Кроме того, имеется ещё русское население на тресколовных базах в бухте Ложных Вестей и у мыса Горбатого... На острове некоторое время

формально числились два селения: Ягодное — недалеко от мыса Горбатого и Островное — в бухте Ложных Вестей. Но они просуществовали недолго».

На карте Камчатки 1946 г. селение обозначено как рыбная база, находившаяся в устье небольшой речки.

Архивный документ сообщает: «В селе Ягодном острова Карагинского из северного смешанного товарищества организован колхоз “Новое товарищество”. В 1940 г. переименован в рыболовецкий колхоз Имени 10-летия национальных округов».

На деле официальное название «Ягодное» было присвоено только 8 апреля 1958 г. решением Карагинского районного исполнительного комитета № 72.

Решением Карагинского райисполкома № 141 от 30 сентября 1964 г. селение ликвидировано. Оно исключено из списка населённых пунктов Камчатской области 7 февраля 1975 г.

Источники

1. *Алексеев А. И., Морозов Б. Н.* Освоение русского Дальнего Востока, конец XIX века — 1917 г. — М., 1989.

2. *Бергман Стен.* По дикой Камчатке. — Петропавловск-Камчатский, 2000.

3. *Браславец К. М.* Диалектологический очерк Камчатки. — Южно-Сахалинск, 1968.

4. *Богоявленская А. П.* Топонимический словарь коряков севера Тигильского района. — Петропавловск-Камчатский, 2020.

5. Воспоминания камчадалов и старожилов Камчатки. Век двадцатый / Сост. В. И. Борисов. — Петропавловск-Камчатский, 2007.

6. *Гаврилов С. В.* Маленькие камчатские истории. — Петропавловск-Камчатский, 2002.

7. Геологическими маршрутами Камчатки. Т. 1—3. — Петропавловск-Камчатский : Санкт-Петербург, 1999.

8. *Громов П.* Историко-статистическое описание камчатских церквей. — Петропавловск-Камчатский, 2000.

9. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. Ч. 1. — СПб., 1901.

10. *Диков Н. Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. — М., 1977.

11. За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.). — Петропавловск-Камчатский, 1957.

12. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма (XVII век — февраль 1917 года). — М., 1991.

13. Камчатская область в годы Великой Отечественной войны / Сборник документов и материалов о трудовом подвиге камчатцев в 1941—1945 годах. — Петропавловск-Камчатский, 1975.

14. *Кашинцев Б.* Камчатка — край перспективный. — Петропавловск-Камчатский, 1973.
15. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке (сборник архивных материалов) / Под ред. Я. П. Алькора и Л. К. Дрезена. — Л., 1935.
16. Корякский округ. Даты. События. Факты / Сост. Т. М. Хелол, В. Т. Броневиц, В. А. Мышляев. — Петропавловск-Камчатский, 2018.
17. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — СПб., 1994.
18. Лоция Берингова моря. Восточный берег Камчатки от мыса Лопатка до мыса Олюторского и Командорские острова. Ч. 1. — Гидрографическое управление РККФ. — Б. м., 1938.
19. *Прозоров А. А.* Экономический обзор Охотско-Камчатского края. — СПб., 1900.
20. Материалы по обследованию Охотско-Камчатского побережья 1925 года. — Хабаровск, 1925.
21. *Мартыненко В.* Камчатский берег: историческая лоция. — Петропавловск-Камчатский, 1991.
22. Материалы по статистике Камчатской губернии. — Хабаровск, 1925.
23. Обзор Камчатской области за 1912 год. — Петропавловск-на-Камчатке, 1912.
24. *Огрызко И. И.* Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII — начало XX в.). — Л., 1973.
25. Отчёт Камчатского окружного ревкома. — Петропавловск-Камчатский, 1928.
26. Очерки истории Камчатской областной партийной организации (1917—1985 гг.). — Петропавловск-Камчатский, 1986.
27. *Рыбаковский Л. Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет. — М., 1990.
28. Трудовой подвиг жителей Корякского округа в годы Великой Отечественной войны / Сост. Т. М. Хелол, В. Т. Броневиц. — Петропавловск-Камчатский, 2020.
29. История Чукотки. — М., 1989.
30. *Сафронов Ф. Г.* Русские на Северо-Востоке Азии в XVII — середине XIX в. — М., 1978.
31. *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке // Морской сборник. № 5—8. — СПб., 1869.
32. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край. Ч. 1—2. — СПб., 1900.
33. *Унтербергер П. Ф.* Приморский край: 1906—1910 гг. — СПб., 1912.
34. *Флеров В. С.* Строительство советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке. — Томск, 1964.
35. *Червянский Н. Н.* Краткий обзор Камчатской области за 1919 год. — Петропавловск-на-Камчатке, 1919.
36. *Шмитц П. Ю.* Зоологический отдел. Экспедиция Ф. П. Рябушинского. — М., 1916.
37. Камчатская правда. Комплекты за 1939—1988 гг.

38. Полярная звезда. Комплекты за 1967—2000 гг.
39. Ударник. Комплекты за 1942—1973 гг.
40. Корякский коммунист. Комплекты за 1964—1968 гг.

М. С. Гаврик

Книгу — в массы!

18 февраля 1974 г. была образована одна из самых массовых организаций СССР — Всесоюзное добровольное общество любителей книги. Его отделения открылись по всей стране, в том числе и на нашем полуострове. Некоторые сведения о деятельности Камчатского областного отделения Добровольного общества любителей книги РСФСР (далее — ДОК) и о культурных событиях периода 1974—1987 гг. можно почерпнуть из документов фонда Р-776 Государственного архива Камчатского края.

Днём рождения Камчатского общества книголюбов считается 20 июня 1974 г., когда состоялась областная учредительная конференция, поддержавшая устав Всесоюзного общества любителей книги. На конференции присутствовали 70 делегатов. Председателем правления был избран Лаврентий Иванович Курганов, в то время начальник управления издательств, полиграфии и книжной торговли облисполкома.

В докладе «О задачах Добровольного общества любителей книги и о проекте устава общества» он дал достаточно высокую оценку состоянию книгораспространения и книгоиздания на Камчатке к 1973 г.: «К услугам книголюбов Камчатки предоставлены 370 библиотек, 30 книжных магазинов, 46 киосков, более 140 домов культуры и клубов... С каждым годом растёт товарооборот по книжной торговле. Облкниготорг за последние два с половиной года открыл дополнительно четыре книжных магазина, расширив свои рамки и в Корякский национальный округ... Многое сделано по удовлетворению спроса детского покупателя...

Отдельно хочется остановиться о книгораспространении в сельской местности. Камчатский Облрыболовпотребсоюз обслуживает книгами 185 тыс. чел. Продажа книг осуществляется в 98 населённых пунктах. С 1965 г. Облрыболовпотребсоюз переведён на централизованное снабжение печатными изданиями и получает литературу от центральных баз Союзкниги, Росглавкниги. Населённые пункты, отдалённые от магазинов, а также в период полевых работ в совхозах

в Елизовском и Корякском рыбокоопх, обслуживаются книгами через автолавки» [1].

Среди недостатков отмечены низкий уровень пропаганды чтения, неизученность литературного спроса, слабая материально-техническая база книжной торговли в сёлах. На устранение этих недостатков и была направлена вся дальнейшая деятельность организации.

Материальную базу ДОК составляли денежные средства, поступавшие от уплаты вступительных и добровольных взносов индивидуальных и коллективных членов, сборы от проведения платных культурно-массовых мероприятий, распространения билетов, марок, значков.

На ежегодных заседаниях президиума правления изучался и обобщался опыт работы районных и первичных организаций по пропаганде книги, составлялись годовые планы работы отделений, разрабатывались методические рекомендации по проведению мероприятий. Нередко правление общества организовывало командировки по районам области для проведения совещаний, встреч с работниками книжных магазинов, комсомольским и партийным активом. Областное правление также регулярно проводило учёбу как штатных сотрудников, так и активистов ДОК — народных киоскёров, общественных распространителей, библиотекарей, руководителей клубов книголюбов.

По данным первого отчёта по работе правления отделения, уже к 1975 г. в Камчатском обществе любителей книги состояли 2 750 чел.; само общество включало два городских, одно окружное, 11 районных отделений и 192 первичные организации, объединявшие около трёх тысяч членов ВОК.

Коллективными членами являлись 147 предприятий истроек, госучреждений, совхозов, колхозов, воинских частей (среди них завод «Фреза», Горпищеторг, Петропавловская ТЭЦ, комбинат «Камчатстройматериалы», Камчатское морское пароходство, рыбный и торговый порты, другие). В Камчатской области работали 10 клубов книголюбов, 14 народных книжных магазинов и киосков, пять школьных кооперативов [2].

Общество ставило перед собой такие цели [3]:

1. Пропагандировать книгу среди трудящихся, содействовать распространению политических, научных и технических знаний. Прививать любовь к литературе и интерес к познанию богатств книжного мира; активно влиять на формирование читательских вкусов, способствовать повышению культуры чтения.

2. Оказывать помощь издательствам, книготорговым организациям в совершенствовании издания и распространения литературы, библиотекам, клубам и домам культуры — в пропаганде литературы.

3. Содействовать организации более интенсивной оборачиваемости литературы и книгообмена, включая личные собрания книголюбов.

Отделения ДОК активно включились в организацию и проведение по всей области всевозможных массовых мероприятий. Как видно из ежегодных протоколов конференций и отчётов отделений, мероприятий действительно было очень много, они охватывали различные возрастные категории и интересы читателей, касались как политических, так и культурных событий страны.

1975—1977 гг.: «Совместно с Облкниготоргом в Петропавловске была проведена выставка общественно-политической литературы... В Елизово проведён городской конкурс чтецов, посвящённый XXV съезду КПСС, городская конференция книголюбов, семинар общественных библиотекарей... Проведён месячник по скупке букинистической литературы, при подведении итогов месячника была организована встреча с поэтом Юлием Арбитжером и были поощрены лучшие распространители первичных организаций» [4].

1978—1980 гг.: «С 15 по 25 февраля в городе состоялась Декада книги, посвящённая 60-летию Вооружённых Сил СССР. Прошли встречи с ветераном войны И. А. Клименковым, В. Д. Бубениным, с директором Музея боевой славы Н. Стариковым... В этой организации (совхоз «Заречный». — М. Г.) проведены литературные вечера, посвящённые 110-летию со дня рождения М. Горького, 160-летию со дня рождения И. С. Тургенева, детские утренники, посвящённые творчеству Н. Носова, В. Драгунского... В первичной организации центральной районной больницы и в поликлинике проведена читательская конференция по книгам Л. И. Брежнева “Малая земля” и “Возрождение”... Школьники области включились в практическую работу по сохранности школьных учебников “Живи, книга!”... Книголюбы области вели пропаганду лучшей русской и советской литературы. Отмечались юбилеи А. А. Грина, А. П. Чехова, М. Исаковского. Эти даты отмечались в клубах книголюбов, были проведены городские вечера, организованы лекции с привлечением творческой интеллигенции... Важное значение в пропаганде книги сыграл смотр домашних библиотек, в котором приняли участие более 100 чел.» [5].

1981—1983 гг.: «Особо знаменательное событие — впервые прошедший на Камчатке зональный семинар молодых литерато-

ров Сибири и Дальнего Востока и праздник книги “Решения XXVI съезда КПСС — в жизнь”. В нём приняли участие 50 литераторов, на трёхдневном празднике побывало более 10 тыс. книголюбов... Петропавловская городская организация провела мероприятие “Навеки вместе”, посвящённое 1 500-летию г. Киева, где на выставках были представлены книги писателей братских республик из личных библиотек книголюбов; около 45 первичных организаций города приняли участие в празднике книги “Дружба народов — дружба литератур”... Агиттеплоход “Корчагинец” провёл во Владивостоке две встречи с вьетнамскими школьниками и от имени камчатских книголюбов вручил им памятные книги — альбомы о Камчатке» [6].

1986—1987 гг.: «Налажена совместная работа с областной организацией Союза художников СССР. Ежемесячно проводятся выставки работ камчатских художников в зале отдела искусств областной библиотеки... Совместно с обкомом комсомола, писательской организацией, Облкниготоргом, отделами народного образования и культуры приняли участие в проведении Всесоюзной недели детской и юношеской книги.

Были организованы многочисленные встречи с писателями, литературные викторины и конкурсы, беседы о книгах, обзоры, выставки и распродажа книг...

В первичных организациях области традицией стало проведение совместно с книготорговыми предприятиями праздников книги в связи с профессиональными праздниками: День рыбака, строителя, учителя и т. д. К этим праздникам готовятся тематические выставки книг из личных библиотек, специальные выпуски стенгазет, стенды, проводятся выставки детского рисунка, обзоры книги, распродажа художественной литературы... Большое внимание было уделено работе с детскими домами и школами-интернатами, безвозмездно переданы книги, организованы встречи с писателями, прочитаны лекции» [7].

Значительное место в деятельности общества занимали клубы книголюбов, их открывали при книжных магазинах, на предприятиях, в учебных заведениях, библиотеках. Среди клубов — «Прометей», «Эврика», «Олимп», «Факел» (г. Петропавловск-Камчатский), «Современник» (пос. Светлый, Козыревск), «Парус», «Искорка» (г. Елизово), «Буревестник» (пос. Заречный), «Уйкоаль» (пос. Сокоч), «Что, где, когда?» (пос. Усть-Камчатск), «Колко-кро» (пос. Ключи), «Гармония», «Радуга» (с. Тигиль), «Собеседник», «Эльф» (любителей фантастики, с. Эссо), «Эрудит» (с. Корф), «Чидудей» (с. Вывенка), «Товарищ» (Алеутский район) и другие.

Для участников клубов устраивались заседания, приуроченные к литературным датам, встречи с интересными людьми — фронтовиками, передовиками производства, старожилами, краеведами, писателями; проводились беседы о новинках литературы местного издательства, обзоры серий личных библиотек, тематические книжные выставки. Здесь же книголюбыв могли обменяться нужными книгами.

«Участники клуба “Юные друзья книги” в средней школе № 10 под руководством педагога Светланы Парыгиной “лечат” книги, заботятся о бережном отношении к учебнику и организуют увлекательные вечера, на которых встречаются с героями сказок, изучают историю родного города» [8].

«Клубы объединяют как взрослое население, так и учащихся школ и профтехучилищ. Заслуживает внимания работа клуба “Дзержинец” при библиотеке Усть-Камчатского района. В совет клуба входит инспектор детской комнаты милиции т. В. П. Ямпольский, старший библиотекарь ЦРБ И. П. Проклева, ответственный секретарь районной организации книголюбыв С. В. Кириченко. Направленность клуба — пропаганда среди учащихся правовых знаний» [9].

Обширную работу по пропаганде книги всегда проводили библиотеки области. Для привлечения новых читателей и содействия их патриотическому и эстетическому воспитанию сотрудники посещали предприятия и учебные заведения, где проводили обзоры литературы — художественной, общественно-политической, краеведческой, естественно-научной, медицинской. Организовывали экскурсии, во время которых знакомили читателей со справочным аппаратом библиотеки и правилами пользования им. Регулярными были книжные выставки к знаменательным датам.

«Большая задача возложена на библиотеки как важнейшие участки идеологической работы. Библиотеки призваны пропагандировать и разъяснять политику нашей партии и государства. Большая пропаганда литературы проводилась к 50-летию Карагинского района, ко дню рождения В.И. Ленина, к сессиям Верховного Совета СССР, особенно в период обсуждения Конституции СССР, к выборам в местные Советы» [10].

С 1976 г. (и по сей день) по инициативе ответственного секретаря правления Камчатского отделения ДОК В. М. Овчинникова и Камчатской областной библиотеки начали проводиться Крашенинниковские чтения (первые прошли в Мильковском районе), задачей которых была определена популяризация знаний в области

экономики, истории, географии, экологии, этнографии Северо-Востока России и нашего полуострова в частности. В них принимали участие вулканологи, геологи, краеведы, сотрудники библиотек, музеев, институтов. Наряду с Крашенинниковскими проводились и Беринговские чтения.

Стоит отметить, что на просьбы отделений ДОК весьма охотно откликались камчатские литераторы — для них открывалась отличная возможность напрямую взаимодействовать с читателями, слышать от них откровенные отклики о своём творчестве. Не раз участвовали во встречах руководитель писательской организации Н. В. Санеев, писатели В. П. Кудлин, В. А. Золотов, Е. В. Гропянов, В. П. Пустовит, Б. П. Агеев, Н. С. Данилов, А. С. Злыднев, Е. П. Кузин и многие другие.

Выезжали на встречу с рыбаками на суда и в открытое море В. И. Науменков, В. А. Варно, Н. Т. Стариков. Выступали перед детской аудиторией Ю. А. Пшонкин, А. А. Овчинникова, Ю. Ф. Манухин. Авторы делились литературными планами, зачитывали стихи и отрывки из своих произведений. Популярными среди книголюбов были премьеры (большие и малые) книг земляков, среди них — «Тепло полярного сияния» Е. И. Сигарёва, «Рог вожака» В. В. Коянто, «Пламя снегов» В. И. Лихно, «Пролетье» Е. А. Коптева, «Утро земли» А. Г. Власова, «Необыкновенные сюжеты» Р. С. Моисеева, «Вулканы и жизнь» вулканолога Е. К. Мархицина, «По вулканам и горячим источникам Камчатки» краеведа В. И. Семёнова.

«Большой праздник книги состоялся в пос. Тиличики в октябре 1977 г. На праздник были приглашены члены Союза писателей Р. Райгородецкий, Н. Сидоров» [11].

«В Карагинский район выезжали поэт Г. Поротов и режиссёр театра юного зрителя Егоров. Они встретились с коллективами в посёлках Оссора, Карага, Кострома» [12].

«240-летию города был посвящён литературный вечер “Премьера альманаха «Камчатка»”, в котором приняли участие Л. Пасенюк, В. Дудко, большинство писателей, живущих на Камчатке... С большим успехом прошла в сентябре в Олюторском и Пенжинском районах декада камчатской литературы, проведённая совместно с писательской организацией. Жители познакомились не только с творчеством писателей Н. Рыжих, Н. Санеева, Г. Поротова, В. Коянто, Н. Кабушкина, но узнали и о первом корякском писателе К. Кеккетыне, познакомились с творчеством самобытного художника К. Килпалина» [13].

Группа писателей во время литературной декады, посвящённой 50-летию
Корякского автономного округа. Олюторский район, 1980 г. Справа налево:
Г. Г. Поротов, В. В. Косыгин (Коянто), Л. А. Чайка (заведующий отделом
пропаганды и агитации Камчатского обкома КПСС, Н. В. Санеев
[КОКМ ОФ 34495/73]

Е. И. Сигарев на премьере своего поэтического сборника «Пламя
снегов» в Камчатской областной библиотеке, 1981 г.
[ГАКК. Ф. Р-335. Оп. 1. № 7566]

Встреча работников Камчатского ДОК и книготорга с работниками пищекомбината, 1976 г. [ГАКК. Ф. Р-335. Оп. 1. № 7058]

Писатель В. А. Варно на встрече с читателями
[ГАКК. Ф. Р-335. Оп. 1. № 9188]

С конца 1970-х гг. получило распространение движение под лозунгом «Личную библиотеку — на службу общества!» — некоторые владельцы личных библиотек предоставляли для чтения свои книги в общественное пользование.

Также из книг, которыми делились жители области, формировали библиотечки для экипажей рыболовецких судов, оленеводов в табуны, геологических партий, таёжных метеостанций, воинских частей и пограничных застав, работников предприятий самых отдалённых уголков Камчатки. В 1981 г. около 500 собранных книг были отправлены в пострадавшие от стихийного бедствия районы Сахалина, в 1986-м — в фонд библиотеки г. Душанбе, пострадавшей от землетрясения.

Ещё одна форма пропаганды книги и знаний — лекционная. Почти во все районы из областного центра выезжали активисты общества с сообщениями различной тематики: краеведение, искусство, поэзия, правоведение, военно-патриотическое воспитание и прочие. Например, «Толстой — книголюб» (кандидат искусствоведения Б. Ф. Сушков), «Маяковский и советская литература» (кандидат филологических наук Г. Г. Кравченко), «Экспедиция Витуса Беринга» (старший библиограф Н. И. Захарова), «Об открытии, заселении и освоении Камчатки» (старший научный сотрудник краеведческого музея В. Н. Малюкович), «Молодёжь — главный объект буржуазной пропаганды» (ассистент кафедры русского языка А. Н. Бадаев), «Юго-Восточная Азия глазами туристов» (старший научный сотрудник ТИНРО Д. И. Чугунков), «Проблемы семьи и брака при социализме» (кандидат философских наук М. Л. Разумев). В начале года всем первичным организациям высылались плакаты с тематикой лекций. В организации лекционной работы ДОК опирался на опыт Всесоюзного общества «Знание».

Деятельность и мероприятия отделений общества регулярно освещались в местных средствах массовой информации. Особенно активными отмечались газеты «Камчатская правда», «Камчатский комсомолец», «Рыбак Камчатки», «Ленинское знамя». В Елизово и Усть-Камчатске ежеквартально выходил радиоальманах «Книголюб», в Карагинском районе шла радиопередача «У книжной полки». В Петропавловске работал (до 1985 г.) телевизионный «Клуб камчатских книголюбов» с постоянными рубриками «Новости общества книголюбов», «Твоя домашняя библиотека», «Литературная викторина», «Советы владельцам домашних библиотек»; передачи вёл член Союза писателей СССР Евгений Сигарёв.

Традиционными были смотры-конкурсы на лучшую пропаганду книг в средствах массовой информации, проводимые совместно с Союзом журналистов СССР.

Для увеличения книжных продаж на предприятиях, стройках, в учебных заведениях, учреждениях открывали так называемые «народные киоски» — в них люди могли приобрести литературу непосредственно на месте. Здесь же создавались уголки по приёму заказов — так изучался читательский спрос. Книжные магазины выделяли полки литературы повышенного спроса в обмен на букинистику.

«В Петропавловске-Камчатском по линии общества создано 19 народных киосков, которые за прошедший 1976 г. продали литературы на сумму 20 тыс. руб. Киоски оказывают большую помощь в распространении не только художественной, но и специальной и общественно-политической литературы» [14].

Традиционными были книжные ярмарки накануне учебного года, выезды книжных лавок в воинские части и на предприятия области, на поля в дни сбора урожая.

Будет неверным представлять деятельность Камчатского ДОК только исключительно с положительной стороны. Надо понимать, что основная работа проводилась силами настоящих энтузиастов книжного дела, работающих на общественных началах. Активисты общества поощрялись подписными изданиями, книжными подарками, денежными премиями, грамотами, но далеко не всегда можно было отыскать людей, готовых тратить своё личное время и силы и брать на себя дополнительную нагрузку. В ежегодных отчётах можно видеть, какие проблемы вставали перед руководством общества:

«Областное правление принимает меры к тому, чтобы активизировать работу районных отделений... В отдалённые районы в силу погодных условий трудно выбраться, а поскольку председатели и ответственные секретари там на общественных началах, то отдача от них весьма незначительная» [15].

«К сожалению, в своей работе нам приходится сталкиваться с такими руководителями, которые не только не содействуют организации всесторонней политико-воспитательной работы, но даже препятствуют созданию условий для работы с людьми. Отрицательно относятся, в частности, к созданию организаций Добровольного общества книголюбов и формулируют своё отношение вопросом: “А что оно даст мне — ваше общество?”» [16].

«Слабо у нас ведётся работа по привлечению школьников к пропаганде и распространению книг, печатных изданий. В этом должны

быть заинтересованы как общества книголюбов школ, так и торгующие организации, чего, к сожалению, у нас нет... Пропаганда нашей лекционной деятельности ведётся плохо. Необходимо в ближайшее время разослать во все предприятия города и Елизово темы лекций, плакаты, программы. Тогда и заказов будет поступать больше» [17].

«В городской организации наблюдается снижение количества первичных организаций и коллективных членов. Это объясняется разочарованием людей, неудовлетворением требований, предъявляемых нашему обществу. В 1980 г. задолженность за первичными организациями по городу составила 1 300 руб.» [18].

«Создать коллективные организации мне не удалось. Пыталась я провести работу по этому вопросу в совхозе. Директор совхоза отказал. Сказал, что общество добровольное и в это общество мы вступать не будем, так как уже вступили в общество охраны памятников истории и культуры» [19].

И всё же, несмотря на то, что за все годы работы далеко не все замыслы Камчатского областного отделения Добровольного общества любителей книги РСФСР были исполнены, в целом его деятельность заслуживает высокой оценки за значительный вклад в дело популяризации на Камчатке литературы и приобщение широкой общественности к книжной культуре.

Источники

1. ГАКК. Ф. Р-776. Оп. 1. Д. 1. Л. 23—26.
2. Там же. Д. 5. Л. 1—3.
3. Там же. Д. 1. Л. 18—19.
4. Там же. Д. 5. Л. 9.
5. Там же. Д. 31. Л. 2, 22, 27; Д. 34. Л. 31.; Д. 47. Л. 8, 10.
6. Там же. Д. 72. Л. 3; Д. 73. Л. 13.
7. Там же. Д. 156. Л. 1, 4—5.
8. Там же. Д. 16. Л. 4.
9. Там же. 119. Л. 7.
10. Там же. Д. 18. Л. 77—78.
11. Там же. Л. 31.
12. Там же. Д. 60. Л. 10.
13. Там же. Оп. 1. Д. 47. Л. 9.
14. Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
15. Там же. Д. 5. Л. 9.
16. Там же. Д. 34. Л. 25.
17. Там же. Д. 40. Л. 7—8.
18. Там же. Д. 47. Л. 4.
19. Там же. Д. 18. Л. 8.

О первой сейсмостанции на Камчатке
(по страницам архивного фонда)

Камчатский край — самый сейсмоопасный регион нашей страны. Знаменитый исследователь Степан Петрович Крашенинников, посвятивший несколько лет жизни изучению полуострова, никак не мог обойти вниманием такое грозное природное явление, как землетрясение. Именно его перу принадлежат первые документально зафиксированные упоминания о «земли трясениях», произошедших в 1737 г.:

«Октября 6 числа пополудни в третьем часу началось трясение, и с четверть часа продолжалось волнами так сильно, что многие камчатские юрты обвалились, и балаганы попадали. Между тем учинился на море ужасный шум и волнение, и вдруг взлилось на берега воды в вышину сажени на три, которая ни мало не стояв збежала в море и удалилась от берегов на знатное расстояние. Потом вторично земля всколебалась, воды прибыло против прежнего, но при отлитии столь далеко она збежала, что моря видеть невозможно было. В то время усмотрены в проливе на дне морском между первым и вторым Курильским островом каменные горы, которые до того никогда не виданы, хотя трясение и наводнение случалось и прежде. С четверть часа после того спустя последовали валы ужасного и несравненного трясения, а при том взлилось воды на берег в вышину сажен на 30, которая по-прежнему ни мало не стояв збежала в море, и вскоре стала в берегах своих колыбаясь чрез долгое время, иногда берега понимая, иногда убегая в море. Пред каждым трясением слышен был под землею страшной шум и стенание... Пополудни в седьмом часу, было в Нижнем Камчатском остроге такое сильное земли трясение, что многие Камчатские жилища попадали, печи в казачьих избах рассыпались, у церкви колокола зазвонили, и самую тамошнюю новую церковь, которая построена из толстого лиственничного лесу, так распатало, что брёвна из дверных колод и из пазов совсем вон вышли, а продолжалось оно с перемежкой до самой весны 1738 году, однако гораздо легче прежнего» [1].

В конце XIX в., с изобретением первых сейсмографов, начался период инструментальных сейсмологических наблюдений. В 1893 г. вышел в свет научный сборник, где был представлен перечень землетрясений, произошедших в мире начиная с 696 г. Вошли туда

и сведения о Камчатке. Приведём одно из них: «793. В том же [1791] году 4-го (15) апреля в 6 час. вечера в Нижнекамчатске было столь сильное землетрясение, что человеку было трудно устоять; многие старые дома были повреждены, печи разселись, несколько труб обрушилось и колокола звонили сами собою...» [2].

По инициативе Бориса Борисовича Голицына, русского физика и геофизика, одного из основоположников сейсмологии, в Российской Империи началось строительство сети сейсмических станций. Безусловно, Камчатка без внимания не осталась. В КГКУ «Камчатский государственный краевой архив» имеется на хранении фонд Р-372 «Петропавловская сейсмическая станция». Фонд совсем небольшой — в нём всего 179 страниц старых документов, их часть написана от руки карандашом. Однако даже из этих крупиц можно почерпнуть интересные сведения об образовании и работе (увы, недолгой) первой сейсмостанции.

На второй странице представлена копия письма (отзыва) председателя бюро Центральной сейсмической комиссии Санкт-Петербурга академика Б. Б. Голицына губернатору Камчатской области В. В. Перфильеву, датированного 19 апреля 1911 г. (здесь и далее цитируется в соответствии с современным правописанием): «Стремясь к всестороннему изучению сейсмических явлений в империи, Центральная сейсмическая комиссия при Императорской Академии наук должна была, естественно, остановить своё внимание на Камчатке — единственной области в России, в которой и поныне не угасла ещё вулканическая деятельность, сопряжённая, как известно, с землетрясениями своеобразного характера и распространения. Предполагая одну из разрешённых законом 17 июля 1910 г. десяти сейсмических станций 2-го разряда учредить на Камчатке, скорее всего в г. Петропавловске, как центре культурной жизни губернии, Центральная комиссия имеет честь обратиться к вашему превосходительству в надежде на ваше просвещённое содействие в предпринимаемом деле» [3].

Далее следовало разъяснение, что станция должна располагаться в тихой местности, а для наблюдения за приборами — завода часовых механизмов, смены бумаги на барабанах, фиксирования записи на листах — необходимо назначить наблюдателя («достаточно интеллигентное лицо»), который будет ежедневно в заранее выбранный час посещать помещение станции и «проделявать необходимые несложные манипуляции». В его обязанности также вменялась периодическая отсылка в бюро Центральной сейсмической комиссии сейсмограммы и «поверка местного времени с помо-

щью простых приёмов несложным астрономическим (пассажным) прибором». Все расходы по сооружению и дальнейшему содержанию здания станции, оснащению её необходимыми приборами и инструментами, а также обеспечение наблюдателя жалованием в размере 300 руб. в год бюро принимало на себя [4].

Приказом губернатора Камчатской области от 6 июня 1914 г. № 102 была назначена комиссия в составе областного инженера титулярного советника Багинова, инспектора Афанасьева, инженера Линтера и петропавловского уездного начальника надворного советника Леха для определения места возведения сейсмостанции. Выбрали его в соответствии с рекомендациями — «вне людных улиц и базаров, вдали от усиленного движения» — на реке Поганке в районе радиостанции (сегодня — улица Радиосвязи, участок между домами № 9 и 15). Из описи здания сейсмостанции: «Здание из железобетона с каркасом из балок с арматурой, состоит из комнаты аппаратной и прихожей размером 1,83 на 2,25 на 1,00 на 1,15 при высоте 1,15 сажень... Полы бетонные, с метлахскими плитам» [5].

Б. Б. Голицын в числе прочего писал губернатору Камчатской области: «Просим вас передать от имени сейсмической комиссии полнейшую признательность областному инженеру И. С. Багинову, который с величайшей добросовестностью и полным бескорыстием отнёсся к постройке сейсмической станции, руководствуясь единственно желанием оказать содействие новому культурному начинанию» [6].

Здание сейсмостанции было сдано 8 октября 1914 г., заведование ей возложено на чиновника радиотелеграфа Александра Антоновича Пурина. Сейсмографы со всеми необходимыми к ним принадлежностями, пятью экземплярами инструкции по установке приборов и сейсмометрическими таблицами были высланы из Петрограда 13 октября 1914 г. «малой скоростью во Владивосток в Приморское областное правление». (Дубликат накладной также есть среди документов фонда.) 28 марта 1915 г. 16 ящиков весом 68 пудов прибыли во Владивосток и были выданы Владивостокской метеорологической обсерватории. Та, в свою очередь, отправила груз в Петропавловск пароходом Добровольного флота «Томск», о чём в письме камчатскому губернатору отчитался директор обсерватории С. Д. Грибоедов.

Что находилось в этих 16 ящиках, можно узнать из «Описи инструментам, высланным на сейсмическую станцию»: два сейсмографа со штативами стоимостью 440 руб., два регистрационных аппарата с двумя запасными барабанами к ним (440 руб.), контактные

часы (260 руб.), 1 500 листов бумаги для сейсмограмм (запас на два года, 27 руб.), три элемента Лекланше (батарей. — М. Г.) с запасом нашатыря и цинков — (7 руб.), три фунта звонковой проволоки (2 руб. 70 коп.) [7].

Приборы прибыли в Петропавловск в мае 1915 г. Их установили, настроили, работа закипела, но вскоре выяснилось, что здание станции в первоначальном виде непригодно для снятия показаний. Во время дождей вода просачивалась через потолок, зимой стены и пол покрывались льдом, помещение сильно отсыревало. Поставили переносные железные печи, они беспрерывно работали, отапливая комнату, «но это меняло ход приборов». Прекратили отапливать — вновь появилась сырость, «отчего гуммиарабик не склеивает бумагу, копоть получается скверно, и не всегда перо её снимает... даже на смазанных вазелином местах [приборов] появляется ржавчина» [8].

Не прекращая наблюдений, срочно приступили к перестройке здания, завершившейся к ноябрю 1915 г. Вокруг первоначальной постройки соорудили своеобразный чехол в виде крытой галереи из железа и листовенницы, установили дренажную и дымовые трубы, крышу сделали отлогой. «Благодаря любезности инженера Линтера (заведующего радиостанцией. — М. Г.) аппараты были разобраны, очищены от ржавчины и им же вновь отрегулированы, определены время колебания и трение пера. Станция, наконец, к удовольствию нашему, будет работать нормально», — докладывал А. А. Пурин в бюро Центральной сейсмической комиссии [9].

Первая сводка о зафиксированном землетрясении была отправлена в Петроград Б. Б. Голицыну телеграммой 18 июля 1915 г.: «Сегодня час тридцать три ночи гринвичского продолжении часа сейсмографы отметили колебания почвы, максимум амплитуды 24 мм, затем сдвинуло магниты, максимум не отмечен» [10]. Эту дату можно считать временем начала работы первой сейсмической станции на Камчатке.

Хорошо сохранились аппаратные журналы станции с декабря 1915 по май 1917 г. Видно, что велись они аккуратно — записывались номера сейсмограмм, время пуска и остановки приборов. В графе «Примечание» делались приписки, касающиеся работы приборов и наблюдений за землетрясениями, например: «Толчок сопровождался гулом», «Чистка приборов», «Расхождение в точности времени свыше 5 секунд», «Исправление электромагнита» и т. п. [11].

Стоит отметить, что условия и возможности наблюдателей тех лет значительно отличались от современных. Сейсмические стан-

ции 2-го разряда оборудовались тяжёлыми горизонтальными маятниками системы Голицына с механической регистрацией. Они могли обеспечить отчётливую запись удалённых землетрясений и поверхностных волн. Для регистрации близких землетрясений эти сейсмографы оказались малопригодными.

Тем не менее, наблюдатель А. А. Пурин исправно выполнял всё, что было в его силах, и регулярно отправлял сейсмограммы в бюро Центральной сейсмической комиссии, что подтверждается документально. Предполагалось даже наладить научную переписку: «Иркутская магнитно-метеорологическая обсерватория обращается к вам с просьбою по возможности полнее сообщить ей о землетрясениях, ощущавшихся в вашем районе за время с 1 января 1917 г., и о тех явлениях, которыми они сопровождались... Обсерватория будет вам очень благодарна, если вы, не ограничиваясь ответом на данную просьбу, войдёте в число её постоянных корреспондентов и будете сообщать ей о каждом землетрясении в вашем районе. Директор А. В. Вознесенский» [12].

Однако планам не суждено было сбыться. Конец наблюдениям на Петропавловской сейсмостанции положила прозаическая причина — отсутствие спирта, использовавшегося как фиксаж — закопчённые сажой сейсмограммы закрепляли раствором светлого шеллака или канифоли в спирту. В архиве сохранилось обращение А. А. Пурина к камчатскому губернатору Н. В. Мономахову, датированное 23 апреля 1916 г.: «Ввиду отсутствия в г. Петропавловске очищенного спирта, необходимого для зафиксирования сейсмограмм, и ввиду неизбежного из-за этого перерыва работы по исследованию сейсмической деятельности в Камчатской области покорнейше прошу ваше превосходительство разрешить мне выписать с первым отходящим из Владивостока пароходом восемь вёдер очищенного хлебного спирта крепостью 95 градусов» [13].

В апреле 1918 г. Пурин уведомил исполком Петропавловского городского Совета рабочих и крестьянских депутатов: «...Имею честь сообщить, что разрешённый мне к выписке в 1917 г. спирт мною не получен ввиду отсутствия такового во Владивостоке, и таковым я до сих пор пользовался из магазинов Петропавловска по мере надобности» [14]. В мае того же года: «...Прошу срочно отпустить просимое количество спирта (одно ведро. — М. Г.), ибо за отсутствием проявителя станция не работает. Если по каким-либо личным соображениям спирт отпущен быть не может, прошу принять от меня приборы» [15].

М. Н. П.

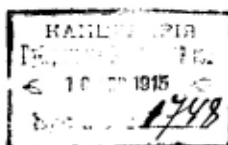
ИМПЕРАТОРСКАЯ
АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

ПОСТОЯННАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ
СЕЙСМИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ.

Адресъ:
Академія Наукъ.
Физическая лабораторія.

23 октября 1914 г.

Господину Камчатскому Губернатору.

Директоръ Владивостокской Обсерваторіи С.Д.Грибоѣдовъ уведомилъ Сейсмическую Комиссію объ окончаніи строительныхъ работъ по сооруженію сейсмической станціи въ Петропавловскѣ на Камчаткѣ и о сдачѣ зданія ^{исходящ} ~~помощи~~ ^{ему} ~~свидѣн~~наго радиотелеграфу г.Пурину.

Вслѣдствіе изложеннаго, Сейсмическая Комиссія прежде всего считаетъ своимъ долгомъ просить Ваше Превосходительство принять выраженіе глубокой благодарности за просѣненное содѣйствіе къ учрежденію важнѣйшей по своему географическому положенію сейсмической станціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сейсмическая Комиссія покорнѣе проситъ Васъ передать отъ ея имени полнѣйшую признательность областному инженеру М.С.Багинову, который съ величайшей добросовѣстностью и полнымъ безкорыстіемъ отнесся къ постройкѣ сейсмической станціи, руководствуясь единственно желаніемъ оказать содѣйствіе новому культурному начинанію.

Сейсмографы со всеми необходимыми къ нимъ принадлежностями упомянутыми въ прилагаемой описи высланы изъ Петрограда 13-го с.октября малой скоростью во Владивостокъ въ Приморское областное правленіе на имя Вашего Превосходительства. Пропроводя при семъ дублировать наклѣпной, Комиссія проситъ распоряженія о дальнѣйшемъ направленіи инструмен-

Письмо академика Б. Б. Голицына камчатскому губернатору Н. В. Мономахову, 1914 г. [ГАКК. Ф. Р-372. Оп. 1. Д. 1. Л. 6]

Здание первой сейсмической станции на Камчатке
[ГАКК. Ф. Р-372. Оп. 1. Д. 1. Л. 24об.]

ТЕЛЕГРАММА			
Плата	РРБ. КОП.	Петроград	Передана
Время		1838	10 ч. м. 19.12.19
Итого	РРБ. КОП.	№ 7/12	Принято
Разреш.	Платеж	ПОДАНА	Служебные отметки:
48	18	8	4
Князю Голицыну Академик наук Петроград. Сегодня часе тридцати три ночи Землетрясение продолжилось наша Сей- смограф отобьет колебание почвы максимум амплитуды 1023 двадцать четыре миллиметра с ветром на запад вырвал до трех раз емкость датчик сдвинул магнит максимум не отбьет. Надета отбьет восток наклонный штифт Сейсмограф доселен почтой Капитана Муромца			

Первая сводка об отмеченном землетрясении в Петропавловске, 1915 г.
[ГАКК. Ф. Р-372. Оп. 1. Д. 1. Л. 38]

Просьба удовлетворена не была, о чём свидетельствует «Приёмодаточная опись сейсмической станции 2-го разряда в Петропавловске-на Камчатке в районе радиостанции», где после списка описанного имущества указано: «По настоящей описи имущество сдал наблюдатель Пурин. По настоящей описи имущество принял наблюдатель А. С. Асаевич» (служащий радиотелеграфа) [16].

С 1918 по 1922 г. сейсмостанция не действовала. 24 августа 1922 г. был составлен «Акт осмотра Петропавловской сейсмографической станции», подписанный инспектором Петропавловского высшего начального училища П. Т. Новограбленовым и командиром корабля «Свирь» лейтенантом С. В. Куровым: «Вследствие четырёхлетнего бездействия сейсмическая станция пришла в несколько запущенное состояние... Для приведения сей станции в действие необходимо следующее: а) произвести полную переборку и чистку всех частей и механизмов обоих сейсмографов; б) по установке их после переборки и чистки произвести тщательную проверку работы инструментов; в) отремонтировать крышу погреба; г) углубить канаву кругом станции; д) отпустить одно ведро чистого спирта; е) приобрести 10 фунтов шеллаку; ж) ассигновать на производство переборки и проверки инструментов, на ремонт крыши и канавы до 100 руб. золотом; з) ассигновать заведующему Петропавловской радиостанцией 25 руб. золотом в месяц за сейсмические наблюдения из местных средств, не ожидая ассигнований от Владивостокской морской обсерватории» [17].

Обязанности по приведению сейсмостанции в порядок возлагались на А. С. Асаевича. Но и в последующие три года приступить к работе не удалось. Об этом свидетельствует ответ Асаевича на запрос вице-президента Академии наук СССР академика В. А. Стеклова и заведующего сейсмическим отделом П. М. Никифорова от 20 апреля 1924 г. о состоянии станции: «...Штативы приборов, маятники и фундамент имеют перекос. Необходимо выложить одну голландскую печь, с наступлением тепла штативы должны выровняться, после чего, установив маятники, возможно возобновить работу» [18].

Будет уместно отметить, что, несмотря на непростое положение в стране, и на Камчатке в частности, в 1920-е гг. (гражданская война, смена власти, разруха), интерес к развитию такой науки, как сейсмология, не ослабевал. Сохранилось обращение И. Е. Ларина (в то время заместителя председателя Камчатского губревкома) в губернский отдел народного образования от 1925 г.: «Срочно назначьте наблюдателя сейсмической станции, просить кружок по

изучению Камчатки при партпрофклубе выдвинуть наблюдателя. Осмотреть станцию и приборы» [19]. На заседании Камчатского губревкома 17 июля 1925 г. было решено руководство наблюдениями на сейсмостанции возложить на преподавателя школы 2-й ступени Прокопия Трифоновича Новограбленова. Примечательно, что на обороте выписки из протокола заседания есть приписка Новограбленова карандашом: «Постановить — постановили, а денег не отпустили. 20 июля 1925 г.» [20].

И всё же ему удаётся наладить работу станции. Из протокола её осмотра от 22 мая 1928 г., составленного П. Т. Новограбленовым: «Приборы станции в общем исправны, исключая часов. Посылать их во Владивосток не нужно. Чистка их легко выполнима здесь, на месте. Павильон надо подремонтировать; удаление мусора, пыли, покраска стен, завалить дёрном крышу, выкопать канаву. Часы отдать в ремонт, проводку сделать» [21]. На исполнение этого он запрашивает 62 руб. 50 коп. и их получает, что подтверждает выписка из протокола № 18 заседания Камчатского окружного революционного комитета: «Постановили: п. 4. Отпустить по смете секретариата ОРК 62 руб. 50 коп. из ассигнований на непредвиденные расходы» [22].

Регистрация землетрясений возобновилась в конце мая 1928 г., о чём свидетельствует ответ председателя Камчатского краеведческого общества М. И. Каплана директору Дальневосточной краевой геофизической обсерватории П. И. Колоскову: «С 24 мая [1928 г.] сейсмографы, после чистки и регулировки, пущены и теперь идут, не останавливаясь, правда, пока без часов. Всем делом по станции (чистка, регулировка, смена лент и фиксация сейсмограмм) руководит член общества Новограбленов. Общество смогло найти лишь 62 руб. 50 коп. на мелкие текущие расходы по станции. Средств нет» [23].

Менее чем за год П. Т. Новограбленов отправил 90 записей в адрес сейсмической станции «Владивосток». Её заведующий А. С. Уланов, назначенный куратором сейсмостанции «Петропавловск», вёл с ним активную переписку, высылая указания по работе, наподобие таких: «Многоуважаемый Прокопий Трифонович! В дополнение к своему письму от 24 мая с. г. хочу обратить ваше внимание на следующее: 1) как я уже писал, желательно наладить суточные записи приборов, если, конечно, это возможно, 2) в журнале сейсмограмм вы видите, что листы чередуются: один отправной, другой постоянный. Сделано это для того, чтобы наблюдатель при записях мог получить сразу два экземпляра, из которых отправной отправляется вместе с сейсмограммами, а основной остаётся на станции. Самую запись лучше вести химическим карандашом,

3) время следует записывать по системе 24 часа, начиная от полуночи, 4) номера сейсмограмм, дату и название составляющей лучше писать в верхнем правом углу» (письмо от 25 мая 1929 г.) [24].

О работе станции П. Т. Новограбленов также сообщал в своих заметках в камчатской газете «Полярная звезда». Например, 24 июня 1928 г.: «Три года тому назад издана инструкция для наблюдения за землетрясениями, а в текущем году пущена сейсмическая станция... 17 июня было самое значительное за неделю колебание земной коры нашего участка. Оба сейсмографа начали записывать землетрясение в 2 ч. 45 мин. дня и прекратили свою регистрацию в 4 ч. 56 мин. дня. Землетрясение продолжалось 2 ч. 11 мин., не прерываясь... Аппараты отмечают, между прочим, только горизонтальные сотрясения; все вертикальные толчки станция не может записывать, так как стоят лишь тяжёлые горизонтальные маятники системы академика Голицына (каждый маятник весит 110 килограмм)». 8 июля 1928 г.: «За время с 21 июня по 30 июня наша сейсмическая станция отметила колебания почвы 19 раз, причём все колебания носили микросейсмический характер и только одно, бывшее 22 июня, доходило до полутора баллов по шкале Росси — Фореля и ощущалось людьми, находившимися в полном покое (по 10-балльной шкале Росси — Фореля интенсивности землетрясения интервал 7–10 баллов соответствует 6–9 баллам 12-балльной шкалы. — М. Г.)... 27 июня сейсмическая станция была посещена старшим геологом профессором И. А. Преображенским».

Последнее сообщение Новограбленова в той же газете датировано 17 января 1929 г.: «13 января в 11 ч. 2 мин. дня в Петропавловске ощущалось землетрясение. Затрещали потолки, зазвенела посуда, закачались лампы, комнатные цветы. По силе землетрясение было равно 5 баллам по шкале Росси — Фореля; населением оно ощущалось немногим более минуты. Землетрясение сопровождалось небольшим подземным гулом».

Из сообщения А. С. Уланова П. Т. Новограбленову от 13 декабря 1929 г.: «В своём письме вы пишете, что наблюдения берётся вести т. Стришин (заведующий Камчатской гидрометеорологической станцией. — М. Г.)». Эта фраза подчеркнута карандашом, и рукой Новограбленова также карандашом на полях сделана приписка: «Это враки! И в мыслях этого не было» [25]. Остаётся неизвестным, кто вёл дела на станции после 1929 г. и занимался ли ею кто-нибудь вообще.

Последний документ архивного фонда — сообщение заведующего сейсмической службой А. С. Уланова от 20 мая 1930 г. —

адресовано Камчатской сейсмической станции без указания конкретного лица, а само сообщение зарегистрировано входящим номером 74 от 10 июня 1933 г. Это даёт основание предполагать, что на протяжении по крайней мере двух лет оно лежало невостребованным. При этом планом Сейсмологического института при Академии наук СССР по развитию сейсмосети на 1929—1930-е гг. предполагалось установить на станциях 2-го класса (в том числе Петропавловской) новейшую высокочувствительную аппаратуру, переоборудовав станции в региональные, то есть занимающиеся изучением местных, а не удалённых землетрясений. Отсутствие средств, территориальная удалённость — именно это, скорее всего, стало причиной того, что планам 1930-х гг. не суждено было сбыться.

Из письма А. С. Уланова П. Т. Новограбленову от 13 декабря 1929 г.: «На все мои запросы в академию о средствах для камчатской станции недавно получил неприятное во всех отношениях и для вас, и для меня сообщение: средств на 1929/30 годы не дано» [26].

Первая сейсмостанция на Камчатке была закрыта в 1933 г. Подтверждение этому мы находим в архивном фонде № 176 «Камчатское территориальное управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды», где сохранилась копия телеграммы в Хабаровский крайисполком: «Сейсмическая станция прекратила наблюдения в мае 1933 г., сейсмограф устаревшей системы Голицына в настоящее время пришёл в полную негодность по заключению экспедиции Академии наук, предполагавшей восстановить станцию в 1935 г. Необходимо поставить сейсмограф новейшей системы, также произвести капитальный ремонт пола, утерьявшего горизонтальность. Помещение станции не занято» [27].

Таким образом, первая сейсмическая станция на Камчатке существовала 19 лет — с 1915 по 1933 г. Деятельность её во многом поддерживалась благодаря усилиям настоящих энтузиастов. Новая эпоха сейсмологических наблюдений на Камчатке началась в 1940-х гг.

Источники

1. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru>k/krasheninnikow_s_p/text_0050.shtml.
2. *Мушкетов И. В., Орлов А. П.* Каталог землетрясений Российской Империи. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [geokniga.org.books/16659](http://geokniga.org/books/16659).

3. ГАКК. Ф. Р-372. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
4. Там же. Л. 2—3.
5. Там же. Л. 5.
6. Там же. Л. 6.
7. Там же. Л. 10.
8. Там же. Л. 17об.
9. Там же. Л. 26.
10. Там же. Л. 38.
11. Там же. Л. 53об., 56, 57об., 87об.
12. Там же. Л. 115.
13. Там же. Л. 79.
14. Там же. Л. 121.
15. Там же. Л. 122.
16. Там же. Л. 123.
17. Там же. Л. 124—124об.
18. Там же. Л. 125.
19. Там же. Л. 129.
20. Там же. Л. 127об.
21. Там же. Л. 138.
22. Там же. Л. 139.
23. Там же. Л. 131.
24. Там же. Л. 156.
25. Там же. Л. 163об.
26. Там же. Л. 163.
27. Там же. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

С. В. Гаврилов

Петропавловск-Камчатский в 1946 году

В 1946-м, первом году после тяжелейшей Великой Отечественной и скоротечной Советско-японской войн, в черту административного центра Петропавловского городского района, помимо собственно города, входили посёлок судоверфи и жестянобаночной фабрики Индустриальный; сёла Сероглазка, Авача, Халактырка; базы: Моховая, Ближняя и Дальняя Петропавловского совхоза. Петропавловский горрайон составляли сёла Елизово, Коряки, Хутор, Николаевка, Паратунка, Начики, Малка, Ганалы; весьма отдалённые Жупаново, Шемлячик и Виллюй, а также Авачинский рыбокомбинат. Население города и включённых в его черту пунктов достигало 36 тыс. чел. Горрайон находился в составе Камчатской области, в неё тогда входили Корякский и Чукотский национальные округа, а сама область была составной частью Хабаровского края.

Единственной относительно благоустроенной улицей Петропавловска являлась центральная — Ленинская. За исключением 11 зданий, отстроенных в годы войны (облисполком, управление госбезопасности, баня, одна из школ, морской рыбопромышленный техникум), выполненных из бетонных блоков и рваного камня, остальные городские сооружения представляли собой деревянные рубленые и в значительном количестве каркасно-засыпные строения. Их подавляющее большинство было одноэтажным, небольшое количество (около 16 %) — двухэтажными и лишь два — в три этажа. До 60 % деревянных построек были крайне изношены и требовали замены новыми. Подавляющее число зданий топились печами.

Город обслуживали три электростанции общей мощностью 1 200 киловатт, каждая имела отдельную сеть, не связанную с другими. Не считая ведомственной бани рыбного порта, имелись ещё две общей вместимостью 132 чел., способные пропустить за смену 1 200 чел. Оборудованы они были примитивно, не имели ни ванн, ни душевых. Прачечная отсутствовала, несмотря на большую в ней нужду...

Ниже в хронологическом порядке изложены различные события — политические, экономические, культурные, спортивные, уголовные, составлявшие повседневную жизнь горожан в то время.

1 января у питомцев детсадика № 1 — давно ожидаемая чудесная ёлка! «Дети пришли в костюмах. Вот эти девочки в белых пушистых платьях — это снежинки. А вот весёлые клоуны, зайчики, Снегурочка. Смеясь, дети узнавали друг друга. Но кто же волк? Еловая шишка (Тома Мамонтова) и медведь (Гера Куликов) даже обошли волка кругом, но так и не узнали, кто именно скрывается под мохнатой шубкой. Не узнали ребята и Деда Мороза. Под музыку начались весёлые игры и танцы. Дети показали, что они подготовили к ёлке. Шестилетки и пятилетки исполнили танцы “Снежинки”, “Хлопушки”, “Зайчики”. Потом дети рассказывали стихи. Валерик Осипов прочёл наизусть стихотворение “Новый год”, Галя Багайцева — “Дед Мороз”, а Лиля Мишунина — “Ёлочку”. Малыши-трёхлетки тоже показали своё искусство. Они исполнили коллективный танец “Льдинка”. Дед Мороз хлопнул в ладоши: “Дети! Я пришёл к вам из дремучего леса. У меня есть много ёлок. И домик есть. Пойдёмте смотреть моё царство”, — и отворил дверь соседней комнаты. Дети увидели лес, много-много ёлочек, занесённых сугробами. Вот и домик Деда Мороза: из окошка выглядывают